

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 5 (154) • 2023

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н.Г. ул., зд. 104, стр. 3.

Адрес редакции и издателя: 410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н.Г. ул., зд. 104, стр. 3.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».
Тел.: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490.
Размещение в каталоге периодических изданий «Газеты и журналы», в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» — на сайте www.ural-press.ru

Цена свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 28 сентября 2018 г. ПИ № ФС77-73750.

Главный редактор *В. В. Нырков*
Редактор, корректор *О. В. Мерзлякова*
Верстка *Е. С. Сидоровой*

Подписано в печать 18.12.2023. Дата выхода в свет 14.02.2024. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 26,95. Уч.-изд. л. 27,9. Тираж 950 экз. Заказ № 49.

Отпечатано в типографии издательства Саратовской государственной юридической академии. 410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н.Г. ул., зд. 104, стр. 3.

© Саратовская государственная юридическая академия, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- В. В. Нырков** кандидат юридических наук, доцент
(гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
- С. Б. Аникин** доктор юридических наук, доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. П. Анисимов** доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации)
- С. Ф. Афанасьев** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- М. Т. Аширбекова** доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации)
- В. М. Баранов** доктор юридических наук, профессор
(Нижегородская академия МВД России)
- С. А. Белоусов** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- И. В. Бит-Шабо** доктор юридических наук, доцент
(Российский государственный университет правосудия)
- А. Л. Благодир** доктор юридических наук, доцент
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)
- А. Г. Блинов** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- Д. С. Боклан** доктор юридических наук
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)
- Н. Л. Бондаренко** доктор юридических наук, профессор
(Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
- Д. Х. Валеев** доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- А. Н. Варыгин** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- Н. Д. Вершило** доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный университет правосудия)
- А. Ю. Винокуров** доктор юридических наук, профессор
(Университет прокуратуры Российской Федерации)
- Н. И. Грачев** доктор юридических наук, профессор
(Волгоградская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации)
- А. А. Гришковец** доктор юридических наук, профессор
(Институт государства и права Российской академии наук)
- Р. Ш. Давлетгильдеев** доктор юридических наук, доцент
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- Т. В. Заметина** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. В. Иванчин** доктор юридических наук, доцент
(Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова)
- О. В. Исаенкова** доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора)
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. М. Каминский** доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский государственный университет)

Н. Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
А. И. Клименко	доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)
Н. Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Г. Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Н. С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А. В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П. Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина)
Н. А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт – филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России))
Е. В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Б. Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М. Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О. С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О. М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА))
А. Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С. Ж. Соловых	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю. В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В. С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З. И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С. Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)
Л. Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И. В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА))
Б. С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

№ 5 (154) • 2023

ISSN 2227-7315

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences should be published

The founder is the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy". 410056, Saratov, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.

The address of the editorial office and publisher is 410056, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Saratov State Law Academy".
Phone: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Distributed by subscription.

The subscription index is 46490.

Placement in the Catalog of periodicals "Newspapers and magazines", in the electronic subscription catalog of GC "Ural-Press" — on the website www.ural-press.ru

The price is free.

**The electronic version is available on the official website of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" at:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>**

The journal is registered by the Permitting Department in the Field of Mass Communications of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
September 28, 2018 PI No. FS77-73750.

Chief Editor *V. V. Nyrkov*

Editor, proofreader *O. V. Merzlyakova*

Layout by *E. S. Sidorova*

Signed in print 18.12.2023. Date of publication 14.02.2024. Format 70×1081/16.

Pr. sheet. 26,95. Ed. print. 27,9. The circulation is 950 copies. Order № 49.

Printed in the printing house of the publishing house
Saratov State Law Academy. 410056, Saratov, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.

© Saratov State Law Academy, 2023

EDITORIAL BOARD

V. V. Nyrkov	Candidate of Law, Associate Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S. B. Anikin	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
A. P. Anisimov	Doctor of Law, Professor (Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) (The Presidential Academy, RANEPА)
S. F. Afanasiev	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
M. T. Ashirbekova	Doctor of Law, Associate Professor (Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) (The Presidential Academy, RANEPА)
V. M. Baranov	Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S. A. Belousov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
I. V. Bit-Shabo	Doctor of Law, Associate Professor (Russian State University of Justice)
A. L. Blagodir	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University "Higher School of Economics")
A. G. Blinov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
D. S. Boklan	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University "Higher School of Economics")
N. L. Bondarenko	Doctor of Law, Professor (International Institute of Labor and Social Relations (MITSO) (Republic of Belarus))
D. K. Valeev	Doctor of Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
A. N. Varygin	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
N. D. Vershilo	Doctor of Law (Russian State University of Justice)
A.Yu. Vinokurov	Doctor of Law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.I Grachev	Doctor of Law, Professor (Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Russian Federation)
A. A. Grishkovets	Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)
R. S. Davletgildeev	Doctor of Law, Associate Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
T. V. Zametina	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
A. V. Ivanchin	Doctor of Law, Associate Professor (Yaroslavl State University named after P.G. Demidov)
O. V. Isaenkova	Doctor of Law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A. M. Kaminsky	Doctor of Law, Professor (Udmurt State University)
N. N. Karpov	Doctor of Law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
A. I. Klimenko	Doctor of Law, Professor (Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot)
N. N. Kovaleva	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University "Higher School of Economics")
G. N. Komkova	Doctor of Law, Professor (Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky)
N. S. Manova	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
A. V. Minbaleev	Doctor of Law, Associate Professor (South Ural State University)
P. E. Morozov	Doctor of Law, Associate Professor (Moscow State Law University named after O.E. Kutafin)
N. A. Podolnyi	Doctor of Law, Associate Professor (Middle Volga Institute — branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice))

E. V. Pokachalova	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
B. T. Razgildiev	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
M. B. Razgildieva	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
O. S. Rogacheva	Doctor of Law, Associate Professor (Voronezh State University)
O. M. Rodionova	Doctor of Law, Professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
A.Yu. Sokolov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.Zh. Solovykh	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
V. S. Khizhnyak	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
Z. I. Tsybulenko	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
S. E. Channov	Doctor of Law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) (The Presidential Academy, RANEPА)
L. G. Shapiro	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
I. V. Shesteryakova	Doctor of Law, Associate Professor (Deputy Chief Editor) (Moscow State Law University named after O.E. Kutafin)
B. S. Ebzeev	Doctor of Law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

К ВОСЬМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА ТЕРЕНТЬЕВИЧА КАБЫШЕВА

- 17 **Заметина Т.В.**
Владимир Терентьевич Кабышев — выдающийся ученый-конституционалист,
один из основателей саратовской научной школы конституционного права
- 22 **Комбарова Е.В.**
Публичная власть в научном творчестве профессора В.Т. Кабышева
- 29 **Колесников А.В.**
Конституционный «стержень» организационной обособленности местного
самоуправления в Российской Федерации
- 35 **Зырянов И.А.**
К реформе законодательства и органов конституционного надзора
— конституционных и уставных советов
- 40 **Подмарев А.А., Фролов А.А.**
Конституционное право на жилище в Российской Федерации и практика решений
Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам защиты
данного права
- 45 **Привалов С.А., Шиндина А.В.**
Основные векторы и проблемы цифровой трансформации органов государственной
власти и местного самоуправления в России
- 50 **Дубровина Ю.Я.**
Перспективные направления повышения электоральной культуры молодых
избирателей

К ДЕВЯНОСТОПЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА НИКОЛАЯ ИГНАТЬЕВИЧА МАТУЗОВА

- 56 **Цыбулевская О.И.**
Николай Игнатъевич Матузов — один из основоположников саратовской школы
теоретиков права
- 68 **Зрячкин А.Н.**
Николай Игнатъевич Матузов: вчера, сегодня, завтра
- 71 **Гук П.А.**
Судебная правоприменительная политика
- 77 **Милушева Т.В., Касаева Т.В.**
К вопросу об обязанностях государства в контексте прав человека
- 84 **Архипова Е.Ю.**
Теоретический анализ диспозитивных норм права

К СТОДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА ВИКТОРА АЛЕКСЕЕВИЧА ТАРХОВА

- 93 **Зайцева Ю.А.**
Вклад Виктора Алексеевича Тархова в развитие цивилистической науки
- 100 **Афанасьевская А.В.**
К вопросу о традиционных ценностях в семейном праве России

- 105 Саенко Л.В.**
Об институте имущественных отношений в семейном праве сквозь призму работ о праве собственности Виктора Алексеевича Тархова
- 112 Бекузарова Ю.В.**
О необходимости введения принципа публичной достоверности государственного реестра
- 117 Быкова Т.А., Мангушева Т.С.**
Животные как объект правового регулирования: отдельные проблемы междисциплинарного исследования
- 125 Костина С.Е.**
Приобретение прав на безнадзорных животных в российском гражданском праве
- 131 Самсонов В.В.**
Контроль в гражданском праве: теоретические проблемы
- 140 Кондрашова М.А.**
Право женщин и детей на защиту от домашнего насилия как способ осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей

СТАНОВЛЕНИЕ САРАТОВСКОЙ ШКОЛЫ ИСТОРИКОВ ПРАВА

- 147 Ворошилова С.В.**
Серافим Владимирович Юшков в Саратове: формирование научных взглядов
- 152 Немытина М.В.**
К столетию со дня рождения профессора Б.В. Виленского (1923–1991)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 158 Абанина Е.Н., Петров Д.Е.**
Проявление дифференциации и интеграции в системе права в условиях реализации в Российской Федерации концепции устойчивого развития
- 163 Воронин М.В., Данилин Р.Д., Варчук А.А., Шикалев Т.М.**
Концепция правового плюрализма в компаративистике Мирей Дельма-Марти: дополнение дидактической модели
- 173 Грешнова Н.А., Рассказов А.А.**
Патриотическое воспитание и создание кадрового резерва как реализация национального интереса и стратегических задач России
- 180 Ерохина Т.П.**
Категории «баланс» и «дисбаланс» в общетеоретическом познании материального и процессуального права
- 188 Правкина И.Н., Правкин И.В.**
Правовое воспитание в современном обществе

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 195 Сурков А.Н., Агарков Б.В.**
Ответственность медицинских организаций за причинение вреда здоровью (на основе судебной практики)
- 203 Колодуб Г.В., Кузнецов В.В.**
Применимость норм о качестве товара при купле-продаже долей и акций корпоративных юридических лиц (обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ): теоретические и практические аспекты

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 213 Головастова Ю.А., Помошкова Н.В.**
Сущность системы уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, при их исполнении
- 220 Герасимов А.М.**
Объект преступления и его соотношение с предметом посягательства и потерпевшим

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- 227 Галушкин В.И.**
Использование реконструкции в форме компьютерного 3D-моделирования в уголовном судопроизводстве
- 235 Давыдова Н.Н.**
Принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве
- 241 Овчинникова Н.О.**
Пробелы правового регулирования порядка и сроков задержания лица по подозрению в совершении преступления
- 248 Чурикова А.Ю.**
Перспективы применения системы управления уголовно-процессуальными рисками в условиях цифровизации

КРИМИНАЛИСТИКА

- 254 Волков А.С., Смушкин А.Б., Жеребцов М.И.**
Особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных посредством сети «Интернет»
- 264 Воронков Л.Ю.**
Эффективность метода Э. Кноблоха при реконструкции положения потерпевшего в момент выстрела
- 270 Усанов И.В.**
Диалектический материализм и электронно-цифровая криминалистика

ТРУДОВОЕ ПРАВО

- 278 Ерохина Т.В.**
К вопросу о незаконности расторжения трудового договора до истечения срока предупреждения об увольнении
- 285 Изварина Ю.Ю.**
Международно-правовой аспект понимания принципа социальной солидарности как фундаментальной основы борьбы с бедностью

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 292 Красиков Д.В.**
Значение разграничения обязывающего и дискреционного законодательства в практике юрисдикционного контроля в рамках ВТО
- 300 Липатова Т.Б.**
Принцип обязательности судебных постановлений в гражданском судопроизводстве

CONTENTS

TO THE EIGHTY-FIFTH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PROFESSOR VLADIMIR TERENTYEVICH KABYSHEV

- 17 **Zametina T.V.**
Vladimir Terentyevich Kabyshev Is an Outstanding Constitutional Scholar,
One of the Founders of the Saratov Scientific School of Constitutional Law
- 22 **Kombarova E.V.**
Public Power in the Scientific Work of Professor V.T. Kabyshev
- 29 **Kolesnikov A.V.**
Constitutional “Core” of the Organizational Isolation of Local Self-Government
in the Russian Federation
- 35 **Zyryanov I.A.**
Toward the Reform of Legislation and Bodies of Constitutional Supervision —
Constitutional and Statutory Councils
- 40 **Podmarev A.A., Frolov A.A.**
The Constitutional Right of Housing in the Russian Federation and the Decisions
Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation on the Protection
of this Right
- 45 **Privalov S.A., Shindina A.V.**
The Main Vectors and Problems of Digital Transformation of Public Authorities
and Local Self-Government in Russia
- 50 **Dubrovina Yu.Ya.**
Promising Areas of Improving the Electoral Culture of Young Voters

TO THE NINETY-FIFTH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PROFESSOR NIKOLAI IGNATIEVICH MATUZOV

- 56 **Tsybulevskaya O.I.**
Nikolai Ignatievich Matuzov Is One of the Founders of the Saratov School
of Legal Theorists
- 68 **Zryachkin A.N.**
Nikolai Ignatievich Matuzov: Yesterday, Today, Tomorrow
- 71 **Guk P.A.**
Judicial Enforcement Policy
- 77 **Milusheva T.V., Kasaeva T.V.**
On the Issue of State Responsibilities in the Context of Human Rights
- 84 **Arkipova E.Yu.**
Theoretical Analysis of Dispositive Norms of Law

TO THE HUNDREDTH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PROFESSOR VIKTOR ALEKSEEVICH TARKHOV

- 93 **Zaitseva Yu.A.**
Contribution of Victor Alekseevich Tarkhov in the Development of Civil Science
- 100 **Afanasievskaya A.V.**
On the Issue of Traditional Values in Russian Family Law

- 105 Sayenko L.V.**
On the Institution of Property Relations in Family Law Through the Prism of Works on Property Rights by Victor Alekseevich Tarkhov's
- 112 Bekuzarova Yu.V.**
On the Need to Introduce the Principle of Public Reliability of the State Register
- 117 Bykova T.A., Mangusheva T.S.**
Animals as an Object of Legal Regulation: Certain Problems of Interdisciplinary Research
- 125 Kostina S.E.**
Acquisition of Rights to Neglected Animals in Russian Civil Law
- 131 Samsonov V.V.**
Control in Civil Law: Theoretical Issues
- 140 Kondrashova M.A.**
The Right of Women and Children to Protection From Domestic Violence as a Means of Exercising Family Rights and Fulfilling Family Duties

FORMATION OF THE SARATOV SCHOOL OF LEGAL HISTORIANS

- 147 Voroshilova S.V.**
Serafim Vladimirovich Yushkov in Saratov: Formation of Scientific Views
- 152 Nemytina M.V.**
To the 100th Anniversary from of the Birth of Professor B.V. Vilensky (1923–1991)

THEORY OF STATE AND LAW

- 158 Abanina E.N., Petrov D.E.**
Demonstration of Differentiation and Integration in the System of Law in the Context of Implementation of the Concept of Sustainable Development in The Russian Federation
- 163 Voronin M.V., Danilin R.D., Varchuk A.A., Shikalev T.M.**
Concept of Legal Pluralism the Concept of Rightwing Pluralism in the Comparativism of Mireille Delma Marty: Complementing the Didactic Model
- 173 Greshnova N.A., Rasskazov A.A.**
Patriotic Education and Creation of A Personnel Reserve as A Realisation of Russia's National Interest and Strategic Objectives
- 180 Erokhina T.P.**
The Categories of "Balance" and "Imbalance" in the General Theoretical Understanding of Substantive and Procedural Law
- 188 Pravkina I.N., Pravkin I.V.**
Legal Education in Modern Society

CIVIL LAW

- 195 Surkov A.N., Agarkov B.V.**
Liability of Medical Organizations For Causing Harm to Health (Based on Judicial Practice)
- 203 Kolodub G.V., Kuznetsov V.V.**
Applicability of Product Quality Standards in the Purchase and Sale of Shares and Stakes of Corporate Legal Entities (Limited Liability Companies and Joint Stock Companies): Theoretical and Practical Aspects

CRIMINAL AND PENAL ENFORCEMENT LAW

- 213 Golovastova Yu.A., Pomoshchikova N.V.**
The Essence of the System of Criminal Penalties Not Involving Deprivation of Liberty in Their Execution
- 220 Gerasimov A.M.**
Object of the Crime and Its Relationship with the Subject of Encroachment and the Victim

CRIMINAL PROCEEDINGS

- 227 Galushkin V.I.**
The Use of Reconstruction in the Form of Computer 3D-modeling in Criminal proceedings
- 235 Davydova N.N.**
The Principle of Adversarial Parties in Criminal Proceedings
- 241 Ovchinnikova N.O.**
Gaps in the Legal Regulation of the Procedure and Terms of Detention of a Person on Suspicion of Committing a Crime
- 248 Churikova A.Yu.**
Perspectives of Application of Criminal Procedure Risk Management System in the Conditions of Digitalisation

CRIMINOLOGY

- 254 Volkov A.S., Smushkin A.B., Zherebtsov M.I.**
Specific Features of Certain Investigative Actions in the Investigation of Offences Against the Sexual Inviolability of Minors Committed via the Internet
- 264 Voronkov L.Yu.**
Effectiveness of E. Knobloch's Method in Reconstructing the Victim's Position at the Time of the Shooting
- 270 Usanov I.V.**
Dialectical Materialism and Electronic Digital Forensics

LABOR LAW

- 278 Erokhina T.V.**
On the Illegality of Terminating a Labour Contract Before the Expiry of the Termination Notice Period
- 285 Izvarina Yu.Yu.**
International Legal Aspect of the of Social Solidarity Principle as Fundamental Basis of Fight Against Poverty

OTHER BRANCHES OF LAW

- 292 Krasikov D.V.**
The Importance of Distinguishing Between Mandatory and Discretionary Legislation in the Practice of Jurisdictional Control Within the WTO Framework
- 300 Lipatova T.B.**
Principle of Binding Judicial Decisions in Civil Proceedings

**К ВОСЬМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ТЕРЕНТЬЕВИЧА
КАБЫШЕВА**

КАБЫШЕВ ВЛАДИМИР ТЕРЕНТЬЕВИЧ
(1938–2023)

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
член Академии гуманитарных наук

Т.В. Заметина

ВЛАДИМИР ТЕРЕНТЬЕВИЧ
КАБЫШЕВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ
УЧЕНЫЙ-КОНСТИТУЦИОНАЛИСТ,
ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ САРАТОВСКОЙ
НАУЧНОЙ ШКОЛЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Введение: статья посвящена юбилею известного отечественного ученого-конституционалиста, заслуженного деятеля науки РФ, одного из основателей саратовской научной школы конституционного права, доктора юридических наук, профессора В.Т. Кабышева. **Цель** — осветить основные вехи научной, профессиональной деятельности выдающегося ученого, его вклад в развитие науки российского конституционного права. **Методологическая основа:** совокупность общенаучных (анализ, синтез, системно-структурный) и частнонаучного (формально-юридический) методов познания. **Результаты:** научно-педагогическое наследие профессора В.Т. Кабышева охватывает ключевые понятия российского конституционализма и конституционного строя, нуждается в дальнейшем изучении и творческом использовании. **Выводы:** выявленные профессором В.Т. Кабышевым особенности и закономерности конституционного развития России находят свое подтверждение на современном этапе развития государства в условиях геополитических трансформаций и поиска эффективной модели организации и функционирования публичной власти в России.

Ключевые слова: саратовская научная школа конституционного права, научное наследие профессора В.Т. Кабышева, Конституция, государственная власть, федерализм.

T.V. Zametina

VLADIMIR TERENTYEVICH KABYSHEV
IS AN OUTSTANDING CONSTITUTIONAL SCHOLAR,
ONE OF THE FOUNDERS OF THE SARATOV SCIENTIFIC
SCHOOL OF CONSTITUTIONAL LAW

Background: the article is dedicated to the jubilee of the famous Russian constitutionalist scientist, Honoured Scientist of the Russian Federation, one of the founders of the Saratov scientific school of Constitutional law, Doctor of Law, Professor V.T. Kabyshev. **Objective** — to highlight the main milestones of the scientific and professional activity of the outstanding scientist, his contribution to the development of the science of Russian constitutional law. **Methodology:** a set of general scientific (analysis, synthesis, system-structural and particular scientific (formal-legal) methods of cognition. **Results:** the scientific and pedagogical heritage of Professor V.T. Kabyshev covers the key concepts of Russian constitutionalism and the constitutional system,

© Заметина Тамара Владимировна, 2023

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: zametina_saratov@mail.ru

© Zametina Tamara Vladimirovna, 2023

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

needs further study and creative use. Conclusions: the peculiarities and regularities of the constitutional development of Russia identified by Professor V.T. Kabyshev are confirmed at the present stage of state development in the conditions of geopolitical transformations and the search for an effective model of the organization and functioning of public authority in Russia.

Keywords: *Saratov scientific school of Constitutional law, scientific heritage of Professor V.T. Kabyshev, Constitution, state power, federalism.*

18 декабря исполнилось бы 85 лет известному российскому ученому-юристу, одному из основателей саратовской школы конституционного права, доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, почетному работнику высшего образования России, члену Академии гуманитарных наук Владимиру Терентьевичу Кабышеву.

Вся жизнь Владимира Терентьевича была посвящена науке отечественного конституционного права, ее развитию, а также юридическому образованию и воспитанию молодого поколения юристов. Он был уважаемым Учителем для многих поколений студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов; талантливейшим Ученым-конституционалистом России; высокопорядочным, честным, мужественным Человеком.

Преданность юридической науке и педагогическому мастерству, неиссякаемый творческий потенциал и энергия, высокий уровень компетентности и широта мышления, внедрение новых методов и сохранение научных традиций, ценного опыта предшественников — вот качества, которые характеризовали Владимира Терентьевича Кабышева.

В своих многочисленных научных трудах Владимир Терентьевич развивал идеи своего учителя, профессора Исаака Ефимовича Фарбера, оказавшего огромное влияние на формирование научного мировоззрения и во многом предопределившего профессиональную судьбу самого Кабышева. Опыт педагогической работы с молодыми учеными И.Е. Фарбера, проявлявшего искреннюю заинтересованность в творческих успехах каждого из них, был воспринят и приумножен Владимиром Терентьевичем, который стал не просто учеником патриарха отечественного государственоведения, но и его единомышленником и соратником. И.Е. Фарбером и В.Т. Кабышевым был заложен фундамент саратовской научной школы конституционного права как центра генерации новых идей и творческих проектов, сохранения научных традиций, сосредоточения интеллектуализма, порядочности, духовности и патриотизма.

Благодаря изысканиям И.Е. Фарбера были определены базовые постулаты государственного права как отрасли права, предмета государственного (конституционного) права, теории Конституции, прямого действия Основного Закона, реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Они находят свое продолжение в научных статьях и монографиях, иных научных работах В.Т. Кабышева. Российский конституционализм, основы конституционного строя, права и свободы человека, народовластие, реализация Конституции, конституционный механизм власти — далеко не полный перечень научных тем, ставших для профессора В.Т. Кабышева объектом исследования.

Владимиром Терентьевичем опубликовано более 200 работ, среди которых монографии: «Прямое народовластие в Советском государстве» (Саратов, 1974),

«Народовластие развитого социализма» (Саратов, 1979), «Советское государственное право» (Саратов, 1979, в соавт.), «Конституционная политика России в сфере федеративных отношений: проблемы реализации и тенденции развития» (Саратов, 2012, в соавт.), «Россия — Крым — Севастополь: конституционно-правовое исследование» (М., 2016, в соавт.), «С Конституцией по жизни» (М., 2013).

В центре внимания ученого на протяжении ряда десятилетий находились вопросы народовластия. Формулируя авторское определение прямой демократии [1, с. 4–5], Владимир Терентьевич разграничивал понятия «субъекты власти», «субъекты государственной власти» и «субъекты народовластия» [2, с. 41], раскрывал содержание конституционных принципов народовластия, выявлял юридическую природу и содержание народного суверенитета [3, с. 9–10].

Впервые в науке российского конституционного права В.Т. Кабышевым был поставлен вопрос о необходимости исследования проблемы психологии власти, разработан ее институционально-структурный анализ, сформулированы элементы психологии властвования в российском обществе и государстве. Как отмечал Владимир Терентьевич, «логика общественно-экономического развития России объективно требует такого властвования, которое выступает гарантом прав человека, стабильности, прочности, уверенности в обществе», и на переломных этапах развития России «важная роль принадлежит психологической переориентации как отдельных граждан, так и социальных групп» [4, с. 10].

Им были исследованы тенденции становления конституционного строя Российской Федерации и особенности конституционализма [5, с. 63–64], роль и влияние Конституции Российской Федерации на ход реформ и преобразований, процесс построения демократического правового государства в России, обозначены перспективы развития конституционного процесса в России, а также проблемы соотношения юридической и фактической Конституции [6, с. 36].

Владимир Терентьевич неоднократно подчеркивал ценностный характер конституционных принципов российского федерализма, а также значимость обеспечения государственного единства народов России. По мнению В.Т. Кабышева, Россия всей предшествующей историей выбрала путь федерализма, он имманентно ей присущ [7, с. 47]. Он отмечал, что вопросы федерализма, так же как и конституционной системы власти, неразрывно связаны с социально-экономическими, политическими и иными факторами формирования демократического и правового государства в России и поэтому являются «наиболее уязвимыми с позиций эффективности реализации Конституции» [8, с. 86].

Анализируя практику российского федерализма, он справедливо выявил следующую закономерность, что «государственная целостность России, ее геополитический фактор лежат в основе стратегии государственной политики Российской Федерации» [9, с. 64]. В русле этих идей Владимир Терентьевич называл вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации восстановлением исторической справедливости [10].

Особого внимания заслуживает цикл статей ученого, посвященный анализу развития отечественной науки государственного (конституционного) права в постсоветский период в шести частях [11]. Эти исследования составляют основу методологического прорыва, позволяющего сформулировать парадигму науки российского конституционного права в новых условиях.

Владимир Терентьевич сумел проявить себя не только как выдающийся ученый, прекрасный педагог, яркий оратор, но и как блестящий организатор.

С марта 1981 по август 2017 г. Владимир Терентьевич заведовал кафедрой государственного права Саратовского юридического института (ныне — кафедра конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева). За многолетний период руководства он заложил научные, педагогические, нравственные основы деятельности коллектива кафедры. Продолжая традиции своего учителя — выдающегося ученого и педагога И.Е. Фарбера, В.Т. Кабышев за время своей научно-педагогической деятельности воспитал большое количество учеников. Под его руководством было подготовлено 46 кандидатских и восемь докторских диссертаций.

Профессор В.Т. Кабышев внес свою лепту в формирование демократических основ Российского государства в постсоветский период, написал свою страницу в истории конституционного развития России — он возглавлял авторский коллектив, подготовивший проект Конституции Российской Федерации, который решением Конституционной комиссии РСФСР 3 января 1991 г. был отмечен второй премией. В качестве эксперта участвовал в работе Конституционного Сопровождающего Комитета (1993 г.), созданного Президентом РФ для выработки согласованного варианта проекта Конституции РФ. Под руководством профессора В.Т. Кабышева на кафедре конституционного права был подготовлен ряд законопроектов, направленных в Верховный Совет РСФСР и Государственную Думу Федерального Собрания РФ. Отдельные предложения проектов впоследствии получили отражение в принятых законах. Владимир Терентьевич являлся членом научно-консультативного совета Конституционного Суда РФ, членом оргкомитета по подготовке и проведению празднования 20-летия Конституции Российской Федерации, возглавлял избирательную комиссию Саратовской области. Его энциклопедические знания, высокий уровень эрудиции были востребованы практикой конституционного строительства эпохи масштабных реформ и судьбоносных решений.

Научно-педагогическая и общественная деятельность Владимира Терентьевича как яркий пример многолетнего добросовестного вклада в дело образования и науки отмечена многочисленными профессиональными наградами. В 1997 г. профессор В.Т. Кабышев награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего образования России». Указом Президента РФ от 30 июля 1999 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». За долголетний, добросовестный труд был награжден медалью «Ветеран труда». В 2009 г. за заслуги в развитии системы образования в Российской Федерации и многолетнюю плодотворную деятельность — медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, 17 июля 2019 г. — орденом Дружбы.

Владимир Терентьевич был мудрым и талантливым Учителем и Наставником, выдающимся Ученым-конституционалистом, преданным науке, одним из основателей и идейных вдохновителей саратовской научной школы конституционного права, задавшим векторы ее развития на много десятилетий вперед. Творческое наследие профессора Кабышева нуждается в дальнейшем научном осмыслении с учетом нынешних геополитических реалий, проблем и перспектив построения в России демократического правового государства, а также позволяет находить ценные идеи конституционного регулирования.

Библиографический список

1. *Кабышев В.Т.* Прямое народовластие в Советском государстве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 149 с.
2. *Кабышев В.Т., Миронов О.О.* Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1969. № 4. С. 40–47.
3. *Кабышев В.Т.* Конституционные принципы народовластия развитого социализма // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1978. № 5. С. 7–14.
4. *Кабышев В.Т.* Психология власти в традиции русского конституционализма // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2(12). С. 9–17.
5. *Кабышев В.Т.* Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4(237). С. 61–70.
6. *Кабышев В.Т.* О фактической и юридической Конституции России 1993 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1(96). С. 33–37.
7. *Кабышев В.Т.* Становление конституционного строя России // С Конституцией по жизни: избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. 320 с.
8. *Кабышев В.Т.* Федерализм и конституционная система власти в России // С Конституцией по жизни: избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. 320 с.
9. *Кабышев В.Т.* Российский федерализм: конституционные основы, тенденции развития // С Конституцией по жизни: избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. 320 с.
10. *Кабышев В.Т., Заметина Т.В.* Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя — восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2(97). С. 58–74.
11. *Кабышев В.Т.* К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть 1 // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов: Из-во Саратов. гос. акад. права, 2004. Вып. 5. С. 4–17.

References

1. *Kabyshv V.T.* Direct Democracy in the Soviet State. Saratov: Publishing house of Sarat. Univ., 1974. 149 p.
2. *Kabyshv V.T., Mironov O.O.* The Category of “People” in Soviet Constitutional Legislation // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1969. No. 4. P. 40–47.
3. *Kabyshv V.T.* Constitutional Principles of Democracy of Developed Socialism // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1978. No. 5. P. 7–14.
4. *Kabyshv V.T.* Psychology of Power in the Tradition of Russian Constitutionalism // Citizen. Elections. Power. 2019. No. 2(12). P. 9–17.
5. *Kabyshv V.T.* Russian Constitutionalism at the Turn of the Millennium // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2001. No. 4(237). P. 61–70.
6. *Kabyshv V.T.* On the Actual and Legal Constitution of Russia of 1993 // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. No. 1(96). P. 33–37.
7. *Kabyshv V.T.* Formation of the Constitutional System of Russia // With the Constitution for Life: Selected scientific works. M.: Formula of Law, 2013. 320 p.
8. *Kabyshv V.T.* Federalism and the Constitutional System of Power in Russia // With the Constitution for Life: Selected scientific works. M.: Formula of Law, 2013. 320 p.
9. *Kabyshv V.T.* Russian Federalism: Constitutional Foundations, Development Trends // With the Constitution for Life: Selected scientific works. M.: Formula of Law, 2013. 320 p.
10. *Kabyshv V.T., Zametina T.V.* Admission of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol to the Russian Federation — Restoration of Historical Justice: Constitutional and Legal Analysis // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. No. 2(97). P. 58–74.
11. *Kabyshv V.T.* To the Question of the History of the Science of Constitutional Law in Post-Soviet Russia. Part 1 // Constitutional Development of Russia: Interuniversity collection of scientific articles. Saratov: Publishing House of Saratov State Law Academy, 2004. Iss. 5. P. 4–17.

Е.В. Комбарова

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ
ПРОФЕССОРА В.Т. КАБЫШЕВА

Введение: в статье рассмотрены вопросы формирования В.Т. Кабышева как исследователя проблем науки конституционного права, а также отражена его роль в формировании концептуальных основ публичной власти. В связи с конституционной реформой 2020 г. нормативное закрепление получили категории «публичная власть», «система публичной власти», был провозглашен принцип единства системы публичной власти, приобретшие особое значение, однако нормативное закрепление дефиниции категории «публичная власть» до сих пор отсутствует. **Цель** — конституционное закрепление и правовое содержание принципов публичной власти вызывает необходимость дать определение дефиниции «публичная власть» и выделить ее основные элементы. **Методологическая основа:** метод диалектики, который способствует обобщению конституционно-правовых взглядов на природу публичных отношений, организации власти на различных ее уровнях; структурно-функциональный метод направлен на выявление структурных элементов в системе органов публичной власти, а также изучение их роли, функций и взаимодействия; формально-юридический и сравнительно-правовой методы обеспечивают изучение указанной проблематики с точки зрения сопоставления и сравнения нормативно-правового регулирования и практики реализации рассматриваемых отношений. **Результаты:** публичная власть и механизм ее осуществления представляют собой сложный конституционный и политико-правовой институт. Имеются две ключевые особенности системы публичной власти: во-первых, в соответствии с Основным Законом сложилась новая модель общественно-политического союза в России (в основе организации публичной власти лежат права человека и гражданина); во-вторых, впервые закрепляются правовые основы публичной власти. **Выводы:** с учетом необходимости развития демократических основ Конституции РФ и совершенствования нормативно-правового закрепления принципов функционирования публичной власти в России необходимо расширить понятие «единая система публичной власти». Публичная власть — это не только органы государственной власти и местного самоуправления как ее составляющие элементы, но и система, содержащая механизм реализации народного суверенитета, закрепленный на конституционном уровне, включающий институты общественного контроля и функционирование общественных советов при органах публичной власти.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, публичная власть, единая система публичной власти, конституционализм, трансформация, конституционная реформа.

E. V. Kombarova

PUBLIC POWER IN THE SCIENTIFIC WORK
OF PROFESSOR V. T. KABYSHEV

Background: the article considers the issues of V.T. Kabyshev's formation as a researcher of the problems of the science of constitutional law, and also reflects his role in the formation of the conceptual foundations of public power. In connection with the constitutional reform of 2020, the results of which, in particular, were the normative consolidation of the categories of "public power", "system of public power" and the proclamation of the principle of "unity of the system of public power", which have acquired special importance, but there is still no normative consolidation of the definition of "public power". **Objective** — the constitutional enshrinement and legal content of the principles of public power makes it necessary to clarify the definition of "public power" and emphasize its main elements. **Methodology:** the method of dialectics contributes to the generalization of constitutional and legal views on the nature of public relations, the power organization at different levels. The structural-functional method is aimed at identifying the structural elements in the system of public authorities, as well as studying their role, functions and interaction. Formal-legal and comparative-legal methods provide the study of the specified problems in terms of comparison and correlation of normative-legal regulation and practice of implementation of the relations in question. **Results:** public power and the mechanism of its realization are a complex constitutional and political-legal institution. There are two key features of the system of public power: firstly, the Russian Basic Law established a new model of social and political union, where the organization of public power is based on the rights of man and citizen; secondly, for the first time the legal foundations of public power are enshrined. **Conclusions:** taking into account the need to develop the democratic foundations of the Constitution of the Russian Federation and improve the normative-legal consolidation of the principles of functioning of public power in Russia, it is necessary to expand the concept of "unified system of public power". Public power is not only the system of state authorities and local self-government as a constituent element, but also the system containing the mechanism of realization of people's sovereignty, enshrined at the constitutional level, including institutions of public control and functioning of public councils at public authorities.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, public authority, uniform system of public authority, constitutionalism, transformation, constitutional reform.

В этом году празднуется 30-летний юбилей Конституции Российской Федерации — знаменательное событие в истории новой России, а также 110 лет со дня рождения основателя саратовской научной школы конституционного права, видного ученого и педагога, доктора юридических наук, профессора Исаака Ефимовича Фарбера и 85 лет со дня рождения одного из выдающихся ученых-конституционалистов, доктора юридических наук, профессора Владимира Терентьевича Кабышева. В 60-х гг. XX столетия наблюдался оживленный интерес исследователей в области конституционного права к проблемам власти и суверенитета. И.Е. Фарбер отмечал, что «главным объектом изучения науки конституционного права является государственная власть, ее сущность, организация, структура, компетенция, элементы» [1, с. 80]. Им были сделаны интересные умозаключения о социологическом понятии власти, конституционном механизме народовластия. Понятие власти как «необходимой функции любого коллектива по руководству своими членами для налаживания совместной дея-

тельности» [1, с. 88], предложенное И. Е. Фарбером, было поддержано и развито его учеником В. Т. Кабышевым, который на протяжении всей своей научной деятельности рассматривал вопросы власти, проблемы народовластия. Владимиром Терентьевичем был представлен институционально-структурный анализ понятия власти, исследованы тенденции конституционного регулирования отношений властвования, конституционные гарантии прямого народовластия, сформулированы элементы психологии властвования в российском обществе и государстве.

Главные труды профессора, посвященные психологии власти [2–7], являются значительным вкладом в науку конституционного права. По справедливому утверждению В. Т. Кабышева, «исследование вопросов психологии властвования — это анализ и выявление социально-психологических путей становления российской государственности» [8, с. 123].

Безусловно, интерес к институту власти значительно усиливается в периоды кардинальных преобразований. Так, масштабные преобразования Конституции РФ по итогам общероссийского голосования 1 июля 2020 г., прошедшая пандемия и вызванные ею новые эпидемиологические реалии, проведение специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, беспрецедентное санкционное давление на Российскую Федерацию в настоящий момент со стороны западных государств, террористические атаки актуализировали проблемы психологии и социологии власти и подтвердили справедливость и точность научных мыслей и утверждений профессоров И. Е. Фарбера и В. Т. Кабышева. Если в советской юридической науке публичная власть никак не обособлялась от государственной власти и специальные исследования этого феномена отсутствовали, то в новой России сформировалась традиция его осмысления. Публичная власть выступает одним из базовых объектов конституционно-правового регулирования. В первую очередь следует отметить, что понятие «публичной власти» приобрело новую трактовку в связи с внесением в 2020 г. поправок в Конституцию РФ 1993 г.¹ В частности, ст. 132 Основного Закона дополнена положением о вхождении в единую систему публичной власти органов государственной власти и органов местного самоуправления. Обновленная Конституция РФ шесть раз упоминает понятие «публичная власть», которое на более ранних этапах конституционного развития России нормативно не закреплялось. Конституционным Судом РФ были сформированы теоретические и методологические основы функционирования органов публичной власти в России.

Сложность понимания и теоретическая оценка категории «публичная власть» обусловлены многочисленными научными изысканиями, результатами которых являются теории с неоднородным и противоположным пониманием публичной власти. Главная проблема понимания категории «публичная власть», на наш взгляд, коренится в отождествлении публичной власти с властью государственной причем как в российской, так и в зарубежной науке. Первопричина такого понимания, скорее всего, исходит из римского права.

В Древнем Риме термином «публичный» обозначалось то, что является государственным и одновременно общественным, поэтому существенного различия не устанавливалось. Показательно в связи с этим и этимологическое толкование республики (от лат. *res* — вещь, дело + *publico* — общее) — это общее, публич-

¹ См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

ное дело. Несомненно, определение понятия «публичная власть» гораздо более сложное, чем определение категории «власть», ведь власть публичная происходит из общества и выступает его проводником в лице различных институтов в зависимости от природы конкретного государства.

В философских работах начала XIX в. осуществлялись попытки анализа властных полномочий через публичность. Так, Г.В.Ф. Гегель обозначал публичность как всеобщую осведомленность в делах государства [9, с. 351]. В свою очередь Ф. Энгельс публичную власть (*öffentliche Gewalt*) называл в числе признаков государства как особого явления, сменившего первобытнообщинную организацию [10, с. 170].

Представители отечественной правовой школы полагают, что появление публичной власти обусловлено рядом специфических предпосылок. Так, в частности, Н.Н. Алексеев определял публичность как что-то открытое для всех, не тайное, доступное всем и не замкнутое для определенного узкого круга лиц или для одного лица [11, с. 216]. Именно такой подход к публичности предполагает отношение к обществу как к целому. Следует отметить и то, что возникновение публичной власти обусловлено не только цельным объединением людей, едиными интересами, но и асимметрией, проявляющейся в наличие властеотношений, то есть факта подчинения.

Отечественные ученые также нередко отождествляют различные типы и разновидности власти. Так, Л.А. Григорян писал, что «публичная власть означает всего лишь власть общественную» [12, с. 16–21]. По мнению М.И. Байтина, «политическая, государственная власть представляет собой разновидность общественной, публичной власти» [13, с. 134]. На наш взгляд, не стоит ставить знак равенства между публичной, общественной, государственной и политической властью.

Важно понимать, что публичная власть — это разновидность социальной власти, носящей общественный характер, так как прежде всего используется для регулирования социально-экономических, политических, культурных отношений в обществе. Причем социальная публичная власть отличается и политическим характером, потому как применяет особые средства принуждения, которых не может быть, например, в общественном объединении и в семье. Поэтому публичная власть — это не просто власть общественная, исходящая от народа, но и власть политическая.

Любопытен подход В.Е. Чиркина, определяющего специфическую характеристику публичной власти, которая отличает ее от любого иного вида власти, а именно, что основу организации публичной власти составляют территориальные публично-правовые образования [14, с. 64]. Такая трактовка, по-нашему, позволяет применять широкое толкование термина «публичная власть» в контексте понимания единства государства и единой системы публичной власти.

Как отмечает А.А. Югов, «“публичная власть” — это система всеобщего участия населения в решении совместных дел» [15, с. 12]. Поэтому особенность публичной власти определяется общественно важным значением, которая подчеркивает ее многоуровневый территориальный характер и демократический базис ее осуществления.

Одним из авторитетных мнений, объясняющих конституционно-правовой смысл категории «публичная власть», выступает позиция С.А. Авакьяна, который делает вывод, что публичная власть — это власть народа Российской

Федерации, власть, осуществляющаяся в интересах всего народа и самим народом в целом и его частью, обращенная ко всему обществу и к каждому человеку в отдельности и имеющая общественно важное значение [16, с. 355].

Вся полнота власти в нашей стране принадлежит народу, что отражено в ст. 3 Конституции РФ. Как отмечал В. Т. Кабышев, «органы государственной власти являются одним из каналов осуществления власти народа» [17, с. 9], именно народ участвует в формировании органов публичной власти. Таким образом, государственная власть предстает в качестве лишь одного из способов осуществления публичной власти. Следует отметить, что понимание публичной власти не сводится лишь к государственной и муниципальной власти, а непосредственно связано с общественными институтами, обусловлено тесным взаимодействием общества и государства. Публичная власть служит инструментом обеспечения стабильности и качественного развития государства.

Принятый в 2020 г. Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации»¹ впервые закрепил понятие «единая система публичной власти», однако в данной трактовке народ как носитель народного суверенитета и источника власти в стране не относится к элементам системы публичной власти. С учетом необходимости развития демократических основ Конституции РФ и совершенствования нормативно-правового закрепления принципов функционирования публичной власти в России необходимо расширить понятие «единая система публичной власти». Публичная власть — это не только органы государственной власти и местного самоуправления как составляющие ее элементы, но и система, включающая наряду с ними механизм реализации народного суверенитета, закрепленный на конституционном уровне, содержащая институты общественного контроля и функционирование общественных советов при органах публичной власти, институты гражданского общества [18, с. 339]. Следовательно, единая система публичной власти представляет собой целостную совокупность, характеризующуюся внутренним единством, взаимосвязью и взаимозависимостью ее элементов, таких как органы государственной власти, органы местного самоуправления и институты гражданского общества, целью которой выступает соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, создание условий для социально-экономического развития государства, а также решение иных, стоящих перед государством задач. Исходя из данной дефиниции нам представляется возможным не отождествлять категории «единая система органов публичной власти» и «единая система публичной власти», а соотносить их как часть и целое соответственно.

Сегодня вопросы, связанные с пониманием публичной власти, единой системы публичной власти, а также с формированием единства в Российской Федерации являются крайне важными. В трудах Владимира Терентьевича Кабышева — ученого общероссийского и международного масштаба мы черпаем глубокие мысли, которые побуждают нас к творчеству, а также находим ответы на интересующие нас вопросы. В реалиях современной жизни необходимо продолжать и развивать научные идеи Владимира Терентьевича, поскольку его научное наследие носит характер длительной исторической перспективы.

¹ См.: Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50, ч. 3, ст. 8039.

Библиографический список

1. *Фарбер И.Е., Ржевский В.А.* Вопросы теории советского конституционного права. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1967. Вып. 1. 319 с.
2. *Кабышев В.Т.* Социально-психологические вопросы народовластия в СССР (к постановке проблемы) // Актуальные вопросы советской юридической науки. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 1978. Ч. 1. С. 75–78.
3. *Кабышев В.Т.* Социально-психологические аспекты народовластия в СССР // Советское государство и право. 1980. № 3. С. 22–27.
4. *Кабышев В.Т.* Психология власти в системе конституционного строя России: конституционное измерение // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2009. Вып. 10. С. 7–23.
5. *Кабышев В.Т.* Психология власти: механизм реализации и ответственности // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности / Н.И. Матузов, О.И. Цыбулевская. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2011. С. 193–216.
6. *Кабышев В.Т.* Психология власти: конституционно-правовой механизм реализации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 2. С. 3–9.
7. *Кабышев В.Т.* Вопросы психологии власти в работах русских государствоведов конца XIX – начала XX в. // Государство и право. 2022. № 8. С. 129–135.
8. *Кабышев В.Т.* Анализ психологии власти в работах конституционалистов советского и постсоветского этапов развития России // Государство и право. 2022. № 9. С. 122–127.
9. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
10. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Полит. лит., 1974. Т. 21. 222 с.
11. *Алексеев Н.Н.* Основы философии права. СПб.: Юрид. ин-т, 1998. 216 с.
12. *Григорян Л.А.* Народовластие в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 296 с.
13. *Байтин М.И.* Государство и политическая власть. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 239 с.
14. *Чиркин В.Е.* Территориальная организация публичной власти. М.: Норма : ИНФРА-М, 2022. 209 с.
15. *Югов А.А.* Правовые основы публичной власти в Российской Федерации: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. 121 с.
16. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учеб. пособие для студентов вузов: в 2 т. М.: Норма, 2023. Т. 1. 936 с.
17. *Кабышев В.Т.* Конституционная система власти в современной России // Вестник Саратовской государственной академии права. 1998. № 3. С. 3–11.
18. Constitutional principles of Russian public authority system with regard to constitutional reform / E. V. Kombarova, V. V. Kabyshev, T. V. Zametina, T. V. Troitskaya // European proceedings of social and behavioural sciences : International Scientific and Practical Conference “State and Law in the Context of Modern Challenges” (SLCMC 2021), Saratov, June 17, 2021 / Editor(s): Sergey Afanasyev, Alexander Blinov, Sergey Belousov. Vol. 122. Saratov: European Publisher, 2022. P. 339.

References

1. *Farber I.E., Rzhovsky V.A.* Questions of the Theory of Soviet Constitutional Law. Issue 1. Saratov: Volga Publishing House, 1967. 319 p.
2. *Kabyshev V.T.* Socio-Psychological Issues of Democracy in the USSR (Towards the Formulation of the Problem) // Actual Issues of Soviet Legal Science. Saratov: Saratov University Publishing House, 1978. P. 1. P. 75–78.
3. *Kabyshev V.T.* Socio-Psychological Aspects of Democracy in the USSR // Soviet State and Law. 1980. No. 3. P. 22–27.

4. *Kabyshev V.T.* Psychology of Power in the System of the Constitutional System of Russia: Constitutional Dimension // Constitutional Development of Russia: an interuniversity collection of scientific articles. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House, 2009. Issue 10. P. 7–23.
5. *Kabyshev V.T.* Psychology of Power: the Mechanism of Implementation and Responsibility // Public Power: Problems of Implementation and Responsibility / N.I. Matuzov, O.I. Tsybulevskaya. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House, 2011. P. 193–216.
6. *Kabyshev V.T.* Psychology of Power: Constitutional and Legal Mechanism of Implementation // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 2. P. 3–9.
7. *Kabyshev V.T.* Questions of the Psychology of Power in the Works of Russian Statesmen of the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // State and Law. 2022. No. 8. P. 129–135.
8. *Kabyshev V.T.* Analysis of the Psychology of Power in the Works of Constitutionalists of the Soviet and Post-Soviet Stages of Russia's Development // State and Law. 2022. No. 9. P. 122–127.
9. *Hegel G.V.F.* Philosophy of Law. M.: Thought, 1990. 524 p.
10. *Engels F.* Origin of the Family, Private Property and the State // K. Marx, F. Engels. Works. M.: Political literature, 1974. Vol. 21. 222 p.
11. *Alekseev N.N.* Fundamentals of the Philosophy of Law. St. Petersburg: Law Institute, 1998. 216 p.
12. *Grigoryan L.A.* Democracy in the USSR. M.: Legal literature, 1972. 296 p.
13. *Baitin M.I.* State and Political Power. Saratov: Saratov University Publishing House, 1972. 239 p.
14. *Chirkin V.E.* Territorial Organization of Public Power. M.: Norm : INFRA-M, 2022. 209 p.
15. *Yugov A.A.* Legal Foundations of Public Power in the Russian Federation: monograph. Yekaterinburg: Ural State Law Academy Publishing House, 1999. 121 p.
16. *Avakian S.A.* Constitutional law of Russia: textbook for university students: in 2 volumes. M.: Norm, 2023. Vol. 1. 936 p.
17. *Kabyshev V.T.* Constitutional System of Power in Modern Russia // Bulletin of the Saratov State Academy of Law. 1998. No. 3. P. 3-11.
18. Constitutional Principles of Russian Public Authority System with Regard to Constitutional Reform / E.V. Kombarova, V.V. Kabyshev, T.V. Zametina, T.V. Troitskaya // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences : International Scientific and Practical Conference "State and Law in the Context of Modern Challenges" (SLCMC 2021), Saratov, June 17, 2021 / Editor(s): Sergey Afanasyev, Alexander Blinov, Sergey Belousov. Vol. 122. Saratov: European Publisher, 2022. P. 339.

А.В. Колесников

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ «СТЕРЖЕНЬ»
ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ОБОСОБЛЕННОСТИ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

***Введение:** среди ученых-конституционалистов и представителей верховной власти все чаще можно услышать призыв не просто к точечному изменению конституционных норм путем внесения в нее поправок, а к радикальному изменению всего ее текста, поскольку, по их мнению, давно назрели изменения основ конституционного строя в целом и ликвидация организационной обособленности органов местного самоуправления в частности. **Цель** — донести до противников норм, закрепленных в ст. 12 Конституции РФ, что автономизация органов местного самоуправления в системе органов публичной власти не является целью данных положений. **Методологическая основа:** исследование осуществлялось на основе принципов и законов материалистической диалектики, способствовавших выявлению действительного предназначения принципа невхождения органов местного самоуправления в систему органов государственной власти. **Результаты:** выявлено отсутствие негативного влияния организационной обособленности органов местного самоуправления на систему органов публичной власти. **Выводы:** необходимость в изменении или упразднении ст. 12 Конституции РФ отсутствует.*

***Ключевые слова:** органы местного самоуправления, система органов, структура органов, организационная обособленность, Конституция РФ.*

A. V. Kolesnikov

**CONSTITUTIONAL “CORE” OF THE ORGANIZATIONAL
ISOLATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

***Background:** among constitutional scholars and representatives of the supreme power one can hear more and more often the call not just for a point-by-point change of constitutional norms by amending it, but for a radical change of its entire text, since, in their opinion, changes in the foundations of the constitutional system in general and the elimination of organizational isolation of local self-government bodies in particular are long overdue. **Objective** — to inform the opponents of the norms enshrined in Article 12 of the Constitution of the Russian Federation that the purpose of these provisions is not to autonomize local self-government bodies in the system of public authorities. **Methodology:** the research was carried out on the basis of dialectical methods, which contributed to the identification of the true purpose of the principle of noninclusion*

© Колесников Андрей Владимирович, 2023

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kaviras@yandex.ru

© Kolesnikov Andrey Vladimirovich, 2023

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin (Saratov State Law Academy)

of local self-government bodies in the system of public authorities. Results: the absence of a negative impact of the organizational isolation of local self-government bodies on the system of public authorities was revealed. Conclusions: there is no need to amend or abolish Article 12 of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: *local self-government bodies, system of bodies, structure of bodies, organizational isolation, Constitution of the Russian Federation.*

Большая часть наших политических и культурных идеологий страдает централизмом. Всегда чувствуется какая-то несоизмеримость между этими идеологиями и необъятной русской жизнью.

Недра народной жизни огромной России все еще остаются неразгаданными, таинственными.

Сам народ все еще как будто бы безмолвствует, и волю его с трудом разгадывают люди центров.

Н. Бердяев. Централизм и народная жизнь

18 декабря этого года нашему учителю и наставнику Владимиру Терентьевичу Кабышеву исполнилось бы 85 лет. Это был поистине светлый человек, который пронес через свою жизнь многие идеи «эпохи романтического конституционализма» [1, с. 7], пытаясь развивать их в умах своих учеников. Он понимал, что «главная причина сегодняшнего кризиса не в конституционной модели власти, не в Конституции, а вне ее самой. Причина кроется в реальном соотношении социально-политических сил, в правовой культуре общества, прежде всего властвующей элиты» [1, с. 5], и в процессе изучения законодательства отмечал: «Практика свидетельствует, что это укрепление “вертикали” власти, точнее одной из ее ветвей — исполнительной. Последняя де-факто занимает главенствующее место в практическом механизме публичной власти и в современной России. Невольно напрашивается мысль: что вновь повторяется история — власть ради власти?» [2, с. 244]. Продолжая идеи отца, С.В. Кабышев как практический работник и ученый, говоря о ситуации в местном самоуправлении, также констатировал, что «у муниципальных органов зачастую не хватает собственных ресурсов для защиты своих прав (знаний, времени, сотрудников, финансовых средств и т.п.). Они просто боятся обращаться за защитой своих прав, поскольку считают себя зависимыми от органов государственной власти» [3, с. 78]. Из этого следует, что проблемы кроются не в сущности конституционных норм, а в историческом стремлении российской правящей элиты к централизации власти. До сих пор, уже после поправок, внесенных в Конституцию РФ в 2020 г.¹, слышны призывы к полному изменению ее содержания и упразднению положений ст. 12. Вместе с тем одним из достижений обновленного Основного Закона, помимо закрепления принципов правового социального государства, имеющего в приоритете права и свободы человека, стало появление местного самоуправления, предполагающего организационную обособленность и возможность самостоятельно

¹ См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

решать вопросы местного значения. «Краеугольным камнем, гарантирующим полномасштабную реализацию такого права, были положения ст. 12 Конституции РФ, согласно которым государство признавало местное самоуправление и предоставляло ему самостоятельность в пределах своих полномочий, а также отделяло органы местного самоуправления от органов государственной власти» [4, с. 152]. Данная статья не претерпела изменений в процессе последней конституционной реформы, предпринятой в 2020 г., поскольку является основой конституционного строя и порядок ее изменения требует более сложной процедуры, а сама постановка вопроса об изменении основ конституционного строя содержит политический аспект и предполагает полномасштабное изменение государственных приоритетов и векторов дальнейшего развития. Это, в свою очередь, предусматривает широкое обсуждение проекта изменений на всей территории России и выявление народного мнения. Организационная составляющая данной статьи частично нашла отражение в ч. 1 ст. 131 Конституции РФ. В ней за населением муниципального образования закрепляется право на самостоятельное определение структуры органов местного самоуправления. Системное единство норм ст. 12, п. «н» ст. 72 и ч. 1 ст. 131 Конституции РФ подразумевает организационную самостоятельность и обособленность органов местного самоуправления в единой системе публичной власти. Целостность и гармоничность данной ассоциации правовых норм состоит в том, что ст. 12 Конституции РФ закрепляет важнейший принцип организационной самостоятельности органов местного самоуправления, п. «н» ст. 72 определяет субъект формирования системы органов местного самоуправления, а п. 1 ст. 131 — их организационной структуры, о которых более подробно сказано в ранних статьях [5].

Вместе с тем далеко не все ученые и представители властных структур до конца осознают, что сущность данных статей не в формировании автономности местного самоуправления от органов государственной власти, мешающей единству публичной власти в стране, а в организационной самостоятельности, которая подразумевает, что органы местного самоуправления, выполняющие «собственные полномочия», выступающие частью функций всей системы органов публичной власти, должны формироваться самостоятельно населением муниципальных образований, то есть тех территорий, на которых осуществляется местное самоуправление. В связи с этим, по мнению некоторых ученых, поправки в виде включения ч. 1.1 в ст. 131 «Конституции должны найти положительный отклик среди прежде всего специалистов в области муниципального права, большинство из которых критически оценивают весьма спорные и неоднозначные нормы ст. 12 Конституции Российской Федерации о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» [6, с. 36]. Не имея точной статистики количества ученых «положительно» и «отрицательно» воспринимающих поправки к Конституции РФ и соглашаясь с необходимостью функционального единства всей системы публичной власти, заметим, что рассуждения о необходимости укрепления централизации власти совершенно не учитывают тот факт, что низовой уровень публичной власти называется «местное самоуправление», а органы этого уровня именуется «органами местного самоуправления». То есть жители муниципальных образований, по сути, должны обладать правом непосредственного формирования собственных властных структур по правилам, установленным органами государственной власти. В этом и будет проявляться

единство власти, поскольку именно государство будет определять, в соответствии с какими правилами и с помощью каких средств население будет формировать свои органы.

Негативное отношение государства к самостоятельности населения в формировании органов местного самоуправления и организационной обособленности последних находит постоянное воплощение в нормах законодательства, принимаемых, начиная с 2003 г. Последовательно и неуклонно законодатель все больше и больше минимизирует права населения на формирование структуры органов местного самоуправления, придумывая для этого различные благовидные поводы. Поправки к Конституции РФ 2020 г. показывают, что стремление к централизации значительно усилилось.

Надо отметить, что призывы к укреплению вертикали власти далеко не всегда сопровождаются откровенным предложением включить низовые органы публичной власти в систему органов государственной власти для формирования честной и единой системы органов государственной власти. Позиция законодателя сводится к построению уязвимой для критики модели публичной власти, в которой органы местного самоуправления, с одной стороны, будут якобы самостоятельно формироваться при участии органов государственной власти. При этом «самостоятельность», во-первых, по мнению судей Конституционного Суда РФ, не может быть абсолютной и всего лишь «исключает решающее участие органов государственной власти “в собственно формировании” органов местного самоуправления, равно как и подмену органов местного самоуправления органами государственной власти при решении вопросов местного значения»¹. Во-вторых, «при таком регулировании от конституционного права граждан самостоятельно определять структуру органов местного самоуправления остается лишь их право включать в жестко заданную на законодательном уровне структуру ее дополнительные звенья»². С другой стороны, в принимаемых нормах акцентируется внимание только на ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления, усиливающей зависимость органов местного самоуправления от органов государственной власти. Ответственность органов государственной власти за негативные последствия сформированных при их непосредственном и решающем участии органов и должностных лиц, за невыполнение обязанностей по своевременному обеспечению отдельных государственных полномочий, невыполнение решений органов местного самоуправления в пределах их компетенции и другие неправомерные действия (бездействия) нигде не отражена. Тогда как даже в царской России считалось, что «для лиц, стоящих у власти, нет греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности» [7, с. 187]. Другими словами, предполагается искаженная советская конструкция публичной власти, при которой «система взаимоотношений органов власти формально допускала самостоятельность местных советов и их исполкомов в решении вопросов местной жизни, в действительности она исключала эту самостоятельность в силу жесткой централизации и концентрации государственной власти, бюрократизации

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области “Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 2.

² См.: Там же.

ее аппарата» [8, с. 168–169], но основанную не на началах коллегиальности, а на принципе единоначалия. Однако, если в советский период была стройная государственная вертикаль, пусть не всегда эффективная, но честная, предполагающая рациональное распределение компетенции и финансовых средств на ее реализацию, то сегодня идет развитие квазисоветских подходов к формированию и деятельности низовых структур публичной власти, в котором: 1) органы местного самоуправления имеют лишь мнимую самостоятельность; 2) обеспечивают при отсутствии достаточных средств реализацию 1 766 полномочий, закрепляющих, в том числе, в 18 федеральных законах полномочия за пределами вопросов местного значения¹. Вместе с тем органы государственной власти субъектов РФ, участвующие в формировании органов местного самоуправления, определяющие их компетенцию и финансовое обеспечение, то есть устанавливающие порядок их организации и деятельности, не несут даже дисциплинарной ответственности перед федеральными органами государственной власти за последствия своих решений в муниципальной сфере.

Публичная власть имеет как функциональную, так и организационную стороны. Если функционально государство должно быть цельным и направленным на единые цели, то в организационной сфере необходимо развивать права граждан и реальные механизмы их реализации. Единственной отправной точкой, от которой может начинаться развитие данных прав, является ст. 12 Конституции РФ в системном единстве с ч. 1 ст. 131. Закрепление конституционного понятия «публичная власть» в системном единстве с ч. 1.1 ст. 131 и так делегирует государству широкие права по укреплению вертикали власти. Дополнительная модификация или ликвидация ст. 12 приведут лишь к излишней суперцентрализации. В связи с этим, нисколько не сомневаясь в том, что ученые, призывающие к изменению Конституции РФ и трансформации принципов, заложенных в ст. 12, «патриоты своей Отчизны и ни о какой дестабилизации не помышляют» [9, с. 42], считаем, что современное стремление к возврату к централизованной модели публичного управления не принесет ни социального, ни экономического положительного эффекта.

Если государство действительно планирует развивать гражданскую активность (об этом постоянно говорят на всех уровнях власти), то такой процесс должен предполагать прежде всего развитие прав граждан в организации самой власти. Если эти права будут (как это происходит сейчас) минимизироваться или превратятся в декларацию, не имеющую реальных механизмов, то ни о каком самоуправлении, правах населения страны по осуществлению власти и активности гражданского общества говорить не придется.

Библиографический список

1. Саратовский проект Конституции России / предисл. В. Т. Кабышева. М.: Формула права, 2006. 64 с.
2. Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М.: Формула права, 2013. 320 с.
3. Кабышев С.В. Муниципальный омбудсмен: зарубежный опыт и его рецепция в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 5(114). С. 72–82.

¹ См.: Комитет Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению. URL: <http://komitet4.km.duma.gov.ru/Polnomochiya-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 23.07.2023).

4. *Жилыев В.А., Быкова А.Г.* Будущее местного самоуправления в Российской Федерации: возвращение к советской системе построения власти в новой оболочке? // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 2(81). С. 151–155.

5. *Колесников А.В.* Толкование категорий «система» и «структура» органов местного самоуправления: теория и практика // Труды Института государства и права РАН = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16, № 3. С. 41–68.

6. *Писарев А.Н.* Местное самоуправление как особая форма системы единой публичной власти: теоретико-правовое исследование в свете конституционной реформы — 2020 // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6. С. 35–39.

7. *Столыпин П.А.* Выступление в Государственной думе 27 апреля 1911 г. с ответом на запрос Государственной думы о неправомерном применении правительством ст. 87 Основных законов Российской империи // Избранные выступления П.А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 годы. М.: Изд. Госдумы, 2012. 228 с.

8. *Овчинников И.И., Писарев А.Н.* Муниципальное право: учеб. и практикум для академ. бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 362 с.

9. *Авакьян С.А.* Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–44.

References

1. *Saratov Draft of the Constitution of Russia / Preface by V. T. Kabyshev.* М.: Formula of Law, 2006. 64 p.

2. *Kabyshev V.T.* With the Constitution for Life: Selected scientific works. М.: Formula of Law, 2013. 320 p.

3. *Kabyshev S.V.* Municipal Ombudsman: Foreign Experience and Its Reception in Russia // Comparative Constitutional Review. 2016. No. 5(114). P. 72–82.

4. *Zhilyaev V.A., Bykova A.G.* The Future of Local Self-Government in the Russian Federation: a Return to the Soviet System of Building Power in a New Shell? // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2(81). P. 151–155.

5. *Kolesnikov A.V.* Interpretation of the Categories “System” and “Structure” of Local Self-Government Bodies: Theory and Practice // Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Vol. 6, no. 3. P. 41–68.

6. *Pisarev A.N.* Local Self-Government as a Special Form of a Unified Public Authority System: Theoretical and Legal Research in the Light of Constitutional Reform — 2020 // State Power and Local Self-Government. 2020. No. 6. P. 35–39.

7. *Stolypin P.A.* Speech in the State Duma on April 27, 1911 with a Response to the Request of the State Duma on the Unlawful Application by the Government of Article 87 of the Basic Laws of the Russian Empire // Selected speeches of P.A. Stolypin in the State Duma and the State Council. 1906–1911. М.: Edition of the State Duma, 2012. 228 p.

8. *Ovchinnikov I.I., Pisarev A.N.* Municipal Law: textbook and practical course for academic bachelor’s degree. 3rd ed., reprint. and suppl. М.: Yurayt, 2017. 362 p.

9. *Avakian S.A.* Draft Laws on Amendments to the Constitution of the Russian Federation: Is the Fourth Round Coming? // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 1. P. 31–44.

И.А. Зырянов

**К РЕФОРМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО НАДЗОРА
— КОНСТИТУЦИОННЫХ И УСТАВНЫХ СОВЕТОВ**

Введение: рекомендательный характер полномочий созданных конституционных советов говорит об их «слабости», что наталкивает на выбор модели правового регулирования, когда конституционные (уставные) советы будут являться сугубо экспертно-аналитическими органами либо станут полноценными независимыми квазисудебными органами. **Цель** — рассмотреть особенности и тенденции развития конституционно-правового регулирования деятельности конституционных и уставных советов. **Методологическая основа:** сравнительный анализ административной практики, моделирование законодательства. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно выбора стратегии изменения законодательства по повышению эффективности работы конституционных (уставных) советов как самостоятельных органов публичной власти и эффективности исполнения их решений. **Выводы:** сегодня решения конституционных (уставных) советов — новый вид решений государственных органов, новый источник конституционного права, что требует разрешения проблем их исполнения, целесообразности обеспечения судебной защитой и мерами государственного принуждения посредством конкретных законодательных изменений.

Ключевые слова: конституционный совет, квазисудебные органы, конституционный надзор, исполнение решений.

I. A. Zyryanov

**TOWARD THE REFORM OF LEGISLATION AND BODIES
OF CONSTITUTIONAL SUPERVISION — CONSTITUTIONAL
AND STATUTORY COUNCILS**

Background: the recommendatory nature of the powers of the established constitutional councils indicates their “weakness”, which leads to the choice of a model of legal regulation, when constitutional (statutory) councils will be purely expert-analytical bodies or become full-fledged independent quasi-judicial bodies. **Objective** — to consider the peculiarities and trends in the development of constitutional and legal regulation of the activities of constitutional and statutory councils. **Methodology:** comparative analysis of administrative practice, modeling of legislation. **Results:** the author’s position regarding the choice of strategy of changing the legislation to improve the effectiveness of constitutional (statutory) councils as independent bodies of public authority and the effectiveness of execution of their decisions is argued. **Conclusions:** today, decisions of constitutional (statutory) councils are a new type of decisions of state

© Зырянов Игорь Александрович, 2023
Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: zyryanovv@yandex.ru
© Zyryanov Igor Aleksandrovich, 2023
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

bodies, a new source of constitutional law, which requires the resolution of problems of their implementation, expediency of providing judicial protection and measures of state coercion through specific legislative changes.

Keywords: *constitutional council, quasi-judicial bodies, constitutional supervision, execution of decisions.*

Упразднение конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации способствовало учреждению некоторыми регионами (республиками) конституционных (уставных) советов (далее — советов), осуществляющих свою деятельность в целях обеспечения высшей юридической силы своих конституций и Конституции РФ. Конституционные советы были учреждены в республиках Саха (Якутия) в 2021 г., в Башкортостане и Адыгее — в 2022 г., в Татарстане — в 2023 г. Возможность создания уставных советов также предусмотрена в Тверской области и Ненецком автономном округе согласно их уставам.

Владимир Терентьевич Кабышев, как руководитель саратовской научной школы конституционного права, занимался проблемами конституционного нормоконтроля и надзора, что непосредственно отразилось в саратовском проекте Конституции, проектах решений Конституционного Суда РФ и его научной деятельности. Ученый был одним из первых авторов, который, размышляя о новом самостоятельном органе конституционного контроля, в 1991 г. высказал оригинальную идею, что Конституционный Суд является гарантом Конституции [1, с. 17]. Но могут ли конституционные (уставные) советы выступать гарантом конституций и уставов субъектов РФ или прав и свобод человека?

Проведя исследование законов и регламентов конституционных советов республик Саха (Якутия), Башкортостан, Адыгея, Татарстан¹, а также изучив практику советов на их сайтах (у совета Адыгеи пока нет сайта и вынесенных решений)², мы пришли к выводу, что решения конституционных советов — новый вид решений органов публичной власти в системе источников российского права. В связи с этим решение конституционного (уставного) совета сегодня выступает новым источником отечественного конституционного права, требующего определения его места в иерархии источников по юридической силе (в том числе, их обязательности или необязательности), решения вопросов его исполнения, целесообразности обеспечения судебной защитой и мерами государственного принуждения.

Вместе с тем анализ законодательства и практики в ходе нашего исследования показал, что действующие конституционные советы приняли более десятка юрисдикционных решений в форме заключений. Однако информацию об их ис-

¹ См.: Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26 мая 2021 г. 2356-З № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)»; Закон Республики Адыгея от 28 апреля 2022 г. № 66 «О Конституционном совете Республики Адыгея»; Закон Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 г. № 625-З «О Конституционном совете Республики Башкортостан». URL: <http://pravo.gov.ru>; Закон Республики Татарстан от 18 июня 2023 г. № 44-ЗРТ «О Конституционном совете Республики Татарстан». URL: https://pravo.tatarstan.ru/gossov/zakon.htm/?nra_id=1216591

² См.: Конституционный совет Республики Башкортостан. URL: <https://ksrb.bashkortostan.ru/>; Конституционный совет Республики Саха (Якутия). URL: <https://konsovet.sakha.gov.ru/>; Конституционный совет Республики Татарстан. URL: <https://konsov.tatarstan.ru/>; Состоялось первое заседание Конституционного совета Республики Адыгея. URL: <https://gshra.ru/press-tsentr/news/sostoyalos-pervoe-zasedanie-konstitutsionnogo-soveta-respubliki-adygeya.html> (дата обращения: 05.07.2023).

полнении нам найти не удалось (или не имеется) на их сайтах, ни на просторах интернета, ни в СМИ. По нашему мнению, основная проблема заключается в отсутствии механизма исполнения решений конституционных (уставных) советов и мер государственного принуждения по их исполнению в федеральном и региональном законодательстве, которые в итоге носят рекомендательный и необязательный характер. Указанные аспекты в будущем существенно могут затруднить исполнение подобных решений и пошатнуть их обязательность и юридическую силу как нового источника конституционного права, что умаляет властный авторитет данных актов.

Сегодня сложилось четыре модели правового статуса советов: как самостоятельного государственного органа субъекта (Татарстан); «как экспертно-консультативного органа (Адыгея); как института, преимущественно обеспечивающего законодательную деятельность в субъекте РФ, но наделенного полномочием и в сфере последующего нормоконтроля, реализуемым в связи с жалобами граждан (Башкортостан); как органа, осуществляющего и предварительный, и последующий нормоконтроль в связи с обращениями государственных органов и должностных лиц (Саха (Якутия))» [2, с. 21]. С учетом этого возникает другая проблема — конституционные (уставные) советы могут носить смешанный или размытый характер компетенции как органа конституционного контроля или надзора, с одной стороны, и как квазисудебного либо совещательного органа, с другой стороны, за счет нечетко определенной в федеральном законодательстве их компетенции, что, по нашему мнению, порождает необоснованную асимметрию, неединообразие и неравенство в их статусе, умаление прав и свобод граждан, ограничение органов публичной власти в компенсаторных механизмах разрешения споров. Такое положение вещей выглядит серьезной угрозой нарушения конституционного принципа единства государственной власти. Например, совет Республики Адыгеи ограничен единственным полномочием по проверке проектов конституционных законов республики, советы республик Татарстан и Башкортостан как квазисудебный орган вправе рассматривать жалобы граждан, совет Башкортостана обладает правом законодательной инициативы, но его решения непосредственно по закону носят рекомендательный характер.

Сказанное, с нашей точки зрения, показывает несостоятельность советов в законодательстве как независимых и самостоятельных органов публичной власти, учреждаемых при законодательных собраниях субъектов (за исключением совета Республики Татарстан) и многократно дублирующих на практике компетенцию других органов власти. В то время как в механизм совершенствования федеративных отношений, по нетеряющей актуальности позиции профессора В. Т. Кабышева, «в полную меру необходимо включить конституционную юстицию в разрешение правовых коллизий» [1, с. 89]. Например, полномочия по предварительному конституционному нормоконтролю проектов правовых актов — дублирование функций экспертно-аналитических советов или управлений при законодательных собраниях субъектов РФ, управлений Министерства юстиции субъектов РФ, на практике дающих свои экспертные заключения; по последующему конституционному надзору — полномочия судов общей юрисдикции в порядке гл. 21 КАС РФ, функции органов прокуратуры, которые обращаются в суды за обжалованием уставов, правовых актов муниципальных органов и региональных законов на их соответствие конституциям (уставам) субъектов.

Совещательные функции дублируются и в регионах, где есть юридические вузы или факультеты, научные и образовательные учреждения, в которые органы власти также обращаются за получением экспертных заключений по проектам правовых актов или действующим правовым актам.

Выход из сложившейся ситуации видится в необходимости четкого формально определенного установления в законодательстве одной из двух моделей нормативного регулирования деятельности конституционных (уставных) советов: как самостоятельного квазисудебного надзорного органа либо сугубо совещательного органа.

Первая модель квазисудебного органа потребует введения отдельной статьи, регулирующей элементы статуса советов, общего правила по установлению полномочия по обязательному рассмотрению жалоб граждан, процедуры исполнения решений советов и наделением их правом законодательной инициативы в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2023 г.)¹. Для этого необходимо ввести формулу гарантий обеспечения их исполнения судебной защитой, а также внутренний и внешний мониторинг их деятельности, мониторинг за исполнением их решений.

Внутренний мониторинг целесообразно возложить на аппарат законодательных собраний регионов или самих советов, а внешний мониторинг закрепить за территориальными управлениями Министерства юстиции субъектов РФ. Этим же органам власти можно предоставить полномочия по привлечению к ответственности за неисполнение решений советов. В данном случае возможно два варианта.

Если органом, привлекающим к ответственности за неисполнение решений советов, будут установлены территориальные управления Министерства юстиции РФ, то в КоАП РФ можно ввести отдельную статью за неисполнение решений конституционных (уставных) советов в виде штрафов. В дальнейшем смогут автоматически применяться федеральные гарантии мер государственного административного принуждения, предусмотренные КоАП РФ. Возможно и принятие специального федерального конституционного закона об общих принципах организации конституционных и уставных советов, поскольку изначально их регулирование было установлено именно таким видом акта.

Без установления специального регулирования в упомянутом ранее федеральном законе уже сейчас в законах республик о конституционных советах и административном законодательстве возможно предусмотреть полномочия для законодательных собраний регионов по привлечению к административной ответственности за неисполнение решений советов.

По нашему убеждению, при использовании именно первой модели новые советы смогут выступать гарантом конституций и уставов субъектов РФ, прав и свобод человека в рамках фактической реализации постулата В. Т. Кабышева: «Конституция, 1993 года сделала попытку поставить власть на службу обществу» [1, с. 89].

Относительно второй модели озвучим доводы за конституционные и уставные советы именно как экспертно-консультативные (совещательные) органы. Советы должны будут включаться в регламенты законодательных собраний регионов

¹См.: СЗ РФ. 2021. № 52, ст. 8973; 2023. № 52, ст. 6217.

как структурные подразделения параллельно отделам, комитетам, комиссиям или иным экспертно-аналитическим подразделениям либо должно произойти реформирование уже существующих подобных экспертно-аналитических институтов законодательных собраний в такие советы для исключения дублирования их функций.

Советы будут состоять из государственных служащих, которые нанимаются работодателем, но не выбираются (не назначаются) иными ветвями власти во избежание нарушения конституционного принципа разделения государственной власти на ветви. К их навыкам и квалификации могут предъявляться особые требования, которые остаются на усмотрение субъекта РФ: стаж экспертной работы в законотворческой деятельности, юридическое образование, наличие ученой степени и др.

В этом случае в федеральном законодательстве следует установить исключение квазисудебных полномочий советов по рассмотрению жалоб граждан и споров о компетенции между органами публичной власти для снятия критики, что решения советов носят сугубо рекомендательный характер.

Библиографический список

1. *Кабышев В.Т.* С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М.: Формула права, 2013. 320 с.
2. *Брежнев О.В.* Проблемы организации и компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 4(149). С. 21–30.

References

1. *Kabyshv V.T.* With the Constitution for Life: Selected scientific works. M.: Formula of Law, 2013. 320 p.
2. *Brezhnev O.V.* Problems of Organization and Competence of Constitutional (Statutory) Councils of Subjects of the Russian Federation // Actual Problems of Russian Law. 2023. Vol. 18, no. 4(149). P. 21–30.

А.А. Подмарев, А.А. Фролов

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ЖИЛИЩЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАКТИКА РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ЗАЩИТЫ ДАННОГО ПРАВА

Введение: Конституционный Суд РФ является важнейшим институтом защиты исследуемого права и установления отдельных правомочий, образующих его содержание, поэтому актуальным представляется рассмотрение значимых его решений, которые помогают раскрыть конституционные нормы, затрагивающие право на жилище. **Цель** — на основе анализа Постановлений Конституционного Суда РФ определить его место и роль в системе реализации и защиты конституционного права на жилище. **Методологическая основа:** формально-юридический метод позволил уточнить содержание права на жилище в российском законодательстве. Сравнительно-правовой анализ помог обобщить теоретические выводы. **Результаты:** проанализирован ряд важных решений Конституционного Суда РФ по вопросам реализации и защиты конституционного права на жилище, выявлены проблемы соотношения конституционных норм исследуемого права и предписаний текущего законодательства. **Выводы:** правовые позиции Конституционного Суда РФ способствуют выявлению и устранению противоречий между конституционным правом на жилище и действующим жилищным законодательством.

Ключевые слова: право на жилище, Конституционный Суд РФ, защита права на жилище, ограничения права на жилище, правовые позиции.

A.A. Podmarev, A.A. Frolov

THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO HOUSING IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE DECISIONS PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE PROTECTION OF THIS RIGHT

Background: the Constitutional Court of the Russian Federation is an essential legal institution for the protection of the right under study and the establishment of certain powers that form its content, so it is relevant to consider the most important of its decisions,

© Подмарев Александр Александрович, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: podmarev2004@mail.ru

© Фролов Алексей Александрович, 2023

Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: AAFrolov1975@yandex.ru

© Podmarev Alexander Alexandrovich, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

© Frolov Alexey Alexandrovich, 2023

Candidate of Law, Lecturer at the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

which help to reveal the constitutional norms affecting the right to housing. **Objective** — based on the analysis of the Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation, to determine its place and role in the system of implementation and protection of the constitutional right to housing. **Methodology**: the formal legal method made it possible to conduct a legal analysis of the legal material under study. Based on the formal-logical method, it was possible to reveal the content of the right to housing in normative acts. Comparative legal analysis helped to generalize the theoretical conclusions. **Results**: a number of important decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the implementation and protection of the constitutional right to housing were analyzed, problems of correlation between the constitutional norms of the law under study and legislation were identified. **Conclusions**: the legal positions of the Constitutional Court of the resolution of the Russian Federation and the elimination of the identified contradictions between the constitutional right to housing and the application of housing law except.

Keywords: right to housing, the Constitutional Court of the Russian Federation, protection of the right to housing, restrictions on the right to housing, legal positions.

Конституционное закрепление обязанности Российского государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека есть выражение сущности нового конституционного строя России...

В.Т. Кабышев. Защита прав человека — главное направление правовой политики России

Право человека на жилище получило свое конституционное закрепление относительно недавно. Большинство ученых данное право относят к социально-экономическим правам, которые стали вторым поколением прав человека [1]. Конституционно право на жилище закрепляется и гарантируется в ст. 40 Основного Закона страны.

Право на жилище было установлено Конституцией СССР 1977 г. Исходя из норм советской Конституции, данное право гарантировалось непосредственно всем гражданам страны¹. Гарантией реализации данного права выступало обеспечение развития и охрана государственного и общественного жилищного фонда со стороны государства, а также содействие кооперативному и индивидуальному жилищному строительству, справедливому распределению под общественным контролем жилой площади. Гражданам СССР также гарантировалась невысокая плата за квартиру и коммунальные услуги. С уверенностью можно сказать, что право на жилище в советские времена воспринималось как социальная обязанность государства в его предоставлении. Жилищные отношения строились на равноправии жилищной политики государства в отношении советских граждан. Наличествовало доминирование государственной формы собственности.

В Конституции РСФСР 1978 г. роль государства в обеспечении граждан жильем признавалась главенствующей (как известно, положения союзной Конституции дублировались республиканскими конституциями).

С принятием новой Конституции, а именно Конституции РФ 1993 г., существенно изменились подходы по многим вопросам конституционного характера. Как отмечал профессор В.Т. Кабышев: «Одним из ключевых аспектов Консти-

¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41, ст. 617.

туции РФ 1993 года является принцип приоритета ценности человека, его прав и свобод, которые поставлены на вершину конституционного строя» [2, с. 306].

В Основном Законе право на жилище также претерпело переоценку в его реализации, гарантии, защите. В целом содержание конституционного права на жилище может быть сведено к ряду правовых возможностей: во-первых, возможность регулярного использования имеющегося жилья из различных жилищных фондов (государственных и муниципальных); во-вторых, это возможность улучшить свое жилищное положение различными способами (например, строительство жилья либо его приобретение с использованием заемного капитала; получение жилья бесплатно или за достойную плату в рамках различных государственных программ); в-третьих, возможность прибегнуть к защите от произвольного лишения жилища (принцип недопустимости произвольного лишения жилища) [3, с. 14; 4, с. 223; 5, с. 6].

На момент принятия Конституции РФ в 1993 г. жилищные отношения регулировались Жилищным кодексом РСФСР 1983 г.¹, затем и по настоящее время — Жилищным кодексом РФ 2004 г.², а также другими законами и многочисленными подзаконными актами.

За тридцать лет, прошедших с принятия Конституции РФ, проблемы соотношения конституционных норм о праве на жилище и жилищного законодательства неоднократно становились предметом рассмотрения Конституционного Суда России (только постановлений принято более 50). В этих решениях Конституционный Суд разъяснил множество спорных вопросов, возникавших при применении жилищного законодательства.

Приведем некоторые наиболее важные решения.

В Постановлении от 25 апреля 1995 г. № 3-П по делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Н. Ситаловой Конституционный Суд РФ отметил, что регистрация или отсутствие таковой не могут служить основанием ограничения или условием реализации права на жилище³.

В Постановлении от 23 июня 1995 г. № 8-П по делу о проверке конституционности ч. 1 и п. 8 ч. 2 статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е. Р. Такновой, Е. А. Оглобина, А. Н. Ващука Суд разъяснил, что «временное непроживание лица в жилом помещении, в том числе в связи с осуждением его к лишению свободы, само по себе не может свидетельствовать о ненадлежащем осуществлении нанимателем своих жилищных прав и обязанностей и служить самостоятельным основанием для лишения права пользования жилым помещением»⁴.

В Постановлении от 24 мая 2001 г. № 8-П в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой Суд разъяснил, что «предоставляя гражданам, имеющим длительный стаж работы в районах Крайнего Севера и приравненных

¹ См.: Жилищный кодекс РСФСР от 24 июня 1983 г. (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1983. № 26, ст. 883.

² См.: Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 28 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 2005. № 1, ч. 1, ст. 14; 2023. № 18, ст. 3227.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Н. Ситаловой» // СЗ РФ. 1995. № 18, ст. 1708.

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 июня 1995 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е. Р. Такновой, Е. А. Оглобина, А. Н. Ващука» // СЗ РФ. 1995. № 27, ст. 2622.

к ним местностях, право на получение безвозмездных жилищных субсидий, государство тем самым способствует удовлетворению их потребностей в жилье и обеспечивает возможность иметь жилье в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами, в том числе на основе свободы выбора места жительства. Финансовая поддержка со стороны государства позволяет гражданам, работающим и проживающим в этих районах и местностях, решать проблему приобретения жилья в регионах с благоприятными для проживания и трудовой деятельности условиями. Таким образом, право граждан на получение жилищных субсидий за счет средств федерального бюджета при переселении из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в другие регионы России установлено законодателем в конституционно значимых целях, связано с реализацией права на жилище, права на вознаграждение за труд, права свободно передвигаться, выбирать место жительства, а также имущественных прав (статья 37, часть 3; статья 40; статья 27, часть 1; статья 35, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации)¹.

В 2006 г. Конституционный Суд отметил, что граждане в условиях рыночной экономики обеспечивают осуществление своих жилищных прав самостоятельно, используя для этого различные допускаемые законом способы². В 2007 г. высший судебный орган конституционного контроля подтвердил данное заключение³.

В 2010 г., объясняя значение ч. 2 и 3 ст. 40 Конституции РФ, Конституционный Суд указал, что федеральному законодателю на конституционном уровне предписывается не только определять категории граждан, нуждающихся в жилище, но и устанавливать конкретные формы, источники и порядок обеспечения их жильем с учетом финансово-экономических и иных возможностей, имеющихся в настоящее время у государства⁴.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона “О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей” в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой» // СЗ РФ. 2001. № 22, ст. 2276.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 2 статьи 2 Федерального закона “О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации” и части первой статьи 4 Закона Российской Федерации “О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации” (в редакции статьи 12 Федерального закона “О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации”) в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой граждан М.Ш. Орлова, Х.Ф. Орлова и З.Х. Орловой» // СЗ РФ. 2006. № 26, ст. 2876.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 апреля 2007 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 14 статьи 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” и пункта 8 Правил выпуска и погашения государственных жилищных сертификатов в рамках реализации подпрограммы “Государственные жилищные сертификаты” на 2004–2010 годы, входящей в состав федеральной целевой программы “Жилище” на 2002–2010 годы, в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2007. № 15, ст. 1820.

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2010 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 14 статьи 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих”, пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации “О порядке выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим — гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей” и пункта 1 Положения о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей в связи с жалобой гражданина С.В. Глушкова» // СЗ РФ. 2010. № 7, ст. 774.

Постановлением от 26 апреля 2021 г. № 15-П Конституционный Суд РФ решил лишать должников единственного жилья¹. Однако данная норма коснется только «недобросовестных» должников, которые злоупотребили конституционным правом на жилище и его неприкосновенностью. Право на жилище не означает, что ни при каких обстоятельствах жилищные условия должника не должны ухудшаться. Конституционное право на жилье необходимо для обеспечения граждан и членов их семей «сохранением обеспеченности жильем, достаточной для достойного существования» и не более.

Резюмируя изложенное, подчеркнем, решения Конституционного Суда РФ оказывают огромное влияние на защиту конституционного права на жилище. Вынося решения, по спорным вопросам жилищного законодательства, Конституционный Суд РФ разъясняет конституционно-правовую природу права на жилище, раскрывает его содержание, закрепленное в ст. 40 Конституции РФ. Правовые позиции Конституционного Суда РФ способствуют решению и устранению выявленных противоречий между конституционным правом на жилище и действующим жилищным законодательством.

Библиографический список

1. Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. 3-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 512 с.
2. Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М.: Формула права, 2013. 320 с.
3. Седугин П.И. Жилищное право: учебник. М.: Норма, 2000. С. 14.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / А.М. Дроздова [и др.]; под ред. С.А. Комарова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 409 с.
5. Герасимов Р.А. Конституционное право на жилище и механизм его реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2005. 218 с.

References

1. Human Rights: textbook / ed. by E.A. Lukasheva. 3rd ed., reprint. M.: Norm: INFRA-M, 2022. 512 p.
2. Kabyshev V.T. With the Constitution for Life: Selected scientific works. M.: Formula of Law, 2013. 320 p.
3. Sedugin P.I. Housing Law: textbook. M.: Norm, 2000. P. 14.
4. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / A.M. Drozdova [et al.]; ed. by S.A. Komarov. 4th ed., reprint. and additional M.: Yurait, 2023. 409 p.
5. Gerasimov R.A. The Constitutional Right to Housing and the Mechanism of Its Implementation: dis. ... cand. of Law. Kolomna, 2005. 218 p.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» // СЗ РФ. 2021. № 19, ст. 3290.

С.А. Привалов, А.В. Шиндина

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ И ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ*

Введение: статья посвящена анализу существующих направлений цифровой трансформации институциональной, правовой, а также функциональной составляющих механизма публичной власти, а также исследованию основных проблем, сопровождающих данный процесс. Актуальность темы обусловлена перманентным и необратимым процессом цифровизации всех областей общественной жизни, в том числе цифровизации органов государственной власти и местного самоуправления. **Цель** — исследовать существующие направления цифровизации деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. **Методологическая основа:** метод материалистической диалектики, а также методы анализа и синтеза. **Результаты:** изучены как сложившиеся, так и гипотетические векторы цифровизации органов государственной власти и местного самоуправления, нормативная база их регламентирования, а также проблемы их правового регулирования. **Выводы:** сегодня в Российской Федерации предпринимаются определенные организационные и правовые шаги по широкомасштабному и глубокому внедрению цифровых «инструментов» в деятельность органов государственной власти. Наибольшее внимание уделяется социальным направлениям цифровой трансформации (например, развитие и продвижение концепций «Умный город» и «Активный гражданин»). Рассматриваются и более глобальные вопросы цифровизации права, например развитие концепта машиночитаемого права.

Ключевые слова: цифровизация, машиночитаемое право, машинопроектируемое право, органы государственной власти и местного самоуправления, «Умный город», «Активный гражданин», национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

© Привалов Сергей Александрович, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: priwalov.balantre@yandex.ru

© Шиндина Анна Владимировна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: a.v.shindina@yandex.ru

© Privalov Sergey Alexandrovich, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy); e-mail: priwalov.balantre@yandex.ru

© Shindina Anna Vladimirovna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

* Авторы выражают благодарность Российскому научному фонду за финансовую поддержку научно-исследовательской работы № 23-28-01252 «Трансформация института местного самоуправления в Российской Федерации в условиях развития современных цифровых технологий: правовые аспекты», в рамках которой была подготовлена данная статья.

S. A. Privalov, A. V. Shindina

THE MAIN VECTORS AND PROBLEMS OF DIGITAL
TRANSFORMATION OF PUBLIC AUTHORITIES AND LOCAL
SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA

Background: the article is devoted to the analysis of the existing directions of digital transformation of institutional, legal, and functional components of the mechanism of public authority, as well as the study of the main problems accompanying this process. The relevance of the topic is due to the permanent and irreversible process of digitalization of all areas of public life, including the digitalization of public authorities and local self-government. **Objective** — to study of the existing areas of digitalization of the activities of state and local authorities. **Methodology:** the dialectic method, methods of analysis and synthesis. **Results:** both established and hypothetical vectors of digitalization of public authorities and local self-government bodies, the normative base of their regulation, as well as the problems of their legal regulation are studied. **Conclusions:** today in the Russian Federation, certain organizational and legal steps are being taken to introduce digital “tools” into the activities of public authorities on a large scale and in depth. The greatest attention is paid to the social areas of digital transformation (e.g., the development and promotion of the concepts of “Smart City” and “Active Citizen”). Considerable attention is also paid to more global issues of legal regulation of digitalization, such as the development of the concept of machine-readable law.

Keywords: digitalization, machine-readable law, machine-projected law, public authorities and local self-government, “Smart city”, “Active citizen”, national program “Digital Economy of the Russian Federation”.

Перманентное развитие информационных технологий и вовлеченность технологий искусственного интеллекта во все сферы общественной деятельности становятся неотъемлемой характеристикой современного общества.

Векторные направления трансформации современного общества базируются на основах цифрового развития и массовой интеграции автоматизированных процессов в любой вид деятельности, в том числе в деятельность органов публичной власти. Вопрос цифровизации органов власти, а также переориентации государственных услуг с позиции сервисного государства — неизбежные преобразования, о необходимости которых неоднократно говорилось, в том числе и в конце XX в. [1].

Безусловно, краеугольным камнем таковой деятельности выступает сохранение конституционно закрепленного концепта «права человека и гражданина — высшая ценность». Указанное неоднократно подчеркивал в своих трудах профессор В. Т. Кабышев. Например, Владимир Терентьевич указывал, что права человека — «это единственная высшая ценность, все остальные общественные ценности по отношению к ней занимают иной конституционный уровень и не могут ей противоречить» [2, с. 240].

Одним из вариантов развития правового регулирования на уровне органов государственной власти и органов местного самоуправления для улучшения качества жизни человека и гражданина является разработка концепта машиночитаемого права, а также развитие векторов его практического применения. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин так отметил актуальность рассматриваемого вопроса: «Первое, что необходимо сделать, — это

преодолеть бессистемность в разработке законодательства, несогласованность между различными законодательными актами, нечеткость формулировок норм законодательных актов. Различные законы готовятся различными группами разработчиков, из-за этого часто возникают нестыковки по многим понятиям»¹. Так, гипотетическим вариантом решения данной проблемы, может стать такое уникальное направление концепции машиночитаемого права, выделяемое И. В. Понкиным, как машинопроектируемое право [3, с. 75; 4, с. 64].

Как указывает Т. Я. Хабриева, происходящая технологическая революция ставит новые задачи перед правом, «с одной стороны, оно продолжает быть средством и инструментом, обеспечивающим цифровизацию государственного и муниципального управления, правосудия, форм и способов реализации прав и свобод, цифровизацию экономики, других публичных и частных сфер жизнедеятельности; с другой стороны, право и его институты подвергаются цифровизации, становятся ее объектом, возникают кросс-отраслевые юридические нормы, а также создаются циклические соединения в праве и циклические правовые массивы» [5, с. 89].

Утвержденная Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности Концепция развития технологий машиночитаемого права² определяет развитие машиночитаемого права через призму создания онтологий. Мы же считаем, что указанный программный документ стоит усилить в части определения векторных направлений цифровизации права и, как следствие, деятельности государственных и муниципальных органов. Предлагаем рассмотреть следующие базовые направления трансформационной деятельности в области цифровизации права: 1) алгоритмизация юридических процессов и нормотворчества; 2) внедрение в процесс нормотворчества принципов работы посредством использования компьютерного кода; 3) приведение к единообразию всех определений и понятий, используемых в различных нормативных актах; 4) выявление малоэффективных правовых норм и разработка предложений, направленных на их трансформацию; 5) стратегическое планирование нормотворческой работы; 6) увеличение качественных и оперативных показателей нормотворческой работы.

Считаем, что предложенная работа должна в первую очередь проводиться на уровне органов местного самоуправления. Стоит отметить, что интеграция машиночитаемого права в трансформационные процессы цифровой деятельности органов местного самоуправления — средство достижения задач, поставленных программными документами, направленными на устойчивое развитие муниципалитетов.

Проявлением указанного ранее выступает наличие ряда документов стратегического планирования на уровне национальных приоритетов государства, ориентированных на формирование информационного общества и цифровой экономики для органов местного самоуправления. Например, Национальная

¹ Зорькин В. Законодательство должно быть открытым // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2006/07/07/zorkin.html> (дата обращения: 27.06.2023).

² См.: Концепция развития технологий машиночитаемого права // Министерство экономического развития Российской Федерации: сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6abf3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (дата обращения: 27.06.2023).

программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹ в своей структуре содержит направление «Цифровое государственное управление», в рамках которого запланирована работа по созданию комплекса системных мер, нацеленных на ускорение цифровой трансформации муниципалитетов по ключевым направлениям, в том числе в сфере предоставления муниципальных услуг, развития информационной инфраструктуры в муниципальных учреждениях, внедрения цифровых платформ инвентаризации, учета и контроля энергоресурсов и имущественных комплексов муниципалитетов. Дополнительно приказом Министра России от 25 декабря 2020 г. № 866/пр утверждена концепция проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город»².

Одним из качественных показателей реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»³ является «обеспечение удовлетворенности граждан качеством предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде». Стоит отметить, что распоряжением Правительства РФ от 1 октября 2021 г. № 2765-р утвержден Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года⁴, в которых качественным показателем реализации данного критерия выступают «увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 процентов». Ввиду указанного необходимо подчеркнуть, что проведение рассматриваемых процессов во многом зависит от реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы⁵, положения которой направлены на подключение к Интернету, в том числе и граждан, не имеющих возможности подключения к Сети. Как видно из срока реализации Стратегии, в настоящее время этот вопрос не решен. Примечательно, что, по данным Росстата, домашнего доступа к Интернету нет у 28,6 % российских домохозяйств, при этом большинство из них не могут его установить из-за отсутствия средств или по другим причинам. Кроме того, 38,3 % семей в России живут без стационарного или портативного компьютера. Мобильного телефона нет у 1,4 % домохозяйств⁶. Указанная статистика ставит под вопрос цифровую зрелость современного российского общества и позволяет говорить о том, что задел и, следовательно, дальнейшая перспектива есть у предполагаемых трансформационных процессов органов местного самоуправления.

Резюмируя, выделим основные выводы:

происходящие трансформационные процессы цифровизации права и органов государственной власти и местного самоуправления не футуристическая концепция, а сформированная целостная государственная политика;

¹ См.: Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 07.06.2023).

² См.: Приказ Министра России от 25 декабря 2020 г. № 866/пр «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства “Умный город”». URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/81884/> (дата обращения: 07.06.2023).

³ См.: Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 07.06.2023).

⁴ См.: Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. URL: <https://www.economy.gov.ru/search=1&s> (дата обращения: 10.06.2023).

⁵ См.: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687> (дата обращения: 12.06.2023).

⁶ См.: Росстат: почти треть домохозяйств не имеет доступа к интернету. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4900915> (дата обращения: 10.05.2023).

заложенные векторные ориентиры развития инновационных подходов государственных органов и местного самоуправления стоит реализовывать на местном уровне, так как есть позитивная практика работы цифровых проектов «Умный город» и «Активный гражданин»;

технологии машиночитаемого права могут позволить ускорить процесс интеграции государственных приоритетов и обеспечить их качественное правовое сопровождение.

Библиографический список

1. *Drucker Peter F.* The Practice of Management. Harper Collins, 2010. 416 p.
2. *Кабышев В.Т.* Защита прав человека и гражданина — критерий эффективности публичной власти // В.Т. Кабышев. С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М.: Формула права, 2013. 320 с.
3. *Понкин И.В.* Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в RegTech, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8, № 9. С. 59–69.
4. *Вашкевич А.М.* Автоматизация права: право как электричество. М.: Симплоер, 2019. 256 с.
5. *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

References

1. *Drucker Peter F.* The Practice of Management. Harper Collins, 2010. 416 p.
2. *Kabyshev V.T.* Protection of Human and Civil Rights — the Criterion of Public Authority Efficiency // V.T. Kabyshev. With the Constitution in Life: selected scientific works. M.: Formula of Law, 2013. 320 c.
3. *Ponkin I.V.* Concept of Machine-Readable and Machine-Executable Law: Relevance, Purpose, Place in RegTech, Content, Ontology and Prospects // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Vol. 8, no. 9. P. 59–69.
4. *Vashkevich A.M.* Automation of Law: Law as Electricity. M.: Simpler, 2019. 256 p.
5. *Khabrieva T.Y., Chernogor N.N.* The Right in Conditions of Digital Reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 1. P. 85–102.

Ю.Я. Дубровина

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЫХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Введение: активное внедрение в российский избирательный процесс современных избирательных технологий ставит задачи по выработке новых способов защиты избирательных прав, по формированию и развитию электоральной культуры граждан. **Цель** — проанализировать современные акты, регулирующие вопросы повышения электоральной культуры молодых избирателей, сформулировать направления повышения электоральной культуры молодых избирателей. **Методологическая основа:** логический и формально-юридический методы познания. **Результаты:** установлено, что формирование электоральной культуры способствует повышению доверия к современным избирательным технологиям, повышению доверия к избирательной системе в целом. В условиях применения современных избирательных технологий первостепенную роль необходимо отвести вопросам формирования электоральной культуры молодых и будущих избирателей. **Выводы:** аргументируется позиция о необходимости модернизации Молодежной электоральной концепции 2014 г. Автором сформулированы направления повышения электоральной культуры молодых избирателей.

Ключевые слова: выборы, электоральная культура, молодежь.

Yu. Ya. Dubrovina

PROMISING AREAS OF IMPROVING THE ELECTORAL CULTURE OF YOUNG VOTERS

Background: the active introduction of modern electoral technologies into the Russian electoral process poses the task of developing new ways of protecting electoral rights and improving the ways of raising the electoral culture of citizens. **Objective** — to analyze modern acts regulating the issues of improving the electoral culture of young voters, to formulate directions for improving the electoral culture of young voters. **Methodology:** logical and formal legal research methods. **Results:** it has been established that the improvement of electoral culture contributes to the increase of trust in modern electoral technologies and trust in the electoral system as a whole. In the conditions of application of modern electoral technologies, the issues of increasing electoral culture of young and future voters should be given a primary role. **Conclusions:** the position on the need to modernize the Youth Electoral Concept of 2014 is argued. The author formulates the directions for improving the electoral culture of young voters.

Keywords: elections, electoral culture, youth.

© Дубровина Юлия Яковлевна, 2023

Аспирант кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: yulia-1097@bk.ru

© Dubrovina Yulia Yakovlevna, 2023

Postgraduate student of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

Подчеркивая роль института выборов в современном демократическом правовом государстве, В. Т. Кабышев справедливо отмечал, что «выборы — это одна из ценностей современной цивилизации, выражение демократизма государства» [1, с. 138]. Главное назначение выборов в том, что они призваны «как выявить суверенную политическую волю избирателей, так и узаконить ее» [2, с. 302]. Б. С. Эбзеев говорит, что право избирать и быть избранным — «...это важнейшее из политических прав — то право, которое из обывателя делает гражданина» [3, с. 2–9].

Сегодня в российский избирательный процесс активно внедряются новые избирательные технологии. При этом в избирательной сфере существуют электоральные стереотипы, чаще всего негативные [4, с. 140–141], которые отрицательно влияют на отношение избирателей к выборам. В частности, в обществе распространенными становятся стереотипы о непрозрачности, небезопасности процедуры голосования, о невозможности бесперебойной работы сервисов, обеспечивающих отдельные технологии голосования.

Негативная информация в сфере выборов может формироваться также путем распространения ложной информации (фейков). Эксперты ассоциации «Независимый общественный мониторинг», в частности, отмечают: «Фальсификация в российском информационном пространстве добивается эффекта “когнитивного искажения”, где используются приемы акцентирования внимания на негативе, чрезмерном обобщении, навязывании авторской позиции в качестве контекста, который пользователь по итогу начинает отстаивать как личное мнение»¹. Используются новые инструменты распространения фейковой информации о нарушениях на выборах, например специальные «карты нарушений», на которых пользователи в сети Интернет могут оставлять информацию о нарушениях, которая не проверяется и может быть недостоверной.

В условиях применения современных избирательных технологий и формирования новой цифровой реальности происходит трансформация правосознания современного российского избирателя, электоральной правовой культуры. А. А. Головина пишет, что разум человека цифровой эпохи очень подвержен влиянию извне. Это влияние может быть как конструктивным, так и деструктивным [5, с. 28–33].

Представляется, что отсутствие специализированных знаний о работе тех или иных избирательных технологий может привести к формированию негативного отношения к ним, а в итоге и отрицательного отношения к избирательной системе в целом. В связи с этим особое значение приобретает повышение электоральной культуры молодых и будущих избирателей.

В 2014 г. Центральной избирательной комиссией Российской Федерации была принята Молодежная электоральная концепция (МЭК)². В ней определялись такие направления работы по реализации Молодежной электоральной концепции, как правовое просвещение молодых и будущих избирателей, обучение будущих избирателей, правовое просвещение молодых избирателей, проведение Дня молодого избирателя, привлечение молодежи к работе в избирательных

¹ См.: НОМ рассказал о фейках в электоральных процессах. URL: <https://sytomino.ru/msu/structure/administratsiya-selskogo-poseleniya-syitomino/novosti-1/media/2020/5/8/nom-rasskazal-o-fejkah-v-elektoralnyih-protsessah/> (дата обращения: 29.05.2023).

² См.: Постановление ЦИК России от 12 марта 2014 г. № 221/1429-6 «О Молодежной электоральной концепции» (с изм. от 7 октября 2015 г.) // Вестник ЦИК России. 2014. № 3.

комиссиях, взаимодействие с молодежными парламентами и др. В рамках Молодежной электоральной концепции также отмечалось, что сейчас необходимо разработать и применять современные технологии обучения и информирования молодых граждан, а также более активно использовать сеть Интернет.

В условиях цифровизации выборов, а также с целью актуализации и дальнейшего развития положений, отраженных в Молодежной электоральной концепции 2014 г., межрегиональной рабочей группой добровольцев Российского фонда свободных выборов, а также представителями молодежных избирательных комиссий в 2021 г. был предложен обновленный проект МЭЖ¹. Авторами сформулирован комплекс предложений по развитию правосознания молодежи и повышению электоральной культуры молодых и будущих избирателей. Актуальность работы обусловлена динамичным развитием избирательной системы, цифровизацией выборов. В обновленном проекте предлагались новые направления реализации концепции, среди которых «повышение правовой культуры молодых журналистов и блогеров», «организация молодежной электоральной деятельности в сети Интернет», «поддержка талантливой молодежи системой избирательных комиссий Российской Федерации», «подготовка молодых экспертов в области избирательного права и процесса», «организация международного молодежного электорального сотрудничества»².

Видится, что в условиях активного использования цифровых технологий в избирательном процессе правовое просвещение молодых избирателей должно проходить с использованием аналогов современных избирательных технологий. При информировании избирателей отдельное внимание нужно уделять социальным сетям, которые являются источником информации для избирателей.

Таким образом, повышение электоральной культуры молодых избирателей выступает инструментом формирования доверия к современным избирательным технологиям и избирательной системе в целом. Повышение электоральной культуры необходимо осуществлять в рамках обновленного варианта Молодежной электоральной концепции.

Библиографический список

1. *Кабышев В.Т.* Институт свободных выборов в системе конституционного строя России: проблемы реализации, тенденции развития // Политико-правовые механизмы формирования институтов публичной власти: матер. и докл. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 30 мая – 3 июня 2012 г.) / под ред. В.В. Полянского, В.Э. Волкова. Самара: Изд-во Самар. ун-т, 2012. С. 138–142.
2. *Кабышев В.Т.* Выборы в зеркале конституционного правосудия (некоторые размышления) // С Конституцией по жизни: избр. науч. тр. М.: Формула права, 2013. 320 с.
3. *Борис Эбзеев:* «Конституция определяет жизнь каждого из нас» [Интервью с Б.С. Эбзеевым] // Юрист. 2020. № 2. С. 2–9.

¹ См.: Молодежная электоральная концепция. Версия-2021. URL: <https://rfsv.ru/practice/proekty-programmy-anonsy/molodezhnaia-elektoralnaia-kontseptsiia-versiia-2021> (дата обращения: 10.07.2023).

² См.: Публичная защита и общественное обсуждение состоялось в рамках круглого стола «Молодежная электоральная концепция. Версия-2021», организованного Российским фондом свободных выборов 16–18 марта 2021 г. Проект Концепции представили координаторы межрегиональной молодежной рабочей группы Пащенко Илья Юрьевич (Краснодар), Дубровина Юлия Яковлевна (Саратов) — добровольцы Российского фонда свободных выборов. Молодежная электоральная концепция — 2021 прошла общественную экспертизу. URL: <https://rfsv.ru/practice/itogi-otsenki-vyvody/molodezhnaia-elektoralnaia-kontseptsiia-2021-proshla-obshchestvennuu-ekspertizu> (дата обращения: 18.07.2023).

4. Акчурина А.Р. Электоральные стереотипы и правовая культура избирателей // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1(19). С. 140–147.

5. Головина А.А. Трансформация современного правосознания российского избирателя в контексте цифровизации публично-властной коммуникации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 28–33.

References

1. Kabyshev V.T. Institute of Free Elections in the Constitutional System of Russia: Problems of Implementation, Development Trends // Political and Legal Mechanisms for the Formation of Public Power Institutions: materials and reports of the VIII International Scientific and Practical Conference (Samara, May 30 – 03, 2012) / ed. by V.V. Polyansky, V.E. Volkova. Samara: Samara University Publishing House, 2012. P. 138–142.

2. Kabyshev V.T. Elections in the Mirror of Constitutional Justice (some reflections) // With the Constitution for Life: Selected scientific works. M.: Formula of Law, 2013. 320 p.

3. Boris Ebzeev: “The Constitution Defines the Life of Each of Us” [Interview with B.S. Ebzeev] // Jurist. 2020. No. 2. P. 2–9.

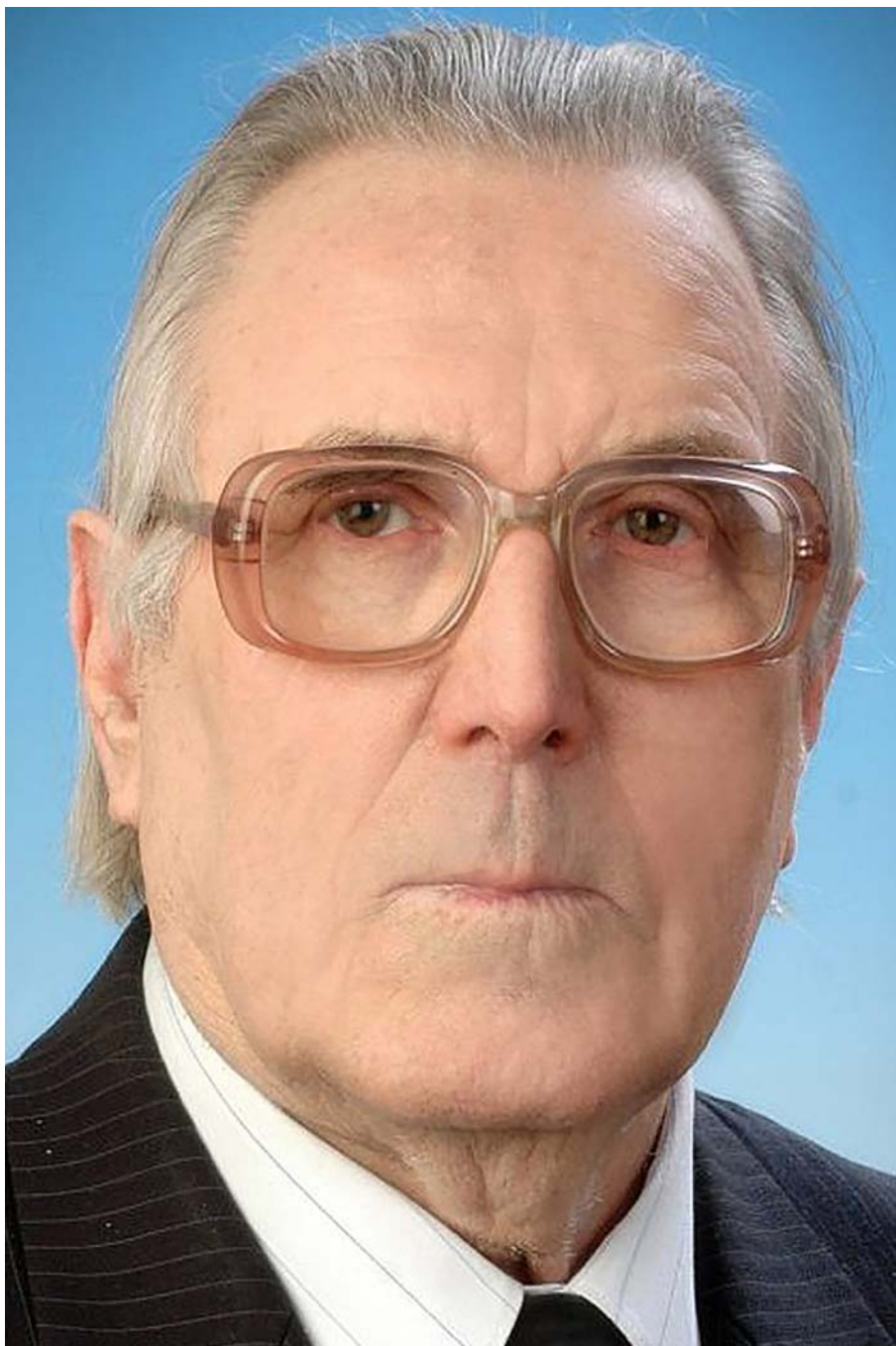
4. Akchurin A.R. Electoral Stereotypes and the Legal Culture of Voters // Citizen. Elections. Authority. 2021. No. 1(19). P. 140–147.

5. Golovina A.A. Transformation of the Modern Legal Consciousness of the Russian Voter in the Context of Digitalization of Public-Power Communication // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 2. P. 28–33.

**К ДЕВЯНОСТОПЯТИЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НИКОЛАЯ ИГНАТЬЕВИЧА
МАТУЗОВА**

МАТУЗОВ НИКОЛАЙ ИГНАТЬЕВИЧ
(1928–2018)

Доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации, заслуженный деятель науки
Российской Федерации, академик Академии гуманитарных наук,
член Академии политических наук

О.И. Цыбулевская

НИКОЛАЙ ИГНАТЬЕВИЧ МАТУЗОВ —
ОДИН ИЗ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ
САРАТОВСКОЙ ШКОЛЫ ТЕОРЕТИКОВ ПРАВА

Введение: статья посвящена юбилею известного в стране и за рубежом ученого-правоведа, заслуженного деятеля науки РФ, основателя саратовской юридической школы теоретиков права, доктора юридических наук, профессора Н.И. Матузова. **Цель** — осветить этапы пути, пройденного выдающимся российским ученым, внесшим весомый вклад в развитие отечественной юридической науки и практики, обогатившим общую теорию государства и права результатами научных изысканий в области теории субъективных прав и обязанностей граждан, юридического статуса личности, концепции общерегулятивных правоотношений, взаимодействия права и морали, правосознания, гражданского общества. **Методологическая основа:** совокупность общенаучных (анализ, синтез, системно-структурный), частных (логико-юридический, сравнительно-правовой) методов познания, потенциал современной антропологии, герменевтики и аксиологии позволили автору показать значимость результатов творческого поиска профессора Н.И. Матузова. **Результаты:** научно-педагогическое наследие профессора Н.И. Матузова охватывает ключевые направления теории государства и права, связанные с формированием современной российской правовой системы. **Выводы:** результаты научной деятельности профессора Н.И. Матузова составляют фундамент для дальнейших научно-теоретических и прикладных исследований в области российского правоведения, подготовки высокопрофессиональных юридических кадров, совершенствования высшего юридического образования в стране.

Ключевые слова: профессор Николай Игнатъевич Матузов, теория государства и права, выдающийся российский ученый-правовед, саратовская юридическая научная школа.

O.I. Tsybulevskaya

NIKOLAI IGNATIEVICH MATUZOV IS ONE OF THE FOUNDERS
OF THE SARATOV SCHOOL OF LEGAL THEORISTS

Background: the article is devoted to the anniversary of the famous in the country and abroad legal scholar, honored worker of science of the Russian Federation, the founder of the Saratov legal school of law theorists, Doctor of Law, Professor N.I. Matuzov. **Objective** — to highlight the stages of the path traveled by the outstanding Russian scientist, who made a significant contribution to the development of domestic legal science and practice, who enriched the general theory of state and law with the results of scientific research in the theory of subjective rights and duties of citizens, the legal

© Цыбулевская Ольга Ивановна, 2023

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права (Поволжский институт управления — филиал РАНХиГС), заслуженный работник высшей школы РФ; e-mail: olga77.54@mail.ru

© Tsybulevskaya Olga Ivanovna, 2023

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of Law (Volga Region Institute of Management — branch of RANEP), Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

status of the individual, the concept of general regulatory legal relations, the interaction of law and morality, legal consciousness, civil society. Methodology: the totality of general scientific (analysis, synthesis, system-structural), private (logical-legal, comparative-legal) methods of cognition, the potential of modern anthropology, hermeneutics and axiology allowed the author to show the significance of the results of the creative search of Professor N.I. Matuzov. Results: professor N.I. Matuzov's scientific and pedagogical heritage covers key areas of the theory of state and law related to the formation of the modern Russian legal system. the scientific and pedagogical legacy of Professor N.I. Matuzov covers the key areas of the theory of state and law related to the formation of the modern Russian legal system. Conclusions: the results of Professor N.I. Matuzov's scientific activity form the foundation for further scientific-theoretical and applied research in the field of Russian jurisprudence, training of highly professional legal personnel, improvement of higher legal education in the country.

Keywords: professor Nikolai Ignatievich Matuzov, theory of state and law, outstanding Russian legal scholar, Saratov Law School.

Юридическая общественность 19 октября уходящего года отметила юбилей одного из ведущих ученых-правоведов страны — 95 лет со дня рождения доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного работника высшего образования России Николая Игнатьевича Матузова.

В Саратовский юридический институт Николай Игнатьевич поступил в 1956 г. после службы в армии (группа советских войск в Германии) и окончил его с отличием. В 1965 г. на юридическом факультете Ленинградского университета состоялась защита его кандидатской диссертации на тему «Субъективные права граждан СССР» (научный руководитель — член-корреспондент АН СССР Д.А. Керимов), а в 1973 г. в Харьковском юридическом институте — докторской на тему «Теоретические проблемы субъективного права».

Н.И. Матузовым пройден большой трудовой путь, накоплен огромный педагогический и научно-практический опыт. Начал преподавать в Саратовском юридическом институте им. Д.И. Курского (ныне — Саратовская государственная юридическая академия) в 1960 г., посвятив научной и преподавательской деятельности 58 лет. Он прошел все ступени образовательной системы: преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор.

Николай Игнатьевич, обладая немалыми организаторскими способностями и авторитетом среди коллег, длительное время занимал ряд ответственных административных постов. Восемь лет он был деканом вечернего факультета (1966–1974); десять лет — проректором по научной работе (1974–1984); с мая 1971 по июнь 1973 г. исполнял обязанности проректора по учебной работе, на общественных началах долгие годы заведовал академической кафедрой Научно-образовательного центра федеральных и региональных проблем правовой политики в Саратовском филиале Института государства и права РАН, был заместителем главного редактора журнала «Правовая политика и правовая жизнь».

Неменьший вклад Н.И. Матузов внес в совершенствование юридического образования, в подготовку высокопрофессиональных кадров для государственного аппарата, правоохранительных органов, структур гражданского общества. Он являл собой образец талантливого ученого-педагога, воспитавшего не одну плеяду учеников, многие из которых стали кандидатами, докторами наук и трудятся

в вузах страны. Николай Игнатьевич длительное время выполнял функции председателя диссертационного совета в вузе, руководил семинаром аспирантов и преподавателей по методологии современного правоведения. На протяжении нескольких десятков лет вел семинар молодых преподавателей «Педагогические чтения».

Н.И. Матузов — знаковая фигура в отечественной юридической науке и за рубежом. Награжден медалью ООН «Международное признание» (Европейский комитет по наградам и премиям). Многолетний труд профессора отмечен правительственными наградами: орденом «Знак Почета», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», нагрудным знаком «Почетный работник высшего образования России». Николай Игнатьевич избран академиком Академии гуманитарных наук и действительным членом Академии политических наук, включен в академические энциклопедии и справочники: «Кто есть кто в политической науке России», «Современные российские юристы», что свидетельствует об общественном признании его научных заслуг.

Им опубликовано свыше 200 научных работ, среди них монографии: «Субъективные права граждан СССР» (1966), «Право и мораль в их взаимодействии» (1969), «Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права» (1982), «Правовая система и личность» (1987), «Актуальные проблемы теории права» (2004), «Возможность и действительность в российской правовой системе» в соавторстве с Н.В. Ушановой.

Диапазон научных интересов профессора Н.И. Матузова весьма широк и многообразен. Он — один из первых разработчиков теории субъективных прав и обязанностей граждан, юридического статуса личности, концепции общерегулятивных правоотношений, правовой системы, основ правовой политики государства. Предмет его исследований — такие проблемы, как взаимодействие права и морали, гражданское общество, право как мера свободы и ответственности; законность и правопорядок, юридические коллизии и способы их разрешения, правовой нигилизм и правовой идеализм, правовые режимы, позитивные санкции и другие ключевые темы общей теории государства и права.

Ряд научных концепций Николая Игнатьевича получили широкое признание в российской юридической литературе. Вот только некоторые из них.

В теории субъективного права Н.И. Матузов обосновал теоретическую и практическую необходимость разграничения права на объективное и субъективное, показал исторический генезис этого дуализма, его гносеологические корни, происхождение, эволюцию. Выявляя значение этих двух понятий для классического и современного правоведения, он подчеркивал: «Ни один грамотный юрист никогда не спутает понятия права в объективном и субъективном смысле, иначе он не сможет найти правильное решение в той или иной конкретной жизненной ситуации правового характера» [1, с. 69].

Н.И. Матузов, не отходя от традиционного понимания субъективного права как гарантированной законом меры юридически возможного поведения субъекта, в то же время обосновывал тезис о том, что во многих случаях субъективное право означает не только юридическую, но и фактическую возможность, то есть реальные действия правообладателя. Это происходит, когда определенное субъективное право в силу его специфики находится в процессе постоянной (или более-менее длительной) реализации и когда эта реализация представляет собой способ

существования данного права с момента его возникновения до прекращения (например, право собственности на ту или иную вещь, ценность, недвижимость в режиме владения, пользования и распоряжения ими собственником на протяжении всей своей жизни). В данном случае возможность и действительность, по мнению ученого, сливаются, выступают вместе как единое явление, единый процесс, находящийся в развитии, осуществлении. Данную теорию Н. И. Матузов называл концепцией реализующейся возможности [2, с. 228]. Ученый предложил вместо традиционной трехэлементной структуры субъективного права четырехэлементную, то есть выделил в юридической возможности, заключенной в субъективном праве, ставшими уже привычными ее типичные разновидности.

В настоящее время уже никто не «покушается» на понятие субъективного права, его ключевую роль и статус в правовой науке, в ее логико-понятийном арсенале. И в этом немалая заслуга Николая Игнатьевича, так же как и в определении юридической обязанности как вида и меры должного, государственно-целесообразного, общественно необходимого поведения субъекта. Должного, но не фактического, а лишь требуемого, предписанного законом. Действительным оно становится, когда обязанность начинает исполняться и в конце концов будет полностью реализована. Должное перейдет в сущее. Обязанность есть долг, необходимость, за которой (в случае ее неисполнения) могут последовать меры государственного воздействия.

Заключенная в юридической обязанности необходимость выражает власть, категоричность, безусловность, неукоснительность, но не однозначность действий обязанного лица, ибо существует возможность выбора вариантов поведения, когда они предоставляются. Обязанность, как и субъективное право, всегда очерчивает строгие рамки требуемого поведения, и только в этих рамках возможен выбор. Безмерных, неопределенных, отвлеченных обязанностей не существует. Абстрактной и безличной может быть только норма права.

Сущность юридических обязанностей, полагал Николай Игнатьевич, заключается в выраженной в них государственной воле (в современном обществе — всего народа). Однако это сущность первого порядка, и этим она не исчерпывается, ибо воля — хотя и важный, но не единственный и не специфический признак юридических обязанностей. В этом отношении они не отличаются от других правовых явлений — социальная природа у них едина и указанный признак не разъединяет, а напротив, объединяет все политико-правовые категории, точно так же как, например, признак материальной обусловленности. В родственных явлениях сущность нечто более постоянное, необходимое и главное — ядро, сердцевина.

Если субъективное право — это открытая для индивида возможность действовать, то обязанность — предписанная законом необходимость действовать. Разнонаправленные ипостаси.

Социальная стабильность в обществе во многом определяется тем, насколько полно, четко и последовательно исполняются лежащие на всех обязанности. Разумеется, это касается и самого государства. Власть, не выполняющая своих обязательств перед гражданами, населением, фактически становится катализатором социальных конфликтов. В таких случаях обязанности остаются голыми долженствованиями. На самом деле они не превращаются в должное, не переходят в сущее, причем за невыполнение обязанностей, как правило, к сожалению, никто ответственности не несет.

В современной действительности, по замечанию Николая Игнатъевича, наметилась тенденция превалирующего значения прав человека. Между тем отрыв прав от обязанностей вызывает деструкцию механизма правового регулирования. Произвол, вседозволенность чаще всего связаны именно с неисполнением обязанностей — как со стороны власти, чиновников, так и рядовых граждан. С этим суждением сегодня согласны многие правоведы.

В настоящее время в России на одном конце демократической оси — предельно широкий «ассортимент» прав и свобод; на другом — гораздо меньший по объему, слабо отраженный в законодательстве перечень обязанностей и ответственности. Эта жизненно важная ось не уравновешена, имеет опасный крен в сторону прав, которые явно доминируют. Общественное сознание, массовые настроения граждан чутко улавливают этот дисбаланс и ведут себя соответственно. Объективно произошла некая абсолютизация и фетишизация прав, превращение их в самоцель. Существует опасность «заболтать» проблему путем ее возвеличивания, девальвировать права как таковые.

Корреляция прав и обязанностей выражает разумный баланс интересов всех членов и составных частей общества, способствует достижению согласия, взаимопонимания и социального компромисса между ними. Это средство гармонизации интересов государства и личности, а также интересов граждан в их взаимоотношениях друг с другом. Иным путем добиться желаемого социального эффекта невозможно.

Николай Игнатъевич ставил вопрос о необходимости закрепления в ныне действующей российской Конституции принципа единства прав и обязанностей, выравнивании соотношения между ними, расширении спектра обязанностей, приведении их в соответствие со шкалой прав и свобод.

Правовой статус профессор Матузов определял как юридически закрепленное положение личности в обществе. В его основе лежит фактический социальный статус, то есть реальное положение человека в конкретной системе общественных отношений. Право лишь оформляет, закрепляет это положение, вводит его в законодательные рамки. Социальный и правовой статусы соотносятся как содержание и форма. В догосударственном обществе индивид владел определенным социальным статусом, а правовым — нет, поскольку там не было права, законов, публичной власти.

Подобное неправовое состояние можно отразить понятием «социально-нормативный статус», который определяется соответствующими социальными нормами и отношениями. Его важнейшей составной частью в дальнейшем стал правовой статус, представляющий собой совокупность прав, обязанностей и законных интересов личности, признаваемых и гарантируемых государством. Правовой статус всегда является также и социальным, а социальный не всегда означает правовой.

Юридическое оформление фактического положения индивида осуществляется различными путями с помощью ряда специфических средств. Оно начинается уже с признания человека субъектом действующего в обществе права и наделяния его при этом особым качеством — праводеееспособностью, после чего он может вступать в разнообразные правовые отношения и нести ответственность за свои поступки.

«Правовой статус» и «правовое положение», по мнению Н. И. Матузова, понятия равнозначные. Во всяком случае в законодательстве, юридической практике,

массовой печати, а также международных актах о правах человека они употребляются в одном и том же смысле. В научной литературе используется то или иное выражение исходя из контекста или стилистической предпочтительности.

Этимологически термины «правовой статус» и «правовое положение» совпадают — это синонимы. Тем не менее некоторые ученые предлагают (Н. В. Витрук, В. А. Кучинский) разграничивать эти понятия, так как, по их мнению, первое выступает частью (ядром) второго. В таком разделении, с точки зрения Н. И. Матузова, нет ни теоретической, ни практической необходимости, поскольку полисемантическая, смысловое «удвоение» термина не способствует четкому восприятию и анализу одной из ключевых категорий правоведения, запутывает суть вопроса. Различия следует проводить не между правовым статусом и правовым положением одного и того же лица, а между правовым статусом (положением) различных лиц или организаций.

Н. И. Матузов выступил против отождествления правового статуса с правоспособностью, которое допускалось в отечественной литературе в 1960–1970-х гг. (Н. А. Александров, С. Н. Братусь, А. В. Мицкевич). Ученым доказана необоснованность подобного отождествления. В дальнейшем были сформированы четкие представления о том, что правовой статус — это самостоятельная категория и самостоятельное научное направление в советском и постсоветском правоведении. Установлено, что правоспособность и правовой статус личности — разные категории, которые соотносятся как часть и целое. Правовой статус, безусловно, базируется на правоспособности, но к ней не сводится. Он шире, богаче, структурно сложнее.

Заметный вклад внесен профессором Н. И. Матузовым в разработку проблемы правовой системы. В монографии «Правовая система и личность» (Саратов, 1987) и других трудах он дает определение данного сложного феномена. Профессор считал, что, это комплексная, интегрирующая категория, отражающая всю правовую организацию общества, целостную правовую действительность в соответствии с определением правовой системы французского правоведа Ж. Карбонье — это «вместилище, средоточие разнообразных юридических явлений» (Юридическая социология / пер. с фр. М., 1986. С. 197).

Право — ядро и нормативная основа правовой системы, ее связующее и цементирующее звено, отмечал Н. И. Матузов. По характеру права в обществе легко можно судить о сущности всей правовой системы этого общества, правовой политике и правовой идеологии государства. Помимо права как стержневого элемента правовая система включает в себя множество других составляющих: правотворчество, правосудие, юридическую практику, нормативные, правоприменительные и правотолкующие акты, правоотношения, субъективные права и обязанности, юридическую ответственность, правосознание, правовую культуру, законность, правопорядок, весь механизм правового регулирования и т. д.

Исчерпывающий их перечень дать затруднительно, поскольку правовая система — сложное, многослойное, разноуровневое, иерархическое и динамическое образование, в структуре которого есть свои системы и подсистемы, узлы и блоки. Многие ее элементы выступают в виде связей, отношений, состояний, режимов, статусов, гарантий, принципов, юридических фактов и других специфических феноменов, образующих обширную инфраструктуру — реальную среду «обитания» правовой системы.

Особую роль в правовой системе играет юридическая практика, а в более широком плане — вся совокупная юридическая деятельность, протекающая в стране. Именно практика, реальная жизнь законов, их соблюдение, применение показывают, насколько совершенна и эффективна действующая в государстве правовая система, сигнализируют о неблагополучии и сбоях в ее функционировании.

В трудах Н.И. Матузова в контексте прямого действия норм российской Конституции получили подробное и аргументированное обоснование общерегулятивные правоотношения. В соответствии с концепцией общерегулятивных правоотношений в реальной жизни существуют не только многообразные конкретные правоотношения типа «должник — кредитор», «продавец — покупатель», «заказчик — подрядчик», «истец — ответчик», обеспечивающие повседневную жизнь людей, их нужды, запросы, интересы, но и правоотношения более высокого уровня, первого порядка, например «гражданин — государство», возникающие главным образом на основе конституционных норм и носящих постоянный (длящийся) общерегулятивный характер.

В Конституции РФ закреплено, что «признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2). Следовательно, российские граждане как носители данных прав выступают по отношению к государству в качестве управомоченных, а государство по отношению к ним является правообязанной стороной. Это характерное правоотношение общего типа, поскольку в нем не конкретизированы необходимые детали взаимных обязательств его участников. В рамках подобных правоотношений граждане могут предъявлять к власти и уже предъявляют судебные иски. В этом случае возникают конкретные правоотношения.

Исследуя проблему правового нигилизма и правового идеализма, Н.И. Матузов обращает внимание на то, что в современном российском обществе существует множество острейших противоречий, среди которых причудливое переплетение, с одной стороны, тотального правового нигилизма, а с другой — наивного правового идеализма. Как ни парадоксально, но оба эти явления — разновекторные и несовместимые — мирно уживаются и образуют общую безрадостную картину юридического бескультурья. В первом случае законы откровенно игнорируются, нарушаются, не исполняются, их не ценят, не уважают; во втором, напротив, им придается значение некой чудодейственной силы, способной одним махом разрешить все наболевшие проблемы общества.

Эти крайности — следствие многих причин, без преодоления которых идея правового государства неосуществима. Противоположные, на первый взгляд, тенденции в конечном счете смыкаются и создают как бы «удвоенное» зло, представляя собой две стороны «одной медали», но впитавшие одни недостатки: юридическое невежество, неразвитое и деформированное правосознание, дефицит политико-правовой культуры [3].

Уделяя значительное внимание теории правовой политики, Н.И. Матузов подчеркивал, что это особая форма государственной политики, средство юридической легитимации, закрепления и осуществления политического курса России, воли ее официальных лидеров и властных структур. Правовая политика — мощное средство преобразования (модернизации) общества. По мнению Н.И. Матузова, в настоящее время пока не осознаны в полной мере возможности юридической формы в новых условиях. Как известно, экономика, в том

числе рыночная, есть определенная система производства, распределения и потребления материальных благ. И весь этот процесс так или иначе облачается в правовые одежды, вводится в разумные рамки с целью придать ему устойчивое и беспрепятственное развитие. Он не может успешно функционировать без руля и ветрил. Рынком управляет не только невидимая рука экономических интересов, но и вполне «осязаемые» законодательные акты, устанавливающие общие правила игры. А это и есть правовая политика. Сильно сказано.

Правовая политика тесно связана с правовой идеологией, отмечал ученый. Последняя формируется и реализуется на основе первой. Например, вся нынешняя политика российских преобразований, носящая по преимуществу правовой характер, представляет собой совокупность указанных слагаемых. Они же, эти цели и программы, и составляют в сущности идеологию реформ, или их идейную платформу. Иначе и быть не может, ибо трудно сказать, где в реальной жизни кончается политика и начинается идеология, и наоборот. Как известно, идеология — это система идей, взглядов, представлений, получающих свое выражение в различных формах общественного сознания, в том числе в политике. Поэтому политики без идеологии или вне идеологии не бывает, тем более правовой политики вне правовой идеологии. Политика есть форма выражения идеологии. Связь здесь жесткая, органическая. Политика — мировоззренческая и в то же время прагматическая, прикладная категория. Данное утверждение Николая Игнатьевича Матузова в аспекте дискуссии о необходимости формирования идеологии современного Российского государства приобретает новое звучание.

Большое внимание в трудах Николая Игнатьевича уделяется «вечной» теме — взаимодействию права и морали. Внимательное сопоставление права и морали, выяснение корреляционных взаимосвязей между этими сложнейшими феноменами позволяет более глубоко познать оба эти явления. Н. И. Матузов подчеркивал сложное соотношение между ними. Уже стало аксиоматичным предложенное ученым рассмотрение права и морали через призму четырех компонентов: единства, различия, противоречия и взаимодействия. Николай Игнатьевич исходил из нормативного понимания права. В своих выводах, суждениях он опирался на теоретическое наследие дореволюционных отечественных правоведов и философов (В. С. Соловьева, И. А. Ильина, Б. Н. Чичерина и др.), которые полагали, что право есть лишь минимум нравственности или юридически оформленная мораль, которая лежит в основе права; право есть средство реализации нравственно-гуманистических идеалов общества.

Право как мера юридической свободы и ответственности — еще одна тема, которую можно отнести к числу сложнейших и которой в работах Николая Игнатьевича уделено значительное внимание. Свобода, по мнению ученого, это прежде всего возможность выбора. Нет выбора — нет и свободы. С философской и юридической точек зрения за единственно возможное в данной ситуации поведение индивид никакой ответственности не несет, так как он не мог поступить иначе — не было выбора. Разумеется, речь идет о разумном и ответственном выборе вариантов поведения нормальной, дееспособной личностью со свободной волей, то есть сознательном выборе и осознанном поступке.

Профессор Н. И. Матузов внес свой вклад и в определение одного из наиболее емких и многогранных понятий — «свобода», существующей во множестве аспектов — экономическом, политическом, юридическом, моральном, духовном, психологическом и др. Различные интерпретации, трактовки, определения,

концепции свободы нередко наполняются субъективным содержанием ее интерпретаторов. По мнению Н.И. Матузова, при определении данного феномена следует исходить из объективных критериев свободы, среди которых на первом месте — необходимость. Свобода как определенное социальное состояние общества, как познанная и освоенная необходимость получает свое наиболее полное и концентрированное выражение в праве, в котором она практически материализуется, объективируется, отливается в конкретные правовые формы, принципы, институты и механизмы. По характеру права в данном обществе, его развитости, завершенности всегда можно судить о сущности и широте той свободы, которую юридически признает, допускает и гарантирует публичная власть. Справедливо замечание отечественных ученых, что через идею свободы можно осмыслить практически все правовые проблемы, так как в ее пространстве они возникают, существуют и получают единственно верное решение (Г.В. Мальцев), но Н.И. Матузов добавлял к этому, что право, правовые институты можно и нужно осмысливать также и через идею несвободы, ограничения и запреты.

Право служит официальным мерилom действующей в обществе свободы, ее нормой (формой, уровнем), указателем границ должного и возможного. Оно является легитимной шкалой свободы, а также гарантией ее осуществления. На практике же во всех этих механизмах могут быть сбои. Право объективно отражает достигнутый уровень развития реальной правовой действительности, в этом смысле оно есть мера социального прогресса, а следовательно, и мера свободы как продукта развития.

Правовые нормы и есть нормы свободы, но свободы юридически признанной, выраженной (оформленной) государством в виде законов и иных правовых актов. Законы — это «положительные, ясные, всеобщие нормы, в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивида существование. А свод законов есть библия свободы» (К. Маркс).

Итак, основной смысл юридической свободы — ограждать личность от возможного внешнего произвола как со стороны власти, так и со стороны окружающих сограждан. В праве свобода получает необходимую опору и гаранта, а личность — возможность удовлетворения своих интересов и потребностей. Без права, вне права свобода могла бы оказаться пустым звуком, остаться незащищенной и нереализованной. Именно в этом качестве, а не в качестве инструмента властвования и принуждения, право необходимо человеку, считал Н.И. Матузов.

Понятно, что конечный (глубинный) источник свободы и ее сущность не в юридических формах, которые сами по себе не могут ни объяснить, ни исчерпать свободы, ибо, как писал Н.А. Бердяев, право — «это лишь минимум человеческой свободы» (Философия неравенства. М., 1990. С. 90). Между тем без правовых форм и средств в государственно организованном обществе невозможны «юридическое признание» свободы, ее выражение, закрепление и «распределение» в индивидуальное пользование. Важно не только достигнуть известного уровня свободы, но и справедливо распорядиться ею, законодательно оформить, сделать доступной для людей, поставить на службу обществу.

Проблема политико-правового выражения свободы, совершенствования ее форм, методов использования имеет принципиальное значение для понимания самой сути свободы и демократии. Юридическая свобода как раз и «обнаружи-

вает» себя в таких ипостасях и состояниях общественной жизни, как право, законность, правопорядок, правосудие, правотворчество, правоприменение, система прав и обязанностей, правовая культура, ответственность и т.п.

Принцип «не запрещенное законом дозволено» трактуется Н. И. Матузовым как необходимый элемент рыночных отношений, свободного гражданского общества, условие развития личной инициативы и предприимчивости индивидов, малого и среднего бизнеса, но при этом он подчеркивает, что указанный принцип предполагает определенный уровень общей и юридической культуры, правосознания общества, ибо далеко не все, что не запрещено законами, одобряется другими социальными нормами. Известно, что мера допустимого у права и нравственности неодинакова, поэтому с учетом российских реалий следует, по мнению Николая Игнатьевича, несколько скорректировать либеральную аксиому: «Разрешено все, что не запрещено законом и не порицается моралью».

По поводу юридической ответственности Н. И. Матузов придерживался концепции позитивной ответственности и позитивных санкций, считает разработку этой идеи определенным достижением советской и постсоветской науки и уверен в необходимости ее дальнейшего исследования [4, с. 35].

Среди научных интересов Николая Игнатьевича находится и такой теоретико-практический вопрос, как юридические коллизии, под которыми он подразумевал расхождения или противоречия между отдельными нормативно-правовыми актами, регулирующими одни и те же либо смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления компонентными органами и должностными лицами своих полномочий. Он выделял следующие способы разрешения этих коллизий: 1) толкование; 2) принятие нового акта; 3) отмена старого; 4) внесение изменений или уточнений в действующее; 5) судебное, административное, арбитражное и третейское разбирательство; 6) систематизация и гармонизация юридических норм; 7) переговорный процесс, создание согласительных комиссий; 8) конституционное правосудие; 9) оптимизация правопонимания; 10) международные процедуры.

Предметом изучения Н. И. Матузова на протяжении многих лет являлась проблема гражданского общества и его соотношения с государством. В его трудах прослеживается генезис и развитие идеи гражданского общества, дается его определение.

В России полноценное гражданское общество, которое невозможно без правового государства, пока не построено, но цель такая поставлена, процесс формирования идет, созданы определенные предпосылки и отдельные элементы возводимого «здания».

Николай Игнатьевич подчеркивал, что диалектика взаимосвязей между гражданским обществом и государством сложная. С одной стороны, формирование подлинно гражданского, демократического, рыночного общества предполагает разгосударствление многих сторон его жизни и деятельности, с другой — это не означает, что общество совсем не нуждается в государственности. Государство должно найти в нем свое место, отказаться от тотального контроля, переключить внимание на сферы, где оно действительно необходимо (охрана правопорядка, оборона, законотворчество, судопроизводство, создание условий для реализации гражданами своих прав и свобод, их защиты; транспорт, связь, бюджет, внешняя политика и др.).

Уход государства из экономики, по убеждениям ученого, не означает полного прекращения влияния на нее, самоустранения из этой сферы. Конечно, главная идея гражданского общества — его относительная независимость от государства, но отнюдь не абсолютная. В некоторых западных странах удельный вес государственного сектора в экономике составляет 30–40 и даже 50 %. Тем не менее эти страны считаются и рыночными, и демократическими. Следовательно, государство гражданскому обществу необходимо, вопрос только в том — какое, с какими функциями и задачами. Как известно, рынком управляет не только «невидимая рука экономических стимулов и интересов», но и вполне «осязаемые» структуры — институты, правовые нормы и акты, призванные направлять эти механизмы в нужное русло. Воздействие сохраняется, но не путем приказно-волевых методов, а с помощью таких инструментов, как налоги, кредиты, законы, а также выработки общих ориентиров и приоритетов. Рынок невозможен без конкуренции, но конкуренция это не хаос, а игра по правилам, которые устанавливаются публичной властью.

По мнению Н.И. Матузова, отечественные «реформаторы» первой волны надеялись на чудодейственность формулы: рынок все сам отрегулирует, все расставит по своим местам, надо только терпеливо ждать. В результате возник огромный криминально-теневой, неуправляемый сектор экономики, бандитский капитализм, участники которого действовали не по законам, а по понятиям.

К сожалению, прозрение и самобичевание пришли с большим опозданием — наступили слишком тяжелые последствия: была запущена социальная сфера, подорвано доверие людей к реформам, обнищало население, расстроена финансовая система. Все это лишь дискредитировало идею построения гражданского общества. Эти слова звучат сегодня как никогда актуально. Основные цели реформы 1990-х не были достигнуты. Результаты данной трансформации дают о себе знать и сегодня.

Безусловно, эффективное гражданское общество существует и развивается в диалектическом единстве с государством. В их отношениях могут возникать коллизии, конфликты, но разрешаться они должны в рамках установленных конституционных процедур, на основе права. Гражданское общество и государство — не изолированные друг от друга части, а взаимообусловленные, хотя и нетождественные, системы. Государство — форма организации общества, и уже поэтому они неразрывны.

Таковы основные идеи и взгляды профессора Н.И. Матузова, получившие развитие в трудах его последователей. В работах ученый нередко ссылался на труды своих учеников: Р.С. Байниязова, П.А. Гука, В.Н. Карташова, С.А. Киреевой, А.Б. Лисюткина, А.В. Малько, А.С. Мордовца, В.Н. Синюкова, О.И. Цыбулевской и др. При этом Николай Игнатьевич любил повторять известное изречение: «Учитель, воспитай ученика, чтобы было у кого учиться».

А ученики любят, помнят и ценят своего Учителя за такие качества, как широкая научная эрудиция, профессиональное, педагогическое и лекторское мастерство, обаяние, тактичность, общительность, стремление оказать помощь всем, кто в ней нуждался, понимая, что без него их дальнейшая судьба могла бы не состояться.

Библиографический список

1. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 512 с.
2. Матузов Н.И., Ушанова Н.В. Возможность и действительность в российской правовой системе. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2010. 392 с.
3. Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 156. С. 2080–2089.
4. Публичная власть: проблемы реализации и ответственности / под ред. Н.И. Матузова, О.И. Цыбулевской. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2011. 528 с.

References

1. Matuzov N.I. Actual Problems of the Theory of Law. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House, 2003. 512 p.
2. Matuzov N.I., Ushanova N.V. Possibility and Reality in the Russian Legal System. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House, 2010. 392 p.
3. Matuzov N.I. Legal Nihilism as a Way of Life // Law and Politics. 2012. No. 156. P. 2080–2089.
4. Public Power: Problems of Implementation and Responsibility / ed. by N.I. Matuzov, O.I. Tsybulevskaya. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House, 2011. 528 p.

А.Н. Зрячкин

**НИКОЛАЙ ИГНАТЬЕВИЧ МАТУЗОВ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

A.N. Zryachkin

**NIKOLAI IGNATIEVICH MATUZOV:
YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**

В этом году доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации Николаю Игнатьевичу Матузову, одному из представителей саратовской школы теоретиков права, имя которого навсегда вписано в историю Саратовской государственной юридической академии, исполнилось бы 95 лет.

Круг научных интересов Николая Игнатьевича отличался исключительной широтой. Начав профессиональные изыскания с субъективных прав граждан СССР, послуживших темой защищенной в 1964 г. кандидатской диссертации, и продолжив исследования в ракурсе теоретических проблем субъективного права в целом, ставших темой докторского исследования, после его успешной защиты ученый подготовил и выпустил более 200 публикаций, положения которых остаются актуальными до сих пор. «Право. Возможность. Действительность», «Право как мера свободы и ответственности», «Право в политическом измерении», «Право и гражданское общество», «Право на жизнь как морально-психологическая проблема», «Право. Личность. Суверенитет», «Приемлем ли для России принцип “Не запрещенное законом дозволено”?», «Идея “диктатуры закона” — за и против» — вот лишь немногие из тем, по которым Николай Игнатьевич — неизменно аргументированно, корректно и уважительно — высказывал свое мнение. И, приводя обоснование соответствующих позиций, оставлял почву для ведения научных дискуссий: бесценное качество Учителя, сыгравшее роль в профессиональном росте и развитии многих его учеников и последователей.

На заре 1990-х гг., когда стало очевидным, что в связи с ускорением политико-правового реформирования правосознание многих людей перестает соответствовать новой реальности, Н.И. Матузов написал и выпустил в свет публикацию с названием «Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны “одной медали”». Но если первая из обозначенных категорий уже входила в научный и юридический оборот, то термин «правовой идеализм» был употреблен и рассмотрен на таком уровне впервые. Ученый обращал внимание, что данный

© Зрячкин Александр Николаевич, 2023
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alnikol@yandex.ru
© Zryachkin Alexander Nikolaevich, 2023
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

феномен внешне «менее заметен, он не так бросается в глаза (во всяком случае, о нем почти не говорят, он “не на слуху”), но явление это причиняет такой же вред государству, обществу, как и правовой нигилизм. Он крайне деструктивен по своим последствиям. Осознается это, как правило, “потом”, когда итог становится очевидным. Вот почему, борясь с правовым нигилизмом, не следует впадать в другую крайность — правовой фетишизм, волюнтаризм, идеализм» [1, с. 189].

Давая определение правовому нигилизму, Н.И. Матузов отмечал, что эта патология включает в себя психологически отрицательное (негативное) отношение к праву со стороны граждан, должностных лиц, государственных и общественных структур, а также фактические правонарушающие действия указанных субъектов; данный феномен выступает и как элемент сознания (индивидуального и общественного), и как способ, линия поведения индивида либо коллектива. Вместе с тем ученый полагал, что в состав правового нигилизма входят преимущественно действия, нарушающие право, оставляя открытым дискуссионный вопрос: будет ли считаться нигилистическими проявлениями бездействие, воздержание от исполнения того или иного закона? С нашей точки зрения — будет, поскольку закон или иной нормативно-правовой акт в таких условиях не сможет работать, а возможности, предоставляемые им, останутся нереализованными [2, с. 57].

Акцентируя внимание на том, что корни нигилизма (а стало быть, идеализма как «оборотной стороны медали») уходят в далекое прошлое, Н.И. Матузов одним из первых выделил признаки и формы проявления данной деформации правосознания, которые сегодня позволяют отделить эту патологию от ряда других схожих дефектов. К признакам, в частности, нигилистического отрицания он предлагал отнести:

подчеркнуто демонстративный, воинственный, цинично-агрессивный характер, что обоснованно квалифицируется общественным мнением как беспредел или запредельность;

массовость, широкую распространенность не только среди граждан, социальных и профессиональных групп, слоев, кланов, но и в официальных государственных структурах, законодательных, исполнительных и правоохранительных эшелонах власти (и за три десятилетия, прошедших с момента выхода первой публикации, этот признак практически никуда не делся);

многообразии форм проявления — от криминальных до легальных, от парламентско-конституционных до митингово-анархических, от «верхушечных» до бытовых;

особую степень разрушительности, оппозиционную и конфронтационную направленность, регионально-национальную окраску, переходящую в сепаратизм, местничество;

слияние с государственным, политическим, нравственным, духовным, культурным, интеллектуальным нигилизмом, образующими вместе единый деструктивный процесс, проявляющийся и сегодня в виде многочисленных «перлов» представителей управленческого сообщества, наподобие: «государство не просило ваших родителей вас рожать», «макарошки всегда стоят одинаково», циничность которых не поддается цивилизованному правовому описанию;

связь с негативизмом — более широким течением, захлестнувшим сначала советское, а затем и российское общество в ходе демонтажа старой и создания новой системы, смены образа жизни.

Говоря о необходимости преодоления обозначенных аномалий, Н. И. Матузов акцентировал внимание на необходимости совершенствования правовой и политической культуры, уравнивания прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности реализацией соответствующих обязанностей (без которых любая, даже самая прогрессивная возможность, останется зафиксированной только на бумаге). Более того, именно обязанности ученый называл важнейшим условием демократии и социальной стабильности. Как никогда стало очевидно, констатировал ученый, что без обязанностей и ответственности личности не может быть ни подлинной демократии, ни подлинной свободы, ни должной стабильности [3]. При этом важно подчеркнуть, что сущность юридической обязанности заключается не в возможности (или невозможности) поведения лица, а в правовой необходимости. Если раскрывать и субъективные права, и юридические обязанности через одну и ту же категорию «возможность», то тем самым смазываются различия между ними: в равной мере они будут означать правовую возможность. Кроме того, возможность, имеющая «необходимый характер», есть тоже необходимость, поэтому, по мнению Н. И. Матузова, методологически правильнее раскрывать понятие субъективных прав через категорию правовой возможности, а юридических обязанностей — через категорию правовой необходимости.

Последней прижизненной монографией Н. И. Матузова, где подчеркивались и развивались обозначенные идеи, стала подготовленная совместно с его ученицей Н. В. Ушановой книга «Возможность и действительность в российской правовой системе». В последние годы Николай Игнатъевич работал над «Учением о праве в объективном и субъективном смысле», но завершить этот труд не успел. 10 июля 2018 г. Великого Ученого не стало...

За четыре с половиной десятилетия последователями Николая Игнатъевича стали более 50 аспирантов и соискателей, одиннадцать из которых (В. И. Абрамов, Р. С. Байниязов, А. Г. Братко, П. А. Гук, В. Н. Карташов, С. А. Киреева, А. Б. Лисюткин, А. В. Малько, А. С. Мордовец, В. Н. Синюков, О. И. Цыбулевская) впоследствии также защитили докторские диссертации. За все время своего существования представители научной школы профессора Н. И. Матузова внесли и продолжают вносить весомый вклад в развитие отечественной правовой науки и практики.

Библиографический список

1. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 512 с.
2. Зрячкин А.Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2009. 128 с.
3. Матузов Н.И. Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности // Правовая культура. 2015. № 4. С. 24–33.

References

1. Matuzov N.I. Actual Problems of the Theory of Law. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House, 2003. 512 p.
2. Zryachkin A.N. Legal nihilism: causes and ways to overcome them. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House, 2009. 128 p.
3. Matuzov N.I. Duties of Man and Citizen as a Condition of Democracy and Social Stability // Legal Culture. 2015. No. 4. P. 24–33.

П.А. Гук

СУДЕБНАЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

Введение: идеи развития правовой политики, в частности судебной, впервые были высказаны ученым саратовской школы права профессором Н.И. Матузовым. Исследование данного явления сформировало целое научное направление в правовой политике — судебную политику и ее разновидности. В статье рассматриваются аспекты формирования судебной правоприменительной политики в российской правовой системе. **Цель** — выработать единый подход к пониманию правоприменительной политики высших судебных органов. **Методологическая основа:** в исследовании применялись общенаучные и специально-юридические методы познания: диалектический, анализ и синтез, формально-юридический, сравнительно-правовой, которые позволили автору рассмотреть идеи, взгляды на содержание судебной правоприменительной политики. **Результаты:** раскрыто понятие судебной правоприменительной политики, ее критерии, особенности формирования высшими судебными органами. **Выводы:** судебная правоприменительная политика формируется высшими судебными органами и находит свое закрепление в судебных актах, которые учитываются в правоприменительной деятельности судебными органами для обеспечения стабильности и последовательности в разрешении правовых споров, установления юридических фактов.

Ключевые слова: высшие судебные органы, правовая политика, судебная правовая политика, судебная правоприменительная политика, судебные акты, правовые позиции суда, правоприменение.

P.A. Guk

JUDICIAL ENFORCEMENT POLICY

Background: the ideas of the development of legal policy, in particular judicial policy, were first expressed by the scientist of the Saratov school of law, Professor N.I. Matuzov. The study of this phenomenon formed a whole scientific direction in legal policy — judicial policy and its varieties. The article considers the aspects of formation of judicial law enforcement policy in the Russian legal system. **Objective** — to develop a unified approach to understanding the law enforcement policy of the highest judicial authorities. **Methodology:** the study used general scientific and special legal methods of cognition: dialectical, analysis and synthesis, formal legal, comparative legal, which allowed the author to compare ideas and views on the content of judicial enforcement policy. **Results:** the concept of judicial law enforcement policy, its criteria, peculiarities of formation by higher judicial bodies are revealed. **Conclusions:** judicial law enforcement policy is formed by the highest judicial bodies and is enshrined in judicial acts, which

are taken into account in law enforcement activities by judicial bodies to ensure stability and consistency in resolving legal disputes and establishing legal facts.

Keywords: *highest judicial bodies, legal policy, judicial legal policy, judicial law enforcement policy, judicial acts, legal positions of the court, law enforcement.*

19 октября этого года исполнилось бы 95 лет известному ученому теоретику права, доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки РФ Николаю Игнатьевичу Матузову. Созданные им научные труды легли в основу многих диссертаций, монографий, статей по теории права, правовой политике, статусу личности, правовой системе. Это говорит о многогранности, разносторонности научной деятельности профессора Н.И. Матузова, его эрудиции, умении предвидеть результат исследований в юридической, политической и общественной жизни советского и современного Российского государства.

Идеи профессора Н.И. Матузова были воплощены в исследование таких новых для юридической науки правовых явлений, категорий, их проявления в российской правовой системе, как судебный прецедент, судебное нормотворчество, правовая жизнь, правовая политика, судебная правовая политика [1–4].

Продолжением в научной разработке нового явления в правовой системе со стороны высших судебных органов стала судебная политика и ее составная часть правоприменительная. О возможности проявления политики со стороны судебных органов профессор Н.И. Матузов говорил: «Следует различать публичную политику и политику, содержащуюся в принимаемых должностными лицами решениях, правовых актах. Последние приобретают политическое значение помимо воли их авторов. Сама их служебная деятельность, в частности силовых структур, особенно высшего звена (судьи, прокуроры, следователи), носит не только юридический, но и политический характер. Примером может служить деятельность Конституционного Суда как составной части (ветви) государственной власти, олицетворяющего и осуществляющего ее политику. Все решения Конституционного Суда, будучи по своей природе юридическими, неизбежно приобретают также и политическое значение» [5, с. 234]. Политика высших органов судебной власти становится предметом исследования научным сообществом, поскольку их судебные акты влияют на правотворчество, правоприменение, на стабильность и предсказуемость правоотношений в обществе.

В современной России государственная власть осуществляется законодательными, исполнительными и судебными органами, которые самостоятельны в своей деятельности. Особое место в регулировании правоотношений отводится судебной власти, которая реализует свои полномочия через систему судов. Механизм правового регулирования судов и судебной деятельности строго регламентирован нормативными правовыми актами, которые позволяют судебным органам осуществлять возложенные на них функции, применять нормы права, учитывать правовые позиции высших судебных органов в разрешении правовых споров, установлении юридических фактов, вырабатывать доктринальные положения и формировать судебную правоприменительную политику.

Конституция РФ, Федеральный конституционный закон «О судебной системе в Российской Федерации» устанавливают, что в Российской Федерации действуют федеральные суды и мировые судьи субъектов, составляющие систему судебных органов России, в которую входят: Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъекта

РФ. Судебные органы осуществляют свои полномочия в соответствии с нормативными правовыми актами, вырабатывают правовые позиции единообразного применения норм права во всех видах судебного производства, формируют тем самым единство в судебной правоприменительной практике посредством своих актов.

Правоприменительную политику судебных органов следует рассматривать как часть общей, целостной правовой политики, в которую входит судебно-правовая политика, формируемая уполномоченными субъектами.

В юридической литературе судебно-правовая политика рассматривается как более широкое понятие, чем судебная правоприменительная политика. Основные ее отличия от последней — множество субъектов ее формирования, более широкое содержание и масштабные формы реализации. В.А. Терехин и С.Ф. Афанасьев приходят к выводу о том, что «судебно-правовая политика есть научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государства, его органов и должностных лиц, негосударственных институтов и других субъектов социальных связей по выработке правовых идей, реализуемых в сфере организации и осуществления правосудия» [6, с. 310–311].

По своему содержанию судебно-правовая политика определяет статус судей, положение органов судейского сообщества, закрепляет формы судебной практики высших судебных инстанций, устанавливает систему судоустройства, правила судопроизводства по рассмотрению дел. Все это взаимосвязано с существованием организованных определенным образом судов. Организацию судов определяет судоустройство, а порядок рассмотрения дел судом — судопроизводство.

В ходе судебной деятельности по осуществлению правосудия и функционирования органов судейского сообщества вырабатывается судебная политика в области правоприменения, судоустройства, судопроизводства, статуса судей, материально-технического обеспечения и по другим направлениям, относящимся к компетенции этих органов. Судебная деятельность судейского сообщества вырабатывает стратегические направления судебной политики в системе государственной власти, стимулирует принятие законов о совершенствовании правосудия [7, с. 484–496].

Ключевой фигурой в этой сфере выступает судья, наделенный соответствующими полномочиями по рассмотрению правовых споров в определенном виде судопроизводства, по формированию судейской политики по применению нормативных актов, обобщению судебной практики и созданию правовых позиций.

Следовательно, можно сделать «вывод о существовании многогранного, комплексного, многофункционального явления в политике судебной власти, а именно основных ее видов — судебно-правовая политика, судебная политика и судейская политика, которые функционируют как самостоятельно, так и взаимосвязаны между собой» [8, с. 10].

Формирование судебными органами судебной правоприменительной политики связано с выработкой рекомендаций применения норм права, правовых позиций высших судов, судебных доктринальных положений, позволяющих единообразно их применять в судопроизводстве, а также обеспечивать непосредственную связь между названными источниками и разрешением судом правовых споров, установлением юридических фактов.

Суд является одним из органов государственной власти, применяет как материальный, так и процессуальный закон. В судебном процессе суд должен применить закон, его нормы в полном соответствии с их смыслом. Однако за-

конодатель не всегда точно может довести до правоприменителя смысл закона, охватить им весь спектр общественных отношений. Поэтому в правоприменительном процессе устранить неясность нормативного акта, дать наиболее точное его толкование и разъяснение, преодолеть пробел в законе призван суд в лице судей, которые формируют правовые позиции, определяющие основные направления судебной правоприменительной политики в сфере применения материального и процессуального права. Судебная правоприменительная политика содержится в судебных актах высших судов и в актах высших органов судейского сообщества. Реализация судебной правоприменительной политики осуществляется судебными органами непосредственно при разрешении правовых споров, установлении юридических фактов. «Наиболее значимые результаты судебной политики формируются высшими судебными органами и принимаются в виде судебных актов, содержащих правовые позиции, толкование норм права, а в некоторых случаях содержат нормы судейского права обязательные для применения в регулировании спорных правоотношений» [9, с. 10].

Формирование концептуальных положений правоприменительной политики невозможно без судебных органов. Предложения высших судебных инстанций становятся определяющим вектором в осуществлении правоприменительной политики, в том числе и судебной, в обеспечении справедливого правосудия и единообразного правоприменения в юридической деятельности.

Суды как субъекты правоприменительной политики реализуют основные положения данной политики в процессе осуществления своей деятельности посредством конституционного, уголовного, гражданского, административного и арбитражного судопроизводства, а также через органы судейского сообщества. Так что же представляет собой правоприменительная политика и в частности судебная правоприменительная политика, которую формируют высшие судебные органы наряду с другими уполномоченными органами и должностными лицами?

В своем классическом труде по теории правовой политики А. В. Малько пишет: «Правоприменительная политика закладывается уже на уровне правотворческой, в рамках определения стратегии законодательства, которая выступает нормативной основой правоприменительной деятельности. Именно здесь создаются ориентиры для всего механизма правового регулирования, как для принятия, так и для реализации юридических норм» [10, с. 187].

В словаре «Правовая политика» определено, что «правоприменительная политика преимущественно воплощается в правоприменительных актах, документах индивидуального, персонифицированного характера. В частности, в решениях высших органов судебной власти по делам, имеющим принципиальное значение для юридической практики» [11, с. 79–80]. Именно судебные акты высших судов определяют дальнейшее развитие и применение норм права судебными органами, их стабильность и последовательность в регулировании правоотношений.

Формирование и реализацию судами правоприменительной политики следует определять как судебную правоприменительную политику и рассматривать через систему судебных органов, их деятельность и иерархию судебных актов, поскольку именно эти органы непосредственно включены в правоприменительный процесс и формируют единообразие судебного правоприменения, в том числе и политику.

Судебная правоприменительная политика судебных органов основывается на целях и объектах правоприменительной политики; субъектах и самой судебной деятельности. Цель — защита прав, свобод и законных интересов граждан,

юридических лиц, национальных интересов общества и государства. Объектом являются все сферы общественной жизни, например: правоотношения, судебное правоприменение, судоустройство, судопроизводство, статус судей, материально-техническое обеспечение судебной системы. Субъектом выступают высшие судебные органы и высший орган судейского сообщества, которые формируют и реализуют судебную правоприменительную политику посредством судебной деятельности и принимаемых ими судебных актов.

Судебная правоприменительная политика характеризуется следующими особенностями: формируется высшими судебными органами — Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ, высшим органом судейского сообщества — Всероссийский съезд судей; ее формирование осуществляется в определенном порядке судебной деятельности; облекается в документальную форму — судебный акт, постановление Всероссийского съезда судей; официально публикуется в СМИ; реализуется через систему судебных органов, органы судейского сообщества, уполномоченных правоприменителей.

Следовательно, судебная правоприменительная политика — это деятельность высших органов судебной власти и высшего органа судейского сообщества по выработке стратегических положений в развитии судебной системы, его органов по осуществлению правосудия посредством судопроизводства, защиты прав, свобод и законных интересов человека, юридических лиц, национальной безопасности и поддержания единообразия судебного правоприменения. Составляющими элементами, влияющими на формирование и развитие судебной правоприменительной политики, являются судебное усмотрение, судебная практика, правовые позиции высших судов, их совокупность обеспечивает наиболее точное толкование, конкретизацию норм и принципов права, преодоление пробелов в нормативном регулировании, выработку единообразного правоприменения.

Формирование судебной правоприменительной политики осуществляется непосредственно через деятельность судебных органов, органов судейского сообщества, основанного на нормативных правовых актах, правовых позициях, на рекомендациях Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, научных положениях (судебных доктринах).

Высшие судебные органы формируют правовые позиции судебной практики для обеспечения единообразного правоприменения, в которых «раскрывается сущность норм и принципов права путем их толкования, конкретизации, примененных к конкретным случаям, а в некоторых случаях преодолевают пробелы в законодательстве, создавая новые правила для регулирования общественных отношений» [11, с. 36]. Такая деятельность высших судов и их судебные акты направлены на формирование, поддержание и обеспечение единства в правоприменении, следовательно, они определяют судебную правоприменительную политику в регулировании правоотношений.

В заключение приведем высказанное профессором Н. И. Матузовым мнение, которое актуально сегодня и в будущем станет ориентиром для совершенствования и взаимодействия права и политики в современном обществе. Он справедливо указывает на то, что «право и политика должны органично и естественным образом дополнять друг друга. Внятная политика, мудрые законы, справедливое право, активное поведение гражданина — вот те слагаемые, которые только и могут дать нужный результат» [5, с. 252]. Это в полной мере можно отнести к деятельности высших судебных органов в поддержании баланса права и политики в обществе, к формированию определенной и последовательной судебной правоприменительной политики.

Библиографический список

1. Гук П.А. Судебный прецедент как источник права / под науч. ред. Н.И. Матузова. Пенза: ГУП Терновская тип., 2003. 174 с.
2. Правовая политика: от концепции к реальности / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2004. 304 с.
3. Правовая политика России: теория и практика / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Велби, Проспект, 2006. 752 с.
4. Гук П.А. Судебное нормотворчество: теория и практика / под ред. Н.И. Матузова. Пенза: Информац.-издат. центр ПензГУ, 2009. 148 с.
5. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 512 с.
6. Терёхин В.А., Афанасьев С.Ф. Судебно-правовая политика // Правовая политика России: теория и практика / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Велби, Проспект, 2006. 752 с.
7. Гук П.А. Судебная деятельность как важнейший элемент правовой жизни общества // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2005. 528 с.
8. Гук П.А. Судебная политика и практика в правовой системе России // Российская юстиция. 2009. № 8. С. 9–11.
9. Малько А.В. Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с.
10. Правовая политика: словарь и проект концепции / под ред. А.В. Малько. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2010. 276 с.
11. Гук П.А. Судебная практика как средство обеспечения определенности правоприменения // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 35–38.

References

1. Guk P.A. Judicial Precedent as a Source of Law / ed. by N.I. Matuzov. Penza: SUE Ternovskaya publ. house, 2003. 174 p.
2. Legal Policy: from Concept to Reality / ed. by N.I. Matuzov, A.V. Malko. M.: Lawyer, 2004. 304 p.
3. The Legal Policy of Russia: Theory and Practice / ed. by N.I. Matuzov, A.V. Malko. M.: Velbi, Prospect, 2006. 752 p.
4. Guk P.A. Judicial Rulemaking: Theory and Practice / ed. by N.I. Matuzov. Penza: Penza State University Information and Publishing Center, 2009. 148 p.
5. Matuzov N.I. Actual Problems of the Theory of Law. Saratov: Publishing House of Saratov State Academy of Law, 2003. 512 p.
6. Terekhin V.A., Afanasyev S.F. Judicial and Legal Policy // Legal Policy of Russia: Theory and Practice / ed. by N.I. Matuzov, A.V. Malko. M.: Velbi, Prospekt, 2006. 752 p.
7. Guk P.A. Judicial Activity as the Most Important Element of the Legal Life of Society // Legal Life in Modern Russia: Theoretical and Methodological Aspect / ed. by N.I. Matuzov, A.V. Malko. Saratov: Publishing House of Saratov State Academy of Law. 2005. 528 p.
8. Guk P.A. Judicial Policy and Practice in the Russian Legal System // The Russian Legal System. 2009. No. 8. P. 9–11.
9. Malko A.V. Theory of Legal Policy. M.: Yurlitinform, 2012. 328 p.
10. Legal Policy: Vocabulary and Draft Concept / ed. by A.V. Malko. Saratov: Publishing House of Saratov State Academy of Law, 2010. 276 p.
11. Guk P.A. Judicial Practice as a Means of Ensuring the Certainty of Law Enforcement // The Russian Justice System. 2020. No. 9. P. 35–38.

Т.В. Милушева, Т.В. Касаева

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Введение: государство и личность связаны взаимными правами и обязанностями, взаимной ответственностью, баланс которых необходим для упорядочения жизни, создания необходимых условий, гарантий, механизмов реализации прав человека. **Цель** — осмыслить научный вклад Н.И. Матузова в разработку важнейших идей правоведения: баланса субъективных прав и юридических обязанностей, взаимной ответственности государства и личности. **Методологическая основа:** диалектический метод познания; совокупность общенаучных методов, формально-логический, сравнительно-правовой анализ. **Результаты:** аргументирована авторская позиция, согласно которой парадигма прав человека должна быть вплетена в национальную культурно-историческую действительность и соотноситься с мировым правопорядком. **Выводы:** констатируется необходимость дальнейших исследований проблемы прав человека, единства прав и обязанностей, свободы и ответственности; обращается внимание на вклад профессора Н.И. Матузова в разработку означенных проблем.

Ключевые слова: права человека, юридические обязанности, обязанности государства, суверенитет личности, пределы свободы государства.

T. V. Milusheva, T. V. Kasaeva

ON THE ISSUE OF STATE RESPONSIBILITIES IN THE CONTEXT OF HUMAN RIGHTS

Background: the state and the individual are bound by mutual rights and obligations, mutual responsibility, the balance of which is necessary to streamline life, create the necessary conditions, guarantees, mechanisms for the realization of human rights. **Objective** — to comprehend the scientific contribution of N.I. Matuzov to the development of the most important ideas of jurisprudence: the balance of subjective rights and legal obligations, mutual responsibility of the state and the individual. **Methodology:** dialectical method of cognition; a set of general scientific methods, formal logical, comparative legal analysis. **Results:** the author's position is argued, according to which the paradigm of human rights should be woven into the national cultural and historical reality and correlated with the world legal order. **Conclusions:** the necessity of further research on the problem of human rights, the unity of rights and duties, freedom

© Милушева Татьяна Владимировна, 2023

Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса (Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина РАНХиГС); e-mail: mtv62@mail.ru

© Касаева Татьяна Викторовна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, проректор по международным связям (Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.)

© Milusheva Tatyana Vladimirovna, 2023

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure (Volga Region Institute of Management named after P. A. Stolypin RANEPa)

© Kasaeva Tatyana Viktorovna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Vice-Rector for International Relations (Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A.)

and responsibility is stated; attention is drawn to the contribution of Professor N.I. Matuzov to the development of these problems.

Keywords: *human rights, legal obligations, duties of the state, sovereignty of the individual, limits of freedom of the state.*

Отдавая дань уважения профессору Н.И. Матузову, хотелось бы порассуждать на тему прав человека в связи с обязанностями государства. Николай Игнатьевич предвидел фундаментальность проблематики прав человека для России, ее сложность и многоплановость и отмечал, что главное сегодня не теоретизирование по данному вопросу, а создание необходимых условий, гарантий, механизмов реализации.

Озабоченность правоведа была вызвана несбалансированностью системы субъективных прав и юридических обязанностей. На одном конце демократической оси, отмечал Н.И. Матузов, предельно широкий ассортимент прав и свобод, на другом — гораздо меньший по объему, перечень обязанностей и ответственности. Между тем без обязанностей не возможна сколько-нибудь упорядоченная жизнь и в конечном итоге демократия [1, с. 235, 281].

Тематика правового государства, прав человека, его свободы, достоинства в предметном поле современной юридической науки занимает особое место. Гуманистический смысл права, прав человека состоит в возможности связывать свободу государства [2], акцентировать пределы, воздвигаемые для проявлений государственной власти публичными прерогативами отдельного члена общества [3]. Права человека актуализируют вопрос «суверенитета личности» (индивидуального суверенитета), который включает в себя внутреннюю сущность личности (человеческую индивидуальность), а также внешние факторы, каковыми является государство и социальная среда¹. Н.И. Матузов одним из первых употребил это понятие в своих работах, обозначая им свободное развитие человека не от норм закона и требований государства, а от бесправия и духовного подавления [4, с. 3–4]. Государство во взаимоотношениях с человеком рассматривается как необходимое условие существования индивидуального суверенитета.

В недалеком прошлом сама постановка вопроса об обязанностях государства подвергалась сомнению. Марксисты считали, что государство и отдельное лицо не связаны правами и обязанностями [5]. По мнению А. Эсмена, «государство свободно от обязанностей по отношению к отдельному индивиду» [6, с. 393]. Автор книги «Публичные свободы» отмечал, что по отношению к личности государство не несет никаких обязанностей [7, с. 147].

Сегодня вряд ли кто сомневается в том, что государство и личность связаны взаимными правами, обязанностями, ответственностью. Обязанности государства производны от функции публичной власти по организации социальной жизни, обеспечению ее жизнедеятельности. Они, с одной стороны, адресованы народу как общности; с другой — персонифицированы по отношению к индивиду и выступают в качестве гарантий прав личности. Политической основой обязанностей государства является суверенитет народа, социально-экономическую основу составляет рыночная экономика, а юридическую — нормы Конституции РФ, закрепляющие эти обязанности [7, с. 96].

¹ См.: Софиенко М.Б. Правовые основания суверенитета личности. URL: <https://proza.ru/2015/07/24/1632?ysclid=lp5gka7t6m783981215> (дата обращения: 15.08.2023).

Понятие обязанности (*officium*) Цицерон рассматривал человека как члена общины Рима и выделял такие основные типы обязанности, как справедливость и благотворительность.

Осмыслению феномена обязанности посвятили свои труды И. Кант, Д. Юм, Г. Гегель и др. Сегодня внимание к обязанности в философии и юридической науке снижено, хотя отдельные наработки имеются. Анализируя сущность обязанности, исследователи указывают на ее связь с необходимостью, практикой, моралью, осознанием своего долга, юридическим законом. Обязанность государства как разновидность юридической обязанности с общетеоретических позиций трактуется как «мера должного поведения обязанного лица» [8]. Некоторые авторы обосновывают наличие в обязанности элемента «возможного» [9, с. 139; 10] поведения. Означенная точка зрения довольно противоречива, здесь фактически отождествляются субъективное право и юридическая обязанность, а если смотреть глубже — смешиваются разные возможности и разные необходимости, что существенно влияет на понимание действительности [11].

Обязанность по своей природе объективно-субъективна и обусловлена практической потребностью общества в определенной деятельности [12, с. 159–172]. Источником обязанности выступают функции общественных институтов, реализация которых необходима для существования социума. В юридической литературе в этой связи обращается внимание на тесную связь обязанностей государства и его функций. Юридические обязанности, подчеркивается в литературе, — это способ осуществления функций государства. По аналогии с функциями государства его обязанности классифицируют на внутренние и внешние [13, с. 8–12].

Особая роль в обеспечении интересов личности и общества отводится конституционным обязанностям государства, которые закреплены в Конституции РФ и федеральных законах. Конституционные обязанности государства формируются также в процессе практической деятельности Конституционного Суда РФ по разрешению конкретных дел. Конституционные обязанности являются элементом полномочий органов государственной власти, должностных лиц. Они имеют высшую юридическую силу, производную от статуса Основного Закона; обладают особой социальной значимостью, публично-правовым характером; не всегда имеют высокую степень формальной определенности (закрепляются напрямую, а также вытекают из целей, задач и т.п.); укоренены в конституционном строе Российского государства; регулируют широкие по охвату общественные отношения; тесно взаимосвязаны с субъективными правами, конституционной ответственностью государственных органов и должностных лиц за их надлежащее выполнение [14–15]; имеют универсальный характер, поскольку рассматриваются в системе всеобщих универсальных обязательств государств — членом международного сообщества.

Реализация конституционных обязанностей предполагает создание соответствующих процедур, регламентирующих действия государства и гражданина, право которого нарушено. Важно, чтобы такие процедуры были выполнимы, не усложняли осуществление гражданином своего права. В противном случае реализация обязанностей государства остается невостребованной, поскольку гражданин попросту не использует свое субъективное право. В связи с этим в федеральных законах об органах государственной власти необходимо как можно точнее закреплять обязанности чиновников по отношению к гражданам;

формы контроля и надзора за работой должностных лиц; санкции юридической ответственности государственных органов и должностных лиц за нарушение прав и свобод человека и гражданина [16–17].

Конституционные обязанности нашли прямое и косвенное выражение во всем содержании Конституции РФ. Прямо закреплены обязанности государства: признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2); соблюдать Конституцию РФ и законы (ч. 2 ст. 15); обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ч. 2 ст. 24). Обязанности государства, выраженные косвенно, вытекают из принципов, целей, задач, основных направлений государственной деятельности, конституционных прав.

Фундаментальная обязанность государства, закрепленная в ст. 2 Конституции РФ, содержит общую программу действий для всех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. Из ее содержания вытекает право человека и гражданина контролировать выполнение государством своих обязанностей. Совокупность ст. 2, 15, 18 и 55 Конституции РФ образует правовые пределы деятельности публичной власти, границы ее усмотрения. Для законодателя они означают невозможность принимать законы, умаляющие права и свободы человека и гражданина. Исполнительная власть, органы местного самоуправления в своих действиях обязаны соблюдать Конституцию, законы, процедурные нормы. Что касается судебной власти, то она выступает главной гарантией прав человека и гражданина, охраняет и защищает их от посягательств, в том числе со стороны законодательной и исполнительной властей. Государство при этом обязано сформировать универсальный правозащитный механизм, включающий необходимые для этого органы государственной власти, Уполномоченного по правам человека, прокуратуру, институты гражданского общества.

В ст. 7 Конституции РФ выражен принцип социального государства, что дает основание полагать, что обязанность признания, соблюдения и защиты охватывает и права второго поколения — экономические, социальные и культурные. Конституционное положение о социальном государстве «является юридическим выражением ответственности и обязанностей государства перед обществом и личностью...» [13, с. 84]. Следует признать, что обязанности государства в социальной сфере отличаются меньшей степенью формальной определенности. В данном случае действия государства обусловлены множеством внутренних и внешних факторов: состоянием национальной и мировой экономик, уровнем безработицы и пр.

Формальное закрепление конституционных обязанностей в Основном Законе России нельзя признать удачным: во-первых, в их изложении отсутствует системность; во-вторых, при закреплении обязанностей используются такие понятия, как «обеспечение», «гарантированность», «защита», что требует профессионального прочтения и толкования статей Конституции РФ, в-третьих, обязанности государства сформулированы не всегда четко, имеют место неявно сформулированные конструкции (например, к таковым можно отнести ст. 13 Конституции РФ).

Весьма положительный опыт формализации обязанностей государства представлен в Конституции Португальской Республики. Обязанности государства конкретизированы в каждой социальной сфере путем прямого указания

на обязанности государства. Статьи, регламентирующие права граждан, с точки зрения юридической техники состоят из двух частей: формулирование самого права и корреспондирующие ему обязанности государства в означенной сфере. Например, ст. 67 «Семья» гласит: «1. Семья как основная ячейка общества имеет право на защиту со стороны общества и государства и на создание всех условий, которые позволили бы ее членам реализоваться как личностям. 2. Государство, в частности, для защиты семьи обязано: а) способствовать социальной и экономической независимости членов семьи; б) развивать национальную сеть охраны интересов матери и ребенка, национальную сеть яслей и инфраструктуру поддержки семьи, а также проводить политику защиты интересов престарелых; в) сотрудничать с родителями в деле воспитания детей; г) гарантировать, в плане уважения личной свободы, право на планирование семьи, способствуя распространению информации и доступу к методам и средствам, которые обеспечат реализацию этого права, и создать соответствующие юридические и технические структуры, которые позволили бы содействовать сознательности родителей; д) регламентировать правила помощи при родах таким образом, чтобы не задевать достоинство человека; е) регулировать налоги и социальные выплаты в соответствии с семейными обязанностями лиц; ж) определять, заслушивая объединения, представляющие семьи, и проводить общую целостную политику поддержки семьи».

С точки зрения юридической техники статьи Конституции Португальской Республики безусловно объемны, однако, как совершенно справедливо отмечал Н. И. Матузов, и это актуально для России, гораздо важнее четко прописать и конкретизировать обязанности власти, всех ее ветвей, структур, чиновников, ибо одной общей конституционной нормы, что признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина — обязанность государства, явно недостаточно [1, с. 300].

Закрепление прав человека в Конституции и заявление о том, что они очерчивают пределы власти государства, — формальная сторона вопроса. Содержательный же аспект заключается в действиях власти по исполнению возложенных на нее юридических обязанностей, которые являются элементом властных полномочий. Государственные органы и должностные лица относительно свободны в выборе средств и способов реализации своих полномочий и часто действуют в режиме усмотрения [18]. Однако возможность (вариативность) исполнения не должна подменять сущность обязанности, которая выражена через правовую необходимость. Данная проблема требует сегодня пристального внимания юридической науки и практики.

Джон Стюарт Милль, заканчивая свое знаменитое эссе «О свободе», писал: «Ценность государства в конечном счете измеряется ценностью индивидов, которые его составляют; государство, которое... ущемляет людей для того, чтобы сделать их послушными инструментами в своих руках, даже в том случае, когда провозглашает благие намерения... вскоре обнаружит, что с маленькими людишками невозможно достичь ничего великого, а совершенствование аппарата управления, которому все приносилось в жертву, в конечном итоге ничего не дало» [19].

Сегодня идея прав человека нуждается в развитии с учетом происходящих в мире событий. Углубляющийся разрыв между правами и обязанностями человека, стремление любой ценой отстоять права в ущерб обязанностям, ослабление

чувства ответственности за индивидуальные и коллективные действия, вызывают обоснованную тревогу. Парадигма прав человека нуждается в дополнении ее более широкой парадигмой «правовое положение личности» в российском обществе в его соотношении с меняющимся миропорядком [20, с. 75–78]. Национальный стандарт прав человека должен формироваться в контексте собственной истории и культуры. «Права плюс обязанности, свобода плюс ответственность — такова аксиома нормальной жизнедеятельности людей. Это разумно, справедливо, демократично» [1, с. 281].

Библиографический список

1. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 512 с.
2. Милушева Т.В. Пределы деятельности государственной власти в России: вопросы теории и практики / под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2011. 297 с.
3. Еллинек Г. Система субъективных публичных прав / пер. со 2-го нем. изд. А.А. Рождественского. СПб.; М.: Освобождение, 1913. 26 с.
4. Матузов Н.И. К вопросу о суверенитете личности // Правоведение. 1994. № 4. С. 3–14.
5. Марксистско-ленинская теория государства и права. Основные институты и понятия. М.: Юрид. лит., 1970. 622 с.
6. Эсмен А. Общие основания конституционного права / пер. с 4-го фр. изд. под ред. Н.О. Бер; 2-е изд. СПб.: О.Н. Попова, 1909. 449 с.
7. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 294 с.
8. Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М.: Юрид. лит., 1968. 143 с.
9. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1979. 229 с.
10. Матузов Н.И., Ушанова Н.В. Возможность и действительность в российской правовой системе. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2010. 392 с.
11. Грибакин А.В. Онтология обязанности личности // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 2. С. 159–172.
12. Диценко А.Н. Сущность юридические обязанности государства и ее связь с функциями государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 4(48). С. 8–12.
13. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007. 384 с.
14. Худяков А.В. Конституционно-правовое регулирование обязанностей государства в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 25 с.
15. Снежко О.А. Защита прав граждан — основная обязанность Российского государства // Право и политика. 2005. № 10. С. 107–108.
16. Касаева Т.В. Роль государственных служащих в механизме современного Российского государства / под ред. В.Л. Кулапова. Саратов: Саратов. юрид. ин-т МВД России, 2011. 227 с.
17. Павленко К.А. Служебная дисциплина в системе правоохранительной службы Российской Федерации / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: Научная книга, 2012. 174 с.
18. Усмотрение в правоприменительной деятельности: современные подходы / под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов: Изд-во Поволж. ин-та управления — филиал РАНХиГС, 2022. 270 с.

19. Милль Д.С. О свободе // Д.С. Милль. Утилитарианизм. О свободе. СПб.: И.П. Первозников, 1900. 427 с.

20. Синюков В. Н. Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 5. С. 75–85.

References

1. *Matuzov N.I.* Actual Problems of the Theory of Law. Saratov: Publishing House of Saratov State Academy of Law, 2003. 512 p.

2. *Milusheva T.V.* The Limits of the Activity of State Power in Russia: Questions of Theory and practice / edited by O. I. Tsybulevskaya. Saratov: Publishing House of Saratov State Academy of Law, 2011. 297 p.

3. *Jellinek G.* The system of subjective public rights / trans. from the 2nd German ed. A.A. Rozhdestvensky. St. Petersburg; M.: Liberation, 1913. 26 p.

4. *Matuzov N.I.* On the Issue of Personal Sovereignty // Law Studies. 1994. No. 4. P. 3–14.

5. Marxist-Leninist Theory of State and Law. Basic Institutions and Concepts. M.: Yurid. lit., 1970. 622 p.

6. *Esmen A.* General Foundations of Constitutional Law / trans. from the 4th French edition. edited by N.O. Ber; 2nd ed. St. Petersburg: O.N. Popova, 1909. 449 p.

7. *Matuzov N.I.* The Legal System and Personality. Saratov: Saratov University Publishing House, 1987. 294 p.

8. *Maltsev G.V.* Socialist Law and Personal Freedom (theoretical issues). M.: Yurid. lit., 1968. 143 p.

9. *Vitruk N.V.* Fundamentals of the Theory of the Legal Status of the Individual in a Socialist Society. Moscow: Science, 1979. 229 p.

10. *Matuzov N.I., Ushanova N.V.* Possibility and Validity in the Russian Legal System. Saratov: Publishing House of Saratov State Academy of Law, 2010. 392 p.

11. *Gribakin A.V.* Ontology of Personality Responsibilities // Social and Humanitarian Knowledge. 2022. No. 2. P. 159–172.

12. *Ditsenko A.N.* The Essence of Legal Duties of the State and Its Relationship with the Functions of the State // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 4(48). P. 8–12.

13. *Ebzeev B.S.* Personality and the State in Russia: Mutual Responsibility and Constitutional Duties. M.: Norm, 2007. 384 p.

14. *Khudyakov A.V.* Constitutional and Legal Regulation of the Duties of the State in Russia: extended abstract. dis. ... cand. of law. M., 2011. 25 p.

15. *Snezhko O.A.* Protection of Citizens' Rights Is the Main Duty of the Russian State // Law and Politics. 2005. No. 10. P. 107–108.

16. *Kasaeva T.V.* The Role of Civil Servants in the Mechanism of the Modern Russian State / ed. by V.L. Kulapov. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. 227 p.

17. *Pavlenko K.A.* Service Discipline in the System of Law Enforcement Service of the Russian Federation / ed. by Yu.N. Starilov. Voronezh: Scientific Book, 2012. 174 p.

18. Discretion in Law Enforcement: Modern Approaches / ed. by O.I. Tsybulevskaya. Saratov: Publishing House of the Volga Region Institute of Management RANHiGS, 2022. 270 p.

19. *Mill D.S.* On Freedom // D. S. Mill. Utilitarianism. About Freedom. St. Petersburg: I.P. Perevnikov, 1900. 427 p.

20. *Sinyukov V.N.* Personality in the Russian Legal System: Search for New Approaches // Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27, no. 5. P. 75–85.

Е.Ю. Архипова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ДИСПОЗИТИВНЫХ НОРМ ПРАВА

Введение: вопросы, связанные с определением понятия и особенностей диспозитивных норм права, не получили до сих пор в юридической науке однозначной теоретической оценки, а в условиях трансформации правовой действительности актуальность их разрешения только возрастает. **Цель** — выяснить особенности диспозитивных норм в российском праве и провести их общетеоретический анализ, а также дать авторское определение указанной разновидности норм права. **Методологическая основа:** использованы диалектический, системный, формально-юридический методы, позволившие выявить особенности диспозитивных норм права. **Результаты:** на основе анализа юридической литературы и действующего законодательства аргументирована авторская позиция относительно определения и признаков диспозитивных норм права. **Выводы:** в настоящее время развитая экономика предполагает возможность выбора рациональных моделей поведения, которые способствовали бы достижению не только частных, но и публичных интересов, что достигается посредством применения диспозитивных норм права.

Ключевые слова: диспозитивность, диспозитивный метод, диспозитивные нормы, частное право, публичное право.

E.Yu. Arkhipova

THEORETICAL ANALYSIS OF DISPOSITIVE NORMS OF LAW

Background: the issues related to the definition of the concept and peculiarities of dispositive norms of law have not yet received an unambiguous theoretical assessment in legal science, and in the conditions of transformation of legal reality, the relevance of their resolution is only increasing. **Objective** — to find out the peculiarities of dispositive norms in Russian law and conduct their general theoretical analysis, and to give the author's definition of this type of norms of law. **Methodology:** dialectical, systematic, formal-legal methods were used, which allowed to identify the features of dispositive norms of law. **Results:** based on the analysis of legal literature and current legislation the author's position regarding the definition and attributes of dispositive norms of law is argued. **Conclusions:** at present, a developed economy presupposes the possibility of choosing rational models of behavior that would promote not only private but also public interests, which is achieved through the application of dispositive norms of law.

Keywords: disposability, dispositive method, dispositive norms, private law, public law.

Норма права представляет собой категорию, которая относится к всеобщим правовым абстракциям понятийного аппарата теории государства и права и яв-

© Архипова Екатерина Юрьевна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: arkipovaeyu@gmail.com

© Arkhipova Ekaterina Yur'evna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

ляется одновременно первичным элементом системы права. В юридической науке она подвергалась и подвергается по сей день подробному и всестороннему изучению, результатом которого выступают исследования, где выясняются основные ее характеристики, отличительные особенности и различные классификации. Дифференциация норм права на диспозитивные и императивные начинает достаточно подробно разрабатываться в советский период развития правоведения [1, с. 6]. Несмотря на общепризнанность подобного деления, в настоящее время остается неразрешенным целый ряд вопросов, касающихся обеих разновидностей правил поведения. В нашем случае интерес состоит в даче общетеоретической характеристики именно диспозитивным нормам. Это обусловлено важностью исследования и дальнейшего развития таких показателей демократичности современного российского государства, как: автономность личности, ее свобода, инициативность и самостоятельность. Именно они способствуют экономическому росту в стране, технологическому прогрессу, а также стимулируют заинтересованность участия в указанных процессах отдельных субъектов правоотношений частного правового и публично-правового порядка. Н. И. Матузов и Н. В. Ушанова отмечали, что провозглашенные законодателем диспозитивные начала предоставляют возможность разным субъектам права использовать по своему усмотрению закрепленные права, конструировать собственные варианты поведения в границах режима законности, а в условиях экономической свободы именно общедозволительный метод регуляции правоотношений позволяет возможности претворяться в действительность; по мнению ученых, именно право выступает «мерилом свободы» [2, с. 8, 110, 111].

Родовое понятие «диспозитивность» проявляется в большинстве отраслей права, специфика которых обуславливает ее наполнение самым различным содержанием с учетом особенностей предмета правового регулирования, характерного для конкретной отрасли права. Она понимается как юридическая свобода, позволяющая субъектам права в рамках законности и по собственному усмотрению осуществлять субъективные права [3, с. 20]. Их сущность раскрывается через категорию возможности, которая понимается в виде дозволенности со стороны государства на осуществление тех или иных действий. Она (возможность, заключенная в субъективном праве) гарантирована и обеспечена им (государством) [2, с. 88].

В связи с этим диспозитивность предполагает инициативность, автономность, самостоятельность субъектов права, а реальное воплощение она получает посредством использования целого ряда юридических инструментов: нормы и принципы права, способы и методы правового регулирования и т.п. Понимание диспозитивности как юридической свободы вовсе не влечет за собой тезис о ее безграничности. Ограничение произвола участников различных правоотношений производится путем установления соответствующих нормативных предписаний [2, с. 120]. В обратном случае речь идет об анархии. Н. К. Краснослободцева отмечает, что диспозитивность выступает многоуровневым понятием, поскольку является, с одной стороны, идеологией — совокупностью идей, лежащих в основе регулирования, а с другой — непосредственным инструментом правового регулирования [4, с. 8]. Соответственно, указанная категория рассматривается как отраслевой принцип (в частности, в гражданской отрасли права). Она лежит в основе таких понятий, как диспозитивный метод правового регулирования, диспозитивные нормы и т.д.

Итак, диспозитивные нормы выступают инструментом проявления диспозитивности в правовой действительности. Их суть выражается в том, что они одновременно содержат вариант поведения для участников правоотношений и дают им возможность в законных пределах провести собственную его регламентацию. В случае если они не воспользуются предоставленной возможностью, то предлагаемый диспозитивной нормой вариант приобретает обязательный характер [5, с. 114].

Легальное определение исследуемого феномена содержится в п. 4 ст. 421 Гражданского кодекса РФ, согласно которому диспозитивная норма — это предусмотренный нормой права вариант поведения (условие договора), который используется сторонами в случае, если они своим соглашением не установили иное. Отсутствие такого соглашения влечет применение условий, закрепленных диспозитивной нормой¹. В актах судебного толкования это положение получает дополнительную интерпретацию с точки зрения определения основных характеристик указанной разновидности нормы права: «Если норма не содержит явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного в ней, и отсутствуют критерии императивности, она должна рассматриваться как диспозитивная»². Там же отмечается, что «если норма содержит прямое указание на возможность предусмотреть иное соглашением сторон, то диспозитивность этой нормы ограничена определенными пределами, в рамках которых стороны договора свободны установить условие, отличное от содержащегося в ней правила».

Анализ юридической литературы показал неоднозначную оценку диспозитивных норм со стороны ученых. В частности, все позиции можно поделить на несколько групп.

1. Отрицание или игнорирование диспозитивных норм. В качестве доказательства приводится тот факт, что деление норм права на основании критерия обязательности выполнения указанных в них предписаний несостоятельно, поскольку правила поведения, исходящие от государства, в силу своей природы обязательны для исполнения субъектами права в равной степени и не может существовать более или менее обязательных к исполнению норм права. Еще один аргумент состоит в критике конструкции «если иное не установлено договором», часто расцениваемой как признак диспозитивных норм. В данном случае, как утверждается, речь идет о действии нормы права во времени [6, с. 114]. Однако степень обязательности все же может быть разной, что подтверждает позиция М.И. Байтина и Д.Е. Петрова, согласно которой необходимо проводить различие между императивностью права и императивными нормами. Первая категория олицетворяет характерное для любой нормы права свойство — государственно-волевой характер, то есть она исходит от государства, а потому изначально обладает императивностью. Между тем степень их проявления у различных нормативных предписаний будет разной [7, с. 86]. Подобное суждение можно найти и в работах Г.В. Мальцева, который утверждает, что императив и есть исходящее от государства правило поведения, лежащее в основе волевых отношений, возникающих между различными участниками правовой действительности [8, с. 567–569]. Это позволяет норму права отличить от иных социальных регуляторов.

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // Российская газета. 1994. 8 дек.; 2023. 17 апр.

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

2. Диспозитивные нормы как преимущественно существующие в частном праве предписания [9, с. 339]. В связи с этим они представляют собой правила поведения, которые отличаются договорным характером. Они используются, когда сторонами не установлен иной порядок урегулирования соответствующих правоотношений. Стоит отметить справедливость суждений о доминировании диспозитивных норм в отраслях частного права, поскольку его направленность как раз и состоит в стимулировании участников правоотношений на проявление активности и инициативности [10]. Однако подобная позиция не учитывает весь потенциал их реализации на практике. Стоит отметить, что некоторые авторы отождествляют управомочивающие и диспозитивные нормы права [11, с. 201]. Думается, что в данном случае происходит смешение критериев деления.

3. Диспозитивные нормы — это правила поведения, имеющие место не только в границах частного, но и публичного права [12, с. 33]. Утверждается, что удельный вес диспозитивных и императивных начал, выраженный в доминирующем методе правового регулирования, различается в зависимости от того, какие задачи государству необходимо решить при регламентации соответствующей области отношений [13, с. 79]. Процессы либерализации, инициированные в Российском государстве в конце XX в., технологический прогресс обусловили продвижение идей децентрализации правового регулирования, в том числе и в публичных отраслях права. Российское государство объективно стремится обеспечить баланс между формальной определенностью права и его гибкостью. В этом отношении интересна позиция Ю.А. Тихомирова, который утверждает, что для частного и публичного права характерен свой родовой метод правового регулирования [14, с. 45–47]. Нормальное функционирование права обуславливает необходимость тесного взаимодействия диспозитивных и императивных начал, которые только в своей совокупности могут работать эффективно. Именно поэтому каждый из родовых методов распадается на способы, средства и методы правового воздействия более конкретного содержания.

Ввиду того, что диспозитивная норма права является разновидностью нормы права, то она выступает носителем признаков более общей правовой категории: общеобязательность, формальная определенность, общий характер, направленность на регламентацию общественных отношений, установление и охрана со стороны государства [15, с. 32]. В то же время для диспозитивной нормы права характерны свои специфические признаки.

Так, диспозитивные нормы, с одной стороны, содержат модель поведения, с другой — дают субъектам права возможность по своему усмотрению и в пределах режима законности самостоятельно регулировать собственные отношения. В случае неиспользования указанной возможности они должны построить свои отношения по параметрам модели поведения, предложенной в соответствующей норме права. В юридической литературе высказываются мнения о том, что для диспозитивных норм характерен свой собственный набор структурных компонентов, а именно гипотеза и диспозиция таких норм будет либо неопределенной, либо относительно-определенной, а видовая особенность санкций не будет влиять на природу нормы права [12, с. 7].

Диспозитивные нормы рассчитаны на свободных субъектов, которые способны осознанно и ответственно пользоваться предоставленными возможностями в целях удовлетворения материальных и духовных потребностей. В связи с этим ключевую роль с точки зрения реализации диспозитивных норм играет именно

воля субъектов права, ведь не вызывает сомнения тот факт, что любое волевое действие обусловлено интересами субъектов права. Для него характерен интеллектуальный характер, поскольку важное значение придается знаниям, опыту, на основе которых производится анализ всех возможных факторов, влияющих на возможность построения правила поведения по собственному усмотрению, но в законных пределах. Соответствующие участники отношений первоначально проектируют будущее правило поведения, заранее определяя его параметры и результаты, тем самым придавая ему конкретное содержание. Последнее суждение подтверждает яркое проявление в диспозитивной норме предоставительно-обязывающего характера.

В связи с этим принятие решения по конструированию правила поведения, отличного от уже имеющегося в норме права, — это свободный выбор свободного субъекта, который на основе свободы воли определяет, в каком объеме использовать предоставленные государством возможности. Субъект в данном случае реально оценивает имеющиеся средства и формы осуществления деятельности с учетом собственного интереса, наличия знаний о предмете и закономерностях развития не только конкретного правоотношения, но и в целом общества и государства. Этот вывод подтверждает позиция Н.И. Матузова и Н.В. Ушановой, по мнению которых, любая норма права — это единство возможности и действительности, она одновременно является фактом реальности, так как объективирована в действующем законодательстве, и возможностью, которая в зависимости от интересов и потребностей субъектов права может материализоваться в реальное правоотношение [2, с. 115].

Таким образом, наличие диспозитивных норм позволяет выделить ряд стадий, в рамках которых происходит выбор субъектов права с целью формулирования правила поведения, отличного от уже имеющегося в норме права: 1) выявление собственных потребностей и интересов и осознание необходимости их удовлетворения; 2) формулирование целей и соответствующих ей средств, способов и возможностей ее удовлетворения; 3) проявление самостоятельности, вариативности поведения в виде выработки правила поведения, отличного от уже имеющегося в норме права с учетом соблюдения прав иных субъектов права.

Диспозитивная норма, по сути, предлагает примерный «сценарий» для выстраивания участниками правоотношений своего поведения. Она олицетворяет свободу и автономность сторон, принадлежащую им реальную возможность самостоятельно устанавливать правовой режим регуляции в границах законности. Руководствуясь этим, участники правоотношений сами могут формулировать правила поведения, наиболее соответствующие конкретным жизненным обстоятельствам. В противном случае диспозитивная норма предлагает возможный вариант поведения. С.С. Алексеев называл диспозитивные нормы восполнительными, аргументируя это тем, что они начинают «работать» в случае отсутствия соглашения между сторонами [16, с. 75].

Интересна позиция Р.Р. Ушницкого, который отмечает, что диспозитивная норма применяется для установления относительных прав, поскольку соглашение, заключаемое между сторонами и способное изменить либо исключить применение положений, предусмотренных диспозитивной нормой, возможно возникнуть только на основании как минимум двусторонних отношений, где стороны строго определены [17, с. 40]. Соответственно, в нем происходит со-

гласование воле всех участников конкретного отношения, а потому последние приобретают характер относительных, как и права, возникающие у субъектов в их границах.

Резюмируя сказанное, отметим, что, во-первых, диспозитивная норма представляет собой исходящее от государства правило поведения, направленное на регулирование относительных правоотношений, предусматривающее возможность сторонам отойти от указанного в ней варианта поведения путем самостоятельной его регламентации, реализуемой в пределах, установленных действующим законодательством.

Во-вторых, она отличается следующими признаками: выражена в форме дозволений; демонстрирует минимальную степень императивности; применяется, если сторонами не определены иные варианты или условия; дает сторонам отношений возможность выбора варианта поведения в границах действующего законодательства, в том числе отступать от содержащихся в них правил поведения и регулировать отношения по собственному усмотрению; содержит относительные права и регулирует относительные правоотношения; наиболее ярко демонстрирует признак предоставительно-обязывающего характера; присуща многим отраслям российского права, но более всего проявляется в частном праве.

В-третьих дальнейшее исследование диспозитивных норм является важным фактором с точки зрения изучения динамики всего российского права, поскольку они выступают необходимым элементом его развития, стимулируют автономность правового регулирования общественных отношений, а также активность и инициативность их участников, так как всегда содержат в себе минимум два правила поведения, одно из которых состоит в предоставлении сторонам права на регламентацию отношений на основе собственного усмотрения, а второе — в предлагаемом самой нормой варианте поведения. Подобное положение обусловлено ускоренными темпами развития экономики, технологического прогресса, в чем, собственно, и заинтересовано государство. Именно поэтому с точки зрения эффективности и сбалансированности правового регулирования существование диспозитивных норм в публичном и частном праве оправданно. Об этом в свое время писал еще И. А. Покровский: «...Экономический прогресс возможен только под условием признания свободы хозяйственной инициативы и самостоятельности...» [18, с. 39]. Однако она способна реализоваться только посредством использования соответствующего правового инструментария, представленного диспозитивными нормами.

Библиографический список

1. *Карева М.П., Айзенберг А.М.* Правовые нормы и правоотношения: пособие / под ред. К. А. Мокичева. М.: Моск. большевик, 1949. 58 с.
2. *Матузов Н.И., Ушанова Н.В.* Возможность и действительность в российской правовой системе. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2010. 392 с.
3. *Кожевников В.В.* К проблеме диспозитивных норм в частном и публичном праве в современной России // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 16–29.
4. *Краснослободцева Н.К.* Диспозитивность как инструмент закрепления свободы личности в законодательстве // Юридическая наука. 2011. № 2. С. 7–11.
5. *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М.: Статут, 2006. 238 с.
6. *Табарин И.В.* Современная теория права. Новый научный курс. М.: Феникс, 2008. 624 с.

7. Байтин М.И., Петров Д.Е. Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 84–95.
8. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2011. 800 с.
9. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма, 2010. 552 с.
10. Дорохин С.В. Деление права на публичное и частное // Юрист. 2002. № 9. С. 2–13.
11. Власов В.И., Власова Г.Б. Теория государства и права: учеб. пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2011. 331 с.
12. Лапшин И.С. Диспозитивные нормы права. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2002. 132 с.
13. Алиэскеров М.А. Метод гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 78–83.
14. Тихомиров Ю.А. Публичное право: учебник. М.: БЕК, 1995. 496 с.
15. Дудина А.Н. Понятие и признаки императивных норм права (теоретико-правовой анализ) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 6, № 2. С. 27–35.
16. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 360 с.
17. Ушницкий Р.Р. Императивность и диспозитивность норм в методологии цивилистики // Вестник СВФУ. Сер.: История. Политология. Право. 2019. № 1(13). С. 39–47.
18. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. 351 с.

References

1. Kareva M.P., Aizenberg A.M. Legal Norms and Legal Relations. Manual / ed. K.A. Mokichev. M.: Mosk. Bolshevik, 1949. 58 p.
2. Matuzov N.I., Ushanova N.V. Possibility and Reality in the Russian Legal System. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House, 2010. 392 p.
3. Kozhevnikov V.V. On the Problem of Dispositive Norms in Private and Public Law in Modern Russia // Journal of Russian Law. 2017. No. 8. P. 16–29.
4. Krasnoslobodtseva N.K. Dispositiveness as a Tool for Securing Individual Freedom in Legislation // Legal Science. 2011. No. 2. P. 7–11.
5. Yakovlev V.F. Civil Law Method of Regulation of Public Relations. M.: Statut, 2006. 238 p.
6. Tabarin I.V. Modern Theory of Law. New Scientific Course. M.: Phoenix, 2008. 624 p.
7. Baitin M.I., Petrov D.E. Method of Regulation in the System of Law: Types and Structure // Journal of Russian Law. 2006. No. 2. P. 84–95.
8. Maltsev G.V. Social Foundations of Law. M.: Norm, 2011. 800 p.
9. Nersesyants V.S. General Theory of Law and State: textbook. M.: Norm, 2010. 552 p.
10. Dorokhin S.V. Division of Law into Public and Private // Lawyer. 2002. No. 9. P. 2–13.
11. Vlasov V.I., Vlasova G.B. Theory of State and Law: textbook. Rostov n/D.: Feniks, 2011. 331 p.
12. Lapshin I.S. Dispositive Norms of Law. N. Novgorod: Nizhegor. Acad. of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. 132 p.
13. Alieskerov M.A. Method of Civil Procedural Law // Journal of Russian law. 2006. No. 7. P. 78–83.
14. Tikhomirov Yu.A. Public Law: textbook. M.: BEK, 1995. 496 p.
15. Dudina A.N. The Concept and Signs of Imperative Norms of Law (theoretical and legal analysis) // Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy. 2015. Vol. 6, no. 2. P. 27–35.
16. Alekseev S.S. General Theory of Law: in 2 vols. M.: Jurid. lit., 1982. Vol. 2. 360 p.
17. Ushnitsky R.R. Imperative and Dispositive Norms in the Methodology of Civil Law // Bulletin of NEFU. Series: History. Political science. Law. 2019. No. 1(13). P. 39–47.
18. Pokrovsky I.A. The Main Problems of Civil Law. M.: Statut, 2020. 351 p.

**К СТОДЕСЯТИЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВИКТОРА АЛЕКСЕЕВИЧА
ТАРХОВА**

ТАРХОВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ
(1913–2010)

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РСФСР,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации

Ю.А. Зайцева

ВКЛАД ВИКТОРА АЛЕКСЕЕВИЧА ТАРХОВА
В РАЗВИТИЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Введение: *цивилистическая наука как любая другая наука не стоит на месте. Проводимые исследования отвечают современным вызовам. В то же время, анализируя действующее законодательство, изучая взгляды ученых-цивилистов, правоприменительную практику, необходимо учитывать законодательство прошлых лет, посмотреть развитие того или иного института общественных отношений в динамике, определив положительные и отрицательные моменты. Не менее важно учитывать и мнения ученых-цивилистов прошлого, которые проводили научные исследования по актуальным вопросам, развивая тем самым цивилистическую науку.*

Цель — исследовать труды В.А. Тархова и оценить вклад ученого в развитие цивилистической науки. **Методологическая основа:** анализ и синтез, индукция и дедукция, аргументация и обобщение. **Результат:** проведенное исследование трудов В.А. Тархова позволило отметить, что ученый занимался изучением актуальных вопросов, характерных не только для цивилистической науки, но и правоприменительной практики. Результаты научных исследований В.А. Тархова необходимо использовать в дальнейших научных исследованиях. **Вывод:** вне всякого сомнения, профессор Тархов, являясь одним из основателей саратовской цивилистической школы права, внес весомый вклад в развитие цивилистической науки.

Ключевые слова: В.А. Тархов, наука, ответственность, собственность, право собственности, имущественные отношения, семейные правоотношения, должник, банкротство.

Yu.A. Zaitseva

CONTRIBUTION OF VICTOR ALEKSEEVICH TARKHOV
IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SCIENCE

Background: *civil science, like any other science, it does not stand still. The ongoing research meets modern challenges. At the same time, when conducting research, analyzing the current legislation, the opinions of civil scientists, law enforcement practice, it is necessary to take into account the legislation, law enforcement practice, scientific developments of civil scientists of past years. Thus, to see the development of a particular institution, social relations in dynamics, identifying positive and negative aspects. It is important to know the opinions of civil scientists of the past years, who conducted scientific research on topical issues, thereby developing civilistic science.*

Objective — to study the works of V.A. Tarkhov and evaluate the scientist's contribution to the development of civil science. **Methodology:** analysis and synthesis, induction and deduction, argumentation, generalization. **Results:** based on the conducted research of V. A. Tarkhov's works, we note that the scientist was engaged in the study of topical

issues characteristic not only for civil science, but also for law enforcement practice. The results of scientific research of V. A. Tarkhov should be used in further scientific research. Conclusion: there is no doubt that V. A. Tarkhov, being one of the founders of the Saratov civilist school of law, made a significant contribution to the development of civil science.

Keywords: V.A. Tarkhov, science, responsibility, property, property right, property relations, family legal relations, debtor, bankruptcy.

Одним из основателей саратовской цивилистической школы права является Виктор Алексеевич Тархов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, почетный работник высшего профессионального образования РФ. В сентябре уходящего исполнилось бы 110 лет со дня рождения уважаемого профессора. В 1939 г. В.А. Тархов окончил СЮИ им. Д.И. Курского (ныне — Саратовская государственная юридическая академия), принимал участие в Великой Отечественной войне и был награжден одиннадцатью медалями. В 1946 г. вернулся в СЮИ на кафедру гражданского права в качестве ассистента. Пройдя все ступени преподавателя, Виктор Алексеевич до последнего дня работал в вузе.

Многолетняя научная деятельность В.А. Тархова внесла весомый вклад в развитие цивилистической науки. Профессора интересовало право личной собственности в СССР, и на основе проведенных исследований в 1952 г. он представил к защите кандидатскую диссертацию [1]. Помимо этого ученого интересовала охрана имущественных прав трудящихся, и в 1966 г. он защитил докторскую диссертацию [2]. В.А. Тарховым написано большое количество научных работ: монографии, учебники, учебные пособия, статьи, в которых изложены его научные взгляды по актуальным вопросам цивилистической науки и правоприменительной практики. Под руководством В.А. Тархова, как научного руководителя, более 20 учеников защитили кандидатские диссертации, восемь из которых позднее защитили докторские.

Научные интересы В.А. Тархова многогранны. В разные годы жизни ученого интересовало частное право: римское, гражданское, семейное. Идеи, предложенные им, поддерживались его многочисленными учениками, которые в последующем становились не менее знаменитыми учеными.

Одним из цивилистических учений, разработанных В.А. Тарховым, является учение об ответственности. Проведенное исследование профессор изложил на страницах своих монографий [3–5], а также в учебном пособии [6]. Ученым исследовались общие вопросы об ответственности, в частности понятие ответственности, основания и условия ответственности. Более детально В.А. Тарховым проанализированы противоправность поведения, вина, причинная связь, ущерб. Не оставил без внимания В.А. Тархов и такие вопросы, как особенности ответственности по отдельным договорным обязательствам (например, купля-продажа, поставка, имущественный наем, наем жилого помещения, подряд, перевозка груза, хранение и др.). Ученым также определены особенности ответственности, которая возникает вследствие причинения вреда, ответственности за нарушение чести и достоинства, ответственности в области авторского права, права на открытие, изобретательского права, преемство ответственности и пр.

Проблемами гражданско-правовой ответственности занимался не только В. А. Тархов, но и его ученики, исследуя в диссертациях соответствующие вопросы (Антипов Н. П. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный колхозу; Константинова В. С. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный колхозу; Баринов Н. А. Ответственность сторон по договору бытового заказа; Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора и др.).

Вопрос о юридической ответственности не только не потерял своей актуальности, но и с каждым годом становится все более востребованным. Проследить развитие института юридической ответственности возможно в случае несостоятельности (банкротстве) должника. Например, привлечение к ответственности руководителя должника и иных лиц, когда должник — юридическое лицо является несостоятельным (банкротом).

Так, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»¹ в 2017 г. дополнен главой III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве»². В том же году принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»³. Принятые дополнение в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и разъяснение Пленума Верховного Суда РФ свидетельствуют о возникшей необходимости правового регулирования юридической ответственности.

Однако с 2015 г. несостоятельным (банкротом) может быть признан гражданин, который при наличии определенных условий привлекается к ответственности за нарушения законодательства о несостоятельности (банкротстве) на основании Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Вопросы, связанные с привлечением лиц к ответственности при несостоятельности (банкротстве) должника, исследовались не только в рамках диссертационных исследований (например, М. А. Говорухиным [7], А. Р. Николаевым [8], К. И. Евтеевым [9], С. С. Покровским [10]), но в многочисленных статьях, опубликованных на страницах различных журналах, материалов сборников конференций.

Рассматриваемый вопрос актуален не только для цивилистической науки, но и для правоприменительной практики. Если сравнить 2016 с 2021 г. по количеству поданных заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, то в 2016 г. — 2 699, а в 2021 г. — 6 835. Количество привлеченных лиц в 2016 г. — 521, в 2021 г. — 4 792⁴.

Кроме того, при несостоятельности (банкротстве) возможно привлечение должника не только к гражданской, но и к административной ответственности

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 43, ст. 4190; 2023. № 1, ч. 1, ст. 16.

² См.: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2017. № 31, ч. 1, ст. 4815.

³ См.: Российская газета. 2017. 29 дек.

⁴ См.: Статистический бюллетень Федресурса по банкротству. 31 декабря 2021 год. URL: https://download.fedresurs.ru/news/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%83%D1%80%D1%81%20%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%2031%20%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8F%202021.pdf?fbclid=IwAR1_RYYwutDJ8Qxb8EGJLgZHxvk2KUMSsqQX9e5pnT0zyIZYuCdhrqfXAAQ (дата обращения: 25.05.2023).

при наличии состава административного правонарушения, например фиктивное или преднамеренное банкротство (ст. 14.12 КоАП¹), неправомерные действия при банкротстве (ст. 14.13 КоАП). При наличии признаков состава преступления возможно привлечение к уголовной ответственности, например за совершение неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ²), за преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ), за фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ).

Профессор В. А. Тархов не исследовал несостоятельность (банкротство) должника, однако полученные уникальные результаты в ходе проведенных им исследований относительно гражданско-правовой ответственности могут быть использованы при изучении института несостоятельности (банкротства) должника, в частности при изучении вопросов, связанных с привлечением к ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве. Стоит обратить внимание на рассуждения В. А. Тархова о понятии ответственности, об основаниях, условиях и способах ответственности.

Помимо разработанного учения об ответственности, позднее В. А. Тархов проводил исследование, посвященное понятию гражданского права [11]. Виктор Алексеевич рассматривал вопросы теории и практики гражданского права, метод и функции, основные принципы, науку гражданского права, гражданское законодательство, а также гражданское право за рубежом.

Определенное внимание в работах В. А. Тархов уделит проблеме имущественных отношений. Н. А. Баринов в своих размышлениях о предмете гражданского права указывал, что «надо отдать должное тому вкладу, который внесли в понятие имущественных отношений В. А. Тархов и Ю. Х. Калмыков» [12, с. 9]. Как верно отмечает О. В. Богданов, что впервые в юридической науке В. А. Тарховым разработано понятие «имущественные отношения как инновация в гражданском праве» [13, с. 40]. Перу профессора Тархова также принадлежит учебник по общей части гражданского права [14].

З. И. Цыбуленко продолжил исследование правового регулирования имущественных отношений. Под руководством В. А. Тархова он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию [15], а затем и докторскую [16].

В. А. Тархов занимался исследованием не только юридической ответственности и понятием гражданского права, ученого также интересовали семейные правоотношения [17]. Анализируя институт несостоятельности (банкротства), отметим, что вопросы, исследуемые В. А. Тарховым, в частности имущественные права и обязанности супругов, не теряют своей актуальности в случае несостоятельности (банкротства) как одного из супругов, так и при совместном банкротстве супругов.

Кроме перечисленных исследований, проведенных В. А. Тарховым, стоит отметить еще одно исследование, подготовленное им совместно с В. А. Рыбаковым и посвященное собственности и праву собственности.

Как справедливо отмечено А. П. Фоковым, «...после введения нового Гражданского кодекса Российской Федерации именно проф. В. А. Рыбаков совместно с проф. В. А. Тарховым предложили новое видение института собственности и права собственности, что требует определенной научной смелости» [18, с. 57].

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 19.05.2023.

² См.: СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2023. № 18, ст. 3238.

Ученые исследовали понятия собственности и права собственности, учитывали их историко-философское и экономико-правовое развитие во времени и пространстве, также учеными раскрывается содержание, приобретение, прекращение и защита права собственности [19–20]. Обозначенные учеными вопросы возникают и при несостоятельности (банкротстве) должника. Например, при продаже имущества должника, признанного несостоятельным (банкротом).

Преемственность идей профессора В.А. Тархова находит отражение в работах его учеников. Так, А.Г. Демиева акцентирует внимание на том, что В.А. Рыбаков продолжает развивать научные воззрения своего учителя и преемственность идей прослеживается от первой до последней его рукописи [21, с. 87]. Разделяя взгляды своего научного руководителя, Т.И. Хмелева занималась исследованием объектов права личной собственности, в последующем защитила кандидатскую диссертацию [22].

Вклад В.А. Тархова в развитие цивилистической науки, в развитие саратовской цивилистической школы огромен. Как верно отмечают О.Н. Ермолова, С.Т. Максимоно, что «благодаря научным и организаторским усилиям Виктора Алексеевича сложилась саратовская цивилистическая школа, воспитавшая не одно поколение талантливых ученых» [23, с. 42].

Подводя итог, стоит отметить, что актуальность научных взглядов В.А. Тархова не утрачена, в современных научных исследованиях прослеживается преемственность научных взглядов профессора.

Библиографический список

1. *Тархов В.А.* Право личной собственности в СССР: понятие и содержание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1952. 13 с.
2. *Тархов В.А.* Охрана имущественных прав трудящихся по советскому гражданскому законодательству: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1966. 31 с.
3. *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. 456 с.
4. *Тархов В.А.* Гражданские права и ответственность. Уфа: Уфим. высш. шк. МВД России, 1996. 124 с.
5. *Тархов В.А.* Избранные труды. М.: Юрист, 2008. 631 с.
6. *Тархов В.А.* О юридической ответственности: учеб. пособие по спецкурсу. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 38 с.
7. *Говоруха М.А.* Правовое положение органов управления несостоятельного должника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 24 с.
8. *Николаев А.Р.* Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности (банкротства): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 24 с.
9. *Евтеев К.И.* Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 24 с.
10. *Покровский С.С.* Ответственность контролирующих должника лиц за доведение до банкротства: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. 435 с.
11. *Тархов В.А.* Понятие гражданского права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 159 с.
12. *Баринов Н.А.* Размышления о предмете гражданского права // Цивилист. 2011. № 3. С. 7–16.
13. *Богданов О.В.* Саратовская цивилистическая школа: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4(111). С. 39–41.

14. *Тархов В.А.* Гражданское право. Курс. Общая часть. Уфа: Уфим. юрид. ин-т МВД России, 1998. 330 с.
15. *Цыбуленко З.И.* Обязательства хранения в советском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. 23 с.
16. *Цыбуленко З.И.* Правовые проблемы сотрудничества при исполнении хозяйственных обязательств в условиях перехода к рыночной экономике: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1991. 350 с.
17. *Тархов В.А.* Российское семейное право: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Юрист, 2007. 60 с.
18. *Фоков А.П.* Доктринальные положения о собственности и праве собственности в трудах В.А. Рыбакова // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 56–60.
19. *Рыбаков В.А., Тархов В.А.* Собственность и право собственности: монография. Уфа: Уфим. юрид. ин-т МВД России, 2001. 420 с.
20. *Рыбаков В.А., Тархов В.А.* Собственность и право собственности. 3-е изд., доп. М.: Юрист, 2007. 276 с.
21. *Демиева А.Г.* Памяти профессора Вячеслава Александровича Рыбакова // Юридическая гносеология. 2017. № 1. С. 85–87.
22. *Хмелева Т.И.* Объекты права личной собственности в СССР: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1986. 213 с.
23. *Ермолова О.Н., Максимоно С.Т.* Роль В.А. Тархова в основании и развитии саратовской цивилистической школы права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4(111). С. 42–46.

References

1. *Tarkhov V.A.* The Right of Personal Property in the USSR: (Concept and Content): extended abstract of diss.... cand. of law. Saratov, 1952. 13 p.
2. *Tarkhov V.A.* Protection of Workers' Property Rights Under Soviet Civil Law: extended abstract of diss. ... Dr. of law. M., 1966. 31 p.
3. *Tarkhov V.A.* Responsibility Under Soviet Civil Law. Saratov: Saratov University Publishing House, 1973. 456 p.
4. *Tarkhov V.A.* Civil Rights and Responsibility / Ufa: Ufa Higher School of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1996. 124 p.
5. *Tarkhov V.A.* Selected works. M.: Lawyer, 2008. 631 p.
6. *Tarkhov V.A.* On Legal Responsibility: the manual for the special course. Saratov: Saratov University Publishing House, 1978. 38 p.
7. *Govorukha M.A.* The Legal Status of the Governing Bodies of an Incompetent Debtor: extended abstract of diss. ... cand. of law. Irkutsk, 2008. 24 p.
8. *Nikolaev A.R.* The Legal Status of Persons Controlling the Debtor in Insolvency (Bankruptcy) Procedures: extended abstract of diss. ... cand. of law. M., 2013. 24 p.
9. *Evtsev K.I.* Subsidiary Liability of Persons Controlling the Debtor in Case of Cross-border Insolvency (Bankruptcy): extended abstract of diss. ... cand. of law, M., 2017. 24 p.
10. *Pokrovsky S.S.* Responsibility of Persons Controlling the Debtor for Bringing to Bankruptcy: dis. ... cand. of law. St. Petersburg, 2017. 435 p.
11. *Tarkhov V.A.* The Concept of Civil Law. Saratov: Saratov University Publishing House, 1987. 159 p.
12. *Barinov N.A.* Reflections on the Subject of Civil Law // Civilist. 2011. No. 3. P. 7–16.
13. *Bogdanov O.V.* Saratov Civil School: History and Modernity // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. No. 4(111). P. 39–41.
14. *Tarkhov V.A.* Civil Law. Course. The General part. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1998. 330 p.
15. *Tsybulenko Z.I.* Obligations of Storage in Soviet Civil Law: extended abstract of diss. ... cand. of law. Saratov, 1972. 23 p.

16. *Tsybulenko Z.I.* Legal Problems of Cooperation in the Fulfillment of Economic Obligations in the Context of Transition to a Market Economy: dis. ...Dr. of law. Saratov, 1991. 350 p.

17. *Tarkhov V.A.* Russian Family Law: textbook. 2nd edition, revised M.: Publishing group "Lawyer", 2007. 60 p.

18. *Fokov A.P.* Doctrinal Provisions on Property and Property Rights in the Works of V.A. Rybakov // Gaps in Russian legislation. 2018. No. 6. P. 56–60.

19. *Rybakov V.A., Tarkhov V.A.* Property and the Right of Ownership: a monograph. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. 420 p.

20. *Rybakov V.A., Tarkhov V.A.* Property and Property Law. 3rd edition suppl. M.: Lawyer, 2007. 276 p.

21. *Demieva A.G.* In Memory of Professor Vyacheslav Aleksandrovich Rybakov // Legal epistemology. 2017. No. 1. P. 85–87.

22. *Khmeleva T.I.* Objects of Personal Property Rights in the USSR: dis. ... cand. of law. Saratov, 1986. 213 p.

23. *Ermolova O.N., Maksimeno S.T.* The Role of V.A. Tarkhov in the Foundation and Development of the Saratov Civil Law School // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. No. 4(111). P. 42–46.

А.В. Афанасьевская

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЯХ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Введение: в статье рассматривается понятие традиционных ценностей, основные подходы раскрытия сущности данного явления. **Цель** — проанализировать определение традиционных ценностей, соотнести понятие семейных ценностей и семейных традиций. **Методологическая основа:** метод анализа, сравнительный метод. **Результаты:** рассмотрены понятие и виды традиционных ценностей, проанализированы их особенности. **Выводы:** на основе анализа сделан вывод, что термин «традиционные ценности» используется в широком смысле для обозначения фундаментальных ценностей и институциональных структур конкретного общества и культуры.

Ключевые слова: семья, традиции, ценности, воспитание, забота, уважение, любовь.

A. V. Afanasievskaya

ON THE ISSUE OF TRADITIONAL VALUES IN RUSSIAN FAMILY LAW

Background: the article examines the concept of traditional values, the main approaches to identifying the essence and disclosure of the content of this phenomenon. **Objective** — to analyze the definition of traditional values, to correlate the concept of family values and family traditions. **Methodology:** the method of analysis, the comparative method. **Results:** the concept and types of traditional values are considered, their peculiarities are analyzed. **Conclusions:** based on the analysis, it is concluded that the term “traditional values” is used in a broad sense to refer to the fundamental values and institutional structures of a particular society and culture.

Keywords: family, traditions, values, education, care, respect, love.

Любое цивилизованное общество начинается с семьи. Профессор В.А. Тархов, отмечал, что семья, как и всякое общественное явление, есть продукт исторического развития [1, с. 4], поэтому семья и семейные ценности всегда были основой общества во всем мире. Более того, семейные ценности часто передаются от одного поколения к другому.

Семья, являясь важнейшим институтом воспитания и формирования характера, дает растущим детям знания и формирует их мысли и представления, чтобы каждый из них вырос человеком с чувством ответственности за свою жизнь и жизнь окружающих его людей. Именно в семье человек учится заботиться

© Афанасьевская Анна Валерьевна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: parasolka78@yandex.ru

© Afanasievskaya Anna Valeryevna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

о близких, доверять, любить, правильно выражать свои чувства и эмоции, быть справедливым и честным, жить в обществе, ставить интересы общества выше собственных.

Что такое семья? «Началом семьи и ее основой является брак, союз мужчины и женщины. Первоначально в основе брачных, а следовательно, и семейных отношений лежат необходимые, естественные, природные отношения. По мере развития общества и отношений человека с другими людьми развиваются и брачно-семейные отношения», — писал профессор В. А. Тархов [1, с. 5].

Семья — это группа людей, в которой один или несколько родителей живут вместе со своими детьми. Существует два типа семьи: нуклеарная («традиционная») и совместная. Оба типа предлагают различные семейные ценности, однако многие из них схожи.

Сегодня в современном обществе концепция нуклеарной семьи является наиболее распространенной, особенно в городах. В такой семье родители живут вместе со своими детьми, которые по мере взросления создают отдельные семьи. В совместной семье, напротив, родители живут со своими детьми, внуками, братьями и сестрами. Совместные семьи обычно встречаются в сельской местности и очень редки в городах.

Что такое семейные ценности? Семейные ценности — это то, что мы получаем от наших родителей, включая любовь, заботу, доверие, честность, доброту, сочувствие, сострадание, терпение и многое другое. Семейные ценности, иногда называемые культурными, или традиционными, отражают семейные убеждения. Несмотря на то, что нуклеарные и совместные семьи сильно отличаются по своей природе, родители стараются привить те же основные семейные ценности, которые они получили от своих родителей.

Как правило, к основным ценностям традиционной семьи относятся:

1) безусловная любовь. Нет нужды говорить, что эта основная ценность была заложена любящими матерями и бабушками в каждом человеке. Этой ценности можно научиться только у членов семьи. Именно внутри семьи учат проявлять любовь к людям, животным и природе. Это не только делает людей добросердечными, но и позволяет чувствовать боль других и заботиться о них;

2) духовные и религиозные ценности. Прививают чувство собственного достоинства и веру в силу природы и Бога. Духовные ценности формируют внутренний мир человека, они необходимы для развития его духовного обогащения. Названные ценности являются решающим фактором регуляции поведения личности — могут как мотивировать определенные формы поведения и поступки человека, так и тормозить регуляцию поведения [2, с. 7];

3) моральные ценности — это ценности, которые мы получаем от каждого члена семьи в виде честности, позитивности, смелости, доброты и порядочности;

4) социальные ценности — это совокупность нашего поведения по отношению к семье, обществу и окружающей среде. Все мы живем в социуме и должны следовать определенным правилам и нормам, а также взаимодействовать друг с другом. Принятие, сочувствие, уважение, правильный язык — вот некоторые из ключевых факторов социальных ценностей. Основная цель привития социальных ценностей человеку — воспитать в нем стремление служить обществу;

5) гражданские ценности — это самые важные принципы для того, чтобы жить достойно и уважительно. Они учат нас основным правам человека, которые включают свободу слова (не причиняя вреда другим людям) и защиту прав других;

б) домашние ценности включают время, проведенное с семьей, соблюдение традиций, например совместные праздники или особое времяпрепровождение с нашими близкими, сохраняют близость отношений. Эти ценности учат нас наслаждаться каждым моментом жизни и быть вместе при любых обстоятельствах.

В последние годы охрана духовно-нравственных ценностей стала объектом особого внимания со стороны законодателей. В ст. 38 Конституции РФ¹ закреплены ценности семьи, материнства и детства наряду с другими базовыми ценностями. На Правительство РФ возложены обязанности обеспечивать проведение в Российской Федерации единой государственной политики в области поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей (п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ).

Положением п. 7 ст. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации² устанавливается, что «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России является национальным интересом Российской Федерации».

Не так давно, Президент РФ издал Указ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³, в п. 4 которого закрепляется определение традиционных ценностей как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство, нашедших свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Этим же Указом установлено, что относится к традиционным ценностям: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Семейное законодательство, опираясь на ч. 1 ст. 1 Конституции РФ, исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, включая право на судебную защиту этих прав.

Семейный кодекс РФ⁴ закрепляет основные семейные ценности: ребенок имеет право на воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства (ст. 54); на общение

¹ См.: Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 27, ст. 4196.

² См.: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

³ См.: СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

⁴ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 31 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6139.

с обоими родителями, бабушкой, бабушкой, братьями, сестрами и другими родственниками (ст. 55); бабушка, бабушка, братья, сестры и другие родственники имеют право на общение с ребенком (ст. 67) и др.

Так, родители, бабушки и дедушки, которые заботятся о своих детях и внуках, понимают, что, вырастив честных и добрых людей, они обеспечат себе безбедную старость. Взрослые заботятся о своих детях, а дети заботятся о своих престарелых родителях, бабушках и дедушках.

Россия — страна разнообразная, поскольку в ней живут люди разных рас, культур и вероисповеданий, и в каждой семье есть свои правила (принципы), которыми она руководствуется, чтобы жить мирной и гармоничной жизнью.

Семейные ценности и традиции взаимосвязаны. Последние — это идеи и взгляды, которые составляют культуру и среду обитания и передаются нашими предками. Иногда традиции очень сильны и духовно важны для следующего поколения. Традиции передаются по наследству как ритуалы и религиозные верования. Семьи чтут свои традиции, потому что они определяют их самоидентичность.

Семьи прививают своим детям моральные ценности в соответствии со своими идеалами, потому что они воспитывают их в соответствии со своими принципами. Система ценностей важна как для семьи в целом, так и для отдельного человека. Ценности помогают нам принимать решения, контролировать поведение и обеспечивают мотивацию.

Семейные ценности, не имеющие значения для одного поколения, не будут передаваться по наследству, потому что им не придают той важности, которую они заслуживают.

Е. А. Петрова указывает на необходимость четкого определения пределов правового регулирования в вопросах защиты традиционных ценностей. Какие ценности могут и должны регламентироваться законом, а какие следует оставить на усмотрение других социальных регуляторов — морали, религии, корпоративных норм и др. [3, с. 4], поскольку закон может контролировать только то, что объективно поддается государственному воздействию. По мнению А. А. Дорской, современные семейные ценности основываются не только на признании основных прав и свобод человека, таких как право на семью, свобода совести и вероисповедания, свобода передвижения и право на собственность, но и на обычаях и традициях, сложившихся веками, что выражается в беспрепятственном использовании национального обычного права и религиозных норм в качестве вторичных [4, с. 34].

А. А. Елисеева определяет традиционные семейные ценности как исторически сложившиеся нравственные и духовные нормы семейной жизни, которые обеспечивают их передачу из поколения в поколение и являются условием сохранения и развития многонациональной идентичности Российской Федерации многонационального народа Российской Федерации [5, с. 74].

Таким образом, в условиях современных реалий любая попытка определить семейные ценности должна учитывать многочисленные и разнообразные факторы, в которых протекает семейная жизнь. Несмотря на противоположную риторику о семейных ценностях, семья переживет изменения, открывая новые горизонты человеческой принадлежности и идентичности.

Библиографический список

1. *Тархов В.А.* Российское семейное право: учеб. пособие. 2-е изд. испр. М.: Юрист, 2007. 60 с.
2. *Белых Т.В.* Духовные ценности и формирование личности // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык.* 2015. № 3(06). С. 2–9.
3. *Петрова Е.А.* Роль права в сохранении традиционных ценностей // *Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения (Санкт-Петербург, 9–10 июня 2022 г.).* СПб.: С.-Петерб. гуманит. ун-т профсоюзов, 2022. С. 583–584.
4. *Дорская А.А.* Семейные ценности как предмет научной дискуссии: основные направления изучения семейного права в России на современном этапе // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция.* 2019. № 3. С. 27–41.
5. *Елисеева А.А.* Традиционные семейные ценности как объект интересов: частно-правовой и публично-правовой аспекты // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).* 2023. № 5(105). С. 68–75.

References

1. *Tarkhov V.A.* Russian Family Law: textbook. 2nd ed. revised. M.: Lawyer, 2007. 60 p.
2. *Belykh T.V.* Spiritual Values and Personality Formation // *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language.* 2015. No. 3(06). P. 2–9.
3. *Petrova E.A.* The Role of Law in the Preservation of Traditional Values // *Global Conflict and the Contours of the New World Order: XX International Likhachev Scientific readings (St. Petersburg, June 9–10, 2022).* St. Petersburg.: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2022. P. 583–584.
4. *Dorskaya A.A.* Family Values as a Subject of Scientific Discussion: the Main Directions of Studying Family Law in Russia at the Modern Stage // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser.: Jurisprudence.* 2019. No. 3. P. 27–41.
5. *Eliseeva A.A.* Traditional Family Values as an Object of Interests: Private Law and Public Law Aspects // *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA).* 2023. No. 5(105). P. 68–75.

Л.В. Саенко

ОБ ИНСТИТУТЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РАБОТ
О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ
ВИКТОРА АЛЕКСЕЕВИЧА ТАРХОВА

Введение: в цивилистике приоритетными считаются имущественные отношения, в центре которых — право собственности. Семейно-правовая наука рассматривает в качестве таковых личные неимущественные. Сравнительный анализ имущественных отношений в семейном праве и праве собственности в теоретико-правовом аспекте, изложенных в основных положениях тематических работ В.А. Тархова, даст в результате более глубокое понимание о комплексном правовом регулировании института имущественных отношений в семейном праве. **Цель** — провести параллель между учениями о собственности в философском и гражданско-правовом контексте с результатами современных исследований семейно-правовой науки. **Методологическая основа:** для достижения поставленной в статье цели исследования были использованы методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод. **Результаты:** констатируется, что теоретические разработки и современные практические проблемы института имущественных отношений в семейном праве можно и нужно рассматривать через призму работ представителей цивилистической школы, самой яркой из которых является монография о праве собственности В.А. Тархова. В данном труде поставлен целый ряд проблемных аспектов, и сегодня не утративших своей актуальности. **Выводы:** полемизируя на предмет применения положений учения о собственности В.А. Тархова к современным семейным правоотношениям, делается вывод о необходимости дальнейшего их изучения с целью более глубокого научного понимания процессов становления и развития права собственности.

Ключевые слова: работы В.А. Тархова, право собственности, семейные правоотношения.

L.V. Sayenko

ON THE INSTITUTION OF PROPERTY RELATIONS
IN FAMILY LAW THROUGH THE PRISM
OF WORKS ON PROPERTY RIGHTS
BY VICTOR ALEKSEEVICH TARKHOV'S

Background: in civil law, property relations are considered a priority, the central of which is the right of ownership. Family law science considers personal non-property rights as such. A comparative analysis of property relations in family law and property law in the theoretical and legal aspect, reflected in the main provisions of V.A. Tarkhov's

© Саенко Людмила Владимировна, 2023
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: saenko7@yandex.ru
© Sayenko Lyudmila Vladimirovna, 2023
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

thematic works, will result in a deeper understanding of the complex legal regulation of the institute of property relations in family law. Objective — to draw a parallel between the teachings on property in a philosophical and civil law context with the results of modern research in family law science. Methodology: to achieve the research goal set in the article, methods of analysis and synthesis, a comparative legal method were used. Results: it is stated that theoretical developments and modern practical problems of the institute of property relations in family law can and should be considered through the prism of the works of representatives of the philosophical school, the most striking of which, undoubtedly, is the biography on property rights by V.A. Tarkhov, in which the authors put a number of problematic aspects which have not lost their relevance to date. Conclusions: polemizing on the subject of applying the provisions of V.A. Tarkhov's doctrine of property to modern family legal relations, it is concluded that it is necessary to further study them in order to gain a deeper scientific understanding of the processes of formation and development of property rights.

Keywords: works by V. A. Tarkhov, property rights, family legal relations.

Творческое наследие В.А. Тархова можно охарактеризовать как разносторонне широкое, от теории к практическому осмыслению различных проблем цивилистического знания. К рассмотрению вопросов семейно-правовой науки Виктор Алексеевич обращался за свою творческую биографию не единожды. Так, одной из первых его книг, вышедшей, к слову, на немецком языке во время работы в ГДР, стала «Брак и семья в социалистическом обществе и основные принципы советского семейного права». А в 1963 г. увидело свет уже монографическое исследование «Советское семейное право». Издание сопровождалось приложением схем семейных связей, в том числе брачных, родственных, свойственных.

Однако в данном исследовании, по большей части, мы будем обращаться к работе «Собственность и право собственности» [1] с целью более глубоко раскрыть тематику актуальных положений о формировании такого институционального образования, как имущественные отношения членов семьи.

Если представить, что имеется особенная часть семейного права, то включает она в себя достаточно большое число институтов. Каждый из них регулирует определенную разновидность общественных отношений. К ним относятся и имущественные отношения членов семьи, которые в первую очередь базируются на праве собственности, о котором рассуждает В.А. Тархов в названном труде.

Анализируя философские взгляды на право собственности, в частности сущность и истинную субстанцию собственности, с точки зрения В.И. Скловского, В.А. Тархов подчеркивал, что «понимание проблемы привело автора к выводу о собственности как наиболее полном, неограниченном праве, праве вообще; как форме бытия свободы человека, совершенно не связанной с экономическими отношениями собственности. О том, что ее — эту истинную субстанцию собственности, можно обнаружить в свойстве личности. Собственность, как и личность, имеет свойства бесконечности во времени и в пространстве, а по природе своей есть начало духовное, а не материальное» [1, с. 17]. Что приводит к мысли о том, что собственность в гражданском праве отличается от собственности, которую изучают в семейном праве, по внутреннему смыслу самих правоотношений, сферы предметности семейно-правовой науки, а именно приоритета личных неимущественных прав в предмете правового регулирования.

Изучая научные работы В. А. Тархова, нельзя не отметить тот факт, что яркой особенностью его трудов является использование в качестве источников не только результатов зарубежной и отечественной философской мысли (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. В. Ф. Гегель, Дж. Локк, Л. А. Сенека, Г. Гроций, И. А. Ильин, Г. В. Плеханов и др.), научной литературы по праву (Ю. К. Толстой, В. М. Гонгало, В. П. Мозолин, М. И. Брагинский, Е. А. Суханов, Г. Ф. Шершеневич, О. С. Иоффе, К. Победоносцев и др.), но и классической литературы в целом. Например, рассуждения о частной собственности в семье снабжены комментариями А. С. Пушкина, Дж. Лондона, Н. Г. Чернышевского [1, с. 22]. Следует также отметить и обращение к академическим словарям, в частности к словарю синонимов русского языка [1, с. 41, 63].

Факт этот, несомненно, свидетельствует о всестороннем развитии личности автора, концептуальном подходе к исследованию предмета, к широкому охвату имеющегося на тот исторический период развития научного знания источников, включая исторические документы, материалы судебной практики, источники зарубежного законодательства, поиск которых порой был весьма и весьма затруднительным.

«Красной линией» через все творчество В. А. Тархова проходит «любовь» к римскому частному праву, признаваемого им в качестве «основы основ» современного гражданского права и первоисточником семейного права и семейно-правовой науки в целом, особенно тогда, когда речь заходит об имущественной стороне жизни семьи, об имущественных отношениях таких субъектов семейного права, как супруги, о частной собственности членов семьи.

Следует выразить полное свое согласие с мнением В. А. Тархова о том, что современное законодательство о собственности «оставляет желать лучшего» [1, с. 79]. К большому сожалению, эта мысль не утратила своей актуальности и сегодня.

Существует множество проблемных аспектов в правовом регулировании собственности, о чем свидетельствует полемика на страницах современных научных изданий. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что представители саратовской цивилистической школы, продолжая традиции и развивая научные подходы, заложенные одним из ее основателей, вполне удачно, целенаправленно разрабатывают концептуальные аспекты различных институтов гражданского права, что подтверждает множество опубликованных работ, защищенных диссертационных исследований.

Одним из таких направлений научных разработок является и проблематика правового регулирования общей собственности, в частности семейной собственности. Однако В. А. Тархов оставил за пределами выведенного понятия общей собственности таких субъектов, как супруги. Он сделал акцент на коллективных субъектах, указав, что «общая собственность самостоятельного вида (формы) собственности не образует» [1, с. 86]. Однако с точки зрения семейно-правового регулирования как раз общая собственность без определения долей в ней образует законный режим имущества по современному семейному законодательству. Это означает, что все же следует говорить о наличии такой формы собственности, субъектами которой выступают исключительно лица, находящиеся в зарегистрированном браке — супруги (а в некоторых случаях — члены КФХ).

Тем не менее в работе «Собственность и право собственности» В. А. Тархов рассуждает о том, что в настоящее время вообще ставится под сомнение правовой характер форм собственности [1, с. 86]. И это несмотря на то, что они нашли свое отражение в ст. 8 Конституции Российской Федерации.

В данном случае следует согласиться с выводом о том, что имущественная обособленность субъектов гражданского права осуществляется в рамках конкретных форм собственности, которые непосредственно влияют на правосубъектность, на характер осуществления ими своих имущественных полномочий, оснований возникновения и прекращения права собственности, определенную дифференциацию субъектов права собственности, включая их гражданско-правовой режим. Между тем такие субъекты, как супруги, не могут составлять в этом плане исключения, особенно, если между ними заключен брачный договор, согласно которому режим общей совместной собственности изменен, например на раздельную. Конечно, бесспорно, на все перечисленное непосредственно влияют нормы гражданского законодательства.

Весьма интересной представляется также мысль В. А. Тархова об определении правосубъектности лиц в гражданских отношениях через форму собственности. И в таком случае можно поставить несколько вопросов. Отличается ли в этом смысле правовой статус супругов и иных лиц с семейными обязанностями? Подходит ли постулат об имущественной обособленности к этим субъектам? Влияет ли он на характер осуществления имущественных полномочий, оснований возникновения и прекращения права собственности? На наш взгляд, ответы на эти вопросы должны быть положительными. Особенно при наличии факта изменения законного режима имущества супругов брачным договором, который может установить любой, отличный от законного, правовой режим имущества (собственности).

Исторически было предопределено развитие института имущественных отношений в семейном праве по пути развития частной собственности. Мы уже отмечали, что в своих работах В. А. Тархов опирался на влияние римского частного права, на более глубокие «корни» истории правового регулирования имущественных отношений в семье. Однако в истории частного права в России имеются собственные вехи, не обратив внимание на которые, размышляя о правовом регулировании имущественных отношений в семейном праве, было бы в корне не верным. В особенностях зарождения и развития основных институтов семейного права порой содержатся ответы на актуальные проблемные вопросы современного правового регулирования семейных отношений.

Рассматривая исторический аспект возникновения и развития имущественных отношений членов семьи, в большей степени супругов, необходимо начать с анализа дохристианского периода. Брачно-семейные отношения того времени регулировались языческими обычаями, письменные источники отсутствовали, и власть почти не вмешивалась в эту сферу общественной жизни. Славянский свадебный обряд включал в себя умывание молодоженов отварами различных целебных трав, готовка караваев, выкуп невесты и т. д. Достоверной информации о том, кто и каким образом управлял имуществом супругов (например, земельным наделом, который передавался невесте от родителей), не имеется. Княгине Ольге, первой из русских правителей, принявших христианство, принадлежал собственный город, свои места птичьей и звериной ловли [2, с. 148–152]. В то время существовало такое явление, как рядная (сговорная) запись — акт назначения приданного, который помимо того, что удостоверял переход родительского имущества к дочери, одновременно закреплял договоренность (сговор) между отцом невесты и женихом о том, что последний возьмет девушку в жены, а отец невесту отдаст.

После принятия христианства на Руси начинается новый этап развития, происходит заимствование канонических правил Византии. Брак из полигамного становится преимущественно моногамным. Главным и важнейшим источником имущественных отношений супругов того периода является Кормчая книга.

Имущественные права жены ограничивались приданным, которое на время брака становилось имуществом мужа. XIV век является наиболее дискуссионным, так как высказываются различные точки зрения об имущественном режиме супругов: некоторые отмечают раздельность супружеского имущества, другие, наоборот, говорят об общности.

В XVIII в. женщина получает официальное право свободно продавать, закладывать свои вотчины без согласия мужа, что на практике реализуется с большим трудом. Тем не менее тенденция была намечена и развивалась преимущественно в направлении разделения имущества супругов.

XIX век характеризуется кодификацией действующего права. При заключении брака имущество, принадлежавшее супруге ранее, остается ее имуществом (в том числе и приданое). Соответственно, и распоряжаться имуществом супруги могли самостоятельно без согласия друг друга. Так наметились начала раздельности имущества в браке и начался длительный период преобладающей тенденции правового регулирования имущественных отношений в законном браке, продержавшийся до нового времени.

Правовой основой регламентации имущественных отношений членов семьи в условиях современной действительности является ст. 2 Семейного кодекса РФ¹, которая закрепляет положение о том, семейное законодательство регулирует также и имущественные отношения между членами семьи.

Представители саратовской цивилистической школы нередко обращались в своих трудах к вопросам правового регулирования семейных отношений в имущественном контексте. Так, при определении понятия указанных отношений обратимся к тезису, выдвинутому Н.А. Бариновым: «Имущественные отношения есть разновидность отношений, возникающих между людьми, их объединениями, юридическими лицами и другими субъектами по поводу имущества — материальных и иных благ, вещей, средств производства и предметов потребления» [3, с. 6–9]. Поскольку семья как специфическая категория — это не только кровно-родственный, но и имущественный союз, возникает необходимость в урегулировании имущественной сферы семейных правоотношений.

Правовое регулирование института имущественных отношений членов семьи осуществляется посредством применения двух основных нормативных правовых актов. Гражданское законодательство (ГК РФ) как основной источник правового регулирования имущественных отношений, содержащий общие и специальные нормы, регулирующие имущественные права и обязанности субъектов семейного права (СК РФ), конкретизирует общие положения гражданского законодательства с учетом специфики правового статуса членов семьи как особых субъектов. Нормы, регулирующие имущественные отношения в семье, носят формально определенный характер, обладают возможностью принудительного исполнения и защиты в отличие от личных неимущественных отношений, регулирование которых в значительно большей степени подвержено аспекту морали и нравственности.

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 19 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2022. № 52, ст. 9368.

В связи со спецификой семейных правоотношений в имущественной сфере отдельные аспекты подлежат регулированию в соответствии с принципом диспозитивности, основой которого является волеизъявление самих субъектов данных правоотношений (например, возможность заключения брачного договора). Другие же аспекты находятся в плоскости правового регулирования путем установления императивных предписаний (например, обязательства в сфере алиментов), что связано с необходимостью государственной защиты наиболее значимых вопросов имущественных правоотношений в сфере семейного права.

Действующее законодательство не закрепляет легального определения понятия «имущество». В ст. 34 СК РФ установлен только перечень имущества супругов, относящегося к общему, и критерии его разграничения с личным имуществом каждого из членов семьи. В рамках гражданского законодательства понятие «имущество», по общему правилу, рассматривается в качестве одного из объектов гражданского права и обозначает различные материальные блага в зависимости от характера правоотношений, регулируемых тем или иным нормативным актом.

Семейные правоотношения, как и многие другие, отличаются высоким уровнем динамичности, поэтому законодательство не успевает полностью подстраиваться под них. По причине этого действующие нормативные правовые акты в данной сфере имеют некоторые пробелы, коллизии, вызывающие научный интерес.

Сегодня вопрос определения правовой сущности так называемого семейного бизнеса является актуальным. Он преимущественно охватывает сферу оказания услуг, продажу товаров в рамках малого и среднего предпринимательства. Проблематика данного вопроса состоит в возможном разделе общего имущества супругов. Тогда непонятно, как будут делиться бизнес-активы (например, акции) и какие гарантии есть у второго супруга. Владение такими объектами имущественных отношений подразумевает не только получение прибыли от деятельности юридического лица, но и участие в управлении им. И действительно, единое мнение по поводу того, что будет полагаться второму супругу: соразмерная денежная компенсация или право вступления в состав участников общества, пока отсутствует. Председатель Комитета ГД РФ по государственному строительству и законодательству Павел Крашенинников считает, что необходимо на законодательном уровне закрепить запрет на раздел бизнес-активов, в противном случае это может негативно сказаться на бизнесе. По его мнению, с которым сложно не согласиться, следует закрепить правило о выплате соразмерной денежной компенсации второму супругу (либо в виде единовременной выплаты, либо в виде периодических платежей).

Вторая проблема, связанная с семейным бизнесом, это возможность совместного банкротства супругов.

Хотелось бы обратить внимание и на детско-родительские имущественные отношения, где так же есть ряд проблем. Так, в п. 4 ст. 60 СК РФ закреплено право детей и родителей пользоваться имуществом друг друга по взаимному согласию. При этом согласие ребенка «поглощается» волей родителей, самостоятельно определяющих границы своего поведения и поведения ребенка. В этой же норме содержится принцип раздельности имущества детей и родителей, из чего

следует, что они вправе вступать между собой в различные обязательства. Однако это противоречит Гражданскому кодексу, который прямо закрепляет запрет на осуществление таких сделок (за определенным исключением).

Итак, подводя итоги данному исследованию, можно констатировать, что теоретические разработки и современные практические проблемы института имущественных отношений в семейном праве можно и нужно рассматривать через призму работ представителей цивилистической школы, самой яркой из которых, несомненно, является монография о праве собственности В.А. Тархова, в которой поставлен целый ряд проблемных аспектов, не утративших своей актуальности по сей день. Интересным и вполне своевременным видится проведенная параллель между учениями о собственности в философском и гражданско-правовом контексте и результатами современных исследований семейно-правовой науки.

Библиографический список

1. Рыбаков В.В., Тархов В.А. Собственности и право собственности. Уфа: Уфим. юрид. ин-т МВД России, 2001. 420 с.
2. Киселева О.С. Равенство в имущественных отношениях супругов. История развития // Поколение будущего: взгляд молодых ученых — 2018: сб. науч. ст. VI Междунар. молодеж. науч. конф.: в 4 т. Курск: Изд-во Юго-Запад. гос. ун-та, 2018. Т. 2. С. 148–152.
3. Баринов Н.А. Принцип однородности имущественных отношений в праве // Гражданское право. 2012. № 5. С. 6–9.

References

1. *Rybakov V.V., Tarkhov V.A.* Property and Property Law. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. 420 p.
2. *Kiseleva O.S.* Equality in Property Relations of Spouses. The History of Development // Generation of the Future: the View of Young Scientists — 2018: Collection of scientific articles of the 6th International Youth Scientific Conference: in 4 vol. Kursk: Publishing House Southwestern State University, 2018. Vol. 2. P. 148–152.
3. *Barinov N.A.* The Principle of Uniformity of Property Relations in Law // Civil law. 2012. No. 5. P. 6–9.

Ю.В. Бекузарова

О НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ ПРИНЦИПА ПУБЛИЧНОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЕСТРА

Введение: в связи с наличием противоречивой судебной практики о возможности в vindication недвижимого имущества у добросовестного приобретателя выявлена необходимость проанализировать спорные вопросы прав собственников общего имущества и прав добросовестных приобретателей. **Цель** — рассмотреть основные правовые проблемы, связанные с отчуждением имущества без получения необходимого согласия супруга на заключение сделки. **Методологическая основа:** комплекс общенаучных методов, включая диалектический, сравнительно-правовой. **Результаты:** проведенный анализ судебной и правоприменительной практики показал, что существует тенденция к расширению границ принципа публичной достоверности государственного реестра недвижимости. **Выводы:** для устранения указанных пробелов необходимо совершенствовать нормативно-правовое регулирование регистрации прав на недвижимое имущество, главным из которых является закрепление принципа публичной достоверности государственного реестра, позволяющий в равной степени защищать права собственников недвижимого имущества и прав добросовестных приобретателей.

Ключевые слова: принцип достоверности, добросовестный приобретатель, право собственности, собственность, конкуренция ценностей, недействительность сделки.

Yu.V. Bekuzarova

ON THE NEED TO INTRODUCE THE PRINCIPLE OF PUBLIC RELIABILITY OF THE STATE REGISTER

Background: due to the existence of contradictory judicial practice on the possibility of vindication of real estate from a bona fide acquirer, the need to analyze the controversial issues of the rights of owners of common property and the rights of bona fide purchasers has been identified. **Objective** — to consider the main legal problems related to the alienation of property without obtaining the necessary consent of the spouse to conclude a transaction. **Methodology:** a set of general scientific methods, including dialectical, comparative legal. **Results:** the analysis of judicial and law enforcement practice has shown that there is a tendency to expand the boundaries of the principle of public reliability of the state register of real estate. **Conclusions:** in order to eliminate these gaps, it is necessary to improve the legal regulation of registration of rights to immovable property, the main of which is to consolidate the principle of public reliability of the state register, which allows to equally protect.

Keywords: the principle of reliability, a bona fide acquirer, ownership, property, competition of values, invalidity of the transaction.

© Бекузарова Юлия Владимировна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Jusmia@mail.ru

© Bekuzarova Yulia Vladimirovna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

Несмотря на то, что законодатель отводит центральное место институту собственности в гражданском праве, он не дает определение понятию «право собственности». А. В. Феоктистов, И. М. Лысенко и М. Н. Шишова говорят о том, что «современное гражданское законодательство не дает легального определения понятию права собственности, ограничиваясь лишь описанием его содержания» [1, с. 104]. В. А. Тархов и В. А. Рыбаков, также рассматривали право собственности как форму отношения собственности в узком смысле слова [2, с. 109], но в то же время говорили о праве собственности как «об идеологическом явлении, порождаемым человеческим разумом» [2, с. 16].

Содержание права собственности в соответствии со ст. 209 ГК РФ представляет собой совокупность трех правомочий: владение, пользование и распоряжение, которые представляют отдельные элементы содержания права собственности и соотносятся с правом собственности как части и целое. В. А. Тархов также определял право личной собственности через триаду правомочий: «право граждан владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, полученным ими в качестве дохода от участия в социалистическом хозяйстве, от подсобного хозяйства и гражданско-правовых сделок» [3, с. 110]. Каждый из элементов содержания права собственности отражает свою сторону права собственности и представляет собой самостоятельную часть целого. Из этого суждения можно сделать вывод, что законодатель закладывал в каждый элемент содержания права собственности определенный объем правомочий. Так, владение — юридическая возможность лица иметь вещь в своем хозяйстве, то есть обладать ею; пользование — это право лица на извлечение из имущества его полезных свойств; распоряжение — это возможность лица (собственника) определять юридическую и фактическую судьбу вещи.

Эффективное правовое регулирование права собственности невозможно без применения мер, направленных на охрану и защиту, указанного права. В. А. Тархов в своем учении исходил из необходимости четкого разграничения охраны и защиты, а также возможности применения мер защиты при отсутствии правонарушения [4, с. 258]. Усиленная защита права собственности часто приводит к снижению уровня защиты прав других участников этих правоотношений. Так, добросовестные приобретатели иногда не могут защитить свои права, так как правоприменительная практика в большинстве случаев стоит на стороне собственников имущества. Дело в том, объясняет В. А. Тархов, что правомочие владения сохраняется у собственника и в том случае, когда право владения на эту вещь приобретает другое лицо, именно в этом он видит единственно приемлемое теоретическое обоснование возможности виндикации собственником вещи от недобросовестного, а иногда и добросовестного приобретателя [5, с. 417–418]. Это также подтверждается данными отчетов о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции. Судебный департамент при Верховном Суде РФ предоставляет информацию, что за 2020 г. в суды общей юрисдикции поступило 3 185 дел¹, за 2021 г. число дел

¹См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 15.05.2023).

возросло на 12 % (3 573 дела)¹. За первое полугодие 2022 г. в суд общей юрисдикции поступило 2 028 дел, связанных с оспариванием зарегистрированных прав на недвижимость². Анализируя данные статистики, приходим к неутешительному выводу о существовании проблем в системе законодательства и судебной системе. Таким образом, складывается ситуация, что покупатель, заключая договор купли-продажи, не подозревает о незаконности сделки. В таких случаях покупателя можно обозначить как добросовестного приобретателя. Законодатель не закрепил точного определения понятия «добросовестный приобретатель». В связи с этим в правоприменительной практике выработаны критерии добросовестного приобретателя. Одним из таких критериев, введенных Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»³, выступает необходимость получения сведений ЕГРН самим приобретателем. Несмотря на то, что данное положение перестало действовать с момента принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴, данное правило все равно используется в правоприменительной практике как необходимый критерий добросовестности приобретателя. При этом само по себе обращение в ЕГРН не является достаточным основанием признания приобретателя добросовестным, о чем свидетельствует позиция Верховного Суда, освещенная в Обзоре судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления⁵.

Исходя из сложившейся практики, у лица, намеревающегося заключить договор купли-продажи недвижимости, отсутствуют какие-либо основания доверять данным единого государственного реестра недвижимого имущества, законодатель перекладывает на участников гражданско-правовых отношений риск изъятия недвижимости собственником. Это приводит к тому, что достоверность сведений государственного реестра ставится под большой вопрос и в рамках существующей дискуссии подкрепляет выводы ученых, утверждающих об отсутствии принципа публичной достоверности государственного реестра [6–7]. Этот дискуссионный вопрос науки гражданского права вновь приобрел актуальность в связи с принятием Постановления Конституционного Суда РФ от 13 июля 2021 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Мокеева»⁶, рассматривающего возможность истребования недвижимого имущества, находящегося в общей совместной собственности и отчужденного

¹ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 15.05.2023).

² См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год // Там же. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096> (дата обращения: 15.05.2023).

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 7.

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

⁵ См.: Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от граждан по искам государственных органов и органов местного самоуправления: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

⁶ См.: СЗ РФ. 2021. № 29, ст. 5753.

без необходимого согласия бывшего супруга. Вывод, к которому пришел КС РФ, можно рассматривать как исключение из общего правила виндикации имущества, допускающее сохранение недвижимости за добросовестным приобретателем, который предпринял все возможные действия для проверки законности сделки об отчуждении имущества, которое выбыло из владения собственника помимо его воли (расценивать его как шаг в установлении принципа достоверности реестра еще нельзя). Однако важно отметить, что, по мнению КС РФ, для признания лица добросовестным приобретателем в целях проверки правового положения недвижимости необходимо лишь обращение к реестру без совершения других дополнительных поверочных действий, что свидетельствует о расширении пределов действия принципа публичной достоверности.

При конкуренции равнозащищаемых ценностей собственника имущества и добросовестного приобретателя КС РФ остановился на последнем ввиду наличия неравных возможностей по оценке соответствующих рисков. У собственника имущества (бывшего супруга) имеются необходимые возможности на своевременный раздел общего имущества, внесение сведений о себе как о собственнике имущества. Поэтому запрет на истребование имущества у добросовестного приобретателя можно рассматривать как санкцию за бездействие собственника. Однако перекладывание на сособственника риска утраты имущества за бездействия вызывает сомнения и не соответствует сложившейся практике регистрации недвижимого имущества, находящегося в совместной собственности, ведь нормативно определенного порядка внесения корректирующей регистрации прав на объекты совместной собственности по инициативе одного из супругов отсутствует.

Изложенное свидетельствует о необходимости совершенствования нормативно-правового регулирования регистрации прав на недвижимое имущество. Во-первых, законодательно установить возможность внесения корректирующей записи в отношении объектов совместного имущества и определить порядок ее совершения. Во-вторых, нужно стремиться к установлению фактической достоверности государственного реестра, которая будет способствовать сокращению правонарушений, заключающихся в неправомерном распоряжении совместной собственностью одним из супругов, и предотвращать конфликт интересов лиц в связи с совершенным правонарушением. В-третьих, закрепить принцип публичной достоверности государственного реестра, который позволит в равной степени охранять и защищать права собственников объекта недвижимости и добросовестного приобретателя.

Библиографический список

1. *Феоктистов А.В., Лысенко И.М., Шишова М.Н.* Актуальные проблемы института права собственности в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4, № 2(14). С. 103–112.
2. *Тархов В.А., Рыбаков В.А.* Собственность и право собственности. 2-е изд. М.: Юрист, 2002. 240 с.
3. *Тархов В.А.* Понятие права личной собственности // Ученые записки Саратовского юридического института имени Д.И. Курского. Саратов: Коммунист, 1952. Вып. 3. С. 90–115.
4. *Тархов В.А.* Гражданское право. Курс. Общая часть. Уфа: Уфим. юрид. ин-т МВД России, 1998. 331 с.

5. *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. 456 с.

6. *Богатырев Ф.О.* Публичная достоверность реестра прав на недвижимость и признание добросовестного приобретателя собственником // Законодательство. 2004. № 4. С. 37–43.

7. *Самойлов Е.Ю.* Публичная достоверность при приобретении недвижимого имущества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.

References

1. *Feoktistov A.V., Lysenko I.M., Shishova M.N.* Actual Problems of the Institute of Property Law in the Russian Federation // Nauka. Society. State. 2016. Vol. 4, no. 2(14). P. 103–112.

2. *Tarkhov V.A., Rybakov V.A.* Property and the Right of Ownership. 2nd ed. M.: Lawyer, 2002. 240 p.

3. *Tarkhov V.A.* The Concept of the Right of Personal Property // Scientific papers of the Saratov Law Institute named after D.I. Kursky. Saratov: Communist, 1952. Issue 3. P. 90–115.

4. *Tarkhov V.A.* Civil Law. The Course. The General part. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, 1998. 331 p.

5. *Tarkhov V.A.* Responsibility Under the Soviet Civil Law. Saratov: Saratov University Publishing House, 1973. 456 p.

6. *Bogatyrev F.O.* Public Reliability of the Register of Rights to Immovability and Recognition of a Bona Fide Acquirer by the Owner // Legislation. 2004. No. 4. P. 37–43.

7. *Samoilov E.Y.* Public Reliability in the Acquisition of Non-Movable Property: extended abstract of diss. ... cand. of law. M., 2010. 25 p.

Т.А. Быкова, Т.С. Мангушева

ЖИВОТНЫЕ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение: актуальность темы обусловлена необходимостью анализа действующего законодательства относящегося к животным как к объекту гражданско-правовых и административно-правовых отношений. **Цель** — рассмотреть некоторые пробелы российского законодательства, касающиеся животных как объекта права. **Методологическая основа:** совокупность различных общенаучных (анализ, синтез и др.) и специально-юридических методов. **Результаты:** сформулированы тезисы о необходимости изменения подхода к установлению единой дефиниции «животное»; поддерживается позиция авторов, что животные — это самостоятельные объекты права, в том числе гражданского и административного. **Выводы:** необходимо унифицировать подход к животным как к объекту права; внести изменения в действующее законодательство за правонарушения, связанные с содержанием, выгулом домашних животных, разграничить ответственность за жестокое обращение и негуманное обращение с животными.

Ключевые слова: животное, безнадзорное животное, животное без владельца, владение и распоряжение животными, жестокое обращение с животными, нарушение правил содержания животных, ответственность за нарушение правил содержания животных.

Т.А. Bykova, T.S. Mangusheva

ANIMALS AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION: CERTAIN PROBLEMS OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Background: the relevance of the topic is conditioned by the need to analyze the current legislation relating to animals as an object of civil and administrative-legal relations. **Objective** — to consider some gaps in Russian legislation concerning animals as an object of law. **Methodology:** a set of various general scientific (analysis, synthesis, etc.) and special legal methods. **Results:** the theses on the need to change the approach to the establishment of a single definition of “animal” are formulated; the authors’ position that animals are independent objects of law, including civil and administrative law, is supported. **Conclusions:** it is necessary to unify the approach to animals as an object of law; to amend the current legislation for offenses related to the maintenance

© Быкова Тамара Анатольевна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: tamara.bykova.1958@mail.ru

© Мангушева Тамара Сергеевна, 2023

Кандидат социологических наук, доцент кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: tamaras-m@mail.ru

© Bykova Tamara Anatolyevna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

© Mangusheva Tamara Sergeevna, 2023

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin (Saratov State Law Academy)

and walking of pets, to differentiate responsibility for cruel treatment and inhumane treatment of animals.

Keywords: *animal, neglected animal, animal without owner, possession and disposal of animals, cruelty to animals, violation of the rules of keeping animals and responsibility for violation of the rules of keeping animals.*

Правовое регулирование вопросов, связанных с животными, долгое время оставалось вне законодательного поля. Восполнением правового пробела стало принятие Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее — Закон № 498-ФЗ), который носит межотраслевой характер. Животные находятся в сфере правового регулирования гражданского, административного, уголовного, муниципального и других отраслей права.

Действие данного закона распространяется в отношении диких животных, которые содержатся в неволе (зоопарках, цирках, океанариумах); домашних животных (за исключением сельскохозяйственных); служебных животных; раскрывается понятие владелец животного — это физическое или юридическое лицо, которому принадлежит животное на праве собственности (ином законном основании); впервые законодательно выделено понятие «животное без владельца» — это животное, которое не имеет владельца или владелец которого неизвестен. Данное понятие имеет сходство с понятием «безнадзорное животное». При кажущемся сходстве двух дефиниций разница явно прослеживается. Из содержания ст. 230 ГК РФ следует, что лицо, нашедшее безнадзорное домашнее животное или пригульный скот обязано возвратить их собственнику. Таким образом, безнадзорные животные имеют собственника (владельца), но место нахождения последнего не установлено. Животные могут находиться и в составе муниципальной собственности. Чаще всего это возникает, когда в состав муниципальной собственности включаются безнадзорные животные и животные без владельца. Закон обязывает найти место пребывания собственника и возвратить ему животное. В случае невозможности обнаружения собственника животного или в случае, если собственник сам не заявит о своем праве на него, то лицо, у которого животное находилось на содержании и в пользовании, приобретает право собственности на него (ст. 231 ГК РФ). Тем не менее в определенных обстоятельствах, например смерть владельца или отказ владельца от поиска своего животного, статус безнадзорного домашнего животного может измениться на статус животного без владельца. Основным понятием в данном нормативном акте является «животное». Этот термин употребляется в различных отраслях права: гражданском, административном, уголовном, экологическом. Однако унифицированного подхода к данной дефиниции пока не сложилось и каждая из отраслей по-своему раскрывает его содержание. Кроме того, в Федеральном законе «О животном мире» понятие «животное» употребляется наряду с понятиями «животный мир» и «объект животного мира»², при этом к последнему причисляются исключительно дикие животные.

¹ См.: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 7 октября 2022 г.) // СЗ РФ. 2018. № 53, ч. 1, ст. 8424; 2022. № 41, ст. 6958.

² См.: Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» (в ред. от 11 июня 2021 г.) // СЗ РФ. 1995. № 17, ст. 1462; 2021. № 24, ч. 1, ст. 4188.

В науке гражданского права вопрос, относятся ли к объектам права животные или нет, остается дискуссионным. Однозначно следует отметить, что к субъектам права животные не относятся, но в зарубежном законодательстве встречаются примеры, когда животные так или иначе рассматриваются в качестве «специфических» субъектов права. Так, трудовое законодательство Таиланда предусматривает в отношении слонов возраст их трудоспособности, продолжительность трудового времени, размер пенсии и др. Абсолютно абсурдным является возможность в некоторых штатах США заключать брак с животным. Что касается российских граждан, то большинство считают своих питомцев полноправными членами семьи.

В России впервые правовую легализацию животные обрели в нормах Гражданского кодекса РФ. Согласно установлениям ст. 137 ГК РФ на животных должны распространяться общие правила об имуществе, правда, с оговоркой, если иное не будет установлено в других правовых актах. Возникают вопросы: следует ли из этого, что животные могут быть отнесены не только к имуществу как объекту права, но и представляют особый, самостоятельный объект? к какому роду объектов гражданских прав относятся животные? зависит ли это от правового регулирования или иных критериев видовой классификации последних? Прямого ответа на данные вопросы законодатель не дает, но из буквального толкования норм Гражданского кодекса РФ можно сделать вывод о том, что к животным применяются общие правила об имуществе. В науке гражданского права сложились различные точки зрения. Одни ученые не относят животных к вещам, подчеркивая, что к ним применяются лишь общие правила об имуществе¹. По мнению И. Хандеева, Е.Ф. Евсеева, животные не могут входить в понятие вещи или являться ее специальным видом². Другие рассматривают животных как одушевленную вещь³.

В целом позиции авторов не антагонистичны. С аргументацией тех или иных исследователей можно отчасти согласиться. Объективно следует отметить, что законодатель не называет животных вещью, а оправданно и однозначно указывает на распространение на них правила об имуществе (таким образом, к животным применимы нормы ГК о сделках, о переходе права и т.д.). Но под имуществом в гражданском праве понимается не только вещь или совокупность вещей, но и имущественные права [1, с. 3]. Именно на имущественные права и корреспондирующие им обязанности, а также ответственность собственников (владельцев) животных направлено гражданско-правовое регулирование. Конечно, имущественные права входят в содержание имущественных отношений, которые возникают и существуют в связи с нахождением имущества у определенного лица или с переходом имущества от одного лица к другому.

Животные могут находиться во владении граждан и юридических лиц на праве собственности (или ином законном основании). Актуальным в настоящее время остается вопрос, касающийся возможного количества содержания домашних животных в квартирах. Действующее законодательство не содержит

¹ См.: Михайлова А. Хвостатый страдалец: как защищаются права животных. URL: <https://pravo.ru> (дата обращения: 11.04.2023).

² См.: Хандеев И. Животное — движимая, неделимая, одушевленная вещь: констатация абсурда или научное достижение? URL: <https://zakon.ru/> (дата обращения: 11.04.2023).

³ См.: Ташланов Д.А. Проблемы определения понятия «домашние животные» в российском гражданском праве // Таврический научный обозреватель. 2016. № 11-2(16). URL: www.tavr.science (дата обращения: 11.04.2023).

по этому поводу никаких ограничений. Закрепленные в ст. 13 Закона № 498-ФЗ требования к содержанию домашних животных обязывают их владельцев соблюдать законные интересы лиц проживающих в многоквартирных домах и запрещают использование домашних животных в предпринимательской деятельности за исключением случаев, установленных Правительством РФ. Пункт 3 ст. 13, регламентируя предельное количество домашних животных в местах содержания, оперирует единственным критерием — соблюдение в жилых помещениях ветеринарных, эпидемиологических норм и правил, а также правила пользования жилыми помещениями (п. 4 ст. 17 Жилищного кодекса РФ). В противном случае при установлении нарушения указанных правил и исходя из правоприменительной практики, данная ситуация рассматривается как бесхозяйственное содержание жилого помещения (ст. 293 ГК РФ). Между тем вопрос о судьбе домашних животных остается нерешенным. Думается, что механизм его решения находится в плоскости принятия специальных правил содержания домашних животных, где будет предусмотрено предельное количество питомцев, которые могут находиться в квартирах многоквартирного дома, в зависимости от метража или типа жилья.

Показательным в решении вопросов гуманного содержания домашних животных является законодательство Республики Беларусь, согласно которому запрещается оставлять животных в машинах, на привязи у магазинов и других объектов бытового обслуживания, на дачных участках на длительный период. За допущенные нарушения (ст. 16.28 «Нарушение требований в области ветеринарной деятельности»; ст. 16.29 «Жестокое обращение с животным или избавление от животного»; ст. 16.30 «Нарушение правил содержания животных») устанавливается административно-правовая ответственность в виде наложения штрафа в размере от одной до тридцати базовых величин¹.

В российском законодательстве пока еще робко, но затронутые вопросы также находят отражение. Например, в КоАП г. Москвы² внесена гл. 5 «Административные правонарушения в области обращения с животными», нормы которой устанавливают административную ответственность за нарушение правил содержания домашних животных: жестокое обращение с животным, которое повлекло его гибель или увечье (если это деяние не содержит признаков преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ), влечет наложение административного штрафа (ч. 1 ст. 5.7 Кодекса Москвы). Административная ответственность также может наступить за ненадлежащее содержание животных в местах общего пользования коммунальных квартир и многоквартирных домов; загрязнение домашними животными мест общего пользования дома и общественных мест; нарушение правил выгула, например появление с собакой без поводка и намордника; нападение одного домашнего животного на другое, в результате чего последнее получило увечья или погибло; натравливание животного на людей или других животных; нападение животного на человека, из-за чего здоровью последнего был причинен вред (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного

¹ См.: Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК2100091> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 11.04.2023).

² См.: Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 (в ред. от 14 декабря 2022 г.) «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» // Ведомости Московской городской Думы. 2007. № 12.

ст. 118 УК РФ); причинение животным ущерба чужому имуществу. Согласно ст. 5.1 КоАП г. Москвы максимальная санкция за эти нарушения составляет не более 5 тыс. руб.

В 2023 г. в Саратовской области были утверждены Дополнительные требования к содержанию домашних животных, в том числе к их выгулу, на территории Саратовской области¹, однако вопросы о каком-либо виде ответственности за невыполнение данных требований в документе отражения не нашли. По нашему мнению, информирование населения о правилах обращения с животными необходимо подкрепить мерами, обеспечивающими выполнение правил, для чего следует внести в Закон Саратовской области «Об административных правонарушениях на территории Саратовской области»² ряд дополнений. Так, главу I «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» дополнить статьей 1.9¹ следующего содержания:

«Статья 1.9¹. Нарушение требований к содержанию домашних животных, в том числе к их выгулу

Нарушение владельцем домашнего животного требований к содержанию домашних животных, в том числе к их выгулу, которые могут негативно повлиять на обеспечение безопасности и иных прав и законных интересов граждан, –

влечет предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от одной до двух тысяч рублей.»

Внести в главу IV «Административные правонарушения на транспорте» статью 4.5, в предлагаемой редакции:

«Статья 4.5. Нарушение Требований по перевозке домашних животных, утвержденных Постановлением Правительства Саратовской области от 6 апреля 2023 г. № 303, в наземном городском транспорте

Нарушение владельцем домашнего животного установленных Требований влечет, –

предупреждение или наложение административного штрафа на физических лиц в размере от одной до двух тысяч рублей, на должностных лиц — в размере от трех до пяти тысяч рублей, на юридических лиц — от десяти до пятнадцати тысяч рублей.»

Для привлечения внимания и повышения ответственности органов местного самоуправления за надлежащее состояние дел в данном вопросе внести изменения в часть 4 статьи 10.2, изложив ее в следующей редакции:

4) административными комиссиями в муниципальных районах (городских округах) области — об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 1.2–1.4, 1.6, 1.11, 1.12, 2.5, 4.1–4.5, частью 2 статьи 4.8, 8.2, 8.3, 8.5, 9.1¹, 9.2 настоящего Закона.

К сожалению, в современном законодательстве вопросы, связанные с административной ответственностью за ненадлежащее содержание животных, отраже-

¹ См.: Постановление Правительства Саратовской области от 6 апреля 2023 г. № 303-П «Об утверждении дополнительных требований к содержанию домашних животных, в том числе к их выгулу, на территории Саратовской области». URL: [https:// publication. pravo.gov. ru/](https://publication.pravo.gov.ru/) (дата обращения: 11.04.2023).

² См.: Закон Саратовской области от 29 июля 2009 г. № 104-ЗСО «Об административных правонарушениях на территории Саратовской области» (в ред. от 31 августа 2023 г.) // Собрание законодательства Саратовской области. 2009. № 17. Стр. 3930–3935; сайт электронного периодического издания «Новости Саратовской губернии». URL: <http://g-64.ru/> (дата обращения: 31.08.2023).

ны опосредованно. Так, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и нарушение ветеринарно-санитарных правил.

За нарушения законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения ответственность предусмотрена ст. 6.3 КоАП РФ (нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения); ст. 6.4 КоАП РФ (нарушение санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений и общественных помещений, зданий, сооружений и транспорта). Кроме того, правонарушения, предусмотренные ст. 7.17 (уничтожение или повреждение чужого имущества) и ст. 10.6 КоАП РФ (нарушение правил карантина животных или других ветеринарно-санитарных правил), влекут наложение административного штрафа. Сумма штрафа колеблется от ста рублей (например, для граждан) до двадцати тысяч (для юридических лиц). Органы внутренних дел в рассмотрении таких дел не участвуют, так как по делам о данных правонарушениях уполномочены принимать решения органы, осуществляющие федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, а также ветеринарный надзор. Учитывая, что правовое регулирование данных вопросов находится на стадии подъема, можно ожидать принятия законопроекта по установлению административной ответственности за ненадлежащее содержание и обращение с животными¹ (законопроект № 1216032-7), обсуждение которого неоднократно переносилось, начиная с 2021 г. Согласно законопроекту несоблюдение общих требований к содержанию животных может повлечь наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысяч пятисот до трех тысяч рублей. Жестокое обращение с животными при отсутствии признаков преступления повлечет наложение административного штрафа до ста тысяч рублей.

Сложности возникают при реализации правомочия по распоряжению домашним(и) животным(и) как имуществом путем его раздела между собственниками (владельцами). В данном случае нужно руководствоваться ч. 2 ст. 131 ГК РФ, в которой законодатель обязывает учитывать привязанность животных к прежнему собственнику.

Семейный кодекс РФ не содержит специальных норм, отражающих особенности раздела домашних животных при расторжении брака. Данный пробел восполняется правоприменительной практикой. Принимая во внимание, что в отношении животных применяются общие правила об имуществе, осуществление их раздела происходит в соответствии с положениями ст. 38 Семейного кодекса РФ. Кроме того, суд принимает во внимание и другие, заслуживающие внимания обстоятельства: а) кто из супругов больше взаимодействовал (пользовался) с животным; б) в некоторых случаях его стоимость, например принадлежность к особо редкой породе; в) при владении супругами двух разнополых животных, учитывается привязанность животных друг другу или, когда нецелесообразно передавать по одному животному каждому из супругов, животные остаются у одного из них; г) нельзя не учитывать того факта, что животное, будучи живым

¹ См.: Законопроект № 1216032-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части установления ответственности за нарушение законодательства в области обращения с животными)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 11.04.2023).

существом, испытывает психоэмоциональное состояние. Поэтому, запрещается изъятие например, у должника домашних животных в ходе исполнения судебного решения судебными приставами, также закон запрещает жестокое обращение с животными, предусматривая гражданско-правовую, административную и уголовно-правовую ответственность. Однако под понятие «жестокое обращение» не подпадают мероприятия по предотвращению размножения животных, эвтаназии при оказании ветеринарных услуг, умерщвлению без излишних мучений (для получения мяса и шкур), уничтожению по санитарно-эпидемиологическим соображениям, а также в случае охоты на животных.

Существует проблемы с реализацией такого правомочия собственника как распоряжение (например, распоряжение путем уничтожения). Безусловно, собственник не может распорядиться животным, как, например, со старым диваном, и выбросить его на свалку. Вместе с тем хозяин (собственник), как свидетельствует действительность, нередко уничтожает вполне здоровое животное, в том числе и медикаментозным способом (так называемое усыпление), или отказывается от ставшего ему ненужного животного, выбрасывая его на улицу. Назвать такую ситуацию нормой, безусловно, нельзя. С этой целью на законодательном уровне следует ограничить подобные способы распоряжения животными. Для реализации обозначенных задач следует разработать правовой механизм применения действенных мер практического характера, в частности, ввести обязательное унифицированное чипирование домашних животных. Следует напомнить, что в сельской местности владельцы домашнего скота проводили и проводят до сих пор обозначение своих животных различного рода способами, например ставят клеймо или помечают краской определенными знаками. Цифровая идентификация расширяет цели и возможности чипирования домашнего животного. Во-первых, современные технологии позволяют проводить повсеместно учет домашних животных. Во-вторых, цели, для достижения поставленных задач, должны быть обозначены законодательно, в частности, для предотвращения распространения заразных болезней животных, для выявления источника распространения возбудителей таких заболеваний, а также обезопасить заражение общими для животного и человека заболеваниями. В-третьих, упростится процесс поиска потерявшегося домашнего животного. В-четвертых, упростится возможность свободного путешествия с животным (как гражданам, так и юридическим лицам — владельцам животных). В-пятых, в случае причинения вреда домашним животным третьим лицам (жизни, здоровью, имуществу) — оперативно и безошибочно установить владельца такого животного. Кроме того, предусмотреть за негуманное обращение с животными административную и уголовную ответственности. Таким образом, наряду с понятием «жестокое обращение с животными» в законе следует предусмотреть и такое понятие, как «негуманное обращение с животными».

С учетом обозначенных вопросов и проблем, связанных с животными при реформировании Гражданского кодекса РФ, следует признать, что животные должны быть отнесены к самостоятельному объекту гражданских прав.

Библиографический список

1. Учебное пособие по курсу «Гражданское право» / Т.А. Быкова, А.А. Серветник, В.Д. Рузанова, Т.И. Хмелева. Ч. 1. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 2001. 176 с.

References

1. Textbook for the course “Civil Law” / T.A. Bykova, A.A. Servetnik, V.D. Ruzanova, T.I. Khmeleva. Part 1. Saratov: Volga books publishing house, 2001. 176 p.

С.Е. Костина

ПРИОБРЕТЕНИЕ ПРАВ НА БЕЗНАДЗОРНЫХ ЖИВОТНЫХ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Введение: безнадзорные животные давно являются предметом изучения цивилистической науки. Вопросы приобретения прав на них в настоящее время весьма актуальны в связи с наличием большого количества пригульного скота в сельских местностях и существующей неопределенности его судьбы. **Цель** — исследовать особенности возникновения прав на безнадзорных животных на основании изучения истории правового регулирования, а также выявить проблемы правового регулирования рассматриваемой сферы и разработать предложения по их решению. **Методологическая основа:** метод диалектического материализма, системно-исторический, сравнительно-исторический методы исследования. **Результаты:** обоснована авторская позиция относительно изменений срока приобретения права собственности на безнадзорных животных, а также необходимости учета всего домашнего скота и животных. **Выводы:** существующие в настоящее время сроки и правовое регулирование приобретения права собственности на безнадзорных животных не соответствуют требованиям окружающей действительности.

Ключевые слова: животные, гражданское право, сроки, безнадзорные животные, бесхозные вещи, вещи, пригульный скот, право собственности, приобретение права собственности.

S.E. Kostina

ACQUISITION OF RIGHTS TO NEGLECTED ANIMALS IN RUSSIAN CIVIL LAW

Background: neglected animals have long been a subject of study of civilization science. The issues of acquiring rights to them are currently very relevant due to the presence of a large number of stray livestock in rural areas and the existing uncertainty of their fate. **Objective** — to investigate the peculiarities of the emergence of rights to neglected animals on the basis of the study of the history of legal regulation, as well as to identify the problems of legal regulation of the considered sphere and to develop proposals for their solution. **Methodology:** methodological dialectical materialism, system-historical, survey-historical research methods. **Results:** the author's position regarding the changes in the term of acquiring the ownership right to stray animals, as well as the need to account for all livestock and animals was substantiated. **Conclusions:** the current timeframe and legal regulation for acquiring ownership of unaccompanied animals do not meet the requirements of the surrounding reality.

Keywords: animals, civil law, terms, neglected animals, ownerless things, things, livestock, ownership, acquisition of ownership.

Безнадзорные животные и пригульный скот всегда пользовались особым вниманием со стороны законодателя. Потравы и порча посевов, распространение чумы, бешенства и других заболеваний — это лишь малая доля проблем, связанных с неконтролируемым выпасом и передвижением животных.

Безнадзорные животные — это животные, живущие в домашних условиях, но ко времени обнаружения их собственник неизвестен или его нельзя установить. Безнадзорность — это качество домашних животных и не используется по отношению к диким. Это животные, которые в силу любых обстоятельств не могут быть определены как принадлежащие кому-либо. У них отсутствует клеймо, чип или другие средства обозначения права собственности.

Безнадзорность животного невозможна в ситуациях законного владения лица [1, с. 166], например, если лицо (пастух) в силу договора с собственником осуществляет владение животным. Животное признается безнадзорным, если в отношении него отсутствует физическая возможность моментального обладания или контроля, пользования. Безнадзорных животных современное право делит на безнадзорных и пригульный скот.

Д.Е. Захаров пишет: «Безнадзорный скот — сельскохозяйственные животные, выбывшие из хозяйства, заблудившиеся, отбившиеся, сбежавшие и найденные кем-либо и к моменту их обнаружения не находящиеся в хозяйстве законного владельца. Пригульный скот — сельскохозяйственные животные, которые к моменту задержания оказались в составе чьего либо хозяйства (пристали к стаду или табуны другого хозяйства)» [2, с. 39].

Согласно п. 1 ст. 231 ГК РФ, по истечении шести месяцев с момента заявления о задержании безнадзорных домашних животных, лицо, у которого животные находились на содержании и в пользовании, приобретает право собственности, но только если их собственник не будет обнаружен или сам не заявит о своем праве на них. При отказе этого лица они поступают в муниципальную собственность и используются в порядке, определяемом органом местного самоуправления. В случае явки прежний собственник вправе при наличии обстоятельств, свидетельствующих о сохранении к нему привязанности со стороны этих животных или о жестоком либо ином ненадлежащем обращении с ними нового собственника, потребовать их возврата¹.

Действующее законодательство устанавливает срок в шесть месяцев, в течение которого имущество считается бесхозным², начало течения данного срока исчисляется с момента обращения в полицию или орган местного самоуправления³.

Для приобретения права собственности на содержащее животное обращение в суд необходимо только в случае спора⁴. Если лицо не обратилось в уполномоченные органы, то это является препятствием для возникновения права собствен-

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Решение Архангельского областного суда от 14 января 2015 г. по делу № 3-30/2015. URL: <https://base.garant.ru/132662851/> (дата обращения: 21.05.2023).

³ См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Бурятия от 15 июля 2019 г. по делу № 33-2637/2019. URL: <https://base.garant.ru/309297122/> (дата обращения: 21.05.2023).

⁴ См.: Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 18 июня 2020 г. по делу № А73-18987/2019; Апелляционное определение СК по гражданским делам Астраханского областного суда от 15 мая 2013 г. по делу № 33-1124/2013. URL: <https://base.garant.ru/105001434/> (дата обращения: 21.05.2023).

ности¹. Например, лицо, обнаружив у себя безнадзорный скот осенью 2017 г., должно было предоставить информацию о животных в полицию или орган местного самоуправления, которые приняли бы меры к розыску собственника. Однако с сообщением в органы ОВД владелец обратился только в феврале 2019 г. Срок, установленный законом, начинает течь с момента обращения в полицию².

Необходимо отметить, что законодательно органам субъекта РФ, а также местного самоуправления отведена достаточно существенная роль в регулировании рассматриваемых правоотношений. Тем не менее субъекты Федерации не могут устанавливать нормы о признании за муниципальным образованием права на безнадзорное животное и основания возникновения такого права³.

Безнадзорные животные могут быть умерщвлены лишь после перехода права собственности на них к органам местного самоуправления и вынесения данными органами соответствующего решения⁴. Умерщвление животных непосредственно при отлове является незаконным. В то же время отсутствие принятого субъектом РФ правового акта, устанавливающего порядок отлова безнадзорных животных, не освобождает органы местного самоуправления от ответственности за вред, причиненный данными животными. Об этом свидетельствует и судебная практика.

Безнадзорные животные выступают объектом гражданских прав и в соответствии с ч. 1 ст. 231 ГК РФ используются в порядке, установленном органом местного самоуправления (определение судьбы безнадзорных собак и кошек, других животных, предполагающее установление порядка отлова, содержания и использования, относится к полномочиям органов местного самоуправления).

Тот факт, что органами государственной власти субъекта РФ не принят нормативный правовой акт по определению порядка отлова, содержания и использования безнадзорных животных, не является безусловным основанием для возложения на органы исполнительной власти субъекта ответственности за вред, причиненный безхозными животными⁵. В п. 2 ст. 230 ГК РФ установлено, что на органы местного самоуправления возлагается обязанность принимать меры к розыску собственников безнадзорных животных. В отдельных случаях безнадзорные животные становятся объектом муниципальной собственности. Деятельность по надзору и предотвращению безнадзорного выгула животных передана органам местного самоуправления⁶. Тем не менее на органы местного самоуправления не возложена обязанность по созданию приютов для животных. Так, при разрешении дела суды установили, что в собственности муниципального образования отсутствуют приюты для животных, городской бюджет не содержит расходных статей на строительство муниципальных приютов и содержание

¹ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 16 января 2014 г. № 33-743/14. URL: <https://base.garant.ru/120611417/> (дата обращения: 21.05.2023).

² См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Бурятия от 15 июля 2019 г. по делу № 33-2637/2019. URL: <https://base.garant.ru/309297122/> (дата обращения: 23.05.2023).

³ См.: Определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 27 мая 2015 г. № 1-АПГ15-2. URL: <https://base.garant.ru/71117802/> (дата обращения: 23.05.2023).

⁴ См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Саратовского областного суда от 29 мая 2012 г. по делу № 33-2731. URL: <https://base.garant.ru/100608167/> (дата обращения: 23.05.2023).

⁵ См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Забайкальского краевого суда от 11 июня 2013 г. по делу № 33-2012-2013. URL: <https://base.garant.ru/110337164/> (дата обращения: 23.05.2023).

⁶ См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Хакасия от 3 декабря 2014 г. по делу № 33-2884/2014. URL: <https://base.garant.ru/134001547/> (дата обращения: 23.05.2023).

животных в приютах, а Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными»¹ на органы местного самоуправления не возложена обязанность по созданию таких приютов².

Не так давно в Государственную Думу были внесены предложения по сокращению срока, необходимого для приобретения права собственности на безнадзорных животных до 30 дней³. В обоснование такого предложения указывались необходимость предотвращения случаев потравы посевов, сенокосных угодий, порчи и уничтожения находящегося в поле собранного урожая сельскохозяйственных культур из-за ненадлежащего выпаса скота, принадлежащего гражданам, ведущим личное подсобное хозяйство, на долю которых в настоящее время приходится большая его часть. Помимо этого, отмечалось, что установленные штрафы за совершение потравы посевов и порчи урожая не сдерживают население и не склоняют их к соблюдению правил выпаса скота⁴. Более того, факт потравы посевов, уничтожение собранного урожая трудно доказать, также сложно определить собственника задержанных сельскохозяйственных животных (особенно лошадей) из-за отсутствия клейм у большинства сельскохозяйственных животных, поэтому во многих случаях рассмотрение дел об административных правонарушениях за нарушение муниципального нормативного правового акта, устанавливающего правила выпаса скота, не происходит.

Кроме того, значительные затраты и неопределенные сроки содержания безнадзорных животных в пунктах временного содержания вынуждают владельцев выпускать пойманный скот, что приводит к повтору потравы посевов и порчи урожая. Исходя из этого сторонники проекта изменений указывают, что, во-первых, сокращение срока сократит бремя ответственности за надлежащее содержание задержанных безнадзорных животных; во-вторых, позволит дисциплинировать собственников животных, повысит их ответственность за принадлежащее им животное.

Однако противники предлагаемых изменений отмечают, что поиски собственника животного могут занять более чем один месяц, и связано это как раз с отсутствием обязательного учета и клеймения. Помимо этого, моральные страдания собственника, потерявшего животное, а также реакции животного, лишившегося хозяина, также могут быть приняты во внимание. Слишком ранняя передача животного другому собственнику может осложнить его розыск и причинить дополнительные страдания прежнему собственнику. Между тем такое быстрое приобретение права собственности, соответственно, и права реализации

¹ См.: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными» (в ред. от 28 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 2018. № 53, ч. 1, ст. 8424; 2023. № 18, ст. 3227.

² См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 4 марта 2021 г. № Ф07-1747/21 по делу № А05-12306/2019. URL: <https://base.garant.ru/41353537/> (дата обращения: 20.05.2023).

³ См.: Проект федерального закона № 276014-6 «О внесении изменения в статью 231 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://duma.consultant.ru/documents/3715271> (дата обращения: 20.05.2023).

⁴ См. ч. 1 ст. 18 Закона Забайкальского края от 2 июля 2009 г. № 198-ЗЗК «Об административных правонарушениях предусматривает административную ответственность за нарушение Правил благоустройства населенного пункта (в том числе за безнадзорный выпас скота) в виде штрафа для граждан в размере до 2 тысяч 500 рублей» (Прокуратура Ононского района выявила нарушения законодательства по вопросам содержания и выпаса сельскохозяйственных животных. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_75/mass-media/news/archive?item=33641146# (дата обращения: 20.05.2023)).

животного может привести к злоупотреблениям и намеренному хищению скота. Нужно также отметить, что на нового собственника не возлагается обязанность по компенсации вреда, причиненного таким животным.

Все доводы за и против предлагаемых изменений имеют свое обоснование. Для полного понимания рассматриваемых отношений проанализируем историю вопроса в российском гражданском законодательстве. Как отмечает Д. Е. Захаров, такой способ приобретения собственности был известен еще в дореволюционной России. Лицо, нашедшее животное, сообщало о нем в полицию или сельхоз. Срок был установлен в 7 дней. Животное можно было оставить у себя либо передать ответственному лицу [2, с. 43]. Спустя две недели, если хозяин никак себя не проявлял, животное реализовывали на торгах. Если собственник заявлял свои права, то нашедший скот получал 1/6 стоимости животного, а также возмещение расходов. Спустя полгода лицу, содержавшему животное, за счет средств торгов возмещались расходы по его содержанию, а также премия в размере 1/3 цены животного.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. не регулировал положение безнадзорных животных. Соответствующие специальные правила содержались в других нормативных актах. Как правило, бесхозное имущество в виде рабочего, племенного продуктивного скота подлежало передаче совхозам безвозмездно с зачислением их на баланс; колхозам имущество передавалось за плату¹.

Декрет от 24 августа 1926 г. «О пригульном скоте»² устанавливал обязательность сообщения о найденном животном владельцу и выдачи животного по его требованию. Поймавший скот обязан был в течение трех дней передать его органу милиции или сообщить о нем председателю сельского совета. Лошадьми и коровами можно было пользоваться год, мелким скотом — два месяца. Власти могли увеличить сроки до полутора лет. После этого скот переходил в собственность или крестьянского комитета общественной взаимопомощи, или лица, которому данное учреждение передавало скот, в зависимости от того, в чьем ведении и пользовании скот находился. При этом владелец его утрачивал всякое право на возвращение ему скота.

В отличие от ГК РСФСР 1922 г. в ГК РСФСР 1964 г. уже присутствовала норма, посвященная приобретению права собственности на безнадзорных животных³. Советский закон рассматривал как безнадзорных животных только скот. Собственно домашних животных не коснулось правовое регулирование. Отсутствие правовых норм о судьбе домашних питомцев объясняется малой значимостью и ограниченностью экономического использования таких животных.

В Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. срок приобретения собственности был различным для разного вида скота: шесть месяцев — для крупного рогатого скота, два месяца — для мелкого скота. Те же сроки устанавливались и в отношении молодняка.

¹ См.: Положение о порядке учета и использования национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозного имущества от 17 апреля 1943 г. // Гражданское законодательство: сб. норматив. актов. М., 1974. С. 276–278

² См.: Декрет СНК РСФСР от 24 августа 1926 г. «О пригульном скоте» // Гражданский кодекс с постратейно систематизированными материалами / под ред. С. Александровского. М., 1928. С. 343–345.

³ См. ст. 68 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. (утратил силу) (Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1922. № 71); ст. 143 Гражданского кодекса РСФСР от 11 июня 1964 г. (утратил силу) (Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24, ст. 406).

Владелец животного мог не забирать его обратно. Право собственности в этом случае возникало у временного владельца. Если было затруднительно его найти, то милиция или исполком сельского Совета депутатов передавали безнадзорное животное на содержание совхозу или колхозу, руководители которых не могли отказаться от животных. Как и в современном праве, хранитель имел право на возмещение расходов по содержанию скота с зачетом доходов от использования. После указанного в законе срока скот поступал в собственность государства либо колхоза.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить следующее: правовое регулирование приобретения прав на безнадзорных животных и пригульный скот исторически отличалось; длительный срок неопределенности правового положения бесхозного животного порождает многочисленные проблемы; срок приобретения права собственности исчисляется с момента обращения заинтересованного лица в государственные органы; органы местного самоуправления несут ответственность за вред, причиненный безнадзорными животными, пока не доказано иное; умерщвление больных бродячих животных возможно только после приобретения права собственности.

Представляется разумным ограничить срок приобретения права собственности тридцатью днями для всех безнадзорных животных и двумя месяцами для пригульного скота. Более того, обязательным этапом должно являться сообщение о находке органам внутренних дел или органам местного самоуправления. Все домашние животные и скот должны подлежать обязательному учету и клеймению (чипированию) для возможности определения ответственного лица в случае причинения такими животными вреда. Если лицо, обнаружившее животное, не желает приобретения права собственности, то животное должно переходить в собственность муниципального образования, которое распорядится его судьбой. Всем животным в приграничных и эпидемиологических зонах необходимо проходить карантин. В случае обнаружения опасных заболеваний у животного органы муниципальной власти должны иметь возможность приобретения права собственности и умерщвления больного животного до истечения установленного срока для предотвращения возникновения эпидемий.

Библиографический список

1. *Иоффе О.С., Толстой Ю.К.* Новый Гражданский кодекс РСФСР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 447 с.
2. *Захаров Д.Е.* Животные как объекты гражданских прав: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 98 с.

References

1. *Ioffe O.S., Tolstoy Yu.K.* New Civil Code of the RSFSR. L.: Leningrad University Publishing House, 1965. 447 p.
2. *Zakharov D.E.* Animals as Objects of Civil Rights: textbook. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2020. 98 p.

В.В. Самсонов

КОНТРОЛЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Введение: в цивилистике отсутствует развернутая характеристика предмета гражданско-правового контроля, вследствие чего имеет место необоснованное отождествление указанной юридической конструкции с понятием гражданско-правового управления. Отдельного осмысления требуют вопросы о признаках гражданско-правового контроля, а также о методологических основаниях различения предварительного, текущего и последующего гражданско-правового контроля. **Цель** — развитие научных представлений, отражающих сущность и признаки гражданско-правового контроля. Основными задачами являются: развернутая характеристика предмета гражданско-правового контроля; обоснование условий целесообразности методологического различения предварительного, текущего и последующего гражданско-правового контроля; разработка системы признаков гражданско-правового контроля. **Методологическая основа:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. **Результаты:** представляется методологически обоснованным при характеристике стадийности исходить из единства механизма гражданско-правового контроля, правовая природа которого может быть раскрыта на основе цивилистической конструкции «обычных условий». **Выводы:** сформулированы основные признаки гражданско-правового контроля; установлено, что методологическое различение стадийности гражданско-правового контроля целесообразно проводить лишь при характеристике эффективности его средств; предложено определение гражданско-правового контроля.

Ключевые слова: гражданско-правовой контроль, согласование интересов субъектов гражданского правоотношения, существенные и обычные условия обязательств субъектов гражданского оборота.

V. V. Samsonov

CONTROL IN CIVIL LAW: THEORETICAL ISSUES

Background: in civil law, there is no detailed description of the subject of civil law control, as a result of which there is an unjustified identification of the specified legal structure with the concept of civil law management. Questions about the signs of civil law control, as well as the methodological grounds for distinguishing between preliminary, current and subsequent civil law control, require separate reflection. **Objective** — development of scientific ideas reflecting the essence and attributes of civil legal control. The main objectives are: detailed characterization of the subject of civil legal control; substantiation of the conditions of expediency of methodological distinction of preliminary, current and subsequent civil legal control; development of the system of signs of civil

© Самсонов Владимир Владиславович, 2023
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vvs.sar@mail.ru
© Samsonov Vladimir Vladislavovich, 2023
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

legal control. Methodology: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Results: it seems methodologically justified to proceed from the unity of the mechanism of civil law control, the legal nature of which can be disclosed on the basis of the civilistic construction of "ordinary conditions" when characterizing the stages. Conclusions: the main features of civil law control are formulated; it is established that it is advisable to carry out a methodological distinction between the stages of civil law control only when characterizing the effectiveness of its means; a definition of civil law control is proposed.

Keywords: *civil law control, coordination of interests of subjects of civil legal relations, essential and usual conditions of obligations of subjects of civil turnover.*

Исследование направлено на удовлетворение потребности в приращении теоретического знания о сущности гражданско-правового контроля, который отождествляется гражданско-правовым управлением. На наш взгляд, указанная позиция не представляется обоснованной, так как целесообразность гражданско-правового контроля обусловлена не извлечением прибыли, а снижением или избежанием рисков недостижения желаемого результата сделки.

Отдельного осмысления требуют вопросы о признаках гражданско-правового контроля, а также о методологических основаниях различения предварительного, текущего и последующего гражданско-правового контроля. Создаются теоретические предпосылки для оценки эффективности законодательных норм, которые не оказывают никакого влияния на факт заключения сделки, но предоставляют носителям субъективных гражданских прав и обязанностей возможность привести в действие государственно-правовой механизм реализации контрольных полномочий. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность исследования теоретических проблем института контроля в гражданском праве.

Теоретико-цивилистическая конструкция «контроль в гражданском праве» является одной из основных в гражданском праве. В.А. Тарховым и В.А. Рыбаковым была особо отмечена роль контрольной функции государства в обеспечении желаемых правовых последствий сделок с недвижимым имуществом [1, с. 89]. В том или ином аспекте контрольная функция многократно упоминается и в Гражданском кодексе РФ (ст. 748, 814, 1294, 1489 и др.)¹. Гражданско-правовой контроль регламентируется и в иных законодательных актах. Так, в гражданских нормах, регулирующих организацию и деятельность акционерных обществ, осуществление внутреннего контроля квалифицируется как обязанность органов управления обществом (ст. 87.1 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. от 19 декабря 2022 г. № 519-ФЗ)). В специальной литературе подчеркивается, что система гражданско-правовых контрольных полномочий так или иначе пронизывает все корпоративное право, так как является неотъемлемым элементом системы корпоративного управления [2, с. 192].

Соглашаясь с указанной точкой зрения, отметим, что снижение рисков оперативной и хозяйственной деятельности — общая задача, характерная и для контроля, и для управления. На этом основании некоторые авторы приходят

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5, ст. 410; 2023. № 16, ст. 2758; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 2001. № 49, ст. 4552; 2023. № 16, ст. 2758.

к выводу об идентичности гражданско-правового контроля и гражданско-правового управления. И.С. Шиткина, в частности, пишет: «Контролировать деятельность корпорации — значит, иметь возможность определять ее стратегию, политику, выбор долгосрочных программ, иметь решающее влияние» [3, с. 339]. Полагаем, что с мнением данного автора нельзя согласиться. Функция управления в той форме, в которой ее определяет гражданское законодательство об акционерных обществах, в качестве своей главной задачи устанавливает привлечение прибыли, тогда как снижение или избежание рисков экономической деятельности, придающее гражданско-правовому контролю целесообразность, при всей важности этого направления деятельности участников гражданского оборота все же не являются основной задачей хозяйственных объединений.

Оригинальность и новизна методов и подходов заключается в ценностно-познавательной установке настоящего исследования. Протекающие в настоящий момент реальные трансформации современной цивилизации и информационного уклада отчетливо демонстрируют две формы приложения единой ценностно-познавательной установки ко всем проявлениям социальной деятельности — сциентизм и вненаучное познание. Доктрина сциентизма исходит из того, что подлинным знанием являются лишь те мыслительные операции, которые в полной мере отвечают критериям обоснованности. В свою очередь, вненаучное знание представляет собой разнообразные мыслительно-духовные формы, которые претендуют на освещение различных аспектов реальности и к которым относят обыденный здравый смысл, мифологические, религиозные, философские системы, практические знания, нравственные установки и т.п. Несмотря на то, что указанные формы с позиций сциентизма не могут отвечать критериям обоснованности, это не может характеризовать вненаучное знание как ненаучное, неистинное [4, с. 46].

В условиях информационной трансформации всех сторон социальной жизни ценностно-познавательная установка, основанная на интеграции сциентизма и вненаучных форм познания, приобрела наибольшую влияние. Согласно данной ценностно-познавательной установке, которая нами используется в качестве основания настоящего исследования, мировоззрение и характер деятельности субъектов гражданского оборота определяется сочетанием вненаучного знания, то есть наличием здравого смысла, практических нормативов, нравственных, философских, религиозных принципов, и сциентистских (отвечающих критериям обоснованности) установок, источником которых выступают нормы гражданского законодательства и правоприменительной практики.

Согласно этим основаниям полагаем правильным определять содержание гражданско-правового контроля не в аспекте осуществления экономической власти, а в аспекте обеспечения законных интересов хозяйствующих субъектов на всех уровнях и на всей временной протяженности реализации субъективных прав и обязанностей участников правоотношения. Именно такой подход позволяет раскрывать содержание гражданско-правового контроля как деятельности управомоченных субъектов сделки по синхронной взаимной проверке выполнения текущих обязательств, удовлетворяющих равновеликие частные интересы сторон.

В научных публикациях особое внимание уделено вопросу стадийности гражданско-правового контроля. Отдельные авторы указывают на взаимосвязь гражданско-правового контроля и степени реализации гражданского правоотношения

ношения, предлагая классифицировать контроль по данному основанию на предварительный, текущий и заключительный (последующий) [5, с. 103; 6, с. 49]. Соглашаясь с указанными авторами, отметим, что приведенной классификации можно придать значительно большее научно-практическое значение, если учитывать, что гражданско-правовой контроль является секундарной юридической конструкцией, то есть производной по отношению к основаниям возникновения гражданских прав и обязанностей.

Согласно ст. 8 ГК РФ, гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности, в том числе из договоров и иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных сделок, не предусмотренных законом, но не противоречащих ему; из решений собраний в случаях, предусмотренных законом; из актов государственных органов и органов местного самоуправления, которые предусмотрены законом в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей; из судебного решения, установившего гражданские права и обязанности; в результате приобретения имущества по основаниям, допускаемым законом; на основании создания произведений науки, литературы, искусства, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности; вследствие причинения вреда другому лицу; ввиду неосновательного обогащения; иных действий граждан и юридических лиц; вследствие событий, с которыми закон или иной правовой акт связывает наступление гражданско-правовых последствий.

Очевидно, что все перечисленные в ст. 8 ГК РФ основания представляют собой юридически значимые факты, которые, опираясь на принципы систематизации, предложенные С.С. Алексеевым, в самом общем виде можно классифицировать на правомерные и неправомерные действия, а также на абсолютные и относительные события [7, с. 169]. Группа правомерных действий представлена правоустанавливающими и распорядительными актами государственных и местных органов власти, а также процессуальными актами. В качестве юридических поступков в этот же состав включены соответствующие общепринятым началам гражданского оборота действия граждан и юридических лиц, в том числе по приобретению имущества по предусмотренным законом основаниям; решения собраний во исполнение закона. В качестве действий, влекущих объективированный результат, в указанную группу входит создание результатов интеллектуальной деятельности.

Отдельную категорию составляют неправомерные волевые действия, порождающие юридически значимый результат, в том числе вследствие причинения вреда, неосновательного приобретения, сбережения имущества и иных форм неосновательного обогащения.

Наряду с действиями гражданский закон связывает юридические последствия с наступлением событий, абсолютных либо относительных, то есть с разворачиванием процессов, не зависящих от воли субъекта, или процессов, инициированных субъектом, но выступающих в правоотношении независимо от породивших его причин.

О.С. Иоффе подчеркивал, что правообразующая роль юридических фактов, составляющих основание возникновения гражданских прав и обязанностей, не-

одинакова [8, с. 72]. Существуют основания, которые вне зависимости от связи с другими обстоятельствами порождают юридически значимые последствия. К данной категории относятся причинение вреда, иные неправомерные действия, а также абсолютные и относительные события.

Другие основания, чтобы обладать правообразующей ролью, должны иметь взаимосвязь с иными юридическими фактами. К данной группе относятся сделки, акты органов власти, процессуальные акты, результаты интеллектуальной деятельности, решения собраний и действия субъектов гражданского оборота, соответствующие частноправовым принципам.

Характерная особенность практически всех оснований последней группы, за исключением оснований, связанных с актами органов власти и управления и процессуальными актами, заключается в том, что их возникновению предшествует активная инициативная деятельность частных субъектов, связанная с использованием гражданского права. Речь идет о совершении ряда действий по установлению фактических оснований предполагаемого обязательства, в том числе предмета и субъектного состава. В ряде случаев также имеет место выбор и анализ юридических норм, подлежащих применению. Иными словами, активная инициативная деятельность частных субъектов разворачивается в направлении формирования существенных условий обязательства, которые необходимы и достаточны для заключения договора. Указанная деятельность может дополняться согласованием интересов всех сторон с выработкой конкретных условий соглашения, если одна из сторон признает существенные условия, установленные законом, недостаточными.

Гражданско-правовой контроль как разновидность управленческой деятельности в полной мере согласуется с частноправовым содержанием отношений в сфере гражданского оборота и принципом равноправия субъектов гражданских правоотношений. Соответствие гражданско-правовым принципам обеспечивается на основе взаимного, основанного на автономии воли и в соответствии своим интересам соглашения частноправовых субъектов о применении контроля в процессе реализации субъективных прав и обязанностей участников гражданского правоотношения. Нами предлагается рассматривать гражданско-правовой контроль как проявление принципа автономии воли субъектов гражданского правоотношения, определяющего содержание поведения субъектов как ряд целенаправленных действий по установлению соответствия и приведению в законодательно определенную и согласованную сторонами гражданского правоотношения форму реализации субъективных прав и обязанностей.

По форме реализации принципа автономии воли гражданско-правовой контроль можно классифицировать на непосредственный и опосредованный. Первый реализуется в непосредственном поведении управомоченного субъекта гражданско-правового отношения. Второй — на основе координации управомоченным субъектом гражданского правоотношения действий компетентных третьих лиц по осуществлению контрольных функций. Основания правомочия субъекта являются позитивная цивилистическая норма либо взаимное соглашение субъектов гражданского правоотношения, включая установление возможности гражданско-правового контроля со стороны третьих лиц внутренними документами публичного общества.

Непосредственный контроль основан на принципе диспозитивности и представляет собой проявление свободной воли управомоченных субъектов гражд-

данского правоотношения, выраженное в форме целенаправленных действий по согласованию интересов и автономного поведения сторон на каждом этапе реализации субъективных прав и обязанностей участников правоотношения. Вся система гражданско-правовых договоров, регулирующих «горизонтальные отношения» участников гражданского оборота, основана на предписаниях частного права, оставляющих за участниками определенную свободу выбора по гражданско-правовому управлению деятельностью равных и независимых субъектов правоотношения и приведению ее в соответствие с интересами сторон. Одним из примеров является ст. 748 ГК РФ, согласно которой заказчик по договору строительного подряда вправе осуществлять контроль и надзор за ходом и качеством выполняемых работ, соблюдением сроков их выполнения (графика), качеством предоставленных подрядчиком материалов, а также правильностью использования материалов заказчика, не вмешиваясь при этом в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика.

Опосредованный контроль основан на такой разновидности способа гражданско-правового управления, как координация. Содержание опосредованного контроля составляют полномочия третьих лиц по согласованию деятельности субъектов гражданского правоотношения в процессе реализации указанными субъектами своей волей и в своем интересе гражданских прав. Однако в этой связи возникает противоречие между принципом недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные отношения и обязанностью исполнения подконтрольными лицами, то есть автономными субъектами гражданского правоотношения, контрольно-управленческих решений третьего лица — участника гражданского оборота. Полагаем, что существует лишь одно основание, соответствующее частной природе гражданско-правового метода регулирования, для разрешения данного противоречия. Вмешательство третьих лиц, участвующих в гражданском обороте, в деятельность субъектов гражданского правоотношения в целях осуществления контрольно-управленческих полномочий допустимо лишь при наличии взаимного, основанного на принципе свободы договора, согласия контролируемых субъектов указанного правоотношения.

Другой формой опосредованного контроля является соглашение стороны правоотношения и специально образованного участника гражданского оборота, компетентного осуществлять контрольную деятельность. Например, нормы ст. 749 ГК РФ предусматривают, что заказчик в целях осуществления контроля и надзора за строительством и принятия от его имени решений во взаимоотношениях с подрядчиком может заключить самостоятельно без согласия подрядчика договор об оказании услуг такого рода с соответствующим инженером (инженерной организацией).

Нормы о привлечении специальных субъектов гражданского оборота к осуществлению функций контроля в отношении субъектов частного права присутствуют в корпоративном законодательстве. Так, ст. 87.1 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. от 19 декабря 2022 г.)¹ возлагает на публичное общество обязанность по организации внутреннего контроля. В соответствии с п. 2 данной статьи, контрольные полномочия осуществляются в форме аудита и могут быть переданы иному юридическому

¹ См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 1; 2022. № 52, ст. 9349.

лицу, если такая возможность предусмотрена внутренними документами публичного общества.

Особого внимания требует вопрос стадийности гражданско-правового контроля. В предмет предварительного гражданско-правового контроля входят: определение фактических оснований предполагаемого обязательства, в том числе предмета и субъектного состава, выбор и анализ юридических норм, подлежащих применению, согласование интересов сторон с выработкой конкретных условий соглашения. Очевидно, что предварительный гражданско-правовой контроль возможен только по таким гражданско-правовым отношениям, основания которых, чтобы обладать правообразующей ролью, должны иметь взаимосвязь с иными юридическими фактами.

Вместе с тем по отношению, основанием которых являются абсолютные или относительные события либо юридические факты, обусловленные деятельностью органов государственной и местной власти и управления, либо деликтные отношения, возникновение которых не зависит от воли субъектов обязательства, предварительный гражданско-правовой контроль не может иметь место вследствие частноправовой специфики предмета контроля, охарактеризованной нами ранее.

При этом другие виды предварительного контроля, в основном публично-правового содержания, по данным категориям правоотношений вполне применимы. Примером выступает профилактический административный контроль в части мер пожарной безопасности, включая предупреждение ущерба имуществу, в том числе ведомственный пожарный контроль, установленный ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (в ред. от 29 декабря 2022 г. № 606-ФЗ)¹.

Механизм гражданско-правового контроля, содержание которого уже было проанализировано, распространяет свое действие не только на подготовительную, но и все последующие стадии гражданского правоотношения, охватывая возникновение, изменение и прекращение гражданско-правового обязательства. Ряд авторов обращают внимание на специфику реализации контрольных полномочий субъектами гражданского оборота на данных стадиях гражданского правоотношения, указывая на необходимость выделения не только стадии предварительного, но и текущего, а также последующего гражданско-правового контроля [9, с. 23].

При характеристике стадийности представляется методологически обоснованным исходить из единства механизма гражданско-правового контроля, правовая природа которого может быть раскрыта на основе цивилистической конструкции «обычных условий». В отличие от существенных обычные условия представляют собой нормы права или правила гражданского оборота, которые не оказывают никакого влияния на факт заключения договора. Однако, как отмечал О.С. Иоффе, «поскольку контрагенты согласились заключить данный договор, тем самым признается, что они выразили согласие подчиниться условиям, которые по закону распространяются на все договорные отношения данного вида, или на все договоры вообще» [10, с. 88].

Изложенное позволяет сформулировать основные признаки гражданско-правового контроля.

¹ См.: СЗ РФ. 1994. № 35, ст. 3649; 2023. № 1, ч. 1, ст. 53.

Срок правомочия по гражданско-правовому контролю предлагается подразделять на два этапа: основной и факультативный. Основной срок определяется моментом возникновения и прекращения правомочий сторон гражданского правоотношения. Факультативный имеет место при обнаружении скрытых недостатков предмета сделки и в самом общем виде определяется сроком исковой давности. Срок правомочий по внутреннему гражданско-правовому контролю в корпоративном праве определяется решением участников акционерного общества или периодом существования данного общества.

Гражданско-правовой контроль представляет собой специфическое взаимодействие, цель которого — установление соответствия деятельности субъектов достижению фактического результата, предусмотренного законом или договором.

Основанное на диспозитивном (восполнительном) праве распределение рисков — нормы о гражданско-правовом контроле закреплены в законе, но применяются, лишь когда стороны не выработали иного условия по вопросу взаимного контроля.

Гражданско-правовой контроль решает задачи устранения диспропорции во взаимном согласовании воли субъектов гражданского оборота относительно реализации имеющихся у данных субъектов интересов.

Средствами решения задач устранения диспропорции выступают определенные законом или соглашением сторон проверочные полномочия, реализуемые субъектом гражданского правоотношения непосредственно либо третьими лицами на основании поручения.

Относительно стадийности гражданско-правового контроля представляется правильным, что методологическое различие предварительного, текущего и последующего гражданско-правового контроля целесообразно лишь при характеристике эффективности средств гражданско-правового контроля в зависимости от того, по каким причинам субъекты обращаются или не обращаются к использованию этих средств на каждой стадии гражданского правоотношения.

В целом необходимо отметить, что гражданско-правовой контроль образует единый, основанный на гражданском праве или обычкновениях гражданского оборота, механизм реализации интересов субъектов гражданского правоотношения, основанный на реализации правомочий по выявлению и согласованию интересов субъектов на каждой стадии правоотношения, а также приведению в действие механизма защиты прав.

Библиографический список

1. *Тархов В.А., Рыбаков В.А.* Собственность и право собственности. 2-е изд. М.: Юрист, 2002. 248 с.
2. *Симонов А.Г.* Особенности внутреннего контроля при корпоративной форме ведения бизнеса // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 7. С. 191–194.
3. *Шиткина И.С.* Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление: науч.-практ. изд. М.: Волтерс Клувер, 2006. 615 с.
4. *Лекторский В.А.* Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления: сб. тр. / под ред. И.Т. Касавина, В.Н. Поруса. М.: Центр по изучению немецкой философии и социологии, 1999. 401 с.
5. *Батюк М.С.* Предварительный контроль в гражданско-правовом отношении // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2017. № 2(51). С. 102–106.

6. *Грабко О.В.* Гражданско-правовой контроль по российскому праву / под ред. И.П. Кожокаря. М.: Проспект, 2019. 151 с.
7. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 358 с.
8. *Иоффе О.С.* Избранные труды: в 3 т. М.: Пресс, 2004. Т. 3: Общее учение об обязательствах. 835 с.
9. *Крохина М.С.* Контрольные правомочия участников относительных гражданских правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2022. 26 с.
10. *Иоффе О.С.* Советское гражданское право. М.: Юрид. лит., 1967. 494 с.

References

1. *Tarkhov V.A., Rybakov V.A.* Property and the Right of Ownership. 2nd ed. M.: Lawyer, 2002. 248 p.
2. *Simonov A.G.* Features of Internal Control in the Corporate Form of Doing Business // Vector of Science of Togliatti State University. 2009. No. 7. P. 191–194.
3. *Shitkina I.S.* Holdings: Legal Regulation and Corporate governance: scientific and practical edition. M.: Volters Kluver, 2006. 615 p.
4. *Lectorsky V.A.* Scientific and Extra-Scientific Thinking: a Sliding Boundary // Reason and Existence: Analysis of Scientific and Extra-Scientific Forms of Thinking: Collection of works/ edited by I.T. Kasavin, V.N. Porus. M.: Center for the Study of German Philosophy and Sociology, 1999. 401 p.
5. *Batyuk M.S.* Preliminary Control in Civil Law Relation // Bulletin of Omsk University. Ser.:Law. 2017. No. 2 (51). P. 102–106.
6. *Grabko O.V.* Civil Law Control Under Russian Law/ edited by I.P.Kozhokar. M.: Prospect, 2019. 151 p.
7. *Alekseev S.S.* General Theory of Law: in 2 vol. M.: Legal lit., 1982. Vol. 2. 358 p.
8. *Ioffe O.S.* Selected works: in 3 vol. M.: Press, 2004. Vol. 3: The General Doctrine of obligations. 835 p.
9. *Krokhina M.S.* Control Powers of Participants in Relative Civil Legal Relations: extended abstract of dis. ... cand. of law. Vladivostok, 2022. 26 p.
10. *Ioffe O.S.* Soviet Civil Law. M.: Legal lit., 1967. 494 p.

М.А. Кондрашова

ПРАВО ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ НА ЗАЩИТУ ОТ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ КАК СПОСОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ И ИСПОЛНЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Введение: статья посвящена проблеме изучения способов осуществления семейных прав и исполнения обязанностей. Автором предпринята попытка проанализировать осуществление прав женщин и детей от домашнего насилия в контексте семейно-правового регулирования, в частности, рассмотреть данное право на защиту как способ осуществления семейных прав и исполнения обязанностей. **Цель** — изучить соотношение категорий «ответственность» и «исполнение обязанностей», «способ осуществления семейных прав и исполнения обязанностей», выявить несовершенства действующего семейного законодательства в вопросах защиты женщин и детей от домашнего насилия. **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, системный, формально-логический, сравнительно-правовой метод исследования. **Результаты:** сформулировано авторское определение категории «способ осуществления семейных прав и исполнения обязанностей». Обоснована необходимость назначения ребенку права на получение денежной компенсации от родителя, лишенного родительских прав по основанию применения к ребенку любого вида насилия, соразмерно причиненным страданиям. **Выводы:** права женщин на защиту от домашнего насилия осуществляются путем совершенствования действующего семейного законодательства, в частности введения новых правовых норм в Семейный кодекс РФ и доработки федерального закона, защищающего надлежащим образом жертв домашнего насилия.

Ключевые слова: семейное право, женщина, ребенок, домашнее насилие, ответственность, способы осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей, осуществление права на защиту.

М.А. Kondrashova

THE RIGHT OF WOMEN AND CHILDREN TO PROTECTION FROM DOMESTIC VIOLENCE AS A MEANS OF EXERCISING FAMILY RIGHTS AND FULFILLING FAMILY DUTIES

Background: the article is devoted to the problem of studying the ways of exercising family rights and fulfilling obligations. The author attempts to analyze the implementation of the rights of women and children from domestic violence in the context of family law regulation, in particular, to consider this right to protection as a way of exercising family rights and fulfilling duties. **Objective** — to study the correlation between the categories “responsibility” and “fulfillment of duties”, “the way of exercising family rights and fulfilling duties”, and to identify the imperfections of current family legis-

© Кондрашова Марина Андреевна, 2023

Старший преподаватель кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: m.a.kondrashova@mail.ru

© Kondrashova Marina Andreevna, 2023

Senior Lecturer of the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

lation in the protection of women and children from domestic violence. Methodology: dialectical method of scientific cognition, systematic, formal-logical, comparative-legal method of research. Results: the author's definition of the category "way of exercising family rights and fulfilment of obligations" is formulated. The necessity of assigning the child the right to receive monetary compensation from a parent deprived of parental rights on the grounds of the use of any kind of violence against the child, in proportion to the suffering caused. Conclusions: women's rights to protection from domestic violence are being realized by improving existing family legislation, in particular by introducing new legal norms in the Family Code of the Russian Federation and finalizing a federal law that adequately protects victims of domestic violence.

Keywords: family law, woman, child, domestic violence, responsibility, ways of exercising family rights and fulfilling family responsibilities, exercising the right to protection.

В соответствии с Конституцией РФ каждый гражданин имеет право на жизнь и никто не должен подвергаться любому виду насилия, а также жестокому или унижающее человеческое достоинство обращению. Отметим, что каждая вторая женщина в России (случается, что и вместе с детьми) подвергается истязаниям, побоям и жестокому обращению со стороны супруга. В данной ситуации женщина остается наедине со своей проблемой, что в большинстве случаев приводит к суициду, так как ни со стороны правоохранительных органов, ни со стороны законодательного урегулирования она не получает своевременной защиты. Несмотря на существующие санкции уголовного и административного характера, нужно признать, что в России отсутствует должная законодательная система защиты женщин и детей от домашнего насилия. К сожалению, по данной категории дел нельзя привести официальную статистику, поскольку каждая пятая жертва домашнего насилия никому об этом не рассказывает, а в полицию обращается только одна из десяти.

На протяжении многих лет на законодательном уровне не были закреплены условия, максимально защищающие женщин, которые порой живут в страхе из-за жестокого обращения или посягательств на их физическую неприкосновенность со стороны супругов. Для выявления осуществления права женщин и детей на защиту от домашнего насилия в контексте семейно-правового регулирования предлагаем рассмотреть данное право как способ осуществления семейных прав и исполнения обязанностей. В настоящее время данный вопрос до конца не изучен, невзирая на декриминализацию побоев, впервые причиненных близкими людьми и не влекущих уголовно-правовые последствия, в разряд административных правонарушений (2017 г.). Говорить о семейно-правовом регулировании данного вопроса не приходится, так как данная проблема учеными не поднималась. Однако на федеральном уровне предпринималась попытка законодательного урегулирования для защиты жертв домашнего насилия в виде законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия», который до сих пор находится на стадии доработки.

Действующее российское семейное законодательство не содержит ни одной правовой нормы, защищающей супругу от жестокого обращения своего законного супруга. Но так как в настоящей работе мы делаем акцент на женщинах, ставших жертвами домашнего насилия, вне зависимости от их семейного статуса, нами была предпринята попытка проанализировать осуществление права на защиту от домашнего насилия с научной точки зрения, исследовав для этого

взаимосвязь осуществления права и исполнения обязанностей, рассматривая соотношение категорий «ответственность» и «исполнение обязанности», а также дефиницию «способ осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей».

Категория «способ осуществления права и исполнения обязанностей» в юридической литературе исследовалась многими учеными-правоведами, такими как Е.В. Вавилин, Н.А. Дмитрик, В.В. Долинская, В.В. Копейчиков, С.Т. Максименко, А.А. Малиновский, Н.И. Матузов, Ю.А. Федорова и многими другими теоретиками, проявляющими интерес к данному правовому термину. При рассмотрении данной дефиниции ученые не могли не затронуть такие понятия, как «субъективное право», «осуществление субъективного права», «субъективная обязанность» и «исполнение обязанности», находящиеся в тесной взаимосвязи. Многие ученые концентрируют внимание на взаимоотношениях более динамического характера осуществления прав и исполнения обязанностей [1, с. 152], указывая на то, что «оба эти процесса в своем единстве характеризуют динамику права» [2, с. 4].

Нельзя не отметить и тот факт, что осуществление семейных прав и исполнение семейных обязанностей ненадлежащими способами влечет за собой применение мер семейно-правовой ответственности. В цивилистической науке можно встретить точки зрения, отождествляющие понятие «ответственность» и «исполнение обязанности», что нередко приводит к смешению данных понятий и порождает не всегда верные выводы. В.А. Тархов, занимаясь исследованием дефиниции «ответственность», представлял необходимым сопоставить ее с понятием «обязанность», в итоге определял ответственность как «обязанность, которой будет подкрепляться сама ответственность» [3, с. 49]. Он считал ответственность обязанностью предоставить отчет о своей деятельности [4, с. 275; 5, с. 8]. Обязанное лицо должно было держать отчет с момента возникновения правоотношения вне зависимости от правомерности поведения. Подобную точку зрения можно встретить и в работе В.А. Рыбакова, считающего ответственность обязанностью субъекта по наделению права давать отчет о своих действиях по своевременному и надлежащему исполнению своих обязанностей [6, с. 127]. С точки зрения ученых, исследовавших позитивную ответственность, данную дефиницию следует изучать либо через обязанность надлежащего исполнения, либо через обязанность о предоставлении отчета о своих действиях. Согласимся с мнением О.А. Шемчук, указывающей, что такое соотношение понятий ответственности и обязанности признается не всеми учеными, а мнения иных ученых о недопустимости близкого сравнения понятия ответственности с исполнением обязанности являются абсолютно верными, ведь исполнение обязанности — это область правомерного поведения, а когда мы говорим об ответственности, то не должны забывать о том, что в первую очередь за неправомерное поведение и ненадлежащее исполнение своих обязанностей лицо будет привлекаться к ответственности [7, с. 25].

Хотелось бы подчеркнуть, что в науке семейного права субъективные права и субъективные обязанности осуществляются и исполняются всеми допустимыми способами, предусмотренными действующим законодательством. Поскольку доктриной семейного права не выработан понятийный аппарат, касающийся

способа осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей, рассмотрим его с научных позиций и попытаемся сформулировать авторское определение.

Как отмечал А. А. Малиновский, данная категория является объединяющим элементом потенциальной возможности для удовлетворения определенных потребностей лица и уже удовлетворенной потребности, которая и становится целью самого субъективного права [8, с. 48].

По мнению Ю. А. Федоровой, способ осуществления права можно охарактеризовать как реализацию объединенных возможностей по выполнению своих собственных действий лицом, управомоченным на эти действия с потенциальной возможностью права требовать исполнения субъективных обязанностей другими субъектами правоотношения. Автор, исследуя проблему осуществления прав и исполнения обязанностей и характеризуя способы осуществления и исполнения, указывает на то, что право, принадлежащее лицу и определяющее его юридические возможности, не будет показывать, каким образом субъект планирует его реализовывать. Получается, что субъект сам определяет, каким образом и в какой форме, исходя из своего желания, он будет распоряжаться своим субъективным правом [9, с. 24].

На наш взгляд, способы осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей следует проанализировать, опираясь на исследования видных ученых-правоведов, тем самым придавая немаловажное значение указанной фундаментальной категории в области семейного права. Из этого следует, что способы осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей для субъектов семейных правоотношений подразумевают те действия и всевозможные модели поведения, которые несмотря на то, что не всегда закреплены в нормах права, но должным образом соответствуют законодательному урегулированию и защищают остальных участников для достижения определенного результата.

Ранее мы отмечали, что семейно-правовое регулирование проблемы осуществления прав женщин и детей на защиту от домашнего насилия не рассматривалась и в контексте способов осуществления права и исполнения обязанностей. Рассмотрим осуществление права на защиту от домашнего насилия для женщин и детей как один из способов осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей. В отношении детей в российском семейном законодательстве закреплены определенные виды семейно-правовой ответственности (лишение или ограничение родительских прав), на практике, к сожалению, не всегда удается лишить или ограничить родителя, применявшего к ребенку жесткие меры воспитания, из-за боязни самой женщины быть подвергнутой насилию. Отметим, что в таких случаях женщина с ребенком предпочтет сбежать от агрессора в кризисный центр.

Выделим также тот факт, что семья всегда являлась объектом государственной семейной политики, поэтому осуществление права на защиту от домашнего насилия будет соответствовать такому принципу семейного права, как принцип обязательной государственной поддержки семьи, материнства и отцовства. Обратим внимание на то, что с 15 марта 2022 г., когда Россия вышла из Совета Европы, из российского законодательства было исключено положение о господстве постановлений ЕСЧП над решениями российских судов. В настоящее время на федеральном уровне Распоряжением Правительства РФ утверждена Нацио-

нальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы¹, в которой определены основные направления государственной политики в отношении женщин (обеспечение принципа равенства прав и свобод мужчин и женщин). Для достижения целей Стратегии обозначены основные направления деятельности, среди которых реализация направления «Профилактика социального неблагополучия женщин», включающая решение определенных задач, одной из которых является совершенствование законодательства РФ в сфере профилактики насилия в отношении женщин, в том числе насилия в семье, для создания юридических механизмов защиты женщин от различных видов домашнего насилия.

Из анализа правоприменительной практики становится ясно, что правоохранительные органы недостаточно серьезно относятся к случаям домашнего насилия, для этого достаточно вспомнить громкие дела Маргариты Грачевой², которой муж отрубил кисти рук, и Валерии Володиной³, которая была вынуждена уехать из России именно из-за бездействия правоохранительных органов. Многие случаи домашнего насилия служат плачевным примером реализации правоохранительными органами защиты жертв семейной тираннии. Данная практика сложилась ввиду того, что органы полиции не могут надлежащим образом обеспечить сохранение жизни, так как побои являются сферой частного обвинения, когда потерпевшая сама вынуждена идти в суд и доказывать факт насилия, поэтому с позиции семейного права законодательно закрепленная защита отсутствует.

Следует обратить внимание и на масштаб домашнего насилия во время пандемии COVID-19, которая поставила женщин в еще более уязвимое положение. Так, по приведенным исследованиям консорциума женских неправительственных объединений, доля погибших от домашнего насилия женщин в России значительно выросла за два коронавирусных года и составила 70,9 и 71,7 % в 2020 и 2021 г. соответственно⁴.

Адвокат М.Д. Давтян, являющаяся одновременно руководителем Центра защиты пострадавших от домашнего насилия и автором законопроекта о домашнем насилии, также отмечала, что на законодательном уровне поддержки у женщин, которых регулярно избивают и грозятся убить, в России нет, несмотря на существующие убежища, различного рода кризисные центры, горячие линии и т.п. Женщины и дети продолжают сталкиваться со многими видами насилия: психологическим, сексуальным, физическим и экономическим. Отметим, что именно осуществление права на защиту от всех видов домашнего насилия будет являться одной из форм достижения гендерного равенства, обеспечив женщинам и детям базовое право — право на жизнь.

Опыт адвокатской деятельности М.Д. Давтян позволяет говорить о том, что не всегда к агрессору-отцу суд применяет одну из самых жестких мер семейно-

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы» // СЗ РФ. 2023. № 1, ч. 3, ст. 477.

² См.: «Не будешь моей — будешь инвалидом». Он отрубил своей жене руки и сломал ей жизнь. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/11/15/hands/> (дата обращения: 30.05.2023).

³ См.: Володина против Российской Федерации. URL: https://vogazeta.ru/articles/2019/7/16/protection/8528-volodina_protiv_rossiyskoj_federatsii (дата обращения: 30.05.2023).

⁴ См.: «Он говорил ей, что у него нет терпения»: во время пандемии более 70 % убитых женщин погибли от домашнего насилия. URL: <https://wcons.net/novosti/on-govoril-nej-hto-u-nego-net-terpenija-vo-vremja-pandemii-bolee-70-ubityh-zhenshhin-pogibli-ot-domashnego-nasilija/> (дата обращения: 30.05.2023).

правовой ответственности — лишение родительских прав. Показателен пример, когда отец похитил несовершеннолетнего ребенка, совершал в отношении него насильственные действия сексуального характера (насиловал на территории другого государства) и присылал видео матери ребенка. При обращении матери этого ребенка в полицию и Следственный комитет сотрудники ведомств отказывались принимать заявление, ссылаясь на то, что преступление совершено на территории другого государства. Тем не менее уголовное дело было возбуждено. В ходе судебного процесса выяснилось, что гражданин психически болен. В итоге подсудимый был помещен в психиатрическую клинику. Говоря о семейно-правовой ответственности, в данном случае имеется прямое основание для лишения родительских прав, но суд первой инстанции отказался лишать его указанных прав, поскольку органы опеки и попечительства выступили в его поддержку, основываясь на факте его невменяемости. Вынося решение, суд, видимо, не учел психологическую травму, нанесенную названным гражданином своему ребенку. Однако решение апелляционной инстанции было положительным, так как адвокат смогла доказать и объяснить, что в будущем этот ребенок по определенным причинам никогда не сможет общаться со своим отцом.

Другой пример, когда отец на протяжении 15 лет применял к дочери и ее матери физическое насилие с элементами пытки — избивал их ремнем до шрамов на спине, которые остались на всю жизнь. В данном случае, учитывая многолетнее насилие, он должен нести не только уголовное наказание, но и быть лишены родительских прав¹.

В обеих ситуациях мы видим, что от физического и сексуального насилия пострадали дети. На наш взгляд, необходимо внести изменение в действующее семейное законодательство: помимо применения санкций семейно-правовой ответственности в виде лишения родительских прав необходимо наделить ребенка правом на получение денежной компенсации в виде ежемесячной пожизненной выплаты от родителя, лишено родительских прав по основанию применения к ребенку любого вида насилия, соразмерно причиненным страданиям. Таким образом, данный родитель будет возмещать моральный и физический вред, причиненный здоровью ребенка. При недостижении ребенком совершеннолетия данным правом на предъявление указанного требования может обладать законный представитель ребенка, открыв специальный счет на его имя.

В целях устранения пробелов действующего семейного законодательства в вопросах осуществления права на защиту от домашнего насилия для женщин и детей предлагаем дополнить его, закрепив на законодательном уровне компенсационный характер выплат для детей — жертв домашнего насилия. Необходимо расширить механизмы поддержки женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, путем развития сети центров социальной адаптации для их проживания. Дополнить Семейный кодекс РФ гл. 9.1 «Ответственность супругов за применение домашнего насилия», где одним из правовых положений будет выступать норма следующего содержания: «Супруга (супруг), подвергшаяся (ийся) различным видам домашнего насилия, вправе требовать от супруга (супруги) ежемесячной компенсации причиненного ей (ему) материального и морального

¹См.: Адвокат Мари Давтян: «Из-за угроз мой муж встречал нас с подзащитной после суда». Почему защищать жертв насилия трудно, а закон все еще не принят. URL: <https://www.ppravmir.ru/advokat-mari-davtyan-iz-za-ugroz-moj-muzh-vstrechal-nas-s-podzashhitnoj-posle-suda/> (дата обращения: 30.05.2023).

вреда по правилам, предусмотренным гражданским законодательством». Поскольку СК РФ регулируются только зарегистрированные отношения, считаем необходимым разработать и принять федеральный закон, защищающий от домашнего насилия женщин, состоящих в отношениях без регистрации брака.

Библиографический список

1. *Вавилин Е.В.* Способы осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // Актуальные проблемы частного правового регулирования: матер. Всерос. III науч. конфер. молодых ученых (Самара, 25–26 апреля 2003 г.). Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2003. С. 152–154.
2. *Максименко С.Т.* Осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1970. С. 17.
3. *Тархов В.А.* Избранные труды. М.: Юрист, 2008. 631 с.
4. *Тархов В.А.* Гражданское право: общая часть. Уфа: Уфим. юрид. ин-т МВД, 1998. 330 с.
5. *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. 456 с.
6. *Рыбаков В.А.* Проблемы формирования гражданско-правовой активности. Вопросы теории и практики. Уфа: Изд-во Уфим. ВШ МВД России, 1993. 171 с.
7. *Шемчук О.А.* О разграничении гражданско-правовой обязанности и гражданско-правовой ответственности // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 4. С. 25.
8. *Малиновский А.А.* Способы осуществления права // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 48–55.
9. *Федорова Ю.А.* Осуществление гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей в сфере интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность в Беларуси. 2012. № 3. С. 23–27; № 4. С. 26–28.

References

1. *Vavilin E.V.* Ways of Exercising Civil Rights and Fulfilling Duties // Actual Problems of Private Law Regulation: materials of the All-Russian Third Scientific Conference of Young Scientists. Samara: Samara University Publishing House, 2003. P. 152–154.
2. *Maksimenko S.T.* Exercise of Civil Rights and Performance of Duties: extended abstract of diss...cand. of law. Saratov, 1970. P. 17.
3. *Tarkhov V.A.* Selected works. M.: Lawyer, 2008. 631 p.
4. *Tarkhov V.A.* Civil Law: general part. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, 1998. 330 p.
5. *Tarkhov V.A.* Responsibility Under Soviet Civil Law. Saratov: Saratov University Publishing House, 1973. 456 p.
6. *Rybakov V.A.* Problems of Formation of Civil-Legal Activity. Questions of Theory and Practice. Ufa: Publishing House of the Ufa Higher School of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1993. 171 p.
7. *Shemchuk O.A.* On the Distinction Between Civil Law Duty and Civil Law Liability // Proceedings of the Irkutsk State Academy of Economics. 2012. No. 4. P. 25.
8. *Malinovsky A.A.* Ways of Exercising Law // Journal of Russian Law. 2007. No. 3. P. 48–55.
9. *Fedorova Yu.A.* The Exercise of Civil Rights and the Performance of Civil Duties in the Field of Intellectual Property // Intellectual property in Belarus. 2012. No. 3. P. 23–27; No. 4. P. 26–28.

СТАНОВЛЕНИЕ САРАТОВСКОЙ ШКОЛЫ ИСТОРИКОВ ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2023-5-147-151

УДК 34.096

С.В. Ворошилова

СЕРАФИМ ВЛАДИМИРОВИЧ ЮШКОВ В САРАТОВЕ: ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ

Введение: в статье рассматриваются основные научные теории, представленные С.В. Юшковым в своих работах, опубликованных в Саратове (1918–1926). **Цель** — выявить научные концепции, сформулированные С.В. Юшковым в первых научных публикациях и получившие дальнейшее развитие в советской историографии. **Методологическая основа:** использовались как общенаучные, так и специальные методы исследования, среди которых анализ, синтез, формально-юридический, историко-правовой и др. **Результаты:** выявлено значение трудов С.В. Юшкова в становлении советской историко-правовой науки. Определен вклад ученого в создание юридического источниковедения. **Выводы:** основным направлением научной деятельности С.В. Юшкова в период его нахождения в Саратове являлось изучение юридических памятников Древнерусского государства. Осуществляя тщательный археографический и текстологический анализ первоисточников, С.В. Юшков реконструирует первоначальные тексты документов, доказывая национальный характер древних памятников русского права.

Ключевые слова: С.В. Юшков, историко-правовая наука, Саратов, Древняя Русь, Устав князя Владимира, Судебник 1497 г.

S. V. Voroshilova

SERAFIM VLADIMIROVICH YUSHKOV IN SARATOV: FORMATION OF SCIENTIFIC VIEWS

Background: the article considers the main scientific theories presented by S.V. Yushkov in his works published in Saratov (1918–1926). **Objective** — to identify scientific concepts formulated by S.V. Yushkov in his first scientific publications and further developed in Soviet historiography. **Methodology:** both general scientific and special research methods were used, including analysis, synthesis, formal-legal, historical-legal, etc. **Results:** the significance of S.V. Yushkov's works in the formation of Soviet historical and legal science is revealed. The contribution of the scientist to the creation of legal source studies is determined. **Conclusions:** the main direction of S.V. Yushkov's scientific activity during his stay in Saratov was the study of the legal monuments of the Ancient

© Ворошилова Светлана Вячеславовна, 2023

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: voroshilova-s-v@mail.ru

© Voroshilova Svetlana Vyacheslavovna, 2023

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)

Russian state. Carrying out a thorough archeographic and textual analysis of the primary sources, S.V. Yushkov reconstructs the original texts of documents, proving the national character of ancient monuments of Russian law.

Keywords: *S.V. Yushkov, historical and legal science, Saratov, Ancient Russia, the Charter of Prince Vladimir, Sudebnik 1497.*

Отмечая 135-летие со дня рождения основоположника науки истории государства и права в России Серафима Владимировича Юшкова и перечитывая его работы, изданные в 20-х гг. XX в., поражаешься широте и разносторонности его научных интересов. Можно согласиться с метким замечанием академика Л.В. Черепнина о том, что С.В. Юшков являлся ученым большой культуры, обладавшим смелостью и новаторством, гармонично сочетавшим два качества исследователя — кропотливый и глубокий источниковедческий анализ памятников прошлого и умение теоретически осмыслить материал, построить на его основе концепцию исторического процесса в определенный период [1, с. 293].

Научное наследие С.В. Юшкова насчитывает более 100 работ, опубликованных в Москве, Ленинграде, Саратове, Свердловске, Киеве и других городах ближнего и дальнего зарубежья, но именно в Саратове, где ученый жил и работал с конца 1918 по 1926 г., происходило формирование его научных взглядов и основание научных концепций. И хотя его первые работы были опубликованы в Саратове малым тиражом на плохой бумаге в условиях отсутствия редактуры, тем не менее именно в них автор проявляет себя как серьезный исследователь, занимавшийся глубоким источниковедческим анализом юридических памятников Древней Руси.

Следует отметить, что в Саратове С.В. Юшков осуществлял не только научно-педагогическую, но и вел активную общественно-политическую деятельность, в разные годы занимая должности профессора кафедры истории русского права, а затем декана факультета общественных наук в Саратовском государственном университете, ректора Саратовского института народного образования и Саратовского института народного хозяйства. С 1921 по 1926 г. С.В. Юшков являлся членом Саратовского Совета рабочих и крестьянских депутатов [2, с. 7–8], что, безусловно, сказалось на его мировоззрении и методологических подходах. В условиях идеологического противостояния последователей дореволюционной историографии и представителей марксистско-ленинского учения, С.В. Юшков создает теоретическую основу новой дисциплины — истории государства и права СССР, предложив принять в качестве критерия научной периодизации истории государства и права формационную концепцию, что расходилось со взглядами В.И. Сергеевича, М.Ф. Владимирского-Буданова, Н.А. Рожкова [3, с. 8].

Первые работы С.В. Юшкова, созданные и опубликованные в Саратове, посвящены источникам древнерусского права, а также правовому положению различных категорий населения феодального государства [4–7]. Так, в небольшой брошюре «К истории древнерусских юридических сборников (XIII в.)» автор подчеркивает актуальность изучения памятников права Древней Руси в силу их неизученности в историко-юридической литературе [2, с. 30]. Рассматривая различные редакции церковных уставов князей Владимира и Ярослава и Правило Законное, С.В. Юшков убеждается в существовании данных юридических сборников уже в XIII в. вопреки мнению дореволюционных авторов. Тщатель-

ный текстологический анализ древних памятников права позволил автору убедительно сформулировать выводы, получившие дальнейшее подтверждение в последующих работах С. В. Юшкова и его учеников, о взаимообусловленности церковной и княжеской юрисдикции, а также о том, что Правило Законное является компиляцией из различных памятников [2, с. 185].

Являясь выпускником юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета и прослушав лекции на историко-филологическом факультете, С. В. Юшков находился под значительным влиянием своего учителя, известного специалиста в области истории церковного права профессора В. Н. Бенешевича¹. Творчески развивая полученные знания, молодой ученый С. В. Юшков демонстрировал широту научного кругозора и смелость научного мышления, вступая в полемику с известными историками и правоведами. Так, в своей работе «К вопросу о смердах», изданной в Ученых записках Саратовского университета в 1923 г., осуществляя подробный историографический анализ проблемы правовой природы смердов, С. В. Юшков подвергает аргументированной критике позицию В. И. Сергеевича о том, что смерды представляют все население Древней Руси за исключением князя и представителей высшего духовенства [5, с. 49]. Анализируя древние летописи, ученый утверждает, что юридическое положение смердов не являлось общим для всего населения, кроме того, использование термина «смерды» при обозначении всего сельского населения неизбежно привело бы, по мнению С. В. Юшкова, к его сохранению в течение длительного периода, а не бесследному исчезновению [5, с. 50–52]. Позиция С. В. Юшкова о том, что смерды — это отдельная категория сельского населения, существенно ограниченная в правоспособности и дееспособности, а также в личной свободе, получила дальнейшее развитие в его более поздних работах [9].

В 1925 г. выходит исследование, посвященное Уставу князя Владимира — важнейшему памятнику права Древней Руси [8]. Характеризуя эту работу, можно согласиться с мнением Б. В. Виленского, отмечавшего, что «впервые в отечественной исторической литературе так обстоятельно анализировались взгляды на Устав князя Владимира со времени опубликования его Е. Герберштейном в 1549 г. на латинском языке» [10, с. 12]. Действительно, уже в первых публикациях С. В. Юшкова, изданных в Саратове, присутствует обстоятельный историографический обзор, на основе которого автор осуществляет источниковедческий анализ.

Выясняя происхождение Устава князя Владимира и вступая в дискуссию с Н. М. Карамзиным, Е. Е. Голубинским и Н. С. Суворовым о принадлежности этого документа древнерусскому периоду, С. В. Юшков соглашается с мнением К. А. Неволлина, Н. В. Калачова, М. Н. Погодина и других ученых XIX в. о подлинности и национальном характере данного памятника, определяя время его создания началом XIII в. [2, с. 134]. Благодаря тщательному археографическому и текстологическому анализу многочисленных списков Устава князя Владимира, сопоставлению данных списков с упоминаниями памятника в летописях, ученому удалось реконструировать первоначальный текст Устава, предложить собственную классификацию его основных редакций и выступить с аргументированной критикой авторов, утверждавших о католическом влиянии. Таким

¹ Признательность своему учителю С. В. Юшков выражает в предисловии к своей работе «Исследования по истории русского права» [8].

образом, С. В. Юшков поставил точку в почти столетней полемике о подлинности и национальном характере Устава князя Владимира, что способствовало его дальнейшему изучению в историко-правовой литературе.

В последний год своего пребывания в Саратове С. В. Юшков публикует статью, посвященную Судебнику Ивана III, отмечая, что этот памятник, ставший результатом первого опыта кодификации в Московском государстве, практически не изучен в советской историографии, «ему не посвящено не только какого-либо крупного исследования, но даже мелкой журнальной заметки» [7, с. 2]. Опираясь на мнения М. Ф. Владимирского-Буданова, И. Д. Беляева, Н. П. Загоскина, Ф. М. Дмитриева, В. Н. Латкина и других дореволюционных авторов, С. В. Юшков исследует происхождение Судебника, его источники и историческое значение. Так, выявляя причины создания Судебника, автор прежде всего отмечает утрату значения к XV в. Русской Правды, которая перестает включаться в различные юридические сборники, составлявшиеся для правоприменения. Наличие обширного нормативного материала в виде уставных грамот наместничьего управления, а также грамот, особых указов, наказов и инструкций, издававшихся Московским правительством и регулировавших вопросы суда и управления, требовали, как метко заметил С. В. Юшков, «сводки и обработки его в одном кодексе права» [7, с. 13].

Рассматривая вопрос об источниках Судебника 1497 г., автор исследует статьи уставных грамот, Псковской судной грамоты, Русской Правды, а также нормы обычного права и материалы судебной практики, выдвигая предположение о существовании до Судебника Сборника Московского процессуального права. Тщательно сопоставив содержание Судебника 1497 г. и нормативного материала предшествующего периода, С. В. Юшков возражает М. Ф. Владимирскому-Буданову, считавшему основным источником Судебника уставные грамоты, М. А. Дьяконову, утверждавшему, что в основе Судебника лежат Псковская судная грамота и Русская Правда, и И. Д. Беляеву, заявлявшему об особой роли обычного права и о рецепции псковского и новгородского права [7, с. 44–45]. По мнению С. В. Юшкова, только в 27 статьях Судебника 1497 г. можно найти следы заимствования из предшествующих нормативных правовых актов, причем составители Судебника, пишет автор, «тщательно приспособляли» заимствованные нормы к сложившемуся московскому правосознанию и к московскому юридическому быту [7, с. 45]. Вывод автора о том, что Судебник 1497 г. является важным в истории русского права памятником, отражавшим черты нового экономического и социально-политического строя, закрепившим новую судебную систему и новые институты уголовного и процессуального права, был поддержан советскими и современными исследователями.

Подводя итог можно констатировать, что уже в своих первых работах, опубликованных в Саратове, С. В. Юшков проявил себя талантливым и смелым ученым, посвятившим свою научную деятельность изучению древнерусских памятников права. Работая в архивах и восстанавливая первоначальные варианты древних документов, он детально и тщательно анализировал тексты первоисточников, уделяя значительное внимание вопросам влияния на законодательные акты социально-экономического и политического развития государства. Создавая свои научные труды, Серафим Владимирович последовательно отстаивал само-

бытний, национальный характер отечественных источников права, а также высокий уровень правового развития Древней Руси, что опровергало концепцию историков-норманистов об отсталости восточных славян.

Библиографический список

1. *Черепнин Л.В.* Отечественные историки XVIII–XX вв. М.: Наука, 1984. 343 с.
2. Труды выдающихся юристов. С.В. Юшков. М.: Юрид. лит., 1989. 464 с.
3. *Клеандрова В.М., Чистяков О.И.* Серафим Владимирович Юшков и его «Русская правда» / С.В. Юшков. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М.: Зерцало-М, 2002. 400 с.
4. *Юшков С.В.* К истории древнерусских юридических сборников (XIII в.). Саратов: Госиздат, 1921. 27 с.
5. *Юшков С.В.* К вопросу о смердах // Ученые записки Саратовского университета. 1923. Т. 1, вып. 4. С. 46–82.
6. *Юшков С.В.* Феодалные отношения и Киевская Русь. Саратов: б.и., 1925. 108 с.
7. *Юшков С.В.* Судебник 1497 года (к внешней истории памятника) // Ученые записки Саратовского университета. 1926. Т. 5, вып. 3. С. 1–46.
8. *Юшков С.В.* Исследования по истории русского права. Вып. 1. Устав кн. Владимира (историко-юридическое исследование). Саратов; Новоузенск: б.и., 1925–1926. 151 с.
9. *Юшков С.В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М.: Зерцало-М, 2002. 400 с.
10. *Виленский Б.В.* Из истории Саратовского юридического института и научная деятельность С.В. Юшкова в Саратове // Актуальные проблемы историко-правовой науки: межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. Вып. 3: История государственных учреждений, правовых институтов и политических воззрений. С. 3–19.

References

1. *Cherepnin L.V.* Domestic Historians of the XVIII–XX Centuries. M.: Science, 1984. 343 p.
2. Works of Outstanding Lawyers. S.V. Yushkov. M.: Legal lit., 1989. 464 p.
3. *Kleandrova V.M., Chistyakov O.I.* Serafim Vladimirovich Yushkov and His “Russian Truth” / Yushkov S.V. Russian Truth. Origin, Sources, Its Meaning. M.: Zertsalo-M, 2002. 400 p.
4. *Yushkov S.V.* On the History of Ancient Russian Legal Collections (XIII century). Saratov: Gosizdat, 1921. 27 p.
5. *Yushkov S.V.* On the Question of the Smerds // Scientific Notes of the Saratov University. 1923. Vol. I, Iss. 4. P. 46–82.
6. *Yushkov S.V.* Feudal Relations and Kiev Rus. Saratov: b.i., 1925. 108 p.
7. *Yushkov S.V.* The Judgment Book of 1497 (to the External History of the Monument) // Scientific notes of the Saratov University. 1926. Vol. V, Iss. 3. P. 1–46.
8. *Yushkov S.V.* Research on the History of Russian Law. Iss. 1. The Statute of Prince Vladimir (Historical and Legal Study). Saratov; Novouzensk: b.i., 1925–1926. 151 p.
9. *Yushkov S.V.* Russian Truth. Origin, Sources, Its Meaning. M.: Zertsalo-M, 2002. 400 p.
10. *Vilensky B.V.* From the history of the Saratov Legal Institute and Scientific Activity of S. V. Yushkov in Saratov // Actual Problems of Historical and Legal Science: interuniversity scientific collection. Saratov: Publishing house of the Saratov University. 1988. Iss. 3. The History of State Institutions, Legal Institutions and Political Views. P. 3–19.

М.В. Немытина

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА Б.В. ВИЛЕНСКОГО (1923–1991)

Введение: в настоящей статье представлены факты из биографии и информация о научном творчестве профессора Б.В. Виленского, деятельность которого с 1952 по 1991 г. была связана с Саратовским юридическим институтом имени Д.И. Курского (ныне — Саратовская государственная юридическая академия). В 1966 г. Б.В. Виленский защитил диссертацию на тему «Судебная реформа и контрреформа в России» и получил степень доктора юридических наук. В 1969 г. он стал заведующим вновь созданной кафедры истории государства и права и возглавлял ее до 1984 г. Коллектив кафедры разрабатывал проблемы государственно-правового развития дореволюционной России и становления советской власти. **Цель** — привлечь внимание к памятным датам, включая юбилеи выдающихся ученых, таких, например, как профессор Б.В. Виленский. **Методологическая основа:** принцип историзма, диахронный сравнительно-правовой подход, антропологический подход, консервативная, либеральная, революционно-демократическая идеология и марксистско-ленинская методология. **Результаты:** на примере научно-педагогического творчества профессора Б.В. Виленского показаны тенденции развития отечественного правоведения. **Вывод:** монографические исследования профессора Б.В. Виленского по судебной реформе 1864 г. не утрачивают актуальности и сегодня, способствуя освоению этой проблематики новыми поколениями российских юристов как позитивного примера трансформации государственно-правовой сферы России.

Ключевые слова: Борис Вениаминович Виленский, Саратовский юридический институт имени Д.И. Курского, кафедра истории государства и права, научная школа по истории государства и права, судебная реформа 1864 г.

M. V. Nemytina

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PROFESSOR B. V. VILENSKY (1923–1991)

Background: this article presents facts from the biography and information about the research activities of Prof. B.V. Vilensky, whose scientific and pedagogical activity was associated with the Saratov Law Institute named after D.I. Kursky (now the Saratov State Law Academy) from 1952 to 1991. In 1966 Prof. B.V. Vilensky defended his dissertation on the topic “Judicial Reform and Counter-Reform in Russia” and received the degree of Doctor of Law. In 1969 he became the head of the newly created Department of History of State and Law and headed it until 1984. The staff of the Department developed the problems of state-legal development of pre-revolutionary Russia and the formation of Soviet power. **Objective** — to draw attention to memorable dates, including anniversaries of outstanding scientists, such as Prof. B.V. Vilensky. **Meth-**

© Немытина Марина Викторовна, 2023

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы); e-mail: nemytina-mv@rudn.ru

© Nemytina Marina Victorovna, 2023

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba)

odology: the principle of historicism, the diachronic comparative-legal approach, the anthropological approach, the conservative, liberal, revolutionary-democratic ideology and the marxist-leninist methodology. Results: using the example of scientific and pedagogical creativity of Professor B.V. Vilensky the tendencies of development of domestic jurisprudence are shown. Conclusions: Professor B.V. Vilensky's monographic research on the judicial reform of 1864 is still relevant today, contributing to the mastery of this issue by new generations of Russian lawyers as a positive example of the transformation of the state-legal sphere in Russia.

Keywords: Boris Veniaminovich Vilensky, Saratov Law Institute named after D.I. Kursky, Department of History of State and Law, scientific school in History of State and Law, judicial reform of 1864.

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения доктора юридических наук, профессор Бориса Вениаминовича Виленского, с именем которого связано развитие историко-правовой науки и создание научной школы по данному направлению в Саратовском юридическом институте имени Д. И. Курского (ныне — Саратовская государственная юридическая академия).

Б.В. Виленский прожил жизнь, насыщенную яркими событиями. Его жизненный путь в целом отражает судьбу того поколения наших ученых, которые со студенческой скамьи пошли на фронт, а вернувшись после окончания войны в вузы и завершив образование, пришли в науку с особым восприятием жизни, огромной жаждой знаний и невероятной потребностью в созидательном творчестве.

Б.В. Виленский родился 1 января 1923 г. на Украине, в небольшом городке Житомирской области, в семье служащих. В школу он пошел с шести лет. Окончив школу, в 1939 г. поступил на юридический факультет Киевского государственного университета, где проучился два года. С началом Великой Отечественной войны он вместе со всеми студентами был мобилизован на оборонительные работы. Позже, отыскав родителей, эвакуированных в Кировскую область, трудился на картонной фабрике. В мае 1942 г. Б.В. Виленский стал курсантом Львовского военного училища, дислоцировавшегося в то время в г. Кирове. В ноябре 1943 г. в звании лейтенанта он был направлен в действующую армию. В составе Второго Украинского фронта он, офицер-артиллерист, прошел боевой путь, который завершился в мае 1945 г. под Будапештом. Был награжден орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды, медалями. В 1946 г. Б.В. Виленский возобновил учебу на юридическом факультете Киевского государственного университета, окончив его в 1948 г., поступил в аспирантуру. В 1952 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Образование Молдавской ССР».

На протяжении 40 лет, с 1952 по 1991 г., научно-педагогическая деятельность Б.В. Виленского была связана с Саратовским юридическим институтом имени Д.И. Курского. Ведя историко-правовые дисциплины, он формировал у студентов знания о тенденциях развития государства и права, органично соединяя процесс обучения с патриотическим воспитанием будущих юристов. В рамках преподаваемого Б.В. Виленским курса «История государства и права СССР» студенты слышали ответы на волнующие их вопросы, в контексте прошлого лучше понимали настоящее. Так, в письме студентов от 15 апреля 1955 г., адресованного Б.В. Виленскому, тогда еще молодому преподавателю, читаем: «Слушая Вас, мы узнали много нового и интересного из героического прошлого нашего народа,

из истории развития нашего государства и нашего права. Ваши лекции были для нас очень интересны и тем, что даже постановления и решения последних Пленумов ЦК партии, которые мы сами читали в газетах, в Ваших лекциях звучат более значительно и воспринимаются как нечто историческое. Начинает чувствоваться значимость нашей эпохи в истории развития человечества»¹.

Расцвет научного творчества ученого пришелся на 1960-е гг., период, когда изменилась ситуация в советском обществе и трансформировались оценки отечественного прошлого в науке. В 1966 г. Б.В. Виленский защищает докторскую диссертацию на тему «Судебная реформа и контрреформа в России». Ученая степень доктора наук заслуженно увенчала большой исследовательский труд, в котором «на основании архивных документов, дневников, писем с исключительной убедительностью проанализированы и осмыслены преобразования в судебной системе России второй половины XIX в.» [1, с. 154].

В 1969 г. в Саратовском юридическом институте имени Д.И. Курского была создана кафедра истории государства и права, которой Б.В. Виленский руководил с момента основания до 1984 г. Главными направлениями деятельности кафедры являлись проблемы государства и права дореволюционной России и проблемы становления советской власти. За время работы на кафедре профессор Виленский подготовил 12 кандидатов юридических наук. Многие идеи научного руководителя получили развитие в работах его учеников.

В дошедшем до нас списке научных трудов Бориса Вениаминовича указано свыше 40 научных публикаций. Показатели публикационной активности ученых в то время были гораздо скромнее, чем сейчас: не было компьютеров и интернета, информация тщательно собиралась авторами в архивах и библиотеках, тексты монографий и статей многократно перепечатывались на пишущей машинке, длительным был процесс предпечатной подготовки изданий, высокие требования предъявлялись к качеству научных публикаций.

Заслуженное признание научного сообщества приобрели вышедшие в 1960-е гг. монографии Б.В. Виленского «Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России» [2] и «Судебная реформа и контрреформа в России» [3]. В начале 1980-х гг. ученый вошел в состав авторского коллектива по подготовке многотомного академического издания «Российское законодательство X–XX веков». Под его редакцией, с его вступительной статьей и комментариями вышел в свет восьмой том, посвященный судебной реформе 1864 г. [4].

Работы Б.В. Виленского стали первыми в советской историографии монографическими исследованиями по проблемам судебной реформы второй половины XIX в. Чтобы реально оценить научное творчество профессора и его вклад в развитие истории государства и права, нужно понимать, что в советском правоведении дореволюционный российский суд, в том числе судебная реформа 1864 г., длительное время не исследовались в силу господствовавших тогда идеологических и теоретико-методологических установок на роль суда в эксплуататорском обществе, умело используемого правящими классами для поддержания своего господства и подавления народных масс. В то время, когда в советской юридической науке институты судостроительства и судопроизводства Российской империи длительное время подвергались резкой критике, обоснование Б.В. Виленским на основе анализа и обобщения широкого круга источников и литературы прогрессивного демократического характера судебной реформы

¹ Письмо из архива семьи Виленских.

1864 г. было существенным прорывом в науке. «Сегодня это трудно оценить, но для того времени сам факт обращения юриста к проблеме пореформенного суда был актом гражданского мужества» [5, с. 21].

Однако методологические установки советской науки, утверждавшей, что движущей силой общественного развития являются народные массы, полностью преодолеть было невозможно. Б. В. Виленский подробно исследовал влияние различных социально-политических сил на подготовку судебной реформы 1864 г. и ход ее проведения. Предпосылки судебной реформы второй половины XIX в., демократический характер определивших ее содержание принципов и институтов, как и дальнейшее их ограничение в ходе судебной контрреформы, ученый усматривал в революционном движении, которое в духе времени им трактовалось широко — здесь и революционная идеология, и крестьянские выступления, и движение народников. В частности, большое значение придавалось автором проектам переустройства российских судов, разработанным декабристами и революционерами-демократами. Роли правительственного лагеря в реализации судебных преобразований второй половины XIX в. и внутрисистемному реформизму самодержавия в работах ученого было уделено гораздо меньше внимания. Автор справедливо отмечал незавершенный и непоследовательный характер судебной реформы 1864 г.

Б. В. Виленский в своих монографиях проводит анализ введенных Судебными уставами 20 ноября 1864 г. принципов и институтов, акцентируя внимание на судеустройстве и уголовном судопроизводстве, где более отчетливо проявлялся классовый характер дореволюционного суда. Принципы и институты пореформенного гражданского судопроизводства им были охвачены в меньшей степени.

Не утратила актуальности поставленная Б. В. Виленским проблема соотношения судебной реформы и контрреформы в правительственной политике второй половины XIX в. Идею о проведении российским самодержавием вслед за судебной реформой 1864 г. еще и контрреформы, то есть обратного преобразования, подрывающего основные начала Судебных уставов, Б. В. Виленский отстаивал в полемике с выдающимся ученым-историком П. А. Зайончковским, связывавшим проведение судебной контрреформы с деятельностью комиссии под руководством министра юстиции Н. В. Муравьева (1894–1899), проекты которой так и не были воплощены в жизнь. Дальнейшие исследования историков права показали обоснованность позиции Б. В. Виленского относительно проведения судебной контрреформы, когда правительство вскоре после введения судебной реформы отказывается от им же провозглашенных либерально-демократических принципов и институтов, внося многочисленные поправки в Судебные уставы 1864 г. Однако до настоящего времени авторы расходятся во мнениях при определении границ судебной контрреформы: была ли она, как утверждал Б. В. Виленский, проведена в период 1870–80-х гг., начавшись при Александре II на волне революционных выступлений народников и последовавших затем в отношении них уголовных преследований и судебных процессов, или судебная контрреформа являлась частью консервативной политики, проводимой в 1880-е гг. правительством Александра III.

Исследования Б. В. Виленского во многом определили дальнейшее развитие научного направления, связанного с изучением судеустройства и судопроизводства в рамках правительственных курсов двух российских императоров —

Александра II и Александра III. Его работы носят фундаментальный характер и потому не утратили своей актуальности, на них ориентируются современные исследователи, занимающиеся дореволюционным российским судом.

В настоящее время проведенная императором Александром II и его окружением судебная реформа вполне обоснованно признается одним из лучших осуществленных в нашей стране преобразований в государственно-правовой сфере. Более того, ко дню принятия Судебных уставов (3 декабря по новому стилю) в Российской Федерации приурочен праздник профессионального сообщества юристов¹. Тем самым официально признана роль судебной реформы в формировании профессиональной юридической корпорации России.

Существующие сегодня в российской юридической науке, может быть, несколько идеализированные представления о судебной реформе Александра II и введенных им 20 ноября 1864 г. Судебных уставах трансформируются. В свете нового осмысления влияния зарубежного опыта на ход отечественной истории преобладающие в литературе оценки внедренных в России европейских принципов и институтов судостройства и судопроизводства могут поменяться и могут быть по-другому расставлены акценты в решении проблемы судебного реформирования во второй половине XIX в. В этом контексте стоит вновь обратиться к отличающимся глубиной и основательностью работам профессора Б.В. Виленского.

Развитие исторического правоведения как области научных юридических знаний и созданных на его основе учебных дисциплин требует конкретизации при обозначении предмета исследования и преподавания. Для Б.В. Виленского этот предмет был предельно очевиден и предполагал освоение эволюции государственных и правовых форм, сведения о которых нужно уметь выделять в общем потоке исторической информации. В связи с этим вызывает интерес учебное пособие Б.В. Виленского «Лекции по истории государства и права СССР». Часть 1 (Саратов, 1985), отличающееся четко обозначенной историко-правовой направленностью и структурированностью в изложении материала. К сожалению, вышла в свет только первая часть курса, посвященная дореволюционному периоду. В конце 1980-х гг. начался пересмотр отечественной истории, стали меняться оценки исторических событий, поэтому уже написанная автором вторая часть курса, охватывавшая советский период, не была опубликована.

Для профессора Б.В. Виленского было очевидно, что историко-правовая наука, изначально предполагающая междисциплинарность проводимых исследований, позволяющая использовать наряду с методологией правоведения, разработанные в исторической науке подходы и методы (например, историографию и источниковедение), открывает большие возможности. В соответствии с принципом историзма, которому неукоснительно следовал профессор Б.В. Виленский, становится очевидным, что явления, имевшие место в прошлом, процессы, события, факты, документы, а также творцы истории — люди (народные массы, сословия, сообщества, отдельные личности) оцениваются по тому, что ими было привнесено в предшествующее состояние общества, а не исходя из того, что ими не было осуществлено по сравнению с нынешней социальной реальностью и современными представлениями.

¹ См.: Указ Президента РФ от 4 февраля 2008 г. № 130 «Об установлении Дня юриста» // СЗ РФ. 2008. № 6 ст. 461.

Библиографический список

1. Борис Вениаминович Виленский // Советское государство и право. 1991. № 9. С. 154.
2. *Виленский Б.В.* Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России. Саратов: Изд-во СГУ, 1963. 147 с.
3. *Виленский Б.В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов: Приволж. книж. изд-во, 1969. 400 с.
4. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8: Судебная реформа. 496 с.
5. *Немытина М.В.* Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов: СЮИ МВД России, 1999. 256 с.

References

1. Boris Veniaminovich Vilensky // Soviet State and Law. 1991. no. 9. P. 154.
2. *Vilensky B.V.* Preparation of Judicial Reform on November 20 1864 in Russia. Saratov: Saratov State University Publishing House, 1963. 147 p.
3. *Vilensky B.V.* Judicial Reform and Counter-Reform in Russia. Saratov: Privolzh. books. Publishing house, 1969. 400 p.
4. Russian Legislation of the X–XX Centuries: in 9 vol. M.: Legal lit. 1991. V. 8: Judicial Reform. 496 p.
5. *Nemytina M.V.* The Court in Russia: the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Centuries. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1999. 256 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-5-158-162

УДК 349.6

Е.Н. Абанина, Д.Е. Петров

ПРОЯВЛЕНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ В СИСТЕМЕ ПРАВА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Введение: статья посвящена исследованию проявления процессов дифференциации и интеграции в системе права, происходящие в условиях реализации концепции устойчивого развития в России. **Цель** — проанализировать проявление процессов дифференциации и интеграции в системе права, в том числе в формировании специальных норм, направленных на реализацию целей устойчивого развития. **Методологическая основа:** системно-структурный, формально-юридический методы, метод анализа. **Результаты:** выявлены основные тенденции реализации Концепции устойчивого развития, связанные с процессами дифференциации и интеграции в системе права, определены особенности правового регулирования прав отдельных категорий лиц при реализации социального аспекта устойчивого развития. **Выводы:** разработаны предложения по учету интересов местного населения, в том числе коренных народов, при осуществлении природопользования в целях реализации социального аспекта устойчивого развития.

Ключевые слова: дифференциация, интеграция, устойчивое развитие, социальный аспект устойчивого развития.

© Абанина Елена Николаевна, 2023

Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: elena-abanina@yandex.ru

© Петров Дмитрий Евгеньевич, 2023

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Abanina Elena Nikolaevna, 2023

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Land and Environmental Law (Saratov State Law Academy)

© Petrov Dmitry Evgenievich, 2023

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

E.N. Abanina, D.E. Petrov

**DEMONSTRATION OF DIFFERENTIATION
AND INTEGRATION IN THE SYSTEM OF LAW IN THE CONTEXT
OF IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE
DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Background: the article is devoted to the study of the demonstration of processes of differentiation and integration in the legal system, occurring in the context of the implementation of the concept of sustainable development in Russia. **Objective** — analyze the demonstration of the processes of differentiation and integration in the legal system, including the formation of special norms aimed at realizing the goals of sustainable development. **Methodology:** system-structural, formal-legal methods, method of analysis. **Results:** the main trends in the implementation of the Concept of Sustainable Development related to the processes of differentiation and integration in the legal system have been revealed, the peculiarities of the legal regulation of the rights of certain categories of persons in the implementation of the social aspect of sustainable development have been identified. **Conclusions:** proposals have been developed to take into account the interests of the local population, in the use of natural resources, including indigenous peoples, in the use of natural resources, in order to implement the social aspect of sustainable development.

Keywords: differentiation, integration, sustainable development, social aspect of sustainable development.

Концепция устойчивого развития зародилась еще в 70-х гг. XX в.: в 1972 г. была проведена Конференция ООН по окружающей среде и создана Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Конференция ООН по окружающей среде и развитию, проведенная в Рио-де-Жанейро в 1992 г., определила основные принципы и программу действий в целях достижения устойчивого развития¹. На Всемирном саммите по окружающей среде и развитию² была подтверждена приверженность Рио-де-Жанейрским принципам, полному осуществлению Повестки дня на XXI век и Программе действий по дальнейшему осуществлению Повестки дня на XXI век³, а в 2015 г. Организацией Объединенных Наций были приняты Цели в области устойчивого развития (ЦУР), так же известные, как Глобальные цели, в качестве всеобщего призыва к действиям по искоренению нищеты, защите планеты и обеспечению того, чтобы к 2030 г. все люди жили в мире и процветании⁴.

¹ См.: Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию: принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 24.09.2023).

² См.: Резолюция 217-го пленарного заседания Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию 4 сентября 2002 г. A/CONF.199/20. URL: http://www.un.org/russian/conferen/wssd/docs/plan_wssd.pdf (дата обращения: 28.09.2023).

³ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Программа действий по дальнейшему осуществлению Повестки дня на XXI век» (A/RES/S-19/2) URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 28.09.2023).

⁴ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» от 25 сентября 2015 г. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 28.09.2023).

Традиционно выделяют три ключевых аспекта устойчивого развития — экологический, экономический и социальный, на основании которых должны строиться все отношения, системно и сбалансированно отражая критерии каждого аспекта.

За прошедшие сорок лет с начала реализации Концепции устойчивого развития можно выделить некоторые тенденции в правовом регулировании отдельных отраслевых отношений, связанных с экономическим, экологическим и социальным развитием государства.

Во-первых, отметим процессы дифференциации в рамках сложившихся отраслей права. В целом природа многих правовых общностей, возникших в последнее время, должным образом не раскрыта, ведутся дискуссии по вопросам отнесения их к тому или иному виду структурных элементов системы права. Данная динамика, очевидно, происходит ввиду необходимости достижения национальных целей развития Российской Федерации¹.

В качестве примера можно назвать формирующееся энергетическое право, прогрессирование которого связано с объективными процессами — Четвертым энергопереходом, то есть переходом к возобновляемым источникам энергии (энергии ветра, Солнца, приливов и др.), что отвечает требованию соответствия всей хозяйственной деятельности принципам экологичности и ненанесения вреда окружающей среде. Многими учеными признается, что такие правоотношения выходят, например, за рамки экологических правоотношений, так как объектом выступают не природные ресурсы в классическом понимании экологического законодательства, а энергетические ресурсы, полученные в результате преобразования природных ресурсов. Стоит отметить, что эти отношения выходят за рамки гражданских правоотношений, так как объектами энергетических отношений, кроме имущественных объектов и их комплексов, непосредственно задействованных в процессе получения (производства), хранения, передачи и распределения энергетических ресурсов, выступают сами энергетические ресурсы, как вид энергии.

Во-вторых, можно отметить процессы интеграции специальных норм права в рамках отдельной конкретной отрасли с целью «усиленного» правового регулирования отдельной составляющей устойчивого развития. Например, в отрасли экологического права в процессе ее становления предмет правового регулирования несколько преобразовывается — отношения в области рационального природопользования и охраны окружающей среды дополняются отношениями в сфере обеспечения экологической безопасности. Кроме того, цели государственной экологической политики в области охраны окружающей среды сегодня не ограничиваются сохранением природной среды. Они подкрепляются целями сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации.

Социальная составляющая устойчивого развития в сфере экологических отношений обеспечивается посредством учета всех возможных интересов организаций и групп людей в процессе природопользования, охраны природной среды, защиты и воспроизводства природных ресурсов. Реализации государственной политики в этой области способствуют соблюдение прав граждан на доступ к природным ресурсам (например, на заготовку и сбор пищевых лесных ресур-

¹ См.: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20, ст. 2817.

сов), соблюдение прав граждан на доступ к природным объектам, находящимся в государственной и муниципальной собственности (водным объектам общего пользования), обеспечение трудоустройства для местного населения; соблюдение прав лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, в сфере использования и сохранения отдельных природных объектов (лесов, недр, континентального шельфа, животного мира); соблюдение прав на участие граждан, общественных объединений в подготовке решений, реализация которых может оказать воздействие на окружающую среду.

Нормы, устанавливающие права отдельных категорий лиц — коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, являются особой, эколого-социальной группой правовых норм. Права коренных малочисленных народов обеспечиваются нормами природоресурсного и экологического законодательства посредством предоставления им возможности бесплатно осуществлять «льготное» природопользование для собственных нужд в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и ведущих традиционный образ жизни.

Кроме того, выделяются специальные нормы-требования для обеспечения защиты исконной среды обитания народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и их традиционного образа жизни, например при использовании лесов в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности этих народов в соответствии с Федеральным законом от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»¹. Однако, каким образом должна осуществляться защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни, не уточняется ни в экологическом, ни в специальном законодательстве, посвященном гарантиям прав коренных малочисленных народов.

Нарушения прав коренных малочисленных народов могут быть связаны с игнорированием их интересов при предоставлении природных объектов в пользование для различных целей (лесоиспользование, водопользование, недропользование и др.), в случае если такое использование будет связано с нарушением исконной среды обитания народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и их традиционного образа жизни, а также с ухудшением состояния исконной среды обитания и причинением в результате такого нарушения ущерба коренным малочисленным народам. Подобные ситуации возможны в случае, когда природопользователям предоставляются участки, входящие в границы территории традиционного проживания коренных малочисленных народов.

Поскольку при природопользовании, особенно в промышленных масштабах, происходит разрушение экосистемы и, как следствие, исконной среды обитания проживающих рядом отдельных коренных малочисленных народов, представляется возможным предположить, что защита их исконной среды может осуществляться следующими средствами. Во-первых, учет мнения лиц, отнесенных к коренным малочисленным народам, при принятии решения о предоставлении в пользование земельных, лесных участков, участков недр и водных объектов в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности этих народов

¹ См.: СЗ РФ. 1999. № 18, ст. 2208; 2020. № 29, ст. 4504.

в связи с возможностью конфликта интересов природопользователей, использующих указанные участки в местах традиционного проживания этих народов и интересов коренных малочисленных народов, осуществляющих традиционное природопользование в пределах таких участков. Во-вторых, установление ограничений на использование природных объектов, не связанных с традиционным природопользованием на территориях традиционного проживания и хозяйственной деятельности.

В заключение следует подчеркнуть, что происходящие в последнее время процессы дифференциации и интеграции в системе права (на примере энергетического и экологического права) имеют непосредственное отношение к процессу реализации в нашем государстве экологической, экономической и социальной составляющих Концепции устойчивого развития.

М.В. Воронин, Р.Д. Данилин, А.А. Варчук, Т.М. Шикалев

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОГО ПЛЮРАЛИЗМА В КОМПАРАТИВИСТИКЕ МИРЕЙ ДЕЛЬМА-МАРТИ: ДОПОЛНЕНИЕ ДИДАКТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Введение: одним из элементов сравнительного правоведения является изучение научного наследия выдающихся представителей компаративистики. Настоящая работа является отражением одной из содержательных детерминант сравнительного правоведения (согласно вариативной дидактической модели юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова) – «Компаративистика в лицах». **Цель** — изучить концепцию и научные идеи выдающегося юриста-компаративиста, внесшего значительный вклад в теоретическое и практическое содержание сравнительного правоведения, — крупного французского специалиста по интернационализации права профессора Мирей Дельма-Марти; рассмотреть подход к педагогическим технологиям, применяемым в компаративистике. **Методологическая основа:** системный и сравнительно-правовой подходы к исследованию идей, взглядов и педагогических практик Мирей Дельма-Марти, их философский анализ. **Результаты:** рассмотрена и проанализирована концепция правового плюрализма, в основе которой лежат два компонента: плюралистическая интернационализация, которая может быть вдохновлена различными национальными традициями, и гармонизация вокруг общих принципов на основе применения национальной свободы усмотрения. **Выводы:** критический подход М. Дельма-Марти к праву ставит под сомнение его жесткость, линейность, не соответствующую реальности.

© Воронин Максим Валерьевич, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовой информатики юридического факультета (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова), доцент Департамента международного и публичного права юридического факультета (Финансовый университет при Правительстве РФ), доцент (Российская академия образования); e-mail: maksim.v.voronin@mail.ru

© Данилин Роман Денисович, 2023

Аспирант кафедры правовой информатики (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова); e-mail: roman.danilin.99@mail.ru

© Варчук Александр Анатольевич, 2023

Магистрант кафедры теории государства и права и политологии (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова); e-mail: varchuk.alexander@yandex.ru

© Шикалев Тимур Максимович, 2023

Магистрант кафедры теории государства и права и политологии (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова); e-mail: tsh2000@bk.ru

© Voronin Maxim Valeryevich, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Informatics of the Faculty of Law (Moscow State University named after M.V.Lomonosov), Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law (Financial University under the Government of the Russian Federation), Associate Professor (Russian Academy of Education)

© Danilin Roman Denisovich, 2023

Postgraduate student of the Department of Legal Informatics (Lomonosov Moscow State University)

© Varchuk Aleksandr Anatolyevich, 2023

Graduate student of the Department of Theory of State and Law and Political Science (Moscow State University named after M.V. Lomonosov); e-mail: varchuk.alexander@yandex.ru

© Shikalev Timur Maksimovich, 2023

Graduate student of the Department of Theory of State and Law and Political Science (Moscow State University named after M.V. Lomonosov)

Ключевые слова: глобализация, дидактическая модель, компаративистика в лицах, М. Дельма-Марты, права человека, правовой плюрализм, сравнительное правоведение.

M.V. Voronin, R.D. Danilin, A.A. Varchuk, T.M. Shikalev

CONCEPT OF LEGAL PLURALISM THE CONCEPT OF RIGHT-WING PLURALISM IN THE COMPARATIVISM OF MIREILLE DELMA MARTY: COMPLEMENTING THE DIDACTIC MODEL

Background: one of the elements of comparative law is the study of the scientific heritage of outstanding representatives of comparative law. This work is a reflection of one of the meaningful determinants of comparative jurisprudence (according to the variable didactic model of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University) — "Comparative studies in persons". **Objective** — to study the concept and scientific ideas of an outstanding comparative lawyer who made a significant contribution to the theoretical and practical content of comparative jurisprudence — a major French specialist in the internationalization of law, Professor Mireille Delma-Marty; to consider an approach to pedagogical technologies used in comparative law. **Methodology:** the methodological basis consists of systematic and comparative legal approaches to the study of Mireille Delma-Marty's ideas, views and pedagogical practices, their philosophical analysis. **Results:** the concept of legal pluralism is considered and analyzed, which is based on two components: pluralistic internationalization, which can be inspired by various national traditions, and harmonization around common principles based on the application of national discretion. **Conclusions:** M. Delma-Marty's critical approach to law calls into question its rigidity, linearity, which does not correspond to reality.

Keywords: globalization, didactic model, comparative studies in persons, Mireille Delmas-Marty, human rights, legal pluralism, comparative jurisprudence.

Сегодня в цифровую эпоху компаративистика приобретает большое значение ввиду расширения интеграционных и глобализационных связей в обществе, усиления многообразия мира, его многополярности. Юридическая компаративистика дает возможность наладить диалог и установить контакт между социальными группами с непохожим правосознанием. При этом ценность сравнительного правоведения заключается не только в его практическом применении (как самостоятельной отрасли права), но и как в инструменте научного познания, позволяющего охватить и упорядочить плюралистическую картину мира. «Юридическая компаративистика охватывает метод и науку, науку о методе, междисциплинарные исследования внутри юридических наук, между ними и неюридическими науками и т.д., отражает плюрализм наук о праве и взаимосвязанных с ними явлений на основе общенаучного компаративного метода и компаративизма как вида мировоззрения» [1, с. 13].

В связи с этим необходимо упомянуть о педагогических технологиях компаративистики в цифровую эпоху. Педагогические технологии представляют собой академически логическую систему, определяющую цели, содержание, способы и порядок обучения. С учетом ускорения социальных процессов, убыстрения человеческой жизни педагогические технологии в условиях Индустрии 4.0 должны соответствовать следующим параметрам: концепту-

альность (должна быть опора на научно обоснованные концепции); системность (обучение должно быть логичным и целостным, занятия структурно взаимосвязаны); координированность (образовательный процесс должен быть скомпонован и спланирован); продуктивность (усилия, потраченные на обучение, и полученные результаты должны корреспондировать друг другу); воспроизводимость.

Настоящая работа является продолжением идеи развития преподавания сравнительного правоведения на юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. Традиционно компаративистика преподается на основе освоения таких разделов, как методология сравнительного правоведения, юридическое страноведение и рассмотрение отдельных правовых институтов в их компаративном сопоставлении. Однако современный мир, потребности развития образовательного процесса с точки зрения педагогических технологий потребовали внесения новых разделов в преподавание этой учебной дисциплины. В частности, помимо перечисленных базовых составляющих курс дополнен следующими технологическими содержательными элементами: юридическая география и технология составления юридических карт мира (важно для теории и практики); рассмотрение трудов мыслителей, обогативших сравнительное правоведение (проект «Компаративистика в лицах» и лекция «Титаны и гении мировой компаративистики»); внесение в часть методологии сравнительного правоведения инновационных составляющих (например, изучение таких явлений, как правовой туризм, кочующие правовые системы, конвергенция правовых систем и др.); проведение бинарных лекций с применением информационно-коммуникационных сервисов с учеными и студентами из партнерских зарубежных университетов (например, Нанкинский педагогический университет, Китай).

Описывать опыт каждой новой составляющей курса стоит отдельно с содержательной и образовательно-технологической стороны. Настоящая работа отражает развитие части курса «Компаративистика в лицах», когда совместными усилиями преподавателя и студентов происходит исследование трудов конкретного ученого, внесшего вклад в развитие сравнительного правоведения, а также делается попытка современным образом взглянуть на эти труды [2].

В сравнительном правоведении особую значимость приобретают труды зарубежных ученых, чей взгляд на правовые проблемы и коллизии могут существенно отличаться от отечественных. Одним из таких ученых-правоведов, внесших значительный вклад в юридическую компаративистику, являлась крупный специалист по интернационализации права Мирей Дельма-Марти (1941–2022).

Профессор Мирей Дельма-Марти была дальновидным юристом. Многие исследователи подчеркивают, что она обновила мышление в различных областях права, в частности и в сравнительном правоведении. Использование сравнительного метода представляло константу ее деятельности, что способствовало обновлению компаративистики как мировой науки [3, р. 41–42]. М. Дельма-Марти выделяла роль сравнительного правоведения в появлении права надгосударственного. Кроме того, в ее исследованиях сравнительный метод способствует как нормативной интеграции, лежащей в основе интернационализации права, так и сопротивлению таковой при попытках претендовать на гомогенизацию.

Значимое место в научных работах М. Дельма-Марти занимает анализ концепции правового плюрализма, в основе которого, по ее мнению, лежат два

компонента: плюралистическая интернационализация, которая может быть вдохновлена различными национальными традициями, и гармонизация вокруг общих принципов на основе применения национальной свободы усмотрения. Правовой плюрализм нашел свое отражение в стремлении сохранить национальную автономию и правовую культуру, с одной стороны, и общее право и договорные стандарты, с другой. Основой концепции правового плюрализма является идея о том, что каждое государство сохраняет право быть другим (плюрализм). Однако эта свобода подлежит ограничению через установление определенных рамок для того, чтобы она была совместима с конкретными принципами (упорядоченный плюрализм). Концепция упорядоченного плюрализма позволяет понять право как явление, которое отходит от простого единого, иерархического и стабильного порядка [4]. Данный подход довольно нестандартен и переплетается с нынешним курсом отдельных государств в области международно-правовых отношений, а именно многополярной концепции мироустройства. Однако остается удивительным тот факт, что в российской науке труды профессора Дельма-Марти не были затронуты исследователями, несмотря на всю глубину ее мысли в создании единого мира из разных единиц.

Для комплексного раскрытия рассматриваемой концепции необходимо более подробно остановиться на взглядах М. Дельма-Марти относительно значимых, по ее мнению, явлениях права, государства и общества, в числе которых процесс глобализации, структура функционирования рынка и права человека.

М. Дельма-Марти обращает внимание на разрыв равновесия между правом и государством вследствие процесса глобализации. Данный разрыв детерминирован прежде всего ослаблением связи права с государством. Однако автор в этом отношении делает акцент на развитии «глобальных современных явлений», которые пронизывают государство и общество. К таким явлениям относятся права человека, преступления против человечества, общее наследие человечества, *lex mercatoria*, *lex electronica* или *lex economica*¹.

С одной стороны, линейное развитие общества показывает, что нынешний процесс глобализации исторически не является первым. Однако, как справедливо отмечает М. Дельма-Марти, именно нынешний процесс впервые характеризуется такими технологиями, которые стирают границы. Парадоксальным образом благоприятствуя местным притязаниям и росту числа государств, глобализация также сопровождается развитием транснациональных стратегий частного характера, которые влияют на все обмены — в первую очередь на экономические, финансовые, научные и культурные. В конечном итоге это знаменует ослабление принципов государственного суверенитета, территориальности и преодоление национальных правовых систем. Учитывая это, профессор делает акцент на том, что глобальные институты в полной мере не готовы взять на себя определяющую роль, а региональные институты при всей своей важности варьируют правовой потенциал интеграции от региона к региону.

¹ См.: *Mireille Delmas-Marty. Études juridiques comparatives et internationalisation du droit*. URL: https://www.college-de-france.fr/media/mireille-delmas-marty/UPL12983_delmasmarty0203.pdf (дата обращения: 28.05.2023).

Глобализация также оказывает огромное влияние на динамику взаимодействия между наборами правовых норм. Из-за экономической глобализации, по мнению М. Дельма-Марты, невозможно верить в полную автономию различных правовых систем. Это объясняется тем, что коммерческие отношения слишком широки и нуждаются в правовой безопасности, которую может обеспечить только глобальное право. Поэтому экономическая глобализация первостепенна, но она должна также сопровождаться правовой и политической глобализациями. В этом отношении профессор подчеркивает, что именно права человека выступают нашим «компасом», в то время как экономика — реальным двигателем глобализации.

Данному утверждению есть следующее обоснование: права человека основаны на общих правовых ценностях и универсальных категориях, более того, они существуют благодаря имеющимся потребностям общества в безопасности и легитимности. Такой подход способствует отказу от простого взгляда на универсальность прав человека, благоприятствуя принятию понимания универсальных прав человека как динамики сближения между различными правовыми группами.

Однако, чтобы универсальные нормы, такие как права человека, были признаны во всех странах, в том числе с различными правовыми традициями, необходимо сохранить определенную гибкость. В свою очередь, гибкость предполагает признание определенных национальных пределов усмотрения. Такая гибкость может обеспечиваться лишь интеграцией правовых норм, предпосылка которой обусловлена процессом гармонизации.

Гармонизация не предполагает полного соответствия национальных норм нормам международным [5]. Гармонизация, по Дельма-Марты, представляет собой «решение между полным беспорядком, который возникает в результате абсолютного релятивизма, и тоталитарным навязыванием абсолютно полной и согласованной системы» [6].

Так, М. Дельма-Марты считает, что гармонизация законодательства стала возможной благодаря появлению руководящих принципов, таких как субсидиарность (в данном контексте принцип позволяет находить решение в национальном праве) и комплементарность, и более гибких правовых методов, таких как национальная свобода усмотрения, в той мере, в какой эти методы позволяют сохранить национальное разнообразие и особенности [7].

В основе гармонизации, которая ведет к интеграции, лежит механизм сближения национальных стандартов и практик на основе особых руководящих принципов. Однако такая совместимость сохраняет имплицитно или эксплицитно право на индивидуальность, признаваемое за каждым сообществом [8].

М. Дельма-Марты, называя процесс глобализации «эмблемой» упорядоченного плюрализма, считала, что он должен стать преобладающим. Это связано с тем, что между чисто горизонтальными и чисто вертикальными отношениями существует множество промежуточных форм [9].

М. Дельма-Марты описывает глобальные торговые отношения, основываясь на соотношении трех категорий: *lex mercatoria*, *lex electronica*, *lex economica*. Торговое право не ограничивается межгосударственным правом, поскольку оно охватывает негосударственные (национальные или транснациональные)

регуляторы, которыми являются *lex mercatoria* и, как следствие, *lex electronica*. Государственные регуляторы, такие как ВТО, «призывают» к созданию наднационального порядка, то есть будущего *lex economica*. В отличие от *lex mercatoria*, происхождение которого восходит к обычаям и правилам торговли (ранее — корпоративное право, или право корпорации торговцев), и *lex electronica*, претендующее на негосударственный характер, *lex economica* будет разрабатываться государствами на основе многосторонних соглашений международного публичного права.

М. Дельма-Марти обращает внимание на вопрос об универсальности нерыночных ценностей в качестве противовеса при возникновении универсального статуса рыночных ценностей. Автор ставит следующий вопрос: должна ли концепция рынка, которая фактически является частью спонтанного порядка, основанного на саморегулировании, избегать любой интеграции в организованный порядок, который связан с государством либо региональным или мировым сообществом?

При ответе на данный вопрос М. Дельма-Марти видит две возможные концепции. Первый путь — полная автономия: если изолировать рынок, чтобы сделать его не только универсальной концепцией, но и действительно автономным правовым порядком, то последствием будет, если не «растворение» государств, то, по крайней мере, растворение политики в экономике¹. Именно поэтому и *lex mercatoria* неоднократно подвергалось критике, потому что оно отражает существование корпорации купцов, в то время как это только «острова» организации, которые появляются в международной торговле без образования единой организации.

Другой путь в виде возвращения к релятивизму также не является решением всех проблем. Трудности не разрешатся, если каждое государство будет применять свои собственные правила и концепцию общественного порядка для оценки действительности экономических инструментов мировой торговли.

Как справедливо отмечает М. Дельма-Марти, в обоих случаях неопределенность применимых норм может привести к развитию незаконности.

XXI век ознаменовал собой переход в эру новых технологий, которые, несмотря на положительный эффект, породили ряд проблем, в том числе связанных с реализацией прав человека: денатурация, проблема реализации прав поколений, гуманизм в условиях усиления глобализации, вопросы эффективности механизмов защиты прав человека в новых условиях и т.д. В данном отношении некоторые исследователи резонно указывают на проблему согласования универсальности прав человека с культурным разнообразием [10]. Довольно примечательно, что на это же обращает внимание Мирей Дельма-Марти, подчеркивая то, что классическая логика, основанная на бинарном принципе, препятствует сочетанию универсальных прав человека с национальным разнообразием [11].

Подход профессора Дельма-Марти в области прав человека можно охарактеризовать как критику международно-правового идеала, неспособного ответить вызовам времени: универсальность идеи прав человека не проявила себя надлежащим образом на практике. В 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН при разработке Всеобщей Декларации прав человека не учла специфику понимания индивидуализма в разных по своей идеологии государствах, проложив рельсы лишь на один вектор движения, который не способен учитывать многообразный

¹См.: *Mireille Delmas-Marty*, Op. cit.

пазл мира. Из этого следует сложность единообразного применения международно-правовых актов при признании, как подчеркивает компаративистка, «национальной свободы усмотрения»: совмещение универсализма прав человека с релятивизмом национальных традиций порождает как концептуальную, так и операционную неясность — между универсальностью и поощрением разнообразия форм культурного самовыражения¹.

Несмотря на описанную достаточно стройную логику, сама М. Дельма-Марты обращает внимание на то, что права человека являются одним из лучших примеров неопределенных правовых понятий [12].

Понимание гуманистического претерпевает свое испытание временем: скорость внедрения инноваций достигла небывалых показателей, а юридические механизмы при всем своем разнообразии все еще несовершенны. При плюрализме мнений о решении общих проблем путь глобализации представлялся более эффективным. Однако, породив ряд противоречий в виде разделения сфер влияния и слепоты от движения в одном направлении, последствия данной формы прогресса привели к ослаблению действия понятия гуманизма в праве, созданному при взаимодействии разных культур, признающих специфику человека в условиях общественных реалий.

В качестве примера профессор делает акцент на развитии биотехнологий. Способность влияния на формирование естественных организмов, в том числе и человека, при нерешенности вопроса о гуманизации общества, согласно взглядам М. Дельма-Марты, приводит к «евгеническому упорядочиванию общества» в виде санкционированного преступления «против человеческого вида», а именно к нарушению принципов гуманизма, лежащих в основе концепции прав человека, но не раскрытых в полной мере². Из этого она выводит проблему реализации прав поколений, которые в первую очередь подвергаются риску.

«Устойчивость» развития человечества с элементом влияния на естественность ставится под сомнение, так как охрана всеобщих благ при конкретных противоречиях ведет к катастрофам, которые посягают на «общее человеческое наследие», то есть на человечество как субъекта права. Ответственность нынешних поколений постепенно приобретает правовое значение при быстром технологическом развитии, что не дает никаких гарантий для будущих жителей планеты при условии невозможности взаимного диалога. В данном случае М. Дельма-Марты видит путь решения проблемы посредством адаптации юриспруденции и реструктуризации отношений между знанием и властью с учетом опасности негуманных явлений при технологическом влиянии, которое невозможно остановить.

Согласно позиции автора, право в таком состоянии не способно ответить на поставленные перед ним актуальные вопросы, но оно может влиять на современные юридические процессы при эффективном применении. Общие гуманистические ценности, впитавшие много крови, должны привести к победе правосудия над начавшейся дегуманизацией в виде прямого противостояния, наложения обязанностей на представителей мировых элит и соответствующей превенции³.

При отсутствии консенсуса в действиях по реализации общих механизмов обеспечения прав человека может произойти искажение понимания совместных

¹ См.: *Mireille Delmas-Marty*, Op. cit.

² См.: Ibid.

³ См.: Ibid.

действий в данной области, что в конечном итоге приведет к обратному эффекту в виде столкновений взглядов между полярными концептами. М. Дельма-Марти предлагает поставить практический аспект в основу разработки данных механизмов с последующей оценкой норм по последствиям.

Эмпирическое обоснование закладывает основы для суждений об эффективности действия закона. В данном случае важен факт дихотомии национального и международного, для которого скорее характерно мягкое правовое регулирование, не гарантирующее эффективности привлечения к ответственности и имеющее явление размывания норм. Международные акты могут как навязать, так и предложить пути решения, однако должного эффекта в результате это не вызовет в силу отсутствия международного органа, решения которого могли бы обладать общеобязательным эффектом. Например, Международный суд в Гааге представляет собой универсальную юрисдикцию факультативного характера.

Для преодоления данного барьера М. Дельма-Марти, будучи специалистом в области уголовного законодательства, выделила два пути создания общеобязательной международной юрисдикции. Первый путь представляет собой интеграцию в универсальную юрисдикцию национальных судов для защиты универсальных ценностей. Второй — создание смешанных юрисдикций в различных частях мира, состоящих частично из национальных и частично из международных судов, представляющих международное сообщество, для анализа эффективности универсальных стандартов¹.

Несмотря на то, что права человека универсальны, профессор обращает внимание на возможность их применения в разных частях света в зависимости от согласования этих норм с поведением, предписанным в каждом конкретном государстве. Соответственно, допускаются определенные различия (сохраняется в какой-то мере релятивизм), однако должна быть гарантирована гармония целого (сохранение универсализма) [13].

Исследуя различные правовые системы, М. Дельма-Марти особое значение придавала европейскому праву как продукту эксперимента диффузных нормативных наборов. В отношении интеграции европейского права профессор сделала акцент на описании следующих процессов: сотрудничество, расширение сотрудничества, взаимное признание, ассимиляция, гармонизация и унификация [8, р. 374–375].

Интеграция в Европе усложняется также тем, что одновременно сосуществуют различные национальные своды законов, свод европейских прав человека и свод международных прав, представляющих собой новый порядок в форме упорядоченного плюрализма, в основе которого лежит этика прав человека. В данном отношении, как отмечают некоторые авторы: «Европа представляет собой удивительную лабораторию упорядоченного плюрализма диффузных нормативных наборов. В Европе можно увидеть признание множественности в сопряжении прав человека и национальной специфики» [10, р. 39].

В заключение отметим, что главный вклад в компаративистику М. Дельма-Марти — это идея интернационализации права как взаимосвязи между внутренним и международным правом, а также между нормативными пространствами, понимаемыми как нормативные или институциональные группы на глобальном,

¹См.: *Mireille Delmas-Marty*. Op. cit.

региональном или национальном уровне. Данное движение характеризуется как двустороннее, поскольку международное право разрабатывается государствами и зависит от их интересов, а также от их правовой культуры, в целях построения плюралистического и негегемонистского общего блага: плюралистическая интернационализация и гармонизация вокруг общих принципов при применении национальной свободы усмотрения. Динамический анализ, позволяющий понять всю сложность правовой реальности, раскрывает значимость юридических процессов при сочетании сравнения национальных законов и актов международного права [3, p. 43].

Критический подход М. Дельма-Марти к праву ставит под сомнение его жесткость, линейность, не соответствующую реальности. Она ставила под сомнение юридический формализм, классический и догматический подход к праву, бинарное мышление и логику исключения. Для нее знание не являлось полным, а стабилизация была лишь временной. Поэтому неопределенность права представлялась необходимостью в условиях глобализации, подталкивающей к рассуждениям о нестабильном.

Библиографический список

1. *Тихомиров А.Д.* Юридическая компаративистика. Философские, теоретические и методологические проблемы. Киев: Знание, 2005.
2. *Воронин М.В., Булгакова Е.В., Данилин Р.Д.* Компаративистика Рудольфо Сакко // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 9. С. 84–92.
3. *Kathia Martin-Chenut.* Mireille Delmas-Marty: A la recherche d'un droit commun universalizable // *Revue internationale de droit compare.* 2022. P. 41–42.
4. *Edouard Dubout, Sübastien Touzö.* Les droits fondamentaux: charnières entre ordres et systèmes juridiques. Paris: Pedone, 2010. 510 p.
5. *Mireille Delmas-Marty.* Les forces imaginantes du droit: le relatif et l'universel. Paris: Seuil, 2004. 412 p.
6. *Mireille Delmas-Marty, Mark Pieth, Ulrich Sieber.* Les chemins de l'harmonisation pénale. Paris: Société de Législation Comparée, 2008. 447 p.
7. *Anne-Charlotte Martineau.* Une analyse critique du débat sur la fragmentation du droit international. *Droit.*: Université Panthéon-Sorbonne. Paris I, 2013. p. 48.
8. *Mireille Delmas-Marty, Geneviève Giudicelli-Delage, Élisabeth Lambert-Abdelgawad.* L'harmonisation des sanctions pénales en Europe: avec le soutien de la Commission Européenne et de la Mission de recherche Droit et Justice. Paris: Société de Législation Comparée, 2003. 375 p.
9. *Mireille Delmas-Marty.* Les forces imaginantes du droit II: le pluralisme ordonné. Paris: Seuil, 2006. 37 p.
10. *Btito Laura Souza Lima e.* O conceito de direitos humanos: um diálogo com Mireille Delmas-Marty, 2015. 5–6 p.
11. *Mireille Delmas-Marty.* Por um direito comum // Tradução de Ermantina de Almeida Prado Galvão. São Paulo: Martins Fontes, 2004. 283 p.
12. *Mireille Delmas-Marty.* Le flou du droit: du code pénal aux droits de l'homme. 2a ed. Paris: Quadrige-PUF, 2004. 30 p.
13. *Jean Pierre Changeux.* Une même éthique pour tous? Paris, 1997. 146 p.

References

1. *Tikhomirov A.D.* Legal Comparative Studies. Philosophical, theoretical and methodological problems. Kiev: Znanie, 2005.

2. *Voronin M.V., Bulgakova E.V., Danilin R.D.* Comparative Studies of Rudolf Sacco // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin. 2022. No. 9. P. 84–92.
3. *Kathia Martin-Shhh.* Mireille Delmas-Marty: In Search of a Common Universalizable Law // International Journal of Comparative Law. 2022. P. 41–42.
4. *Edouard Dubout, Sübastien Touzö.* Fundamental Rights: Crossroads Between Orders and Legal Systems. Paris: Pedone, 2010. 5–10 p.
5. *Mireille Delmas-Marty.* The Imaginative Forces of Law: the Relative and the Universal. Paris: Threshold, 2004. 412 p.
6. *Mireille Delmas-Marty, Mark Pieth, Ulrich Sieber.* Paths to Penal Harmonization. Paris: Society of Comparative Legislation, 2008. 447 p.
7. *Anne-Charlotte Martineau.* A Critical Analysis of the Debate on the Fragmentation of International Law. Law. Panthéon-Sorbonne University. Paris I, 2013. P. 48.
8. *Mireille Delmas-Marty, Geneviève Giudicelli-Delage, Elisabeth Lam-bert-Abdelgawad.* The Harmonization of Criminal Sanctions in Europe: with the Support of the European Commission and the Law and Justice Research Mission. Paris: Society of Comparative Legislation, 2003. 375 p.
9. *Mireille Delmas-Marty.* The Imaginative Forces of Law II: Ordered Pluralism. Paris: Threshold, 2006. 37 p.
10. *Btito Laura Souza Lima e.* On Concept of Human Sayings: a Dialogue with Mireille Delmas-Marty, 2015. 5–6 p.
11. *Mireille Delmas-Marty.* For a Common Law// Translation by Ermanti-na de Almeida Prado Galvão. São Paulo: Martins Fontes, 2004. 283 p.
12. *Mireille Delmas-Marty.* The Vagueness of the Law: from the Penal Code to Human Rights. 2a ed. Paris: Quadriga-PUF, 2004. 30 p.
13. *Jean Pierre Changeux.* The Same Ethics for Everyone? Paris, 1997. 146 p.

Н.А. Грешнова, А.А. Рассказов

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И СОЗДАНИЕ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА И СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ РОССИИ

Введение: в настоящей работе рассмотрен вопрос обеспечения кадрового резерва путем совершенствования существующей системы патриотического воспитания, а также выдвинуто предложение о дополнении данного процесса профессиональным воспитанием учащихся. **Цель** — выдвинуть предложения, которые в дальнейшем могут стать базой для формирования комплексного процесса патриотического воспитания, совмещенного с профессиональной деятельностью. **Методологическая основа:** применение системного анализа при изучении содержания систем патриотического и профессионального воспитания обучающихся позволило выявить наиболее эффективные методики формирования кадрового резерва, что в совокупности с анализом действующего законодательства позволило предложить возможные пути формирования правовой базы в данной сфере. Метод дедукции, применяемый при анализе существующей системы воспитания, позволил в конечном итоге определить, какие проблемы возникают чаще всего при реализации ряда воспитательных программ. В работе применялись и иные методы для формирования итогового вывода. **Результаты:** сформулировано комплексное предложение, согласно которому на современном этапе развития системы образования в России необходимо создание системы патриотического воспитания, совмещенного с профессиональным обучением учащихся, а также создание условий для целевого обучения в рамках данного процесса. **Выводы:** в России возникла необходимость создания системы поддержания и формирования развития талантливой молодежи, которая вместе с существующими мерами будет способна обеспечить страну необходимыми кадрами, отвечающими современным запросам общества и государства. Данную проблему представляется возможным разрешить при условии совершенствования системы целевого обучения и процесса патриотического профессионального воспитания учащихся.

Ключевые слова: образование, система, патриотическое воспитание, профессиональное воспитание, трудовая функция, рынок труда, целевое обучение, системный подход.

© Грешнова Наталья Алексеевна, 2023
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: itsovon001@gmail.com

© Рассказов Александр Александрович, 2023
Обучающийся пятого курса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alexandr.ras.505@yandex.ru

© Greshnova Natalia Alekseevna, 2023
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

© Rasskazov Aleksandr Aleksandrovich, 2023
A fifth-year student (Saratov State Law Academy)

N.A. Greshnova, A.A. Rasskazov

PATRIOTIC EDUCATION AND CREATION OF A PERSONNEL RESERVE AS A REALISATION OF RUSSIA'S NATIONAL INTEREST AND STRATEGIC OBJECTIVES

Background: this paper considers the issue of providing a personnel reserve by improving the existing system of patriotic education, and a proposal is put forward to supplement this process with vocational education of students. **Objective** — to put forward proposals which in the future can become the basis for the formation of a comprehensive process of patriotic education combined with professional activity. **Methodology:** the use of system analysis in the study of the content of the systems of patriotic and professional education of students let us identify the most effective methods of forming a personnel reserve, which together with the analysis of current legislation allow us to suggest possible ways of forming a legal framework in this area. The method of deduction used in the analysis of the existing system of education, eventually made it possible to determine what problems arise most often in the implementation of a number of educational programs. Other methods were also used in the work to form the final conclusion. **Results:** a comprehensive proposal was formulated, according to which at the current stage of development of the education system in Russia it is necessary to create a system of patriotic education combined with vocational training of students, as well as the creation of conditions within this process for targeted training. **Conclusions:** in Russia, there is a need to create a system for supporting and shaping the development of talented young people, which, together with existing measures, will be able to provide the country with the necessary personnel to meet the modern demands of society and the state. This problem can be solved by improving the system of targeted training and improving the process of patriotic professional education of students.

Keywords: education, system, patriotic education, professional education, labor function, labor market, targeted training, systematic approach.

Согласно Трудовому кодексу РФ, трудовые отношения представляют собой отношения, базирующиеся на соглашении, достигнутом между работником и работодателем, в соответствии с которым работник обязуется лично выполнять за плату в интересах работодателя определенную трудовую функцию, подчиняясь при этом установленным правилам внутреннего трудового распорядка, в условиях труда, обеспеченных работодателем¹. Аналогичной позиции придерживаются и в теории [1]. Следует отметить, что и на уровне закона, и в теории, и на практике² особое внимание уделяется именно трудовой функции работника, поскольку ее реализация позволяет применять меры дисциплинарного и поощрительного характера, а также отличить трудовые отношения от схожих с ними гражданско-правовых.

Трудовая функция — это возможность работника реализовать себя в труде и намерение работодателя получить необходимый ему результат труда. Опре-

¹ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (в ред. от 24 ноября 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6; Документы Верховного Суда РФ. URL: [www.https://vsrf.ru/documents](http://vsrf.ru/documents)

деление данного понятия прошло длительный путь развития, поскольку за все время своего существования оно менялось в зависимости от политических и экономических условий. Например, сегодня ставится вопрос о возможности рассмотрения в качестве трудовой функции дистанционного труда [2]. Более того, представляется необходимым рассматривать трудовую функцию не только с правовой точки зрения, но и с экономической, поскольку именно производимый продукт в результате ее осуществления представляет наибольший интерес для общества.

Результаты труда различны по своей природе, они могут быть выражены в качестве объекта материального мира или как произведение интеллектуального характера. В любом случае результат труда неразрывно связан с его автором — работником, что обуславливает востребованность ряда профессий. Следует отметить, что в случае нехватки работников в той или иной сфере работодатели предпринимают меры по их привлечению или формированию условий, создающих кадровый резерв. В теории выделяют ряд критериев, которые позволяют сделать работодателя более «привлекательным» для работников, поскольку в данном случае уже работник является востребованным, а не рабочее место. Так, в сфере ракетостроения предлагается формирование кадрового резерва путем создания комплексного профориентационного подхода, который позволяет организовать путь молодого специалиста от школьной скамьи до рабочего места [3]. Меры иного характера принимаются Правительством РФ, создавая условия для привлечения востребованных кадров в страну, например принимаются всесторонние меры по поддержке и формированию для специалистов в сфере ИТ условий для льготного трудоустройства и продолжения работы на территории России¹. Данные меры, как правило, применяются по отношению ко всем наукоемким и нераспространенным, но востребованным профессиям.

Из указанных мер, направленных на формирование кадрового резерва, именно создание комплексных условий для развития специалистов со школьной скамьи до рабочего места представляется наиболее эффективным. По нашему мнению, специалист, который привлекается иным способом (посредством предоставления различных льгот и поощрений), не заинтересован в качественном выполнении работы, поскольку идеалистическая или общественная мотивация в таком случае отсутствует, есть лишь личная заинтересованность. В качестве стимула для качественного выполнения своей трудовой функции у работника выступает конкуренция на рынке труда, поскольку предполагается, что в случае ненадлежащего исполнения обязанностей работодатель прибегнет к поиску другого специалиста. Однако на рынке наукоемких и востребованных профессий данное правило часто не работает, поскольку имеется дефицит специалистов. На практике спустя непродолжительное время работник может быть привлечен другим работодателем. Схожая ситуация возможна, когда работник находит лучшие условия труда и социальные гарантии и несмотря на важность выполняемой работы увольняется. Это обусловлено тем, что «сегодня открытое информационное общество “без идеологий” обретает “новую идеологию рекламы и потребления”, которая формирует виртуальное пространство культуры, взамен

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 23 января 2023 г. № 72 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 805» (в ред. от 30 января 2023 г.) // СЗ РФ. 2023. № 6, ст. 945; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

политики партии, мифов, легенд и сказок» [4]. В результате личные интересы работника вести свою деятельность в лучших условиях, создать которые будет вынужден работодатель, становятся ключевым аспектом при выборе места работы, что влечет нарушение баланса личного и общественного интересов [5]. По статистике, на выбор профессии каждого пятого россиянина влияет стечение обстоятельств, а не осознанный выбор. При этом лишь четверть респондентов выбирают будущую работу самостоятельно¹. Данный факт, по нашему мнению, свидетельствует о неэффективной работе системы профориентации, а также об отсутствии точно обозначенных векторов развития специалистов.

Вследствие сказанного полагаем, что в современных условиях только самостоятельная и целенаправленная подготовка кадров внутри страны способна решить проблему недостатка специалистов в большинстве сфер. Как говорилось ранее, при решении данной проблемы подходящим представляется именно подход, при котором работник формируется со школьной скамьи до рабочего места. Это позволяет разрешить проблему частного и общественного интересов, а также создать условия формирования качественных и заинтересованных в развитии страны кадров. Поэтому необходима система подготовки и развития талантливой молодежи и ее способностей, которая будет дополнять существующие меры поддержки. Наиболее перспективной для решения этой задачи видится система общего образования, поскольку именно она представляет собой вид образования, который направлен на обретение навыков, необходимых для «жизни человека в обществе и осознанного выбора профессии». Образование в России есть не что иное, как единство воспитания и обучения, осуществляемых в интересах человека и являющихся общественным благом. Результатом образовательного процесса выступают совокупность приобретаемых знаний, умений и навыков, подкрепленных ценностными установками и опытом деятельности обучающегося². Сегодня перед образовательной системой ставятся одновременно такие задачи, как воспитание гражданственности, патриотизма и ответственности за свою Родину в каждом ученике и формирование технологической и экономической независимости страны³.

Проблема процесса воспитания и обучения обсуждается также и среди ученых. Отдельное внимание уделяется формированию культуры будущих специалистов, поскольку она во многом определяет их дальнейший профессиональный путь [6]. Однако возникает вопрос о том, какой способ определения учеников, наиболее нуждающихся в профессиональной поддержке и обучении, избрать.

В настоящее время в России осуществляются выявление и поддержка лиц, проявивших выдающиеся способности. Одной из задач этого процесса выступает также содействие в получении такими лицами образования. Ключевым способом при этом являются олимпиады и иные интеллектуальные и творческие конкурсы, физкультурные и спортивные мероприятия. Представляется, что данная система олимпиад и конкурсов способна обеспечить комплексный

¹ См.: Профессия, которую мы выбираем: факторы и мотивы решения // ВЦИОМ новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiiobzor/professija-kotoruju-my-vybiraem-factory-i-motivu-reshenija> (дата обращения: 11.04.2023).

² См.: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2023 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6211.

³ См.: Владимир Путин обозначил главные приоритеты воспитания и образования российской молодежи // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/03/02/urok-dlinoiu-v-god.html?ysclid=llm10matti359733846> (дата обращения: 22.08.2023).

подход к определению таких лиц. Однако существующая система поощрений лиц, проявивших выдающиеся способности, нередко заключается в денежном поощрении или иной материальной форме. Так, в Саратовской области 176 педагогов и 217 школьников получают дополнительную премию, выраженную в денежном вознаграждении¹, более необычные призы были вручены школьникам в Кировской области². Представляется, что призы, предоставленные лицам, проявившим выдающиеся способности в ходе проведения конкурсов, не отвечают поставленным перед современным образованием задачам. Как уже говорилось, предоставляемое материальное поощрение не формирует заинтересованности в профессиональном труде. Разница в наградах и отсутствие единого поощрения также приводит к отсутствию системности в данном элементе образования, что значительно снижает вероятность качественного развития учеников. По нашему мнению, необходимо сформировать единый подход к поощрению лиц с выдающимися способностями, который должен отвечать требованиям их дальнейшего профессионального роста.

Несомненно, единый подход должен быть связан с профессиональным и трудовым воспитанием. Начало данному процессу было положено в 2023 г., когда учеников станут привлекать к общественно полезному труду, подразумевающему проведение садово-парковых работ, уборку класса или помощь в работе школьных музеев и объектов общего досуга³. Это нашло отражение в подготовленном к вступлению в силу Федеральном законе от 4 августа 2023 г. № 468-ФЗ «О внесении изменений в статьи 97 и 98 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”»⁴. Развитием этой инициативы по отношению к лицам, проявившим выдающиеся способности, может стать существовавшая ранее система ознакомления школьников с профессиональным трудом. Речь идет об организации экскурсий на предприятия и в организации, а также проведении систематических встреч с представителями профессий, в которых сегодня нуждается Российская Федерация. Данный опыт имелся в советский период, когда проводилось углубленное ознакомление с профессиями⁵. Однако необходима именно система таких поощрений. Важно отметить, что только комплексный подход в системе образования является ключевым условием достижения результата. По мнению ученых, «нужна последовательная, целеустремленная и настойчивая работа, чтобы комплексный подход как научно обоснованное выражение педагогической политики в области воспитания стал методологической базой организации деятельности по формированию гражданина и патриота России» [7]. Видится, что усовершенствование существующей системы выявления и поддержки ода-

¹ См.: 176 педагогов и 217 школьников области получают дополнительную премию // Официальный сайт Министерства образования Саратовской области. URL: <http://minobr.saratov.gov.ru/news/33083/> (дата обращения: 22.08.2023).

² См.: Победителей во всероссийской школьной олимпиаде в Кирове наградили кетчупом и майонезом // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/06/03/n_16057994.shtml (дата обращения: 22.08.2023).

³ См.: Владимир Путин подписал закон о трудовом воспитании школьников и введении серебряных медалей // Минпросвещения России. URL: <https://www.edu.gov.ru/press/7356/vladimir-putin-podpisal-zakon-o-trudovom-vospitanii-shkolnikov-i-vvedenii-serebryanyh-medaley/> (дата обращения: 22.08.2023).

⁴ См.: СЗ РФ. 2023. № 32, ч. 1, ст. 6200.

⁵ См.: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 12 апреля 1984 г. № 314 «Об улучшении трудового воспитания, обучения, профессиональной ориентации школьников и организации их общественно полезного, производительного труда» (в ред. от 11 июля 1988 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

ренных учащихся позволит обеспечить их развитие и трудоустройство внутри страны. В приведенном предложении также возможно использование системы целевого обучения, но оно в таком случае должно обоюдно отвечать интересам как государства, так и ученика. Существующая система гарантирует только трудоустройство и в ряде случаев обеспечение процесса учебы¹. Однако если речь идет о лицах, проявивших выдающиеся способности, то представляется, что таких мер поддержки недостаточно.

Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня в России возникла необходимость создания системы поддержания и формирования развития талантливой молодежи, которая вместе с существующими мерами будет способна обеспечить страну необходимыми кадрами, отвечающими современным запросам общества и государства. Представляется, что предложенные меры стимулирования способны создать условия для реализации знаний, умений и навыков учащихся. Обозначенная проблема, по мнению авторов, является одной из наиболее значимых, поскольку конкуренция за данную категорию кадров существует уже на международном, а не на внутригосударственном уровне.

Библиографический список

1. *Жугин А.В.* Трудовая функция работника: содержание, уточнение, изменение // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 382–397.
2. *Андриановская И.И., Зыкина Т.А.* Преемственность и новизна в формировании правовой модели трудовой функции работника // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 204–208.
3. *Исаченко В.А., Бичурин Х.И.* Совершенствование кадровой политики в ракетно-космической промышленности // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 6. С. 46–48.
4. *Валевич Е.С., Ильин А.Н.* Интернет-реклама в обществе потребления // ОНВ. 2015. № 1(135). С. 88–91.
5. *Грешнова Н.А.* Понятие личных интересов в современных условиях // Юридический мир. 2022. № 11. С. 21–26.
6. *Юрикова С.А.* Задачи образования в контексте развития современного общества // Вестник УРАО. 2017. № 3. С. 4–9.
7. *Бузаров К.И.* Комплексный подход как методологический принцип построения воспитательной системы школы (теоретический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3, Педагогика и психология. 2012. № 2. С. 32–36.

References

1. *Zhugin A.V.* The Labor Function of an Employee: Content, Clarification, Change // Issues of Russian Justice. 2021. № 15. P. 382–397.
2. *Andrianovskaya I.I., Zykina T.A.* Continuity and Novelty in the Formation of the Legal Model of the Employee's Labor Function // Bulletin of Tomsk State University. 2019. No. 442. P. 204–208.

¹См.: Постановление Правительства РФ от 13 октября 2020 г. № 1681 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» (вместе с Положением о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования, Правилами установления квоты приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета) (в ред. от 28 сентября 2023 г.) // СЗ РФ. 2020. № 43, ст. 6783; 2023. № 40, с. 7249.

3. *Isachenko V.A., Bichurin H.I.* Refinement of Personnel Policy in the Rocket-Space Industry // *Problems of Economics and Legal Practice*. 2016. No. 6. P. 46–48.
4. *Valevich E.S., Ilyin A.N.* Internet Advertising in the Consumer Society // *ONV*. 2015. No. 1(135). P. 88–91.
5. *Greshnova N.A.* The Concept of Personal Interests in Modern Conditions // *Legal World*. 2022. No. 11. P. 21–26.
6. *Yurikova S.A.* Tasks of Education in the Context of the Development of Modern Society // *Bulletin of the Ural Federal District*. 2017. No. 3. P. 4–9.
7. *Buzarov K.I.* An Integrated Approach as a Methodological Principle of Building the Educational System of a School (theoretical aspect) // *Bulletin of the Adygea State University. Series 3, Pedagogy and Psychology*. 2012. No. 2. P. 32–36.

Т.П. Ерохина

**КАТЕГОРИИ «БАЛАНС» И «ДИСБАЛАНС»
В ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ
МАТЕРИАЛЬНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

Введение: актуальность исследования проблем единства и взаимодействия материального и процессуального права на общетеоретическом уровне подтверждается иницируемой в России реформой законодательства в области административной ответственности, попытками в теории и на практике пересмотреть вопрос об унификации цивилистического процессуального права, а также наличием ряда проявлений дисбаланса между материальной и процессуальной составляющими системы отечественного законодательства. **Цель** — наметить перспективы использования категориальной пары «баланс — дисбаланс» в исследованиях системных связей материального и процессуального права и обосновать их. **Методологическая основа:** в качестве основополагающего метода и философской основы использована материалистическая диалектика, применялись общенаучные и частнонаучные методы познания (логический, системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой). **Результаты:** предложено авторское видение применения общенаучных категорий «баланс» и «дисбаланс» в раскрытии закономерностей и взаимодействия материального и процессуального блоков системы законодательства в России. **Выводы:** категориальная пара «баланс — дисбаланс» служит развитию понятийного аппарата отечественной юридической науки, расширяя и дополняя понятийные ряды такого раздела общей теории права, как «система законодательства».

Ключевые слова: система законодательства, материальное право, процессуальное право, законодательный дисбаланс, методология юридической науки.

Т.Р. Erokhina

**THE CATEGORIES OF "BALANCE" AND "IMBALANCE"
IN THE GENERAL THEORETICAL UNDERSTANDING
OF SUBSTANTIVE AND PROCEDURAL LAW**

Background: the relevance of the study of the problems of unity and interaction of substantive and procedural law at the general theoretical level is confirmed at the moment by the reform of legislation in the field of administrative responsibility initiated in Russia, attempts in theory and in practice to reconsider the issue of unification of civil procedural law, as well as the presence of a number of manifestations of an imbalance between the material and procedural components systems of domestic legislation. **Objective** — substantiate and outline the prospects for the use of the categorical pair "balance — imbalance" in the study of systemic relations of substantive and procedural

© Ерохина Татьяна Петровна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_tgp@ssla.ru

© Erokhina Tatyana Petrovna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Doctoral student of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

law. Methodology: materialistic dialectics was used as the fundamental method and philosophical basis, as well as general scientific and private scientific methods of cognition (logical, system-structural, formal-legal, comparative-legal) were used. Results: the author's vision of the prospects for applying general scientific categories of balance and imbalance in revealing the current state of correlation and interaction of the material and procedural blocks of the legislative system in Russia is proposed. Conclusions: the categorical pair "balance — imbalance" serves to develop the conceptual apparatus of domestic legal science, expanding and supplementing the conceptual series of such a section of the general theory of law as the "system of Russian legislation".

Keywords: legislative system, substantive law, procedural law, legislative imbalance, methodology of legal science.

О повышенной актуальности заявленной темы свидетельствуют комплексные предложения по совершенствованию одного из крупнейших блоков российского законодательства, охватывающего всю систему нормативно-правовой регламентации административной ответственности, включая ее материальную и процессуальную составляющие. Иницируемое в настоящее время реформирование законодательства об административных правонарушениях направлено на решение следующих задач:

дифференциация российского административного законодательства на материальное и процессуальное;

интеграция нормативных правовых предписаний, регламентирующих производство по делам об административных правонарушениях, посредством их объединения в Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹;

совершенствование комплекса процедур рассмотрения административных дел несудебными органами;

усиление процессуальных гарантий прав и законных интересов лиц, участвующих в производствах по делам об административных правонарушениях;

развитие принципа состязательности в производстве по делам об административных правонарушениях;

обеспечение принципа соразмерности правонарушения и применяемого за его совершение административного наказания (повышение уровня сбалансированности системы административных наказаний);

установление механизма восстановления прав лиц, которые подверглись незаконному привлечению к административной ответственности, то есть закрепление института права на реабилитацию в административном процессуальном праве;

перевод документооборота, осуществляемого в рамках административного производства, в электронно-цифровую форму с одновременным обеспечением доступности обращения за защитой права, а также экономии процессуальных средств и времени.

¹ Минюстом России на официальном сайте regulation.gov.ru размещен для процедуры повторного публичного обсуждения проект федерального закона «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», подготовленный с учетом положений Концепции нового КоАП, опубликованной на официальном сайте Правительства Российской Федерации. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=102945> (дата обращения: 20.12.2023).

Сам факт попытки одновременного скоординированного изменения с учетом диалектической корреляции материальных и процессуальных норм законодательства об административной ответственности свидетельствует о признании в правотворческой практике важности принципа сбалансированности материального и процессуального законодательства. Учитывая методологическую обоснованность подобного подхода в целом, надлежит упомянуть и о критике в отношении ряда деталей по его претворению в жизнь в рамках предлагаемой законодательной реформы института административной ответственности, которая озвучена в юридической литературе [1–3]. Многочисленные критические замечания выступают дополнительным подтверждением необходимости продолжения общетеоретических изысканий по направлению поиска причин, условий и параметров установления сбалансированной системы материальных и процессуальных норм в праве, а также по разработке мер и средств предупреждения процессов развития прямо противоположного ее состояния — дисбаланса.

Актуальность и теоретическая значимость изучения проблем сбалансированности материального и процессуального права подтверждается также продолжающейся в отечественной юридической науке и практике дискуссией в отношении унификации и специализации цивилистического процессуального права. Следует отметить, что занимаемые позиции специалистами имеют прямо противоположный характер — от бескомпромиссной и тотальной унификации процессуальной формы до столь же масштабной дифференциации видов цивилистического судопроизводства.

Сложившаяся ситуация в теории и на практике, на наш взгляд, требует поиска более сбалансированного подхода к ее разрешению. В связи с этим полагаем уместным обратить внимание на одно из последних комплексных исследований, проведенное Е.Г. Потапенко и представленное в виде докторской диссертации, в котором поставлена цель нахождения баланса между двумя противоположными тенденциями в развитии цивилистического процессуального права. Так, автор в своей работе предпринял попытку обоснования общей концепции специализации и унификации цивилистического процессуального права как «парных процессов качественного отраслевого развития» [4, с. 7]. Но что представляется нам наиболее интересным в свете настоящей статьи, так это заявляемая Е.Г. Потапенко возможность достижения большей эффективности действия цивилистической процессуальной формы посредством сбалансирования, включенных в нее средств. Внедрение понятийной конструкции «баланс» в исследование диалектически взаимосвязанных процессов по унификации и специализации законодательства видится достаточно перспективным методологическим ресурсом, набирающим популярность у представителей как общетеоретической, так и отраслевой отечественной юридической науки.

Однако вполне успешное претворение в жизнь теоретико-методологического потенциала категорий «баланс» и «дисбаланс» можно обнаружить в зарубежных исследованиях, осуществляемых на стыке экономики и права. Так, С.А. Курочкин обращает внимание на данное обстоятельство, указывая на перспективные исследования зарубежных юристов и экономистов, основанные на использовании понятийной конструкции «баланс» в сфере определения эффективности действия процессуального законодательства. Автор, в качестве положительного результата оперируя понятием «баланс» в области установления эффективности механизма процессуально-правового регулирования, констатирует выявление значимой

закономерности, выражающейся в том, что «существует дивергенция между расходами общества и затратами частных лиц на подачу исков в суд, которое может приводить к социально избыточному уровню обращений с исками в суд» [5, с. 169]. Одновременно исследователь вслед за зарубежными правоведами приходит к вполне обоснованному выводу следующего содержания: «Гражданское и арбитражное процессуальное право может быть проанализировано как комплекс правил, обеспечивающих достижение искомого баланса спроса и предложения в сфере гражданской юрисдикции. Образую систему “неявных цен”, процессуальные нормы позволяют рационализировать обращение в суд. Несмотря на специфику такого рода “неявных цен”, зарубежные юристы и экономисты предлагают применять для этих целей аналоги широко известного ценового механизма» [5, с. 170].

Понятийная матрица, привнесенная из другой научной области, подтверждает свою методологическую состоятельность и в юриспруденции. Вследствие сказанного согласимся с тем, что «непривычный» для правоведов методологический подход экономической теории, в котором особое место отводится категориальной паре «баланс — дисбаланс», вполне пригоден для целей повышения эффективности института обращения за судебной защитой права, а также для формирования надлежащих условий реализации механизма судебного правоприменения.

Приведенный пример оперирования упомянутыми понятиями как методологическим инструментарием далеко не единственный в отечественном правоведении. Одним из первых, кто ратовал за их широкое использование в рассмотрении системного состояния российского законодательства, был И.Н. Сенякин, активно продвигая идею внедрения в общую теорию права понятийной конструкции «законодательный дисбаланс», обладающей, по его мнению, существенным теоретико-методологическим потенциалом [6, с. 88–144; 7, с. 128–129; 8, с. 276]. В дальнейшем данная концептуальная идея была подхвачена и творчески реализована в трудах С.А. Белоусова [9–10].

Отдельные аспекты применения концепции законодательного дисбаланса нашли отражение в работах и других учеников И.Н. Сенякина. Он, как руководитель и авторитетный ученый-правовед, сформировал научную школу в отечественном правоведении, приоритетом которой являлись и по-прежнему являются общетеоретические исследования системных характеристик российского законодательства, проводимые с применением достаточно широкого круга теоретико-методологических инструментов. В частности, обстоятельному рассмотрению были подвергнуты следующие проблемы: состояние разбалансированности общефедерального и регионального нормативных правовых массивов; усмотрение в праве и законодательный дисбаланс; технология структурной организации кодифицированных актов как инструмент обеспечения сбалансированности законодательства; дисбаланс правотворческой деятельности; правовой консенсус как способ устранения и преодоления законодательного дисбаланса [11]; дисбаланс юридической ответственности [12] и др.

Существенный вклад в разрешение проблемы нахождения баланса между двумя важнейшими процессами интеграции и дифференциации структурных образований в системе российского права вносят и работы Д.Е. Петрова, в которых автор органично выстраивает на основе фундаментальных воззрений М.И. Байтина и И.Н. Сенякина собственную общетеоретическую картину взаимосвязи, с одной стороны, интеграции в праве и унификации законодательства, а с дру-

гой — дифференциации права и специализации законодательства [13–14]. Таким образом, проблемы комплексного и системного совершенствования российского законодательства, актуальные вопросы его реконструирования и балансировки, диалектики взаимосвязи противоположных тенденций и перспективных направлений развития системы права и системы законодательства перманентно находятся под пристальным вниманием представителей научной школы Ивана Николаевича Сенякина.

Особый интерес для нас представляет ряд положений, выдвинутых о состояниях баланса и дисбаланса именно в отношении предметной и функциональной связи материального и процессуального права [15–17].

Обобщая наработки и достижения по применению категориальной пары «баланс — дисбаланс» в области исследования разнообразных противоположных тенденций развития системно-организованного российского законодательства, представляется возможным выделить ряд отправных методологических идей, которые должны составить фундамент в дальнейшем изучении диалектики взаимодействия материальной и процессуальной составляющих права:

появление состояний и процессов рассогласованности, противоречивости и асимметричности в предметном и функциональном взаимодействии материального и процессуального права выступает одновременно в качестве важнейшей причины и значимой содержательной стороны проявления законодательного дисбаланса;

множественные внутренние противоречия между материальной и процессуальной подсистемами российского законодательства делают его уязвимым к негативному внешнему воздействию со стороны экономики, политики и иных сфер общественной жизни;

нарушение системных связей между материальным и процессуальным правом носит разрушительный характер для всего механизма правового регулирования и существенным образом снижает эффективность его действия, а в ряде случаев может вызвать полный «паралич» в его работе;

состояние разбалансированности между материальной и процессуальной частями системы законодательства представляет собой во многом объективно обусловленное явление, но в системе его детерминант особое значение имеет и субъективный фактор, поскольку само законодательство является результатом деятельности субъектов правотворческого процесса;

важнейшими комплексными способами предотвращения дисбаланса материального и процессуального права и одновременно обеспечения его надлежащей сбалансированности выступают специализация и унификация законодательства;

дуалистическая природа дисбаланса материального и процессуального права предопределяет и двойственную роль в их развитии и взаимодействии, что выражается как в деструктивном, так и в конструктивном характере действия состояний разбалансированности рассматриваемых блоков системы права (речь идет о возможности не только деструктивного влияния законодательного дисбаланса на общественные отношения и процесс их правового регулирования, которая изучена достаточно детально, но и потенциально позитивном воздействии состояния дисбаланса в деле дальнейшего развития материального и процессуального права, поскольку оно стимулирует законодателя к дальнейшим шагам по их совершенствованию и объективно необходимо в качестве одного из этапов закономерного развития системы законодательства);

на определенных исторических этапах развития общества дисбаланс в экономике и политике представляет собой одну из фундаментальных причин, детерминирующих процессы и состояния разбалансированности материальной и процессуальной подсистем права и законодательства, а также, наоборот, дисбаланс между материальным и процессуальным правом может порождать деструктивные процессы и состояния в экономике и политике, вызывая в ряде случаев в них системные кризисные явления.

Следует присоединиться к позиции, согласно которой общенаучная теоретико-понятийная модель «баланс — дисбаланс» может вполне успешно использоваться исследователями при разрешении системных проблемных вопросов в оценке состояния законодательства в целом и его диалектически взаимосвязанных крупных блоков, которыми выступают материальное и процессуальное право, но с учетом конкретной специфики нормативно-правовой материи и с пониманием весьма ограниченных возможностей по применению математической составляющей подобного методологического подхода в процессе познания юридических феноменов. В подтверждение сошлемся на точку зрения, весьма обстоятельно обоснованную С.А. Белоусовым: «Для нас важен сам факт и общий подход в формировании и развитии категорий “баланс — дисбаланс” в гуманитарных науках. Положительный опыт изучения состояния сбалансированности или разбалансированности сложной социальной системы по возможности необходимо учитывать и в изысканиях в области юриспруденции» [18, с. 40–41].

Отмеченные концептуальные идеи и выстраиваемый на их основе методологический подход в области государственно-правовых исследований находят поддержку и у философов. В частности, М.В. Шугуров в своей работе делает значимый акцент на теоретико-методологических возможностях и перспективах применения в правоведении категориальной пары «баланс — дисбаланс», а также констатирует необходимость обновления категориально-понятийного аппарата современной юридической науки, одновременно предлагая рассматривать данные понятийные конструкции в качестве «категорий правового мышления, юридической практики и, разумеется, категорий науки права, что, конечно же, требует своего методологического обоснования» [19, с. 87].

Подводя итог рассмотрению проблемы и перспектив использования категориальной пары «баланс — дисбаланс» в исследованиях диалектики взаимосвязи материального и процессуального в системе российского законодательства, подчеркнем доказавшую себя временем продуктивность подобного методологического подхода в отечественной юридической науке, его достаточно широкое применение в общетеоретических и отраслевых правовых исследованиях. Представляется, что дальнейшее использование рассматриваемого методологического инструментария позволит глубже и полнее раскрыть сущность материального и процессуального права в их единстве, взаимодействии и противоречии.

Библиографический список

1. Гришковец А.А. Старая проблема в проекте нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17, № 3. С. 411–420.

2. Дьяконова О.Г. Комплексный подход к регламентации использования специальных знаний в проекте Процессуального кодекса РФ об административных правонарушениях: быть или не быть? // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 9. С. 133–140.

3. Соколов А.Ю., Лакаев О.А. Критический взгляд на проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 44–51.

4. Потапенко Е.Г. Специализация и унификация цивилистического процессуального права: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Саратов, 2023. 42 с.

5. Курочкин С.А. Эффективное обращение в суд: вопросы теории // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 6(137). С. 163–176.

6. Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства – основные формы обеспечения его сбалансированности // Законодательный дисбаланс: монография / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2013. С. 88–144.

7. Сенякин И.Н. Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4(105). С. 128–132.

8. Сенякин И.Н. Дисбаланс юридической ответственности (техничко-культурная детерминация и причины) // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 275–280.

9. Белоусов С.А. Дисбаланс в системе российского законодательства: монография / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2014. 341 с.

10. Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2015. 472 с.

11. Законодательный дисбаланс: монография / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2013. 720 с.

12. Кушнир И.В. Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 187 с.

13. Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2015. 471 с.

14. Петров Д.Е. Дифференциация системы права / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2014. 158 с.

15. Белоусов С.А. К вопросу о дисбалансе материального и процессуального законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 5. С. 151–155.

16. Белоусов С.А. Материальные и процессуальные нормативные предписания в системе российского законодательства: диалектика взаимосвязи и проблемы разбалансированности // Современное право. 2015. № 12. С. 5–12.

17. Иващенко К.Б. Соотношение материального и процессуального права в Российском государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 176 с.

18. Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 501 с.

19. Шугуров М.В. Баланс и дисбаланс как категории правовой реальности: системно-синергетический подход // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1(6). С. 87–98.

References

1. Grishkovets A.A. The Old Problem in the Draft of the New Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // Siberian Legal Review. 2020. Vol. 17, no. 3. P. 411–420.

2. *Dyakonova O.G.* An Integrated Approach to the Regulation of the Use of Special Knowledge in the Draft Procedural Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: to Be or Not to Be? // *Actual Problems of Russian Law*. 2021. Vol. 16, no. 9. P. 133–140.

3. *Sokolov A.Yu., Lakaev O.A.* A Critical Look at the Draft Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and the Procedural Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // *Administrative Law and Process*. 2020. No. 8. P. 44–51.

4. *Potapenko E.G.* Specialization and Unification of Civil Procedural Law: extended abstract of diss. ... Dr. of law. Saratov, 2023. 42 p.

5. *Kurochkin S.A.* Effective Appeal to the Court: Questions of Theory // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2020. No. 6(137). P. 163–176.

6. *Senyakin I.N.* Specialization and Unification of Russian Legislation - the Main Forms of Ensuring Its Balance // *Legislative Imbalance: monograph* / ed. by I.N. Senyakin. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House, 2013. P. 88–144.

7. *Senyakin I.N.* Imbalance of Legal Responsibility in the Legislation of the Russian Federation // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2015. No. 4(105). P. 128–132.

8. *Senyakin I.N.* Imbalance of Legal Responsibility (Technical and Cultural Determination and Causes) // *Legal Technique*. 2016. No. 10. P. 275–280.

9. *Belousov S.A.* Imbalance in the System of Russian Legislation: monograph / ed. by I.N. Senyakin. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House, 2014. 341 p.

10. *Belousov S.A.* Legislative Imbalance (Doctrine, Theory, Practice) / ed. by I.N. Senyakin. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House, 2015. 472 p.

11. *Legislative Imbalance: a monograph* / ed. by I.N. Senyakin. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House, 2013. 720 p.

12. *Kushnir I.V.* Imbalance of Legal Responsibility in the Legislation of the Russian Federation: dis. ... cand. of law. Saratov, 2021. 187 p.

13. *Petrov D.E.* Differentiation and Integration of Structural Formations of the Russian Law System / ed. by I.N. Senyakin. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House, 2015. 471 p.

14. *Petrov D.E.* Differentiation of the Legal System / ed. by I.N. Senyakin. Saratov: Saratov State Academy of Law Publishing House, 2014. 158 p.

15. *Belousov S.A.* On the Issue of the Imbalance of Material and Procedural Legislation // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2013. No. 5. P. 151–155.

16. *Belousov S.A.* Material and Procedural Normative Prescriptions in the System of Russian Legislation: Dialectics of Interconnection and Problems of Imbalance // *Modern law*. 2015. No. 12. P. 5–12.

17. *Ivashchenko K.B.* The Ratio of Substantive and Procedural Law in the Russian State: dis. ... cand. of law. Saratov, 2018. 176 p.

18. *Belousov S.A.* Legislative Imbalance (Doctrine, Theory, Practice): dis. ... Dr. of law. Saratov, 2015. 501 p.

19. *Shugurov M.V.* Balance and Imbalance as Categories of Legal Reality: a Systemic Synergetic Approach // *Russian Journal of Legal Studies*. 2016. No. 1(6). P. 87–98.

И.Н. Правкина, И.В. Правкин

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Введение: статья посвящена тем сущностным характеристикам правового воспитания, в которых проявляется его связь с формированием ценностных ориентаций и нравственно-правовых установок современного общества. В современных условиях на организацию системы правового воспитания ощутимое влияние оказывают оптимизация государственно-правового инструментария и воспроизводство нормативно-правового массива в обозначенной сфере. Однако, несмотря на указанное обстоятельство, эффективность правового воспитания обеспечивается не только целенаправленной деятельностью государственно-властных институтов, но и самостоятельным формированием индивидом позитивных правовых установок. Кроме того, фактором, ощутимо влияющим на эффективность названной деятельности, является динамика социокультурных трансформаций. **Цель** — определить место и роль правового воспитания в организации жизни современного общества, а также уточнить содержание детерминантов и принципов, обеспечивающих эффективность правового воспитания в современных условиях. **Методологическая основа:** в контексте исследования применяется сложносоставная методология, включающая элементы социологического, аксиологического и формально-юридического подходов. **Результаты:** уточнено содержание понятия «правовое воспитание»; обосновано, что правовое воспитание является одним из чрезвычайно значимых аспектов формирования и развития правового сознания и правовой культуры общества и в связи с этим для государства значимыми оказываются принятие и реализация комплексной политико-правовой стратегии, определяющей цель и задачи деятельности уполномоченных субъектов по правовому воспитанию; уточнены факторы как объективного, так и субъективного характера, влияющие в современных условиях на эффективность правового воспитания, а также принципы, положенные в его основу. **Выводы:** правовое воспитание является сложной, полисубъектной и многоаспектной деятельностью, играющей значимую роль в формировании правового сознания и правовой культуры современного общества. Помимо усилий государства, облеченных в различные правовые и организационные формы, на эффективность правового воспитания влияет множество других факторов. Система правового воспитания отражает природу и сущность действующего права, а также уровень ассимиляции духовно-нравственных ценностей в обществе.

Ключевые слова: правовое воспитание, правовое просвещение, правовая пропаганда, нравственные ценности, правовая стратегия, эффективность.

© Правкина Ирина Николаевна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин (Московская академия Следственного комитета Российской Федерации); e-mail: pravkinairina@yandex.ru

© Правкин Игорь Владимирович, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории государства и права (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя); e-mail: pravkin013@yandex.ru

© Pravkina Irina Nikolaevna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines (Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation)

© Pravkin Igor Vladimirovich, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Theory of State and Law (Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot)

I.N. Pravkina, I.V. Pravkin

LEGAL EDUCATION IN MODERN SOCIETY

Background: the article is devoted to the essential characteristics of legal education, which shows its connection with the formation of value orientations and moral and legal attitudes of modern society. In modern conditions, the organization of the system of legal education is significantly influenced by the optimization of state-legal tools and the reproduction of the normative-legal array in this area. However, despite this circumstance, the effectiveness of legal education is provided not only by the purposeful activity of state and government institutions, but also by the independent formation of positive legal attitudes by an individual. In addition, the dynamics of socio-cultural transformations is a factor that tangibly affects the effectiveness of this activity. **Objective** —to determine the place and role of legal education in the organization of the life of modern society, as well as to clarify the content of determinants and principles that ensure the effectiveness of legal education in modern conditions. **Methodology:** in the context of the study, a complex methodology is used, which includes elements of sociological, axiological and formal legal approaches. **Results:** the content of the concept of "legal education" was specified; it was substantiated that legal education is one of the most important aspects of formation and development of legal consciousness and legal culture of society, and in this regard, the adoption and implementation of a comprehensive political and legal strategy that determines the purpose and objectives of the activities of authorized subjects on legal education are significant for the state; the factors of both objective and subjective nature that affect the effectiveness of legal education in modern conditions were specified. **Conclusions:** legal education is a complex, multi-subject and multidimensional activity that plays a significant role in the formation of legal consciousness and legal culture of modern society. In addition to the efforts of the state, clothed in various legal and organizational forms, the effectiveness of legal education is influenced by many other factors. The system of legal education reflects the nature and essence of the current law, as well as the level of assimilation of spiritual and moral values in society.

Keywords: legal education, legal education, legal propaganda, moral values, legal strategy, efficiency.

Преобразование действующего права и правореализационной практики, а также изменение существующих параметров функционирования механизма Российского государства могут быть успешными только в условиях целенаправленной, внутренне непротиворечивой и эффективной правовой политики. Одним из приоритетных направлений правовой политики современного Российского государства является совершенствование организационных форм и методов осуществления правового воспитания. Формирование системы ценностей и нравственно-правовых идеалов, отвечающих интересам общества и государства, чрезвычайно значимо как для эффективного регулирования общественных отношений, так и для практики государственно-правового строительства.

Проблемы правового воспитания, повышения уровня правосознания, зрелости гражданского общества, а также правовой активности индивида в современных условиях приобретают особое значение. Размывание роли международного права в формировании мировых стандартов в области прав человека, в обеспечении добросовестного выполнения государствами принятых на себя обязательств, гуманизации правосудной сферы, а также попытки оказания деструктивного

влияния институтами, несущими идеологию западной цивилизации, на российскую правовую культуру делают потребность в повышении уровня правосознания и правовой культуры общества посредством принятия мер воспитательного характера особенно острой. Определение места и роли правового воспитания в организации правовой жизни общества, выработка наиболее оптимальных форм и методов воспитательного воздействия, а также обеспечение эффективной координации сил и средств государственных органов и институтов гражданского общества в выработке и реализации приоритетных задач правового воспитания не теряют своей актуальности.

Несмотря на то, что в юридической литературе понятие «правовое воспитание», как правило, используется без дополнительных пояснений, тем не менее его экспликация позволяет лучше понять структурно-содержательные особенности правового воспитания, а также средства его осуществления. Так, Н.Л. Гранат под правовым воспитанием понимает «целенаправленную систематическую деятельность государства, его органов и служащих, общественных объединений и трудовых коллективов по формированию и повышению правового сознания и правовой культуры» [1, с. 461]. Т.В. Синюкова, определяя сущность и содержание правового воспитания, акцентирует внимание на том, что это «целенаправленная деятельность государства, общественных организаций, отдельных граждан по передаче юридического опыта; систематическое воздействие на сознание и поведение человека в целях формирования определенных позитивных представлений, взглядов, ценностных ориентаций, установок, обеспечивающих соблюдение, исполнение и использование юридических норм» [2, с. 623]. По мнению Р.В. Кравцова, правовое воспитание необходимо рассматривать «как целевое воздействие, направленное на формирование системы нравственно-правовых ценностей личности, обеспечивающей высокий уровень правовой культуры» [3, с. 8]. Д.Е. Попов под правовым воспитанием понимает процесс «формирования у граждан и в обществе правовой культуры... Содержанием правового воспитания является приобщение людей к знаниям о государстве и праве, законности, правах и свободах личности, понимание сущности правовых учений, доктрин, выработка у граждан устойчивой ориентации на законопослушное поведение»¹. И.А. Демидова, рассматривая правовое воспитание в контексте теоретического юридического знания, определяет его как «целенаправленную деятельность по формированию ценностных правовых установок личности, направленное на формирование позитивного правосознания и высокого уровня правовой культуры личности, что служит ее правовой социализации и правомерному поведению во всех сферах общественной жизни» [4, с. 115].

Существование различных подходов к определению понятия «правовое воспитание» обуславливает необходимость рассмотрения данного феномена в двух смысловых контекстах. С одной стороны, в более широком смысле, правовое воспитание представляет собой сложный, многоуровневый процесс накопления, углубления и расширения правовых знаний, культивирования правового опыта и традиций общества. С другой стороны, в узком смысле, сущность правового воспитания заключается в непрерывном воздействии государства и гражданского общества на интеллектуально-волевую сферу личности с целью формирования

¹ Попов Д.Е. Правовое воспитание как средство формирования правовой культуры. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-vozpitanie-kak-sredstvo-formirovaniya-pravovoy-kultury> (дата обращения: 04.06.2023).

иерархии ценностей, ориентаций, стимулирования правовой активности индивида с учетом уникального культурно-генетического кода, воспроизводящегося в правовом сознании общества на протяжении всей истории его развития. Таким образом, правовое воспитание является одним из чрезвычайно значимых аспектов формирования и развития правового сознания и правовой культуры общества, основная цель которого — трансляция правового опыта, знаний, убеждений, представлений о праве, а также формирование и укрепление ценностных ориентаций последнего.

Основной глобальной целью правового воспитания выступает укрепление законности и поддержание правопорядка в обществе. Реализация данной цели среди прочего предполагает формирование государством стратегии обеспечения эффективности правового воспитания. Данная стратегия носит комплексный, политико-правовой характер и предполагает решение не только политических задач, актуальных для государства, но и является внутренним импульсом в развитии индивидуального права, в котором правовое воспитание представляет собой движущую силу правовой активности индивида. Особенностью данной правовой стратегии является то, что ее формирование, как правило, осуществляется посредством оптимизации правового инструментария, находящегося в руках государства, и охватывается правовой регламентацией отдельных сегментов общественной жизни. Потребность в целенаправленной деятельности по правовому воспитанию, адаптированному с учетом существующих тенденций развития государства и права, а также обеспечивающему противодействие идеологии экстремизма, терроризма и иным видам деструктивных идеологий, нашло свое отражение в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года¹. Данный документ определяет основные приоритетные направления государственной политики в области правового воспитания, создания благоприятных условий для его совершенствования и дифференциации способов и форм воспитательного воздействия, а также раскрывает особенности механизма реализации стратегии воспитания. Ключевой идеей стратегии развития правового воспитания является укрепление духовно-нравственных устоев общественной жизни, сохранение культурной идентичности и исторической миссии многонационального народа России.

Еще одним примером воспроизводства правовых норм, регламентирующих организацию и обеспечивающих совершенствование правового воспитания в российском обществе, является принятие Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². Данный подзаконный нормативный правовой акт — это инструмент правового оформления универсальных ценностей, которые выступают системообразующим элементом социальной системы общества и основой правовоспитательного процесса. Таким образом, государство заинтересовано в формировании нормативной правовой базы в сфере организации деятельности по правовому воспитанию широких слоев населения и повышении ее эффективности.

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2015. № 23, ст. 3357.

² См.: СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

Необходимо отметить, что эффективность правового воспитания зависит от ряда факторов, как объективного, так и субъективного характера. К числу факторов объективного характера следует отнести, например, исторически сложившиеся, глубинные и устойчивые представления общества о государственно-правовой действительности, ценностно-правовые ориентации общества, опосредованные архетипами национальной правовой культуры, а также сформировавшейся правовой идеологией. В связи с этим совершенствование форм, способов и методов правового воспитания происходит в условиях существующей системы накопленных знаний и представлений о праве, а также нравственно-ценностной парадигмы современного российского общества при слабой динамике социокультурных трансформаций. Между тем правосознание как непосредственный объект правового воспитания является компонентом правовой системы, изменения в котором могут быть обусловлены непосредственным влиянием правовой пропаганды и правового обучения. Значимая роль в правовом информировании общества принадлежит государственным органам и институтам гражданского общества, которые посредством правовых технологий передают накопленные знания и опыт с целью формирования у широких слоев населения знаний в сфере действующего законодательства и навыков по осуществлению конституционных прав и свобод.

Принимая во внимание изложенное, можно утверждать, что, с одной стороны, правовое воспитание есть инструмент идеологического воздействия государства на общественное сознание и направлено на формирование установок правомерного поведения и правовой активности индивида, а с другой стороны, определяется действующим правом и содержанием ценностных оснований правосознания. Кроме того, правовое воспитание не может осуществляться в насильственной форме посредством насаждения правовых идей, знаний, которые не найдут своего оптимального преломления сквозь призму массового правосознания и не окажут непосредственного влияния на формирование правомерных моделей поведения.

Необходимо отметить, что достижение эффективности правового воспитания обеспечивается реализацией принципов, положенных в основу данного процесса, в частности:

принцип координации, в соответствии с которым о решении проблем и задач правовоспитательной деятельности можно вести речь при условии укрепления сотрудничества институтов гражданского общества и государства. Логика развития гражданского общества заключается в создании и взаимодействии общественных организаций, объединений без участия институтов государственной власти. Однако современное гражданское общество функционирует в тех границах, которые задает и определяет ему государство, поэтому установки на общее благо, качественное развитие государства и права, в том числе решение проблем правовой культуры и правового воспитания, делают их связь более органичной и нивелируют возможные противоречия. Так, институтам гражданского общества принадлежит ведущая роль в формировании программ развития правового воспитания, обнаружении тех сегментов правовоспитательной работы, которые нуждаются в нормативно-правовой регламентации, осуществлении мониторинга основных показателей эффективности правового воспитания на федеральном, региональном и местном уровнях;

принцип историчности, согласно которому сущность и содержание правового воспитания не являются универсальными характеристиками данного процесса,

а определяются идеологической парадигмой, соответствующей определенному этапу исторического развития общества. Необходимо отметить, что, например, решение вопросов правового воспитания в советском обществе носило ярко выраженный идеологический характер и заключалось в формировании в массовом сознании идеи руководящей роли коммунистической партии и выражении интересов трудящегося класса. Чрезвычайную значимость в укреплении законности и правопорядка приобретала правовая пропаганда, посредством которой осуществлялось внедрение в общественное сознание идеи законопослушного поведения, приоритета публичного над частным, общего блага над индивидуальным, уважения к государственным органам. В дальнейшем усиление правовоспитательной работы нашло свое отражение в принятых Постановлении ЦК КПСС от 15 сентября 1970 г. «О мерах по улучшению правового воспитания трудящихся» и Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 декабря 1970 г. «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве» [5, с. 42]. Принятие указанных актов способствовало обеспечению повышения качества деятельности партийных, государственных и общественных организаций по разъяснению среди широких слоев населения советского законодательства, воспитания советских граждан в духе социалистической законности и правопорядка. Кроме того, особое внимание Коммунистической партией уделялось средствам массовой информации и пропаганде правовых знаний посредством проведения лекционных занятий, повышению качества содержания публикуемой информации в печати. Позднее принятие Конституции Российской Федерации 1993 г., формирование института прав и свобод человека, укрепление основ местного самоуправления, развитие частноправовых отношений, гражданского общества и демократизация общественного и государственного устройства обусловили преобразование действующей системы правового воспитания населения; принцип полиморфизма, согласно которому о правовом воспитании можно вести речь в применении к любой форме правовой жизни современного общества. Многогранный характер общественной жизни, усложнение форм организации современного общества, а также роли локализованных форм права позволяют вести речь о государственной, групповой, международной и индивидуальной формах правовой жизни. В связи с этим постановка вопроса о правовом воспитании в рамках индивидуальной правовой жизни оказывается вполне логичной. Проблемы обновления системы правового воспитания, улучшения форм и методов правовоспитательного процесса, совершенствования механизма правового регулирования в указанной сфере могут быть решены при условии формирования у индивида ценностной установки на правомерную модель поведения и ценностное отношение к праву в целом. Достижение данного результата оказывается возможным благодаря правовому самовоспитанию. Восприятие, усвоение правовых норм и последующая их объективация в социально-правовой среде занимают принципиально важное место в правовой социализации личности. «Для того, чтобы жить в праве, — полагал отечественный ученый-правовед А.С. Алексеев, — необходимо, прежде всего, чтобы право жило в нас» [6, с. 12]. В связи с этим формирование индивидуально-правовых установок, интерпретация и реализация правовых предписаний, структуризация базовых индивидуально-правовых ценностей человека являются сознательным, целенаправленным приобщением индивида к правовой жизни и содержательным компонентом самостоятельного правового воспитания индивида.

Таким образом, в современном обществе правовое воспитание — это сложная и многоаспектная деятельность, в которой участвуют и органы государства, и институты гражданского общества. В то же время эффективность правового воспитания определяется не только усилиями государства и институтов гражданского общества по формированию позитивных правовых установок у индивида, но и самовоспитанием, в том числе самостоятельным поддержанием и укреплением гражданами духовно-нравственных ресурсов, правового статуса, а также конструированием собственной правовой позиции.

В качестве специфического вида деятельности правовое воспитание включает в себя идеологический, правовой, материально-технический и институциональный компоненты. Правовой компонент предполагает принятие нормативных правовых актов, обеспечивающих оптимальное функционирование системы правового воспитания на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Необходимо отметить, что, кроме основных стратегических направлений государственной политики в области правового воспитания и правового просвещения, указанные акты должны предусматривать механизмы, обеспечивающие применение правовых норм, дающие гражданам возможность пользоваться предусмотренными законом правами.

Библиографический список

1. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2010. 576 с.
2. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. 765 с.
3. *Кравцов Р.В.* Правовое воспитание личности в контексте аксиологии права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 168 с.
4. *Демидова И.А.* Правовое образование и правовое воспитание: теоретико-юридический аспект // Общество и право. 2021. № 2(76). С. 112–117.
5. *Цалиев А.М.* Из истории правового воспитания граждан // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 8(80) С. 39–43.
6. *Бондарев А.С.* Правовая культура — цель правового самовоспитания // Правовая культура. 2013. № 2(15). С. 11–22.

References

1. General Theory of State and Law. Academic course in three volumes / ed. by M.N. Marchenko. 3rd ed., reprint. and additional. M.: Norm, 2010. 576 p.
2. Theory of State and Law: course of lectures / ed. by N.I. Matuzov, A.V. Malko. 2nd ed., reprint. and additional M.: Lawyer, 2005. 765 p.
3. *Kravtsov R.V.* Legal Education of the Individual in the Context of the Axiology of Law. Diss. ... cand. of law. Chelyabinsk, 2006. 168 p.
4. *Demidova I.A.* Legal Education and Legal Upbringing: Theoretical and Legal Aspect // Society and Law. 2021. No. 2(76). P. 112–117.
5. *Tsaliev A.M.* From the History of Legal Education of Citizens // Constitutional and Municipal Law. 2011.
6. *Bondarev A.S.* Legal Culture — the Goal of Legal Self-Education // Legal Culture. 2013. No. 2(15). P. 11–22.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2023-5-195-202
УДК 347.515.6

А.Н. Сурков, Б.В. Агарков

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ (НА ОСНОВЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

Введение: при разрешении исков о причинении вреда здоровью или жизни пациента судами дается разная оценка гражданско-правовой ответственности медицинских организаций. В статье выявляются наиболее типичные ошибки судов, влекущие отмену вынесенных решений. **Цель** — дополнить теоретические положения и разработки законодательных предложений, направленных на углубление научного знания об охране здоровья и жизни как нематериальных благ человека посредством возмещения причиненного им вреда медицинскими организациями, и единообразить применение ст. 151, 401, 1068 ГК РФ. **Методологическая основа:** методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, формально-юридический, системно-аналитический и документальный. **Результаты:** состоят в предложениях по решению проблем, связанных с применением ст. 151, 401, 1068 ГК РФ, способствующих достижению единообразия решений по искам о возмещении вреда в результате ненадлежащего качества врачевания персоналом медицинских организаций. **Выводы:** по делам об ответственности медицинских организаций за причиненный ими вред единообразной практики не сложилось. Норма о компенсации морального вреда требует доработки в части дополнения ее редакции иными, кроме денежной, формами устранения причиненных пациенту физических или нравственных страданий при оказании медицинской помощи.

Ключевые слова: медицинская организация, медицинская помощь, медицинский работник, судебная практика, причинение вреда здоровью, моральный вред.

A.N. Surkov, B.V. Agarkov

LIABILITY OF MEDICAL ORGANIZATIONS FOR CAUSING HARM TO HEALTH (BASED ON JUDICIAL PRACTICE)

Background: when resolving claims for causing harm to the health or life of a patient, the courts give a different assessment of the civil liability of medical organizations. The

© Сурков Александр Николаевич, 2023
Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права (Юго-Западный государственный университет); e-mail: Gpkursk@yandex.ru
© Агарков Богдан Владимирович, 2023
Аспирант кафедры гражданского права (Юго-Западный государственный университет)
© Surkov Alexander Nikolaevich, 2023
Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law (Southwestern State University)
© Agarkov Bogdan Vladimirovich, 2023
Graduate student in the Department of Civil Law (Southwestern State University)

article identifies the most typical errors of the courts, which lead to the cancellation of the rendered decisions. Objective —supplement the theoretical provisions and the development of legislative proposals aimed at deepening scientific knowledge on the protection of health and life as intangible benefits of a person through compensation for harm caused to them by medical organizations, and uniform application of Art. Art. 151, 401, 1068 of the Civil Code of the Russian Federation. Methodology: methods of induction and deduction, analysis and synthesis, formal-legal, system-analytical and documentary. Results: the results of the study include proposals for solving problems related to the use of Art. 151, 401, 1068 of the Civil Code of the Russian Federation, contributing to the achievement of uniformity of decisions on claims for damages as a result of improper quality of medical treatment by personnel of medical organizations. Conclusions: no uniform practice has emerged in cases on the liability of medical organizations for the harm caused by them. The norm on compensation for moral damage requires improvement in terms of supplementing its edition except for monetary, with other forms of elimination of physical or moral suffering caused to the patient when providing medical care.

Keywords: *medical organization, medical assistance, medical worker, judicial practice, causing harm to health, moral harm.*

Сфера оказания медицинской помощи всегда сопряжена с неизбежным или возможным риском причинения вреда в процессе ненадлежащего оказания медицинской помощи. Обращаясь в медицинское учреждение за услугой, человек предполагает, что она будет качественной, однако в результате профессиональных ошибок медицинских работников нередко страдают жизнь и здоровье человека. Особенностью юридической ответственности за причинение вреда этим благам пациента вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи и медицинских услуг является то, что ответчиком в данном случае выступает медицинская организация, а не врач, допустивший дефект врачевания. Наступившие в результате ненадлежащего оказания медицинской помощи негативные последствия подлежат устранению через возмещение имущественного ущерба и компенсацию морального вреда медицинской организацией в соответствии с положениями о гражданско-правовой ответственности.

В условиях развития современного уровня медицины проблема привлечения медицинских учреждений к юридической ответственности за ненадлежащее оказание их сотрудниками медицинской помощи выступает одной из наиболее актуальных в науке [1, с. 28]. Об этом свидетельствуют не только сообщения средств массовой информации о резонансных случаях торговли людьми медицинскими организациями, занимающимися посредничеством в суррогатном материнстве [2, с. 630], получении увечий как следствия проведения косметических манипуляций и пластических операций¹, но и росте количества жалоб на непрофессиональные действия медицинских работников [3, с. 17].

В теории гражданского права проведен целый ряд научных исследований, посвященных рассматриваемой проблеме. Своего однозначного разрешения до настоящего времени не получили дискуссионные среди специалистов по медицинскому праву, цивилистов и практиков вопросы оснований и условий наступления гражданско-правовой ответственности медицинских организаций, в том числе при отсутствии вины работника [4, с. 23], при применении биомедицинских

¹ См.: Пластический хирург Сергей Кулагов: Нос у бывшей жены Аршавина мог провалиться, как у Майкла Джексона. URL: <https://www.kp.ru/daily/27268.3/4401152/> (дата обращения: 16.03.2023).

технологий [5, с. 26] или освобождении медицинских организаций от такой ответственности [6, с. 119] и др. Их разработка будет способствовать обеспечению баланса общественного и личного интереса в сфере охраны здоровья [7, с. 66].

Мониторинг судебной практики по обязательствам по возмещению вреда здоровью при оказании медицинских услуг подтверждает потребность правоприменителя в разработке единого подхода к гражданско-правовой ответственности [8, с. 32].

Проанализируем некоторые из судебных ошибок, допущенных при оценке ее элементов, оказавших влияние на законность решения и его отмену.

1. Устанавливается только прямая причинно-следственная связь между наступившим вредом здоровью или жизни и действиями (бездействием) медицинского работника. Сложность при исследовании судом причинно-следственной связи состоит в том, что она устанавливается в прошлом, ретроспективно. Более того, ее следует определять при многоэтапном лечебном процессе на каждой его стадии и в отношении каждого врача или медицинского работника для того, чтобы выявить целый комплекс вредоносных факторов или какую-то одну фатальную ошибку.

Причинно-следственные связи делятся на прямые, когда причина (дефект медицинской помощи) и результат (негативные последствия) связаны непосредственно, и косвенные, при которых вредоносные последствия могут наступить потенциально, опосредованно, при наличии определенных условий. В решениях судов, отменяемых вышестоящей инстанцией, именно прямая причинная связь чаще всего толковалась как единственно юридически значимая в цепи других причин, приведших к нарушению прав пациента. Так, Тихорецкий городской суд Краснодарского края не установил прямую причинно-следственную связь между качеством (характером) оказания ответчиком медицинской помощи Ч. и наступлением ее смерти и на этом основании отказал в удовлетворении иска ее родителям. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решения нижестоящих судов, которые неверно истолковали и применили нормы материального права по компенсации морального вреда. В тексте определения Верховного Суда РФ констатируется, что в законе нет указаний на характер причинной связи (прямая или косвенная (опосредованная)) между противоправным поведением причинителя вреда и наступившим моральным вредом, а потому прямая причинная связь не предусматривается как юридически значимая для возложения на причинителя вреда обязанности возместить моральный вред. Юридическое значение может иметь и косвенная (опосредованная) причинная связь, если «дефекты (недостатки) оказания работниками больницы медицинской помощи ребенку могли способствовать ухудшению состояния ее здоровья и привести к неблагоприятному для нее исходу», что причиняет страдания, то есть вред как самому пациенту, так и его родственникам¹.

2. Бремя доказывания вины как условия наступления гражданско-правовой ответственности распределяется неверно и возлагается на истца. А между тем ст. 1064 ГК РФ закрепляет презумпцию вины причинителя вреда за исключением случаев, указанных в ст. 401 ГК РФ. На потерпевшего в таком процессе возлагается иная обязанность — доказать сам факт увечья или другого повреждения здоровья именно ответчиком, физических и нравственных страданий, и по-

¹См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2022 г. по делу № 18-КГ21-165-К4. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2099306 (дата обращения: 16.02.2023).

тому он является обязанным возместить вред пациенту, размер причиненного вреда и др. На это положение, в частности, неоднократно обращал внимание и Верховный Суд РФ, который признал несоответствующим закону возложение на истца бремени доказывания причинной связи между ненадлежащим оказанием медицинской помощи и наступлением смерти пациента. Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что доказывает правомерность своего поведения ответчик (медицинская организация) в силу установленной законом презумпции виновности, а потерпевший представляет доказательства страданий — физических или нравственных, вызванных действиями врачей. Ответчики (медицинские организации) не подтвердили доказательствами невиновность в ненадлежащей диагностике и тактике лечения, а также ненадлежащем уходе и ненадлежащем лечении Б.¹

3. Медицинская организация обязана выполнять диагностические и лечебные мероприятия в полном объеме по стандарту, и даже в том случае, если по заключению эксперта их выполнение не изменило бы наступивших последствий. Например, Судебная коллегия по гражданским делам Пензенского областного суда пришла к выводу, что Стандарт первичной медико-санитарной помощи включает проведение различных методов и видов лабораторных и инструментальных исследований. Между тем минимально необходимый объем медицинской помощи, которая должна быть оказана пациенту с конкретным заболеванием или в конкретной клинической ситуации, ФКУЗ МСЧ-58 ФСИН России не оказывалась. Решение суда было изменено с вынесением нового решения об удовлетворении иска о возмещении морального вреда².

4. Медицинское учреждение не приводит доказательств невиновности в причинении морального вреда. Ученые, изучившие судебную практику по возмещению вреда, причиненного пациенту в результате оказания медицинских услуг, отмечают обязательное наличие в исках требований о компенсации морального вреда в соответствии со ст. 151 ГК РФ [9, с. 108]. Верховный Суд РФ в п. 48 постановления от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» указал, что медицинские организации, медицинские и фармацевтические работники государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения несут ответственность за нарушение прав граждан в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью гражданина при оказании ему медицинской помощи, при оказании ему ненадлежащей медицинской помощи и обязаны компенсировать моральный вред, причиненный при некачественном оказании медицинской помощи³.

Судебная практика свидетельствует, что вопреки закону обязанность доказывать моральный вред от физических или нравственных страданий возлагается на пациента. Например, решением Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) и апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики в удовлетворении иска В. было отказано.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 марта 2021 г. по делу № 18-КГ20-122-К4. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1988914 (дата обращения: 16.02.2023).

² См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Пензенского областного суда от 1 октября 2019 г. по делу № 33-3390. URL: <https://oblsud-pnz.sudrf.ru/modules.ph> (дата обращения: 16.02.2023).

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. 2022. 25 нояб.

В нем В., в частности, указывала на причинение ей нравственных и физических страданий ввиду некачественно оказанных медицинских услуг. Их последствия выразились в переживаниях, связанных с опасением за жизнь и здоровье, что привело к повышению давления, подавленному эмоциональному состоянию, стрессу, депрессии, душевной боли из-за неправильного диагноза и назначенных препаратов. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя все состоявшиеся по делу решения, указала: «Применительно к спорным отношениям в соответствии с действующим правовым регулированием медицинская организация — Якутская городская больница № 2 — должна была доказать отсутствие своей вины в неустановлении В. правильного диагноза, что повлекло за собой ухудшение состояния ее здоровья, и в причинении ей морального вреда, в то время как именно на нем лежала эта обязанность. Судебные инстанции возложили на истца В. бремя доказывания обстоятельств, касающихся некачественного оказания ей ответчиком медицинской помощи и морального вреда»¹.

Возникают сложности и при определении размера компенсации ввиду разной оценки судами справедливого вознаграждения. В абз. 4 п. 32 постановления Пленума от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» Верховный Суд РФ разъяснил, что при определении размера компенсации морального вреда суду с учетом требований разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных или физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица². Суды учитывают, например, невозможность продолжать профессиональную деятельность в связи с неэстетическим изменением внешности потерпевшего (модель), общественную и личную жизнь, физическую боль, связанную с причинением увечья, ее продолжительность и характер, тяжесть нравственных страданий в связи с заболеванием, вызванным некачественным оказанием медицинской услуги, раскрытием врачебной тайны и др.

При рассмотрении споров о возмещении вреда, причиненного некачественно проведенными медицинскими манипуляциями, моральный вред согласно ст. 151 ГК РФ компенсируется только в денежном выражении. В науке гражданского права правоведами активно обсуждается вопрос о необходимости иного подхода, позволяющего компенсировать моральный вред не только в денежной форме. Нельзя не согласиться с юристами в том, что «единственная форма возмещения морального вреда пациентам, пострадавшим от ненадлежащего врачевания, не способствует полноте реализации компенсаторной функции данного правового института» [10, с. 238]. Теоретики ссылаются на то, что при определенных обстоятельствах безденежные компенсаторные способы могут быть более эффективными, например, при повторном лечении истца другим врачом или сторонним высококвалифицированным специалистом, приглашенным для лечения пострадавшего пациента за счет средств медицинской организации, психологи-

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 июня 2019 г. по делу № 74-КГ19-5. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-24062019-n-74-kg19-5/> (дата обращения: 02.04.2023).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета. 2010. 5 февр.

ческая реабилитация, приобретение необходимых лекарственных средств и т.п. [10, с. 239]. Так, Кировский районный суд г. Уфы Республики Башкортостан, присудив компенсацию морального вреда Я., причиненного Медицинским центром «ЭндоМед» при проведении операции по увеличению груди, указал, что сумма компенсации обоснована недостижением запланированного результата, необходимостью дополнительного оперативного вмешательства, необходимостью операции по удалению имплантов и операции для исправления ошибок, допущенных ответчиками¹. Подобные примеры показывают, что аргументом для введения в законодательство иных способов компенсации морального вреда по искам этой категории может служить невозможность точного определения размера денежного возмещения морального вреда, необходимого для полного устранения негативных последствий для здоровья пациента. К этому выводу приходит и Верховный Суд РФ в определении от 21 апреля 2015 г. по делу № 88-КГПР 15-1, в котором он констатирует: «Поскольку моральный вред по своему характеру не предполагает возможности его точного выражения в денежной форме и полного возмещения, предусмотренная законом компенсация должна отвечать признакам справедливого вознаграждения потерпевшего за перенесенные страдания»². Чтобы обеспечить восстановление такой справедливости в полном объеме, необходимо закрепить право потерпевшего решать, каким образом будет устранен вред его здоровью. Законодательное решение о закреплении и других, кроме денежной, форм компенсации морального вреда позволит суду предписывать медицинской организации совершить конкретные действия, которые обеспечили бы желаемый для пациента результат. Тем самым при вынесении решения суд был бы освобожден от определения точной стоимости медицинских манипуляций по причине их продолжительности и невозможности определить точный срок наступления желаемого результата, а отсюда и необходимую стоимость такого лечения ввиду его сложности.

Таким образом, учитывая приведенные аргументы в обоснование изменения редакции ст. 151 ГК РФ о компенсации морального вреда, в новой ее редакции следует предложить закрепить за судом право возложить на причинителя вреда обязанность иных форм возмещения морального вреда, а не только денежной компенсации. Изученные тексты решений показали, что судами допускаются ошибки в толковании причинно-следственной связи между допущенным нарушением при оказании медицинской помощи и наступившими последствиями в виде причинения вреда здоровью, нравственных и физических страданий пациента. Для единообразного правоприменения с учетом разъяснений Верховного Суда РФ по делам о возмещении вреда, виновно допущенного медицинской организацией, может быть сформирован реестр судебных решений. Для внесения ясности в Обзорах судебной практики Верховного Суда Российской Федерации требуется разъяснять сложности, возникающие при толковании косвенной причинно-следственной связи с повреждением здоровья, при наличии которой суды отказывают в удовлетворении иска.

¹ См.: решение Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 7 февраля 2020 г. по делу № 2-5801/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jqdTNsoi2RHD/> (дата обращения: 02.04.2023).

² См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 апреля 2015 г. по делу № 88-КГПР 15-1. URL: https://www.vsrfl.ru/stor_pdf.php?id=1319612 (дата обращения: 02.04.2023).

Библиографический список

1. *Байбак В.В.* Соотношение договорной и деликтной ответственности в медицинской практике // Медицина и право. 2012. № 3. С. 28–35.
2. *Богдан В.В., Урда М.Н.* Суррогатное материнство & торговля людьми: межотраслевой конфликт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 628–657.
3. *Гнатюк О.П.* Врачебные ошибки и профессиональные правонарушения. Ответственность медицинских работников и меры предупреждения // Вестник Росздравнадзора. 2016. № 2. С. 16–21.
4. *Поцелуев Е.Л., Горбунов А.Г.* Гражданско-правовая ответственность за ненадлежащее врачевание // Наука. Общество. Государство. 2016. № 4(16). С. 20–32.
5. *Богдан В.В.* Причинение вреда вследствие недостатков товаров (работ, услуг) как частный деликт в условиях развития современной медицины // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 25–32.
6. *Вильгоненко И.М., Станкевич Г.В.* К вопросу об освобождении медицинской организации от ответственности за причинение вреда пациента // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 34, № 2. С. 118–120.
7. *Богдан В.В., Воронцова Е.В., Воронцов А.Л.* Общественный и личный интерес в сфере охраны здоровья: диалектика взаимодействия и дисбаланс правового обеспечения // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2018. № 3(28). С. 65–71.
8. *Шевчук Е.П.* Обзор судебной практики по гражданским делам о привлечении к ответственности медицинских организаций за причиненный вред здоровью пациентов // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 2(16). С. 32–36.
9. *Владимирова А.В.* Актуальные вопросы и проблемы компенсации морального вреда, причиненного при оказании медицинской помощи, и пути их решения // Молодой ученый. 2017. № 44. С. 107–109.
10. *Старчиков М.Ю.* Вред, причиненный жизни (здоровью) пациента вследствие медицинского вмешательства: законодательные пробелы и пути их устранения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2018. № 4. С. 232–239.

References

1. *Baibak V.V.* Relationship of Contractual and Tort Liability in Medical Practice // Medicine and Law. 2012. No. 3. P. 28–35.
2. *Bogdan V.V., Urda M.N.* Surrogacy & Human Trafficking: Inter-Sectoral Conflict // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2022. No. 58. P. 628–657.
3. *Gnatyuk O.P.* Medical Errors and Professional Offenses. Liability of Medical Professionals and Preventive Measures // Roszdravnadzor Bulletin. 2016. No 2. P. 16–21.
4. *Potceluev E.L., Gorbunov A.G.* Civil Liability for Improper Treatment // Science. Society. State. 2016. No. 4(16). P. 20–32.
5. *Bogdan V.V.* Causing Harm due to Shortcomings of Goods (Works, Services) as a Private Tort in the Development of Modern Medicine // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2020. No. 9. P. 25–32.
6. *Vilgonenko I.M., Stankevich G.V.* On the Issue of Exempting a Medical Organization from Liability for Causing Harm to a Patient // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2020. Vol. 34, no. 2. P. 118–120.
7. *Bogdan V.V., Vorontsova E.V., Vorontsov A.L.* Public and Personal Interest in the Field of Health Protection: Dialectics of Interaction and Imbalance of Legal Support // Izvestiya of Southwestern State University. History and Law Series. 2018. No. 3(28). P. 65–71.

8. *Shevchuk E.P.* Review of Judicial Practice in Civil Cases on Bringing to Justice Medical Organizations for Harm to the Health of Patients // *Glagol of Justice*. 2018. No. 2(16). P. 32–36.

9. *Vladimirova A.V.* Actual Issues and Problems of Compensation for Moral Damage Caused in the Provision of Medical Care, and Ways to Solve Them // *Young scientist*. 2017. No. 44. P. 107–109.

10. *Starchikov M.Yu.* Harm Caused to the Patient's Life (Health) due to Medical Intervention: Legislative Gaps and Ways to Eliminate Them // *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky*. 2018. No. 4. P. 232–239.

Г.В. Колодуб, В.В. Кузнецов

ПРИМЕНИМОСТЬ НОРМ О КАЧЕСТВЕ ТОВАРА
ПРИ КУПЛЕ-ПРОДАЖЕ ДОЛЕЙ И АКЦИЙ
КОРПОРАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
(ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ И АКЦИОНЕРНЫХ
ОБЩЕСТВ): ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Введение: в современных экономических условиях актуальны вопросы приобретения и продажи бизнесов или их частей. Купля-продажа предприятий не получила распространения в отечественном обороте, а практика купли-продажи долей и акций корпоративных юридических лиц (обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ) стала устойчивой. **Цель** — предложить авторское видение проблемы понимания научного концепта «качество» акций и долей. **Методологическая основа:** исследование проведено на основе системного подхода, использованы общенаучные и специально-юридические методы познания, а также формально-догматический метод и метод юридического толкования. **Результаты:** помимо фактических характеристик приобретаемого общества, из которых складывается качество самих акций/долей, необходимо обращать внимание и на ряд иных обстоятельств, связанных с их переходом, а именно: с доступностью информации о качестве корпорации покупателю и размером приобретаемого пакета акций/долей. **Выводы:** нормы о качестве товара могут применяться в случаях, когда предметом договора купли-продажи выступают доли или акции. Специфика долей или акций как объектов гражданских прав, права на которые отчуждаются посредством договора купли-продажи, предопределяет необходимость более тщательного подхода к квалификации фактических обстоятельств, сопутствующих их отчуждению.

Ключевые слова: осуществление гражданских прав, исполнение обязанностей, акции и доли, качественный и некачественный товар, купля-продажа.

© Колодуб Григорий Вячеславович, 2023
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kolodub-ssla@yandex.ru

© Кузнецов Виталий Витальевич, 2023
Магистрант 1-го года обучения по программе «Юрист частного права» (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vitaly6820@mail.ru

© Kolodub Grigory Vyacheslavovich, 2023
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)

© Kuznetsov Vitaly Vitalievich, 2023
Master's student of the 1st year of study in the program Lawyer of Private Law (Saratov State Law Academy)

G. V. Kolodub, V. V. Kuznetsov

APPLICABILITY OF PRODUCT QUALITY STANDARDS
IN THE PURCHASE AND SALE OF SHARES AND STAKES
OF CORPORATE LEGAL ENTITIES (LIMITED LIABILITY
COMPANIES AND JOINT STOCK COMPANIES):
THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Background: in modern economic conditions, both the acquisition and sale of entire businesses or their individual parts are relevant. The purchase and sale of enterprises has not become widespread in the domestic turnover and the practice of buying and selling shares and stakes of corporate legal entities (limited liability companies and joint-stock companies) has become stable. **Objective** — offer an author's vision on the problem of understanding the scientific concept of "quality" of shares and stakes. **Methodology:** the study was conducted on the basis of a systematic approach, general scientific and special legal methods of cognition were used. The formal-dogmatic method and the method of legal interpretation. **Results:** in addition to the actual characteristics of the acquired company, which make up the quality of the shares/stakes themselves, attention should be paid to a number of other circumstances related to their transfer, namely, the availability of information about the quality of the corporation to the buyer and the size of the acquired block of shares/stakes. **Conclusions:** the norms on the quality of goods can be applied in cases where the subject of a sale and purchase agreement is stakes or shares. The specific nature of stakes or shares, as objects of civil rights, the rights to which are alienated through a sale and purchase agreement, predetermines the need for a more careful approach to the qualification of the actual circumstances accompanying their alienation.

Keywords: exercise of civil rights, performance of duties, shares and stakes, high-quality and low-quality goods, purchase and sale.

Не вызывает сомнений, что акции и доли могут отчуждаться по договору купли-продажи. Общим и для акций, и для долей является то, что они сводятся к правам, опосредующим участие в коммерческих корпорациях (в акционерных обществах или в обществах с ограниченной ответственностью). Как следует из п. 2 и 4 ст. 454 ГК РФ, положения, посвященные регулированию купли-продажи, применяются при отчуждении ценных бумаг и имущественных прав, если иное не вытекает из содержания или характера этих прав (для долей) либо если законом не установлены специальные правила их купли-продажи (для акций). Данное обстоятельство актуализирует проблему применимости отдельных норм, связанных с куплей-продажей, когда предметом договора являются доли и акции. В данном случае особый интерес вызывает применимость к акциям и долям положений ГК РФ о качестве товара, что обусловлено их нематериальной природой и определенной спецификой.

В отношении любого товара, отчуждаемого по договору купли-продажи, можно определить индивидуализирующие характеристики (размер, материал изготовления, цвет, наличие обременений и т.п.). Все подобные характеристики можно разделить на два вида: юридические и фактические. Юридические характеристики подразумевают наличие в отношении объекта определенных прав, ограничений и т.д. Фактические характеристики касаются непосредственных

свойств объекта (цвет, размер, плотность и др.), которые наличествуют независимо от его юридической квалификации. Именно фактические характеристики будут рассматриваться в настоящей работе.

В содержании ст. 469 ГК РФ предусматривается, что продавец обязан передать покупателю товар, качество которого соответствует договору купли-продажи (п. 1). В том случае, если качество товара не получило договорное закрепление, товар должен быть пригоден для целей, для которых товары такого рода обычно используются (п. 2). Кроме того, если продавцу известны конкретные цели приобретения товара, последний должен быть пригоден для использования в соответствии с этими целями. Как точно замечает В. В. Витрянский, «во всех случаях, в том числе и при отсутствии в договоре соответствующего пункта, в договоре (как правоотношении) всегда имеется условие, определяющее требование к качеству товара» [1, с. 29]. Имеется в виду, что качество товара будет определяться либо положениями договора, либо непосредственно законом, но в любом случае обязательно, так как конкретика имеет особую значимость для динамики гражданского правоотношения.

Однако отечественное законодательство почти не раскрывает, что есть качество товара, ограничиваясь указанием на важность данной характеристики при исполнении гражданских обязанностей¹. Отечественная судебная практика² предлагает собирательное определение понятия «качество товара», которое можно выразить следующим образом: доступная к определению и описанию совокупность свойств, основанных на физических характеристиках объекта сделки, отражающая потребительский интерес в последующем использовании по его известному назначению с учетом требований, устанавливаемых производителем или продавцом. Таким образом, условие о качестве товара в проекции нормативного регулирования направлено на обеспечение функционирования механизма осуществления и защиты гражданских прав, посредством определения взаимного представления сторон соглашения об объекте правоотношения.

Исследовательский интерес представляют акты иностранных право порядков. Довольно развернуто о качестве товаров говорится в Директиве ЕС № 1999/44/ЕС «О некоторых аспектах продажи потребительских товаров и предоставляемых гарантиях». Так, в п. 2 указанного документа закреплено, что товары народного потребления соответствуют договору, если отвечают представленному продавцом описанию, образцу или модели, а также пригодны для тех целей, ради достижения которых приобретаются (если эти цели известны продавцу). Кроме того, товар считается качественным, когда он пригоден для использования в тех целях, в которых товары того же рода обычно используются, либо соответствует тому качеству и характеристикам, которые свойственны для товара такого рода и о которых были сделаны любые общедоступные заявления (реклама, содержание этикетки и т.п.)³. Можно признать, что понятие «качество товара» раскрывается

¹ См. ст. 4 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 5 декабря 2022 г.) (СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 140).

² См., например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 июля 2022 г. № Ф05-15195/2022 по делу № А40-70580/2020; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13 сентября 2022 г. № Ф04-3918/2022 по делу № А45-234/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Директива Европейского союза № 1999/44/ЕС «О некоторых аспектах продажи потребительских товаров и предоставляемых гарантиях» (Брюссель, 25 мая 1999 г.) (документ вступил в силу 7 июля 1999 г. Россия не участвует) // Официальный сайт законодательства Европейского Союза. URL: <http://eur-lex.europa.eu>

подобно отечественному ГК, но со значимыми конкретизируемыми аспектами: «обычно используются», «свойственны», «любые общедоступные заявления».

Более детально, нежели российское законодательство, о качестве говорится в Германском гражданском уложении. В соответствии с ним под качеством товара понимаются свойства, на которые покупатель может рассчитывать, основываясь на публичных заявлениях об определенных свойствах вещи (§ 434). К недостаткам вещи в немецком законодательстве относят ненадлежащее исполнение монтажных работ, некорректную инструкцию по монтажу, а также поставку другой вещи либо поставку в значительно меньшем количестве [2, с. 125]. В том же ключе о качестве товара высказывались и немецкие авторы, когда говорили, что некачественной следует считать вещь, не отвечающую определенным свойствам [3, с. 251]. Можно резюмировать, что под качеством товара понимается набор определенных характеристик (свойств, признаков), которыми товар должен обладать в соответствии с законом или договором и за которые должен отвечать продавец перед покупателем.

В литературе и судебной практике¹ указывается, что ст. 469, а равно и ст. 475 ГК РФ, устанавливающая последствия на случай продажи некачественного товара, посвящены фактическим недостаткам товара². От таких недостатков, как упоминалось ранее, следует отличать недостатки юридические. В последнем случае Кодекс указывает, например, на обязанность продавца передать уполномоченному лицу товар, свободный от прав третьих лиц (ст. 460).

Изложенное наталкивает на важные выводы: во-первых, нормы ГК РФ о качестве товара были сформулированы прежде всего для вещей, во-вторых, при изначальном их рассмотрении складывается впечатление, что их недопустимо применять к долям и акциям, как, впрочем, и к другим нематериальным объектам. Однако представляется, что делать второй вывод преждевременно.

Из ранее приведенных норм Германского уложения следует, что в Германии качество товара понимается довольно широко, поскольку включает не только характеристики самого товара, но и некоторые свойства связанных с таким товаром обстоятельств. В российской литературе обсуждения на этот счет практически не ведутся. Нет единой позиции относительно того, как широко можно понимать качество товара, следует ли распространять нормы о качестве товара и на сопутствующие отчуждаемому объекту обстоятельства. Тем более нет сложившегося мнения по поводу возможности распространения норм о качестве товара на доли и акции корпоративных юридических лиц, когда те становятся предметом договора купли-продажи. Например, А.В. Егоров пишет, что при покупке квартиры к ее качеству, несомненно, относится площадь. В то же время автор ставит вопрос, можно ли также безусловно отнести к качеству квартиры неблагоприятных соседей³. Последнее особенно важно при рассмотрении купли-продажи акций и долей коммерческих корпоративных организаций, поскольку

¹ См., например: Апелляционное определение СК по гражданским делам Псковского областного суда от 10 июня 2014 г. по делу № 33-873/2014: «По смыслу ст. 469 ГК РФ под качеством товара понимаются только физические его дефекты, которые делают невозможным его использование по назначению».

² Об этом косвенно свидетельствует и ст. 474 ГК РФ, которая содержит положения о проверке качества товара, указывая как пример испытания, анализ, осмотр и т.п. (п. 3). Указанные способы проверки касаются фактических, а не юридических свойств вещи.

³ См.: *Егоров А.В.* Покупка долей в ООО и акций: кто отвечает за качество самой компании // Шортрид: юрид. онлайн-журнал. URL: <https://shortread.ru/prodazha-dolej-v-ooo-i-akcij-ktot-otvechaet-za-kachestvo-samoj-kompanii/> (дата обращения: 12.03.2023).

они, как уже было отмечено, опосредуют участие в корпорации, которая может иметь множество недостатков, так как «все дефекты и проблемы приобретаемого бизнеса, если таковые имеются, сохраняются и становятся проблемами покупателя» [4, с. 30].

По этому вопросу представляется возможным выделить узкий и широкий подход к рассматриваемой проблеме.

Так, вполне реалистична ситуация, когда продаются акции/доли общества, имеющего существенные недостатки (наличие признаков несостоятельности, отсутствие лицензии на осуществление основного вида деятельности и т.п.). Данные недостатки общества, если исходить из узкого понимания качества товара, нельзя квалифицировать как недостатки самих акций/долей, выступающих объектами купли-продажи. Они нематериальны и не могут иметь фактических недостатков. При этом недостатки общества, акции/доли которого приобретены, уже нельзя рассматривать в качестве недостатков приобретенного товара. Из этого вытекает, что продавец считается исполнившим свое обязательство надлежащим образом, если переданные им акции/доли свободны от прав третьих лиц, в отношении них не действуют какие-либо ограничения, отсутствуют прочие юридические недостатки товара. Если придерживаться такого подхода, выходит, что нормы о качестве товара не применимы к долям и акциям, поэтому все недостатки общества, которые могут обнаружиться покупателем, — это предпринимательский риск, который он берет на себя, приобретая акции или доли.

Полагаем, что такое положение дел является неудовлетворительным, поэтому имеются все основания для широкого толкования норм о качестве товара. Имеется в виду возможность распространения положений ст. 475 ГК РФ не только на сам товар, но и на сопутствующие ему обстоятельства. Такой подход характерен, например, для Германии, где приведенные ранее положения о качестве товара охватывают не только материальные вещи, но и права, а также другие нематериальные объекты [5, р. 499].

Представляется, что в российской судебной практике нет однозначной позиции по вопросу о том, могут ли доли и акции признаваться товарами ненадлежащего качества. Более того, следует разграничивать ситуации, когда стороны прямо закрепили в договоре соответствующие положения о качестве товара и когда упоминания о качестве в договоре вовсе отсутствуют.

При детальном договорном регулировании, содержащемся в договоре купли-продажи акций/долей, проблем с применением положений ст. 475 ГК РФ возникнуть не должно. Об этом свидетельствует занятая Верховным Судом позиция. Так, в абз. 2 п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» сказано, что в случае, когда продавец дает заверения о характеристиках качества товара, которым в большинстве случаев сходный товар не отвечает, и эти заверения по итогу оказываются недостоверными, к отношениям сторон применяются правила о качестве товара, а также согласованные в договоре меры ответственности. Примечательно, что Верховный Суд распространяет такой подход и на продажу акции/долей, когда продавец предоставляет информацию в отношении характеристик хозяйственного общества и состава его активов. По нашему мнению, указанное разъяснение свидетельствует, что Верховный Суд придерживается широкого подхода, распространяя качество товара и на характеристики хозяй-

ственного общества, акции/доли которого приобретаются. Неслучайно одним из наиболее распространенных случаев использования заверений является договор купли-продажи акций/долей. Этот эффективный механизм позволяет покупателю, который не знает всех характеристик приобретаемого товара, быть уверенным, что имущество соответствует определенным критериям, за наличие которых отвечает продавец [6, с. 2].

В научных публикациях, посвященных теме заверений об обстоятельствах, справедливо отмечается, что в тех случаях, когда такие заверения даются в отношении характеристики приобретаемого товара, речь идет о нарушении договорного обязательства по передаче вещи, соответствующей определенному качеству. Повода для применения правил ст. 431.2 ГК РФ в таком случае нет, поскольку воля сторон направлена «не столько на утверждение о характеристиках имущества на момент заключения договора, сколько на установление обязательства передать покупателю в будущем имущество, соответствующее зафиксированным характеристикам» [7, с. 198]. Подобный подход применим при купле-продаже долей и акций, хотя формально продавец ручается за фактические характеристики бизнеса, которые лишь косвенно затрагивают сам товар [8, с. 199].

Подход, когда закрепление в договоре соответствующих положений о характеристиках приобретаемого бизнеса позволял покупателю получить защиту в суде, находил свое выражение и в тех судебных актах, которые были приняты до указанных ранее разъяснений Верховного Суда. Например, в Постановлении ФАС Московского округа от 11 июня 2013 г. по делу № А40-54975/12-22-529 суд отказывает в удовлетворении требований истца (продавца) о взыскании с ответчика (покупателя) денежной суммы по договору купли-продажи акций. Основанием для отказа послужило нарушение продавцом заверений и гарантий, предусмотренных договором. В мотивировочной части суд обосновывает свое решение, в том числе и нормами ст. 469, 475 ГК РФ.

Однако в первую очередь вызывает интерес ситуация, когда в договоре отсутствуют заверения относительно характеристик общества, акции/доли которого приобретаются. В таком случае суды, как правило, отказывают в удовлетворении требований, тем самым относя все недостатки корпорации к риску покупателя. Так, в Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 23 ноября 2010 г. по делу № А56-78909/2009 суд приходит к выводу, что уменьшить стоимость приобретенных по договору купли-продажи акций возможно лишь в том случае, если основания и возможность такого снижения предусмотрены договором («Возможность уменьшения установленной Договором... цены приобретаемых акций в зависимости от стоимости активов... либо иных обстоятельств условиями... договора не предусмотрена»).

Интересные выводы о применении ст. 469, 475 ГК РФ содержатся в Постановлении АС Северо-Западного округа от 29 января 2018 г. по делу № А13-16921/2016. В указанном акте говорится о том, что сама по себе невозможность получения покупателем акций дивидендов в размере, на который он рассчитывал, не свидетельствует о «некачественности» приобретаемых акций (применительно к ст. 469 ГК РФ). Отсюда следует отсутствие у покупателя прав, закрепленных в ст. 475 ГК РФ и возникающих, когда товар имеет ненадлежащее качество.

Отказ в удовлетворении требований покупателя может следовать и ввиду недоказанности некачественности переданного товара, а не в связи с принципиальной невозможностью применения ст. 469, 475 ГК РФ к акциям/долям¹.

Указанная тенденция не изменилась и в более новой судебной практике. В Определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22 февраля 2022 г. по делу № 88-3050/2022 суд отказывает в удовлетворении кассационной жалобы покупателя, соглашаясь с нижестоящей судебной инстанцией в том, что истец имел объективную возможность проанализировать состояние АО, оценить возможные последствия заключения сделки. Таким образом, суд принял позицию, согласно которой изменение стоимости акций вследствие лишения эмитента всего имущества составляет риск покупателя.

Приведенная практика свидетельствует, что в российском правовом порядке нет сложившейся позиции по рассматриваемому вопросу. Суды не делают принципиальных выводов о том, что нормы о качестве товара не подлежат применению при покупке акций/долей (или подлежат применению исключительно при наличии заверений в договоре). Отказ в удовлетворении требований покупателя в приведенных актах делался либо со ссылкой на недоказанность некачественности товара, либо на возможность покупателя самостоятельно получить информацию о характеристиках общества, акции/доли которого он приобретает. Однако сам факт, что суды исследовали указанные обстоятельства, свидетельствует о том, что недостатки общества нельзя считать а priori риском покупателя.

Вполне реальны ситуации, когда приобретаются акции/доли общества, которое неспособно осуществлять основной вид своей деятельности либо имеет прочие недостатки, которые не мог обнаружить покупатель. Отказывать ему в защите, во всяком случае тогда, когда в договоре не содержатся заверения, ошибочно.

В связи с изложенным возникает два вопроса, разрешение которых позволило бы более эффективно разрешать споры, связанные с качеством акций и долей:

какими характеристиками (свойствами), если стороны не установили это соглашением, должно обладать предприятие, чтобы товар в виде акций/долей считался качественным?

какими критериями судам надлежит руководствоваться, удовлетворяя (не удовлетворяя) требования покупателя?

При ответе на первый вопрос следует брать во внимание следующие умозаключения. По распространенному в доктрине мнению, при отсутствии согласования условий о качестве товара, последний должен быть среднего качества [7, с. 103]. Иначе говоря, подразумевается, что товар должен обладать такими характеристиками и позволять достичь таких целей, которые типичны для товаров данной категории.

Это в полной мере касается акций и долей, которые также могут быть товаром. Аналогичного мнения придерживается И.С. Шиткина, определяющая качество акций и долей как «совокупность свойств акций или доли, позволяющих им быть пригодными для достижения целей, указанных в договоре, либо для достижения обычных целей» [9, с. 409].

В связи с этим надлежит выяснить, что является обычной целью приобретения акций/долей. Только так возможно понять, какой товар должен передать продавец по договору купли-продажи, когда его качество не было согласовано.

¹ См., например: Постановление от 27 февраля 2013 г. Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-1618/2013-ГК РФ по делу № А40-7249/12-5-67 // СПС «КонсультантПлюс».

Представляется, что ориентироваться вновь нужно на общество, акции или доли которого приобретаются. Так, в п. 1 ст. 65.1 ГК РФ определяется, что под корпоративными юридическими лицами, к числу которых относятся акционерные общества (публичные и непубличные) и общества с ограниченной ответственностью, следует понимать организации, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) и формируют высший орган юридического лица. В п. 2 ст. 50 ГК РФ предусматривается, что акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью — это коммерческие юридические лица, то есть в качестве основной цели своей деятельности преследуют извлечение прибыли.

Таким образом, акции/доли, опосредующие участие в указанных ранее юридических лицах, позволяют их обладателю участвовать в управлении обществом, а также получать часть его прибыли. Это именно те цели приобретения акций/долей, которые могут быть названы обычными. А для того, чтобы эти цели могли быть потенциально достигнуты, организация (бизнес) должна обладать определенными характеристиками. В отсутствие заверений об определенных свойствах приобретаемого предприятия, оно должно позволять потенциально достигнуть этих целей, не имея таких недостатков, которые делают эти цели недостижимыми (или настолько труднодостижимыми, что среднестатистический участник оборота отказался бы от приобретения акций/долей по соответствующей цене).

Полагаем, что помимо фактических характеристик приобретаемого общества, из которых складывается качество самих акций/долей, необходимо обращать внимание и на ряд иных обстоятельств, связанных с их переходом. В частности, видится важным два основных критерия, на которые должны обращать внимание суды:

- доступность информации о качестве корпорации покупателю;
- размер приобретаемого пакета акций/долей.

Целесообразно позволять покупателю прибегать к средствам защиты, предусмотренным в ст. 475 ГК РФ, в том случае, если он, приобретая акции/доли общества, не располагал (и не мог) достаточной информацией о характеристиках корпорации (например, о неспособности общества осуществлять основной вид своей деятельности). Подобный подход находил свое воплощение в практике. Так, в Постановлении ФАС Уральского округа от 6 мая 2010 г. № Ф09-2540/10-С4 по делу № А60-48826/2009-СР суд признал за покупателем акций право на снижение их стоимости на основании ст. 475 ГК РФ. В частности, суд установил, что, заключая договор купли-продажи акций, истец намеревался приобрести акции, характеризующиеся высокой ликвидностью и инвестиционной привлекательностью. Вывод истца о стоимости приобретаемого пакета был сделан на основании результата независимой оценки, в ходе которой ошибочно были учтены 13 объектов недвижимости. В процессе рассмотрения дела выяснилось, что общество, акции которого были переданы по договору купли-продажи, не имеет права собственности на эти объекты. Соответственно, суд пришел к выводу, что эти обстоятельства делают пакет акций товаром ненадлежащего качества, о недостатках которого умолчал продавец. Примечательно, что приобретаемый истцом пакет включал 51 % акций, то есть являлся контрольным.

Следует заметить, что количество приобретаемых акций/долей также имеет важное значение при решении вопроса о применимости норм о качестве акций/долей. Это обусловлено тем, что незначительное количество акций/долей, приобретаемых покупателем, изначально рассчитаны лишь на получение части прибыли

общества в виде дивидендов или иных выплат. Так, А. В. Егоров по этому поводу замечает, что если покупатель приобретает небольшой пакет акций (5–10 %), то предполагается, что покупателю передается лишь доход, приносимый долей¹. Широкий подход к их качеству, включающий характеристики общества, представляется излишним. На практике он мог бы повлечь многочисленные судебные тяжбы по искам покупателей акций, желающих воспользоваться правами, предусмотренными ст. 475 ГК РФ.

Таким образом, уверенно подытожим, что нормы о качестве товара могут применяться в случаях, когда предметом договора купли-продажи выступают доли или акции. Специфика указанных объектов предопределяет необходимость более тщательного подхода к квалификации фактических обстоятельств, сопутствующих их отчуждению. Именно на суды возлагается задача определить, следует ли относить те или иные свойства корпорации, акции/доли которой приобретаются, к недостаткам товара или к предпринимательскому риску, который несет покупатель. Облегчить это решение помогли бы четко выработанные критерии, которыми можно было бы руководствоваться при решении споров.

Библиографический список

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 780 с.
2. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению = Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz: пер. с нем. / [В. Бергманн, введ., сост.]; науч. ред. Т.Ф. Яковлева. 4-е изд., перераб. Сер.: Германские и европейские законы. Кн. 1. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 888 с.
3. Бернгефт Ф., Колер И. Гражданское право Германии / пер. с нем. [Б.М. Брамсона, С.О. Добрина, Е.Е. Карасова, В.В. Нечаева]; под ред. В.М. Нечаева. СПб., 1910. 410 с.
4. Шиткина И., Филиппова С. Продажа или приобретение бизнеса: правовое сопровождение сделки // Хозяйство и право. 2018. № 4. С. 26–43.
5. Markesinis B., Unberath H., Johnston A. The Germany Law of Contract: A Comparative Treatise. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2006. 976 pp.
6. Замятина Ю., Сиденко Е. Заверения и гарантии в свете изменений ГК РФ // ЭЖ-Юрист. 2015. № 29. С. 2–4.
7. Договоры в гражданском праве зарубежных стран: монография / Н.И. Гайдаенко-Шер, Д.О. Грачев, Ф.А. Лещенков и др.; отв. ред. С.В. Соловьева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2018. 333 с.
8. Воронин Е.М. Практика применения института заверений об обстоятельствах по ст. 431.2 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 193–208.
9. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / отв. ред. И.С. Шиткина М.: Статут, 2018. Т. 2. 990 с.

References

1. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contractual Law. Book Two. Contracts for the Transfer of Property. 2nd ed., ster. M.: Statute, 2011. 780 p.
2. The German Civil Code: Introductory Law to the Civil Code = Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz; translated from German. / [V. Bergmann, introduction, comp.]; scientific ed. by T.F. Yakovlev. 4th ed., revised. (Series “German and European laws”; Book 1). M.: Infotropic Media, 2015. 888 p.

¹См.: Егоров А.В. Указ. соч.

3. *Berngeft F., Kohler I.* German Civil Law; translated from German / [B.M. Bramson, S.O. Dobrin, E. E. Karasov, V.V. Nechaev]; edited by V.M. Nechaev. St. Petersburg., 1910. 410 p.
4. *Shitkina I., Filippova S.* Sale or Acquisition of a Business: Legal Support of a Transaction // *Economy and Law*. 2018. No. 4. P. 26–43.
5. *Markesinis B., Unberath H., Johnston A.* The Germany Law of Contract: A Comparative Treatise. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2006. 976 p.
6. *Zamyatina Yu., Sidenko E.* Assurances and Guarantees in the Light of Changes in the Civil Code of the Russian Federation // *EZH-Yurist*. 2015. No. 29. P. 2–4.
7. *Contracts in the Civil Law of Foreign Countries: monograph / N.I. Gaidaenko-Sher, D.O. Grachev, F.A. Leshchenkov et al.; ed. by S.V. Solovyov.* M.: IZiSP: Norm: INFRA-M, 2018. 333 p.
8. *Voronin E.M.* The Practice of Applying the Institution of Assurances of Obligations Under Article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation // *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2019. No. 6. P. 193–208.
9. *Corporate Law: training course: in 2 volumes / ed. by I.S. Shitkin M.: Statute, 2018.* Vol. 2. 990 p.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2023-5-213-219

УДК 343.26

Ю.А. Головастова, Н.В. Помошчикова

СУЩНОСТЬ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ, ПРИ ИХ ИСПОЛНЕНИИ

Введение: конец XX в. ознаменовал новый виток в развитии отечественной науки уголовного и уголовно-исполнительного права. Разрабатывается концепция применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, а также сокращения преступлений, в санкциях которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Определение сущности уголовного наказания позволяет судить о его эффективности и тех возможностях, которыми оно обладает, по достижении стоящих перед ним целей и, как следствие, по сокращении уровня рецидивной преступности. **Цель** — установить сущность системы уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, с помощью выявления определяющих ее свойств. **Методологическая основа:** проведенное исследование базируется на методах анализа и синтеза, сравнительно-правовом и формально-юридическом методах познания. **Результаты:** сформулированы свойства, характеризующие сущность наказаний без изоляции от общества. **Выводы:** специфические особенности, составляющие сущность уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, определяют порядок применения в отношении осужденных средств исправительного воздействия.

Ключевые слова: сущность, системообразующие свойства, наказания, не связанные с лишением свободы, непенитенциарный режим, антиизоляция, средства исправительного воздействия.

© Головастова Юлия Александровна, 2023

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права (Академия ФСИН России), профессор кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин (Московский университет имени С. Ю. Витте (г. Рязань)); e-mail: ugovastova@yandex.ru

© Помошчикова Надежда Владимировна, 2023

Преподаватель кафедры теории государства и права, международного и европейского права (Академия ФСИН России); e-mail: nadia.pomoshchikova@mail.ru

© Golovastova Yulia Alexandrovna, 2023

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Penal Law (Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia), Professor of the Department of Criminal Law and Humanitarian Disciplines (Moscow University named after S.Yu. Witte (Ryazan))

© Pomoshchikova Nadezhda Vladimirovna, 2023

Lecturer of the Department of Theory of State and Law, International and European Law (Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia)

Yu.A. Golovastova, N.V. Pomoshchikova

THE ESSENCE OF THE SYSTEM OF CRIMINAL PENALTIES NOT INVOLVING DEPRIVATION OF LIBERTY IN THEIR EXECUTION

Background: the end of the 20th century marked a new round in the development of the domestic science of criminal and penitentiary law. The concept for the application of punishments not related to the isolation of convicts from society, as well as the reduction of crimes, the sanctions of which provide for punishment in the form of imprisonment is being developed. The definition of the essence of criminal punishment allows us to judge its effectiveness and the opportunities it has to achieve its goals and, as a result, reduce the level of recidivism. **Objective** — establish the essence of the system of non-custodial criminal penalties by revealing its defining properties. **Methodology:** the conducted research is based on the methods of analysis and synthesis, comparative legal and formal legal methods of cognition. **Results:** the properties characterizing the essence of punishment without isolation from society are formulated. **Conclusions:** specific features that make up the essence of criminal penalties that are not associated with isolation from society determine the procedure for applying corrective measures to convicted persons.

Keywords: essence, non-custodial punishments, non-penitentiary regime, anti-isolation, means of corrective action.

Начавшаяся в конце XX столетия перестройка общественно-политических отношений в мире привела к гуманизации карательной политики нашего государства и, как следствие, к росту назначения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Принятие Уголовного кодекса РФ в 1996 г. и расширение системы наказаний способствовало росту научных исследований в сфере правового регулирования уголовных наказаний без изоляции от общества (В.В. Буш, А.В. Кафиатулина, А.П. Коваленко, Е.В. Колбасова, Е.С. Литвина, А.М. Маликов, В.Н. Орлов, В.Ю. Перепелкин, Ю.И. Савельева, А.Н. Смирнов и др.). При исследовании вопросов исполнения наказаний в науке уголовного права не сложилось единого мнения относительно его сущности. Одни ученые рассматривают сущность как кару [1, с. 139], другие — как лишение или ограничение прав и свобод осужденного, применяемые в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений [2, с. 14]. Это объяснимо тем, что ни в одном из исследований, проводимых в области назначения наказаний без изоляции от общества в должном объеме не уделялось внимания изучению их свойств, несмотря на то, что именно в свойствах наказания выражается его сущность [3, с. 58].

Рассматривая вопросы правового регулирования, позволим себе сформулировать основные свойства, характеризующие сущность наказаний, не связанных с лишением свободы.

Первым и одним из главных свойств выступает непенитенциарный режим исполнения и отбывания наказания.

Традиционно используемый в науке термин «режим» имел пенитенциарное значение, так как сформировался в рамках института лишения свободы. В подтверждение сказанному выступает большое количество научных трудов (А.И. Васильев, Н.К. Дорофеев, А.И. Зубков, А.В. Маслихин, А.В. Папуашвили,

С. В. Познышев, Н. А. Стручков, Б. С. Утевский, В. А. Фефелов и др.). О возможности рассмотрения режима в контексте исполнения ссылки и штрафа говорил профессор Н. А. Стручков [4, с. 49].

Особенность непенитенциарного режима заключается в наборе правоограничений, обязанностей и запретов, которые осужденные должны соблюдать. В отличие от режима мест лишения свободы непенитенциарный режим не предполагает установления контроля над всеми сферами жизни и деятельности осужденных, поскольку осужденный не находится в изоляции.

В научном мире предметом широкой дискуссии выступает вопрос о целесообразности отнесения принудительных работ к наказаниям, не связанным с лишением свободы, и их закрепления в разделе II УИК РФ¹ (В. В. Буш, Ю. В. Голик, Ю. А. Головастова, Ф. В. Грушин, А. П. Некрасов, В. И. Селиверстов, А. А. Устинов, В. А. Уткин и др.). Это обосновано содержанием института принудительных работ, близких по своей правовой природе к наказаниям, связанным с лишением свободы: при их исполнении действует режим карательных правоограничений, который практически совпадает с пенитенциарным режимом при лишении свободы с отбыванием в колониях-поселениях [5, с. 230]. Схожую точку зрения высказывали А. П. Некрасов, А. А. Устинов и ряд других авторов [6, с. 218].

Вторым важнейшим свойством наказаний, не связанных с лишением свободы, опосредованным действием непенитенциарного режима, выступают условия антиизоляции их отбывания.

Рассматривая изоляцию как обязательное условие действия пенитенциарного режима мы предполагаем прежде всего физическое обособление осужденного от окружающей среды. Мы солидарны в этом смысле с научными позициями, высказанными А. А. Палий и Р. С. Маковиком. Ученые в своих трудах отмечали, что лишение свободы состоит в более значительном ограничении комплекса конституционных прав и свобод осужденного, касающегося свободы передвижения по территории страны, свободы выбора места жительства, вида профессиональной деятельности, осуществляемой посредством изоляции [3; 7]. Жизнь осужденных, находящихся в местах лишения свободы, строго регламентируется правилами внутреннего распорядка.

В отношении осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, действует режим антиизоляции, который заключается в свободе передвижения, выборе места жительства и работы с учетом соблюдения всех установленных законодателем требований, возможности поддерживать социально полезные связи с обществом.

Третьим свойством, определяющим специфику наказаний, не связанных с лишением свободы, признается минимальный по сравнению с лишением свободы объем репрессий, выраженный в правоограничениях, соответствующих каждому виду наказания. Например, при отбывании наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью осужденные испытывают ограничения в профессиональной и служебной деятельности, у осужденных к ограничению свободы основным карающим правоограничением выступает ограничение права на свободу передвижения.

Четвертым свойством, определяющим сущность уголовных наказаний, выступают особые средства обеспечения непенитенциарного режима.

¹ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (с изм. от 29 декабря 2022 г.) // Российская газета. 1997. 16 янв.

В частности, Н. В. Ольховик, С. Л. Бабаян отмечали, что соблюдение осужденными требований режима можно добиться положительными и отрицательными стимулами [8–9], то есть средствами воздействия на человека в форме наказания или поощрения, а равно угрозы применения наказания или обещания поощрения [10, с. 9]. А. Ф. Сизый писал, что осуществляемая в ходе дифференцированно-индивидуального подхода система применения поощрений влияет специфичным образом на устранение деформации личности осужденных, служит движущей силой для предупреждения и дальнейшего возникновения рецидива преступлений [11, с. 145].

Определяя особенности средств обеспечения непенитенциарного режима, отметим их основные виды:

организационно-правовые средства (например, осуществление контроля и надзора за поведением осужденных по месту работы, учебы и жительства, за исполнением ими обязанностей и соблюдением ограничений). Так, для осуществления контроля за соблюдением осужденным порядка и условий отбывания обязательных работ сотрудниками УИИ еженедельно осуществляется проверка отработанного времени посредством выезда на место работы осужденного или через телефонную связь с администрацией организации.

При проведении проверки осужденного по месту жительства в первую очередь устанавливается факт проживания осужденного по указанному им адресу, проводится беседа с лицами, совместно с ним проживающими, с соседями с целью сбора информации, характеризующей поведение осужденного в быту для выявления предрасположенности совершения правонарушений;

специальные средства (это средства, направленные на обеспечение воспитательно-профилактического воздействия, например применение мер поощрения и взыскания к осужденным к ограничению свободы и принудительным работам, дополнение ранее установленных ограничений, вынесение предупреждения о замене исправительных и обязательных работ лишением свободы и т. д.).

Н. Г. Осадчая предлагает наделить инспекцию возможностью установления дополнительных правоограничений (запрет пребывания вне дома или в определенных местах района, в определенное время суток) [12, с. 175]. Считаем высказанное предложение разумным, однако такое решение должен принимать суд по представлению УИИ, основываясь на фактах, характеризующих личность осужденного;

общие средства (осуществляют обеспечительную функцию режима, когда все иные средства оказались не в состоянии обеспечить надлежащее поведение осужденных). К таким средствам можно отнести возможность замены осужденному, признанному злостным нарушителем, порядка и условий отбывания наказания, неотбытой части наказания лишением свободы.

Пятым признаком, определяющим свойства наказаний без изоляции от общества, выступают особенности применения средств исправления к осужденным к наказаниям без изоляции от общества.

В юридической литературе отмечается, что средства исправления применяются в обстановке режима, который «накладывает определенный отпечаток на полноту и порядок применения этих средств» [13, с. 58]. Средства исправления направлены на оптимальное воздействие на осужденных для достижения целей исполнения наказаний. Для успешного применения этих средств в процессе исправления осужденных необходима соответствующая правовая регламентация.

Располагая ст. 9 в Общей части УИК РФ, законодатель намеревался использовать основные средства исправления осужденных в отношении всей системы наказаний, однако при дальнейшем анализе норм УИК РФ мы можем констатировать, что в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества правовая регламентация применения средств исправления отсутствует. Возможно, это объяснимо нецелесообразностью применения некоторых из них. Например, законодателем определено, что общественно-полезный труд как средство исправления является обязательным только для осужденных к лишению свободы. Отметим, что с общественно-полезным трудом не стоит путать наказание в виде обязательных работ, поскольку в данном случае труд будет выступать содержанием наказания, а не средством исправления осужденных.

К сожалению, вынуждены признать, сегодня вопрос применения общественного воздействия при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, должным образом не регламентируется. На взаимодействие УИИ с правоохранительными органами, администрацией организаций, в которых работают осужденные, органами местного самоуправления, прокуратуры, судами и общественными объединениями указывает п. 5 Постановления Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729¹. Учитывая условия антиизоляции, в которых находятся осужденные, немаловажное воздействие на эффективность исполнения наказаний оказывает такая форма общественного воздействия, как медико-социальная реабилитация осужденных, страдающих алкогольной, наркотической и иными видами зависимости. Положительные результаты такого воздействия отмечались в ГУФСИН России по Красноярскому краю (реабилитационный центр «Енисей»)².

В отличие от наказания в виде лишения свободы применительно к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, отсутствует закон, регламентирующий порядок осуществления общественного контроля в данном направлении деятельности. О необходимости его принятия неоднократно высказывались ученые (Н. В. Ольховик [14, с. 74], С. Л. Бабаян [15, с. 6], Е. Э. Попова [16, с. 371]). Нет четкой регламентации форм и методов проведения такого средства исправления, как воспитательная работа в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества. В отношении осужденных к обязательным работам применение воспитательной работы вообще не предусмотрено. В качестве решения обозначенной проблемы полагаем возможным обратиться к мнению ученых, предложивших законодательно установить в качестве основных направлений воспитательной работы с осужденными нравственное, патриотическое, правовое, трудовое, эстетическое, физическое и экологическое воспитание [17, с. 98].

Таким образом, сущность системы уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, раскрывается с помощью определяющих ее свойств:

во-первых, основополагающим свойством выступает непенитенциарный режим исполнения и отбывания наказаний, а также особенности средств его обеспечения;

во-вторых, в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, действуют условия антиизоляции и обусловленные ими ограничения конституционно-правового статуса осужденных;

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» (с изм. от 23 апреля 2012 г.) // Российская газета. 1997. 25 июня.

² См.: Взаимодействие ГУФСИН России по Красноярскому краю и реабилитационного центра «Енисей». URL: <https://youtu.be/h2Aj7Qку6m8> (дата обращения: 05.02.2023).

в-третьих, исполнение уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, предполагает реализацию правовых ограничений в меньшем объеме, чем исполнение наказания в виде лишения свободы, тем самым осужденные в процессе отбывания ими наказания подвергаются минимальным репрессиям;

в-четвертых, отмечается особый порядок применения средств исправления к осужденным к наказаниям, не связанным с лишением свободы, обусловленный непенитенциарным режимом и условиями антиизоляции.

Определение свойств, составляющих сущность и содержание наказаний без изоляции от общества, имеет важное значение для правильного понимания целей при их исполнении.

Библиографический список

1. *Гольберг К.А.* Понятие и сущность наказаний, не связанных с изоляцией от общества: вопросы теории и методологии // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2018. № 1. С. 131–142.

2. *Бочкарева Ю.В.* Проблемы совершенствования системы наказаний в уголовном законодательстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 29 с.

3. *Палий А.А.* Сущность и цели наказания в Российском уголовном праве и средства их достижения: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Дону, 2001. 216 с.

4. *Стручков Н.А.* Курс исправительно-трудового права: проблемы Особенной части. М., 1985. 256 с.

5. *Головастова Ю.А.* Альтернативно-пенитенциарное право как формирующаяся подотрасль уголовно-исполнительного права // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 229–234.

6. *Некрасов А.П., Устинов А.А.* Некоторые вопросы правовой регламентации содержания осужденных к принудительным работам // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. № 2. С. 216–225.

7. *Маковик Р.С.* Государственно-правовой статус осужденного к лишению свободы. Рязань, 1979. 40 с.

8. *Ольховик Н.В.* Режим испытания при условном осуждении. Томск, 2005. 180 с.

9. *Бабаян С.Л.* Стимулирование исправления осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3(86). С. 105–110.

10. *Голик Ю.В.* Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. 56 с.

11. *Сизый А.Ф.* Стимулирующие нормы уголовно-исполнительного права и их применение в процессе формирования правопослушного поведения осужденных (концептуальные проблемы теории и практики). Чебоксары: ЧКИ МУПК, 1998. 214 с.

12. *Осадчая Н.Г.* Обязательные работы как новый вид наказания в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. 215 с.

13. *Зубков А.И.* Трудовое перевоспитание заключенных в советских исправительно-трудовых учреждениях и его правовое регулирование. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. 186 с.

14. *Ольховик Н.В.* Организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Уголовная юстиция. 2013. № 1(1). С. 70–74.

15. *Бабаян С.Л.* К вопросу о профилактической работе с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 2(38). С. 4–9.

16. *Попова Е.Э.* Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных: теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 701 с.

17. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / В.В. Базунов, В.Н. Белик, А.В. Бриллиантов и др.; под науч. ред. В.И. Селиверстова. М.: Юриспруденция, 2017. 320 с.

References

1. *Golberg K.A.* The Concept and Essence of Punishments Not Related to Isolation from Society: Issues of Theory and Methodology // *Bulletin of Moscow University. Series 11, Law* 2018. No. 1. P. 131–142.

2. *Bochkareva Yu.V.* Problems of Improving the System of Punishments in the Criminal Legislation of the Russian Federation: extended abstract diss. ... cand. of law. Saratov, 2009. 29 p.

3. *Paly A.A.* The Essence and Goals of Punishment in Russian Criminal Law and the Means to Achieve Them: diss. ... cand. of law. Rostov-on-Don, 2001. 216 p.

4. *Struchkov N.A.* The Course of Corrective-Labor Law: Problems of the Special Part. М., 1985. 256 p.

5. *Golovastova Yu.A.* Alternative-Penitentiary Law as an Emerging Sub-Branch of Penitentiary Law // *Bulletin of the Tomsk State University*. 2021. No. 470. P. 229–234.

6. *Nekrasov A.P., Ustinov A.A.* Some Issues of Legal Regulation of the Maintenance of Convicts to Forced Labor // *Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev*. 2021. No. 2. P. 216–225.

7. *Makovik R.S.* State-Legal Status of the Convict Sentenced to Deprivation of Liberty. Ryazan, 1979. 40 p.

8. *Olkhovik N.V.* Probation Trial Regime. Tomsk, 2005. 180 p.

9. *Babayan S.L.* Stimulating the Correction of Convicts to Punishments not Related to Isolation from Society // *Man: Crime and Punishment*. 2014. No. 3 (86). P. 105–110.

10. *Golik Yu.V.* Positive Incentives in Criminal law (Concept, Content, Perspectives): extended abstract diss. ... Dr. of law. М., 1994. 56 p.

11. *Siziy A.F.* Stimulating Norms of Penal Law and Their Application in the Process of Formation of Law-Abiding Behavior of Convicts (Conceptual Problems of Theory and Practice): monograph. Cheboksary: CHKI MUPC, 1998. 214 p.

12. *Osadchaya N.G.* Compulsory Work as a New Type of Punishment in Russian Criminal Law: diss. ... cand. of law. Rostov-on-Don, 1999. 215 p.

13. *Zubkov A.I.* Labor Reeducation of Prisoners in Soviet Corrective Labor Institutions and Its Legal Regulation. Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 1970. 186 p.

14. *Olkhovik N.V.* Organization of the Activities of Penal Enforcement Inspectorates // *Criminal Justice*. 2013. No. 1(1) P. 70–74.

15. *Babayan S.L.* On the Issue of Preventive Work with Convicts Registered in Criminal Executive Inspectorates // *Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*. 2017. No. 2 (38). P. 4–9.

16. *Popova E.E.* Public Influence as the Main Means of Correction of Convicts: Theory, Legislation, Practice: diss. ... Dr. of law. М., 2021. 701 p.

17. General Part of the New Criminal Executive Code of the Russian Federation: Results and Justifications of Theoretical Modeling / V.V. Bazunov, V.N. Belik, A.V. Brilliantov and et al.; under scientific editorship of V.I. Seliverstov. М.: Jurisprudence. 2017. 320 p.

А.М. Герасимов

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ПРЕДМЕТОМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА И ПОТЕРПЕВШИМ

Введение: в науке уголовного права представлено изрядное количество концепций относительно сущности объекта уголовно-правовой охраны, предмета преступления и потерпевшего. Преимущественное большинство из них наполняет указанные категории содержанием, ограниченным параметрами традиционной теории криминообразующего состава. Представляя несомненную теоретическую ценность, в то же время они формируют одностороннее представление о природе объекта преступного посягательства, его элементах, практическом значении, соотношении с предметом преступления и потерпевшим. **Цель** — обосновать социальную и юридическую составляющие объекта преступления на уровне межотраслевого взаимодействия уголовного права и регулятивного законодательства. **Методологическая основа:** диалектический метод как универсальный инструмент познания в сочетании с методиками формально-юридического анализа, обобщения, синтеза и абстрагирования. **Результаты:** выделены структурные компоненты объекта преступления, показано межотраслевое соотношение объекта уголовно-правовой охраны и предмета правового регулирования, аргументирована взаимосвязь объекта общественно опасного деяния, предмета преступления и потерпевшего. **Вывод:** потерпевший выступает непосредственным носителем интересов, составляющих материальное ядро правоотношений, взятых под охрану отраслью уголовного законодательства, которым причиняется вред в результате совершения преступного посягательства.

Ключевые слова: объект преступления, предмет посягательства, потерпевший, правовое регулирование, уголовно-правовая охрана.

A.M. Gerasimov

OBJECT OF THE CRIME AND ITS RELATIONSHIP WITH THE SUBJECT OF ENCROACHMENT AND THE VICTIM

Background: in the science of criminal law there is a considerable number of concepts regarding the essence of the object of criminal law protection, the subject of the crime and the victim. The majority of them fill these categories with content limited by the parameters of the traditional theory of criminological composition. Representing an undoubted theoretical value, at the same time they form a one-sided view of the nature of the object of criminal encroachment, its elements, practical significance, correlation with the subject of the crime and the victim. **Objective** — substantiate the social and legal components of the object of the crime at the level of intersectoral interaction between

© Герасимов Александр Михайлович, 2023
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: amgerasimov@list.ru
© Gerasimov Alexander Mikhailovich, 2023
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law (Saratov State Law Academy)

criminal law and regulatory legislation. Methodology: dialectical method as a universal tool of cognition in combination with techniques of formal-legal analysis, generalization, synthesis and abstraction. Results: the structural components of the object of crime are singled out, the intersectoral correlation of the object of criminal-legal protection and the subject of legal regulation is shown, the interrelation of the object of socially dangerous act, the subject of crime and the victim is argued. Conclusion: the victim acts as a direct bearer of interests, which constitute the material core of the legal relations, taken under the protection of the branch of criminal legislation, to which harm is caused as a result of the commission of a criminal offense.

Keywords: *object of crime, subject of encroachment, victim, legal regulation, criminal law protection.*

В уголовно-правовой теории объект преступления традиционно позиционируется в качестве исходного элемента состава преступления. Его место в структуре криминообразующих компонентов общественно опасного посягательства находит объяснение в формальных и материальных аспектах. Формально только после констатации вреда соответствующему объекту или возникшей угрозы его причинения логично ставить вопрос о наличии других элементов состава преступления. Материальная предпосылка заявленного тезиса заключена в функциональном предназначении отрасли уголовного законодательства. Оно предполагает обеспечение сохранности объектов, от которых напрямую зависит благополучие человека как члена социума. Каждая норма уголовного права ориентирована на удержание криминально неустойчивых лиц от совершения деяний, способных разрушить исторически сложившиеся и развивающиеся общественные отношения. Элементами их системы выступают интересы, которые в уголовном праве приобретают значение центральных составляющих объектов охраны. В соответствии с уголовным законом к числу таковых относятся права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Российской Федерации, мир и безопасность человечества (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

В ходе исследования элементов уголовного правонарушения объект уголовно-правовой охраны (объект преступления) нами был обоснован как «правоотношение, возникающее по поводу удовлетворения фактических интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества, которое претерпевает общественно опасное воздействие» [1, с. 143].

Исходя из изложенного, объект уголовно-правовой охраны включает социальную и юридическую составляющие. Его социальный компонент находит выражение в фактически существующих социальных отношениях, которые возникают и развиваются в связи с реализацией личностью, обществом и государством своих интересов. Юридическая оболочка объекта преступления предполагает урегулированность такого рода общественных отношений позитивной отраслью права. В своей совокупности они образуют социально-правовые параметры объекта преступления, имеющие большое практическое значение при оценке содеянного.

Проиллюстрируем изложенную мысль на казусе, которому дал оценку Конституционный Суд РФ: «Г., находясь в салоне автобуса, увидела лежащий на полу мобильный телефон. Понимая, что он принадлежит ранее вышедшей пассажирке (выпал из ее сумки), она не предприняла попытки по возврату теле-

фона собственнице, а также не сообщила о случившемся водителю автобуса. Она предпочла тайно завладеть телефоном и скрыться. Впоследствии Г. не стала отвечать на поступающие на телефон звонки, отключила его, а находящиеся в нем сим-карты выбросила.

Приговором Учалинского районного суда Республики Башкортостан от 16 декабря 2020 г. Г. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а именно в тайном хищении чужого имущества, причинившем значительный ущерб.

После долгих судебных разбирательств Г., будучи убежденная в правомерности своих действий, обратилась в Конституционный Суд РФ с требованием признать неконституционной уголовно-правовую норму, позволяющую оценивать как кражу находку чужого имущества и обращение его в свою пользу. Однако высший судебный орган конституционного контроля отметил, что Г. нарушила установленный гражданским законодательством порядок обращения с найденной вещью. Ее действия по противоправному и активному сокрытию имущества выходят за частноправовые пределы, очерченные ст. 227 ГК РФ. Поэтому деяние, начавшееся как внешне правомерная находка, переросло в преступление, утратив признаки правомерности¹.

Приведенный пример показателен тем, что при обосновании параметров охраняемого объекта Конституционный Суд РФ активно апеллировал к содержанию гражданского законодательства, упорядочивающего общественные отношения по приобретению права собственности. В данном случае можно наблюдать межотраслевое соотношение предмета правового регулирования и объекта уголовно-правовой охраны. Объектом уголовно-правовой охраны выступили правоотношения, возникшие по поводу предмета регулирования отрасли гражданского права.

Характеризуя направленность запрещенного уголовным законом деяния, содержание объекта преступления приобретает огромное значение на нормотворческом и правоприменительном уровнях. В законотворческом процессе ориентированность посягательства на тот или иной объект охраны обуславливает принадлежность соответствующей уголовно-правовой нормы к определенной структурной составляющей уголовного закона. Однако следует иметь в виду, что формирование Особенной части уголовного права не связано с каким-либо конкретным свойством объекта преступления. На уровне ее разделов аккумулятивное регулирование уголовно-правовых норм базируется на аксиологическом подходе к ранжированию интересов, составляющих ядро охраняемых правоотношений. В его основе заложена заданная Конституцией РФ и основополагающими международными документами иерархия интересов «личность — общество — государство».

Между тем анализ местоположения отдельных норм Особенной части уголовного закона показывает, что ситуация с соблюдением аксиологической иерархичности объектов преступных посягательств сложилась не столь однозначно. В некоторых случаях законодатель пытался объединить преступления со схожим объектом по принципу нисходящей общественной опасности соответствующих

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 января 2023 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова» // СЗ РФ. 2023. № 4, ст. 697.

деяний. В качестве таковых выступают преступления против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ), преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18 УК РФ). В то же время при построении других групп преступлений обозначенный принцип законодателем не обеспечивается. Ярким примером тому служат преступления против собственности (гл. 21 УК РФ), преступления против здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ). Поэтому во многих ситуациях при систематизации уголовно-правовых норм законодатель руководствуется не ценностными характеристиками объектов преступлений. Им принимаются в расчет сферы реализации охраняемых уголовным законом правоотношений, а также общие признаки механизмов причинения им вреда.

Что касается уровня правоприменения, то установление направленности преступного посягательства способствует правильной квалификации содеянного и разграничению смежных составов преступлений. Например, одним из оснований разграничения убийства лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), служит содержание охраняемых уголовным законом правоотношений, обусловленное статусом потерпевшего.

В науке уголовного права распространена точка зрения, согласно которой ценность объекта преступления определяет общественную опасность содеянного по формуле «чем более ценно охраняемое общественное отношение, тем более опасно посягательство на него». Ее состоятельность вызывает большие сомнения. Обратившись к непосредственному содержанию уголовного закона, несложно убедиться в том, что ценностная оценка охраняемых интересов не определяет общественную опасность учиненного деяния. Изложенное можно подтвердить на примере категоризации отдельных разновидностей умышленных посягательств на жизнь. Например, простое и квалифицированные убийства отнесены к разряду особо тяжких преступлений, тогда как убийство в состоянии аффекта одного лица и убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, являются преступлениями небольшой тяжести. Если жизнь человека как наивысшая ценность в полном объеме определяет общественную опасность преступлений, предусмотренных гл. 16 УК РФ, то проблематично объяснить их принадлежность к различным категориям.

Полагаем, общественная опасность деяния напрямую связана не с ценностью объекта, а его трансформациями в процессе и после преступной деятельности. Уровень общественной опасности преступления определяется суммарным объемом причиняемого охраняемым правоотношением вреда, находящего выражение в совокупности всех объективных и субъективных признаков совершаемого деяния.

Обозначенную идею признали убедительной и другие исследователи. В ее развитие Р.Г. Асланян отметил: «Сам факт установления уголовной ответственности за посягательство на то или иное правовое (конституционное) благо свидетельствует о том, что его ценность заслуживает мер уголовно-правовой защиты, и в этом отношении все охраняемые ценности равнозначны. Дифференциация же уголовной ответственности происходит внутри уголовного права не на осно-

вании значимости самого охраняемого блага, а на основании иных признаков, отражающих объем и интенсивность причиняемого деянием виновного лица вреда» [2, с. 310].

Сформулированное понимание объекта уголовно-правовой охраны определяет содержание предмета преступного посягательства. По сути, предмет преступления представляет собой материальную составляющую объекта общественно опасного деяния.

Категорию «материальность» применительно к рассматриваемому понятию многие исследователи и правоприменители воспринимают в буквальном смысле как некий овеществленный предмет. Поэтому предмет преступления традиционно определяется как вещь, воздействуя на которую лицо причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны. Например, по такой логике, при совершении кражи объектом преступления признаются отношения собственности, а предметом названного посягательства принято считать само похищенное имущество. На первый взгляд, изложенные суждения вполне логичны. Между тем подобный подход не только противоречит пониманию содержания охраняемого уголовным законом правоотношения, но и создает иллюзию того, что некоторые общественно опасные посягательства лишены своего предмета. Как известно, масса преступных посягательств вообще не предполагает воздействия на какую-либо вещь, среди них убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, клевета, нарушение неприкосновенности частной жизни, нарушение права на свободу совести и вероисповеданий, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, злоупотребление полномочиями, заведомо ложное сообщение об акте терроризма и многие другие. По смыслу указанной концепции получается, что их совершение не связывается с воздействием на нечто материальное, определяющее сущность объекта уголовно-правовой охраны.

В действительности каждое правоотношение, становящееся объектом уголовно-правовой охраны, имеет свой материально выраженный предмет, который в уголовно-правовой среде приобретает значение предмета преступления. На основании этого под предметом преступления следует считать конкретный интерес или благо, по поводу которого возникло охраняемое уголовным законом отношение. Именно он, как сущностная часть правоотношения, принимает на себя непосредственный «удар» от преступления. Стоит признать убедительность Г. П. Новоселова, по мнению которого «не так уж важно, чем именно будет назван предмет преступления — благом, ценностью, предметом общественных отношений (тем, по поводу чего они складываются), суть остается одна: основным свойством предмета является его способность удовлетворять различного рода потребности людей» [3, с. 45]. Представленная идея объясняет смысл законодательных формулировок, оперирующих выражениями «интересы, охраняемые уголовным законом», «причинение вреда охраняемым интересам».

Может сложиться ложное впечатление, что позиционируемый концепт меняет местами объект и предмет преступления. Однако на самом деле он не порождает никаких противоречий в соотношении указанных уголовно-правовых категорий. Интересы человека, такие как жизнь, здоровье, свобода, честь, достоинство, собственность, безопасность и другие, в юридической сфере приобретают значение конструктивных элементов правовых отношений. Только после того,

как позитивное законодательство сформирует условия обеспечения социально значимого интереса, уголовное право берет под охрану правоотношения, возникшие по поводу его удовлетворения.

Необходимо учитывать, что один и тот же предмет испытывает различное негативное воздействие в результате совершения соответствующих общественно опасных посягательств. Проиллюстрировать заявленный тезис можно на примере жизни человека. Так, совершение убийства (ст. 105 УК РФ) предполагает ее прерывание. В данном случае предмет преступления полностью и необратимо уничтожается. В то же время угроза убийством (ст. 119 УК РФ) означает возникновение реальной опасности для жизни, которая может быть нивелирована.

Таким образом, предметом преступления выступает конкретный интерес личности, общества, государства, мира и безопасности человечества как материально выраженное ядро охраняемого уголовным законом правоотношения, которое испытывает непосредственное воздействие со стороны запрещенного уголовным законом деяния [1, с. 138].

Носителем интереса, которому причиняется непосредственный ущерб от преступления, выступает потерпевший. Согласно уголовно-процессуальному законодательству им признается лицо, испытывающее моральный, физический или имущественный вред от преступного посягательства. «Понятие потерпевшего приводится в уголовно-процессуальном законе, что дает одностороннее представление о правовой природе соответствующего субъекта. В связи с этим интерес к фигуре потерпевшего с позиции уголовного права небесспорный. Следует обратить внимание на важный аспект в содержании ч. 1 ст. 42 УПК РФ, согласно которому потерпевшим является физическое или юридическое лицо, претерпевшее вред от преступления. Поскольку вред причиняется преступлением конкретному лицу, то такого рода вред является органической частью совершенного преступления, которое названо в качестве такового законом уголовным, а не уголовно-процессуальным» [4, с. 155–157]. Представленная мысль полностью корреспондирует с позицией Пленума Верховного Суда РФ, который в п. 3 своего постановления от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» подчеркнул, что «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им»¹. Фактическое положение лица напрямую зависит от характера и объема причиненного ему вреда, выступающего неотъемлемой частью преступного посягательства.

Изложенное свидетельствует о наличии тесной связи потерпевшего с категориями объекта и предмета преступления. Потерпевший выступает непосредственным носителем интересов, составляющих материальное ядро правоотношений, взятых под охрану отраслью уголовного законодательства, которым причиняется вред в результате совершения преступного посягательства.

Сформулированные выводы и суждения, развивая теорию объекта уголовно-правовой охраны, побуждают к ее дальнейшему осмыслению на уровне межотраслевого взаимодействия уголовного права с регулятивным законодательством.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.

Библиографический список

1. *Герасимов А.М.* Теория уголовного правонарушения. М.: Юрлитинформ, 2022. 320 с.
2. *Асланян Р.Г.* К вопросу о видах системных связей между институтами Особенной части уголовного права // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики: сб. док. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ростов н/Д; Таганрог, 2021. С. 309–312.
3. *Новоселов Г.П.* Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: Норма, 2001. 208 с.
4. *Герасимов А.М.* Субъект преступления как участник уголовно-правового отношения // *International Law Journal*. 2022. Т. 5, № 2. С. 31–36.

References

1. *Gerasimov A.M.* Theory of Criminal Offense. M.: Yurlitinform, 2022. 320 p.
2. *Aslanyan R.G.* On the Issue of Types of Systemic Ties Between Institutions of the Special Part of Criminal Law // Development of Legal Science in New Conditions: Unity of Theory and Practice: collection of reports on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Rostov-on-Don; Taganrog, 2021. P. 309–312.
3. *Novoselov G.P.* The Doctrine of the Object of Crime. Methodological Aspects. M.: Norm, 2001. 208 p.
4. *Gerasimov A.M.* The Subject of the Crime as a Participant in a Criminal Legal Relationship // *International Law Journal*. 2022. T. 5, no. 2. P. 31–36.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2023-5-227-234

УДК 343.985.44

В.И. Галушкин

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В ФОРМЕ КОМПЬЮТЕРНОГО 3D-МОДЕЛИРОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: до сих пор не решенным остается комплекс вопросов, касающихся использования реконструкции в уголовном судопроизводстве. Несмотря на это сотрудники правоохранительных органов и эксперты для решения стоящих перед ними задач достаточно часто используют данный метод при подготовке и проведении следственных действий. С развитием научно-технического прогресса перспективным направлением установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, является использование реконструкции в форме компьютерного 3D-моделирования. **Цель** — проанализировать особенности применения реконструкции при производстве отдельных следственных действий для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. **Методологическая основа:** при подготовке работы использовались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция и т.д.), так и специальные методы исследования. **Результаты:** в ходе проведенного анализа установлено, что один из видов реконструкции, осуществляемой в форме компьютерного 3D-моделирования, может эффективно использоваться при производстве процессуальных действий (судебной экспертизы, проверки показаний на месте и т.д.) по различным категориям уголовных дел. Это обусловлено тем, что в ходе ее применения возможно установить обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу. **Вывод:** в работе ставится вопрос о возможности признания реконструкции в качестве формирующегося следственного действия и необходимости законодательной регламентации комплекса вопросов, касающихся ее использования в уголовном судопроизводстве. Учитывая перспективность применения компьютерного 3D-моделирования для решения задач, возникающих в ходе предварительного следствия, автор предлагает во время обучения в вузе и на курсах повышения квалификации для следственных работников уделять более пристальное внимание вопросам ее использования в ходе расследования преступлений.

Ключевые слова: реконструкция, компьютерное 3D-моделирование, ситуационная экспертиза, заключение эксперта, проверка показаний на месте, следственное действие.

© Галушкин Виталий Иванович, 2023
Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vikalushkin@gmail.com
© Galushkin Vitaly Ivanovich, 2023
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminology (Saratov State Law Academy)

V.I. Galushkin

THE USE OF RECONSTRUCTION IN THE FORM OF COMPUTER 3D-MODELING IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Background: for a long time, a set of issues related to the use of re-construction in criminal proceedings continues to remain unresolved. Despite this fact, law enforcement officers and experts often use it to solve the tasks they face when preparing and conducting investigative actions. With the development of scientific and technological progress, a promising direction for establishing the circumstances that are included in the subject of evidence in a criminal case is the use of reconstruction in the form of computer 3D-modeling. **Objective** — is to analyze the features of the use of reconstruction in the performance of individual investigative actions to establish the circumstances included in the subject of evidence in a criminal case. **Methodology:** in the preparation of the work, both general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, etc.) and special research methods were used. **Results:** in the course of the analysis, the author of the article concludes that one of the types of reconstruction carried out in the form of computer 3D-modeling can be effectively used in the production of procedural actions (forensic examination, verification of testimony on the spot, etc.) in various categories of criminal cases. This is due to the fact that in the course of its application it is possible to establish the circumstances that are included in the subject of evidence in a criminal case. **Conclusion:** the paper raises the question of the possibility of recognizing reconstruction as an emerging investigative action and the need for legislative regulation of a set of issues related to its use in criminal proceedings. Considering the prospects of using computer 3D-modeling to solve problems arising during the preliminary investigation, the author suggests that during university studies and advanced training courses for investigative workers, pay closer attention to the issues of its use during the investigation of crimes.

Keywords: reconstruction, computer 3D-modeling, situational expertise, expert opinion, on-site verification of testimony, investigative action.

В процессе расследования преступлений следователь сталкивается с необходимостью познания обстоятельств произошедшего деяния. Для установления отдельных фактов случившегося используется реконструкция, которую можно рассматривать в качестве разновидности метода моделирования. По мнению В.В. Куванова, она «представляет собой процесс воссоздания существенных с точки зрения задач расследования признаков отсутствующего или изменившегося объекта (оригинала), связанного с изучаемым событием, по описаниям, изображениям или вещественным остаткам, в результате которого получают подобный оригиналу материальный объект, являющийся источником доказательственной информации и используемый взамен оригинала при проведении следственных действий либо судебных экспертиз» [1, с. 13]. Следует отметить, что она может осуществляться с целью воссоздания схожей обстановки, условий, в которых происходило противоправное деяние.

Более точным, на наш взгляд, выглядит определение понятия «реконструкция», предложенное Е.В. Осиповой, Д.С. Санжаревским, как особой формы метода моделирования, представляющей собой процесс как материального, так и мысленного ретроспективного воссоздания аналогов конкретного объ-

екта, определенных условий или обстановки, направленных на определение их первоначального состояния или состояния в определенный момент времени и осуществляемую в ходе раскрытия и расследования преступления [2, с. 83].

Соглашаясь в целом с предложенным авторами определением понятия «реконструкция», следует отметить, что оно не лишено недостатков. Необходимо учитывать, что помимо материальной и мысленной реконструкции, используемой в уголовном судопроизводстве, могут применяться и иные виды воссоздания случившегося, например графическая реконструкция, а также реконструкция, осуществляемая с помощью средств компьютерной техники (компьютерное 3D-моделирование).

Несмотря на отсутствие надлежащей процессуальной регламентации вопросов, касающихся ее применения в уголовном судопроизводстве, сотрудники правоохранительных органов и эксперты для решения стоящих перед ними задач достаточно часто обращаются к ее осуществлению.

При подготовке и проведении следственных действий могут применяться различные виды реконструкции (материальная, мысленная, описательная, инструментальная и т.д.). Однако остановимся на возможностях использования реконструкции в форме компьютерного 3D-моделирования для установления отдельных обстоятельств произошедшего деяния.

Важное значение имеют ее результаты при проведении экспертных исследований по различным категориям уголовных дел: о дорожно-транспортных происшествиях, повлекших причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, поджогах, кражах и т.д.

При расследовании убийств нередко возникает необходимость установить личность погибшего по костным останкам. Для этого могут применяться различные способы: пластическая реконструкция лица по черепу по методу профессора М.М. Герасимова, создание рисованных портретов, производство генетической, судебно-портретной экспертизы и т.д. С развитием научно-технического прогресса важное значение отводится компьютерному 3D-моделированию, которое позволяет по черепу воссоздать прижизненный облик погибшего.

Е.В. Алферова, говоря о важности технологий 3D-сканирования и 3D-моделирования, используемых при проведении судебно-медицинской экспертизы, отмечает, что они «...обеспечивают надежную и быструю фиксацию телесных повреждений и других следов биологического происхождения в такой форме, которая позволяет сохранить все детали в неизменном виде, пригодна для длительного хранения и последующего исследования. Так, сканирование скелетированных останков или телесных повреждений осуществляется очень быстро и может быть сделано прямо на месте происшествия. Это экономит время и позволяет проводить несколько исследований одновременно, например, начать реконструкцию лица до того, как будет закончено вскрытие. Сканирование трупа во время вскрытия позволяет воссоздать, например, трехмерную модель всех раневых каналов. Такая модель будет особенно полезна в случае необходимости проведения повторной судебно-медицинской экспертизы спустя длительное время, поскольку надежно и полно фиксирует все особенности повреждений, в отличие от вербального описания в экспертном заключении, в значительной степени субъективного и допускающего неоднозначное толкование. Работать с компьютерными изображениями удобно еще и потому, что полученные ре-

зультаты можно сразу сравнить с любой имеющейся в распоряжении правоохранительных органов базой данных (лиц, пропавших без вести, осужденных, оружия и предметов, используемых в качестве оружия, и т.д.), которые также существуют в электронном виде» [3, с. 155–156].

Результаты 3D-сканирования и компьютерного моделирования, бесспорно, имеют важное значение при проведении экспертных исследований, в том числе повторных и дополнительных. Значение их нельзя недооценивать. Однако слишком категоричным представляется утверждение о том, что вербальное описание в экспертном заключении исследуемых фактов всегда предполагает неоднозначное толкование. В случае возникновения подобной ситуации это может послужить основанием для назначения дополнительной экспертизы (ч. 1 ст. 207 УПК РФ). Для более точного уяснения сути исследуемых фактов описание в экспертном заключении может сопровождаться фото- и видеофиксацией, которые используются следователем при оценке выводов эксперта.

Говоря о важности использования компьютерного 3D-моделирования в уголовном судопроизводстве, Р.А. Коныгин, Л.А. Шестакова отмечают, что оно позволяет воссоздать события, которые не могут быть с достаточной полнотой восстановлены следователем. Использование 3D-моделирования позволит показать место происшествия с ракурса, который не может быть воссоздан в ином случае. Авторы предлагают использовать компьютерное 3D-моделирование при производстве экспертных исследований и получении заключения специалиста. На основании предоставленных в их распоряжение данных специалисты могут составить в специальной компьютерной программе 3D-модель, которую впоследствии можно будет презентовать в суде при даче экспертом, специалистом показаний [4, с. 99–101].

К несомненным достоинствам реконструкции, используемой при расследовании уголовных дел о дорожно-транспортных происшествиях, можно отнести сокращение сроков проведения экспертизы, повышение их качественного уровня, а также возможность подтвердить или опровергнуть одну из версий механизма ДТП. При этом реконструкции может подлежать как все место происшествия (полная реконструкция), так и отдельные его участки (частичная реконструкция) [5, с. 12].

«... На современном этапе развития технического прогресса на лидирующую роль в развитии приемов реконструкции ДТП выходит компьютерное моделирование. Компьютерное моделирование позволяет в больших объемах систематизировать и типизировать дорожно-транспортные ситуации (как в целом ДТП, так и его составных частей, фаз), использовать широкий спектр всех современных математических расчетов траектории, скорости движения, маневрирования ТС. При этом результаты проведенного моделирования наглядно отображаются в виде мультимедийного сопровождения» [5, с. 12]. В ходе экспертного исследования могут использоваться программы компьютерного моделирования Carat-3, Virtual CRASH 3.0. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что компьютерное моделирование — это перспективное направление как в области криминалистики, так и судебной экспертизы, в частности при проведении транспортно-трасологических исследований [5, с. 12–15].

Использование при производстве экспертизы компьютерных программ, воссоздающих обстановку в момент совершения преступления и механизм

противоправного деяния, а также отдельные обстоятельства, подлежащие доказыванию, положительно сказывается на проведении исследования. Кроме того, это иллюстрирует экспертное заключение и облегчает работу следователя по его оценке. Полученные данные также можно использовать в судебном разбирательстве, в том числе с участием присяжных заседателей, так как наглядные материалы позволяют всем участникам судопроизводства уяснить исследуемые обстоятельства дела.

Следует согласиться с утверждением о важности внедрения современных технико-криминалистических средств и компьютерных программ в практику борьбы с преступностью. В связи с этим правомерна постановка вопроса о том, что компьютерное 3D-моделирование должно использоваться не только при производстве экспертизы, но и применяться сотрудниками правоохранительных органов для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.

Применительно к расследованию преступлений применение систем виртуализации понимается как создание цифровой реконструкции с помощью компьютерной программы. По мнению А. Б. Орокбаева, «сегодня существуют такие программы, как Unity, Unreal Engine, 3D EyeWitness и т.д., которые позволяют воссоздать произошедшие события на основе фактически установленных в ходе расследования данных с безграничной возможностью детализации объектов так, что в некоторых случаях не отличить, где воспроизводится анимация, а где перемещение осуществляется реальными участниками происшествия» [6, с. 89].

Предложение о предоставлении следователю права осуществлять в ходе расследования преступления реконструкцию с применением компьютерных программ может вызвать определенные возражения как в научном сообществе, так и среди практических работников, суть которых может сводиться к тому, что не все сотрудники правоохранительных органов обладают знаниями и навыками работы с соответствующими компьютерными программами. Для устранения этого обстоятельства целесообразно было бы на курсах повышения квалификации для следственных работников, а также при изучении криминалистики, информатики и других дисциплин в юридических вузах РФ уделять более пристальное внимание вопросам использования 3D-моделирования в ходе расследования преступлений. В частности, при изучении информатики возможно было бы обучать общим навыкам компьютерного 3D-моделирования. В процессе освоения криминалистики активнее использовать специальные обучающие компьютерные программы для моделирования, например механизма события преступления по различным категориям уголовных дел.

Ввиду сказанного объективно возникает вопрос о том, в ходе какого следственного действия должна осуществляться реконструкция следователем. Учитывая ее значимость в познании обстоятельств произошедшего деяния, постановка вопроса о возможности придания ей статуса самостоятельного следственного действия обоснована, а полученные результаты, возможно, будут рассматриваться в качестве нового источника доказательств. Тем более, что такие предложения высказываются на протяжении длительного времени [7, с. 210–219].

Активное внедрение современных и цифровых технологий в практику осуществления борьбы с преступностью обуславливает необходимость совершенствовать как действующее законодательство, так и тактику проведения след-

ственных действий. Наглядным примером выступают изменения, внесенные в УПК РФ от 30 декабря 2021 г., в соответствии с которыми допрос, очную ставку и предъявление для опознания возможно проводить с использованием систем видео-конференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ).

Развитие научно-технического прогресса и наметившаяся тенденция по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства позволяют ставить вопрос о возможности проведения в будущем проверки показаний на месте с использованием компьютерных программ, воссоздающих обстановку в момент совершения преступления. В качестве положительного момента будет выступать отсутствие необходимости транспортировать лицо, чьи показания проверяются, на место, где происходило противоправное событие, которое может находиться в другом субъекте РФ. К тому же обстановка на месте преступления может быть существенно видоизменена, или само место происшествия перестало существовать, поэтому программы, воссоздающие обстановку в момент совершения преступления, позволят также сэкономить бюджетные средства. В связи с этим использование названных компьютерных программ позволит провести это следственное действие с наименьшей затратой времени, сил и средств.

Между тем следует оговориться, что реконструкция, осуществляемая с помощью компьютерных программ, в данном случае будет являться тактическим приемом, используемым при подготовке следственного действия.

Т. Ф. Моисеева, анализируя возможности применения современных технико-криминалистических средств во время осмотра места происшествия, приходит к выводу о том, что наряду с использованием беспилотных летательных аппаратов перспективным направлением для осмотра места происшествия представляется использование систем лазерного 3D-сканирования, которые позволяют фиксировать место происшествия в виде трехмерной модели. «Особенно эффективно использование таких систем при фиксации чрезвычайных ситуаций для последующей реконструкции места происшествия, которое может подвергаться изменениям. Провести такую реконструкцию возможно с использованием 3D-сканера, который в комплексе со специализированным программным обеспечением может быть использован для проведения ситуационных экспертиз» [8, с. 171].

Противоречивую позицию о возможности использования следователем результатов реконструкции в уголовном судопроизводстве занимает М. А. Юркевич. По мнению автора, 3D-видеомоделирование позволяет установить обстоятельства, имеющие значение для дела. Видеомодель подготавливается на основе исходных данных, содержащихся в доказательствах-первоисточниках. «... при этом такая информация будет подвергаться субъективной интеллектуальной, а затем и компьютерной обработке. Получается, что в процессе видеомоделирования осуществляется не просто механическое копирование доказательственной информации и представление ее в другой форме, а интеллектуальное и целенаправленное создание нового продукта, опирающегося на ранее собранные данные. В результате этого появляется новый объект материального мира, зафиксированный на материальном носителе (например, флэш-накопителе), способный своими свойствами служить средством для установления обстоятельств уголовного дела. Такой объект материального мира соответствует определению понятия “вещественное доказательство”, данному в статье 81 УПК РФ» [9, с. 63–64].

Очевидно, что результаты реконструкции способствуют установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, но рассматривать их в качестве вещественного доказательства, на наш взгляд, недопустимо.

Согласно ст. 81 УПК РФ к их числу могут быть отнесены предметы: 1) которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления; 2) на которые были направлены преступные действия; 2.1) деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; 3) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Таким образом, объекты материального мира, которые в процессе расследования признаются вещественными доказательствами, объективно связаны с противоправным деянием ввиду того, что они подвергались в результате совершенного преступления какому-либо видоизменению, перемещению или были созданы преступными действиями [10, с. 300].

«Вещественные доказательства незаменимы, так как создаются обстоятельствами совершенного преступления и значимы по делу своими индивидуальными особенностями и свойствами» [11, с. 102].

Вещественные доказательства не могут быть созданы следователем путем объединения и систематизации информации из различных источников.

Объекты (предметы), относимые к числу вещественных доказательств, обнаруживаются и осматриваются в ходе проведения различных процессуальных действий (осмотра места происшествия, обыска, выемки и т.д.). Для признания объекта вещественным доказательством после его осмотра требуется вынесение постановления следователем.

Создаваемая лицом, осуществляющим расследование уголовного дела, 3D-модель несет в себе определенную долю субъективизма. На наш взгляд, ее можно рассматривать в качестве нового источника доказательственной информации, но никак не в качестве вещественного доказательства.

Это далеко не исчерпывающий перечень трудностей и проблем, возникающих при использовании реконструкции в уголовном судопроизводстве. Очевидно, что они нуждаются в дальнейшем научном обсуждении с целью усовершенствовать использование этого эффективного средства установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.

Библиографический список

1. *Куванов В.В.* Реконструкция при проведении криминалистических экспертиз: учеб. пособие. Караганда, 1974. 83 с.
2. *Осипова Е.В., Санжаревский Д.С.* Использование метода моделирования в расследовании криминальных пожаров // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 9. С. 76–85.
3. *Алферова Е.В.* Использование 3D-технологий в криминалистике и судебной экспертизе (реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2014. С. 153–164.
4. *Коньгин Р.А., Шестакова Л.А.* Использование компьютерного трехмерного моделирования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 3. С. 99–106.

5. *Беляев М.В., Четвергов М.А.* К вопросу о современных способах моделирования дорожно-транспортных происшествий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 11–15.

6. *Оракбаев А.Б.* О некоторых вопросах расследования преступлений с использованием средств виртуализации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 88–92.

7. *Степанов В.В., Галушкин В.И.* Реконструкция – эффективное средство исследования обстоятельств преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2(133). С. 210–219.

8. *Моисеева Т.Ф.* Инновационные технологии осмотра места происшествия // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 170–173.

9. *Юркевич М.А.* Использование результатов 3 D-видеомоделирования в доказывании по уголовным делам: американские и российские правовые основы // Право и политика. 2021. № 9. С. 58–67.

10. Уголовно-процессуальное право: учеб. для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2021. 936 с.

11. *Францифоров Ю.В., Манова Н.С.* Уголовный процесс: учеб. и практикум для бакалавриата и специалитета. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 391 с.

References

1. *Kivanov V.V.* Reconstruction during forensic examinations: a textbook. Karaganda, 1974. 83 p.

2. *Osipova E.V., Sanzharevsky D.S.* The use of the modeling method in the investigation of criminal fires // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. 2015. Issue 9. P. 76–85.

3. *Alferova E.V.* The use of 3-D technologies in criminology and forensic examination (abstract review) // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4. Government and law: An abstract journal. P. 153–164.

4. *Konygin R.A., Shestakova L.A.* The use of computer three-dimensional modeling in criminal proceedings of the Russian Federation // Legal Bulletin of the Samara University. 2017. Vol. 3, No. 3. P. 99–106.

5. *Belyaev M.V., Chetvergov M.A.* On the issue of modern methods of modeling road accidents // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4. P. 11–15.

6. *Orakbaev A.B.* On some issues of investigating crimes using virtualization tools // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1. P. 88–92.

7. For more details, see: *Stepanov V.V., Galushkin V.I.* Reconstruction is an effective means of investigating the circumstances of a crime // Bulletin of the SSS. No. 2(133). 2020. P. 210–219.

8. *Moiseeva T.F.* Innovative technologies for inspection of the place of occurrence // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 3. P. 170–173.

9. *Yurkevich M.A.* Using the results of 3-D video modeling in proving criminal cases: American and Russian legal foundations // Law and politics. 2021. No. 9. P. 58–67.

10. Criminal procedure law: textbook for undergraduate, specialist, graduate and post-graduate studies (adjunct) / under the general ed. by V.M. Lebedev. 3rd ed., reprint. and add. Moscow: Norma, Infra-M, 2021. 936 p.

11. *Franciforov Yu.V., Manova N.S.* Criminal procedure: textbook and workshop for bachelor's degree and specialty. 4th ed., reprint. and additional M.: Yurait, 2019. 391 p.

Н.Н. Давыдова

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: современные положения действующего законодательства и материалы правоприменительной практики постепенно вносят коррективы в направления реализации принципа состязательности уголовного судопроизводства. В связи с этим у ученых и практиков возникают многочисленные вопросы, связанные с соблюдением данного принципа при его реализации в правоприменительной деятельности, а также при его теоретическом рассмотрении. **Цель** — проанализировать современное состояние регламентации принципа состязательности в законодательстве и его толкование в материалах правоприменительной практики. **Методологическая основа:** общенаучные методы (системный анализ, интерпретация) и специальные методы (юридико-технический и сравнительно-правовой). **Результаты:** исследователем выявлены недостатки в правовой регламентации принципа состязательности, изучены сложившиеся тенденции в позициях Конституционного Суда РФ. **Выводы:** действующее законодательство нуждается в совершенствовании. Во избежание неоднозначного толкования и применения норм действующего УПК РФ необходима более детальная законодательная регламентация рассматриваемого принципа. Представляется целесообразным на законодательном уровне предоставить дополнительные гарантии стороне защиты по участию в доказывании и реализации принципа состязательности.

Ключевые слова: принцип состязательности, равенство сторон, сторона защиты, сторона обвинения, суд, принципы уголовного судопроизводства, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное законодательство, Конституция РФ.

N.N. Davydova

THE PRINCIPLE OF ADVERSARIAL PARTIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Background: modern provisions of the current legislation and materials of law enforcement practice are gradually making adjustments to the implementation of the principle of adversarial criminal proceedings. In this regard, scientists and practitioners have numerous questions related to the observance of this principle in its implementation in law enforcement activities, as well as in its theoretical consideration. **Objective** — to analyze the current state of the regulation of the principle of competition in legislation and its interpretation in the materials of law enforcement practice. **Methodology:** general scientific methods (system analysis, interpretation) and special methods — legal-technical and comparative-legal. **Results:** the researcher identified shortcomings in the legal regulation of the adversarial principle, analyzed the current trends in the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. **Conclusions:**

© Давыдова Наталья Николаевна, 2023
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nat19283@yandex.ru
© Davydova Natalia Nikolaevna, 2023
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

the current legislation needs to be improved. In order to avoid ambiguous interpretation and application of the norms of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, a more detailed legislative regulation of the principle in question is necessary. It seems appropriate at the legislative level to provide additional guarantees to the defense party for participation in the proof and implementation of the adversarial principle.

Keywords: *the principle of competition; equality of the parties; the defense side; the prosecution side; court; principles of criminal proceedings; criminal proceedings; criminal procedure legislation, the Constitution of the Russian Federation.*

Принцип состязательности сторон является одним из основополагающих начал уголовного судопроизводства. Его положения регламентированы Конституцией Российской Федерации¹ (ч. 3 ст. 123), Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации² (далее — УПК РФ) (ст. 15, 244 и др.).

Принцип состязательности и равенства сторон был предметом внимания в той или иной степени многих ученых [1–8], но в связи с недостаточной регламентацией принципа на нормативном уровне, высказыванием правовой позиции Конституционным Судом РФ и возникающими коллизиями в правоприменении его изучение является актуальным.

Действующее законодательство предусматривает, что принцип состязательности распространяется как на досудебные стадии, так и судебные. Однако говорить о том, что его действие в полной мере распространяется на досудебные стадии не представляется возможным, так как по УПК РФ равенство сторон предусмотрено только перед судом, в то время как Конституция РФ устанавливает, что равенство сторон должно обеспечиваться в рамках уголовного судопроизводства, а значит в соответствии с п. 56 ст. 5 УПК РФ к уголовному судопроизводству относятся и досудебные стадии. Данная нормативная неточность должна быть устранена, так как все законы подлежат буквальному толкованию. Анализ положений, закрепленных ст. 123 гл. 7 Конституции РФ, позволяют понять, что указание на равенство сторон в уголовном судопроизводстве связано с терминологической неточностью, так как законодатель предлагает равенство сторон устанавливать в данном случае только для судебных стадий, как это и предусмотрено УПК РФ. Между тем реализовать принцип состязательности сторон без их равенства достаточно сложно.

Как отмечает К.В. Арутюнян, вполне обоснованным является реализация принципа равноправия сторон только на судебных стадиях, так как на предварительном расследовании фактически отсутствуют спор о виновности подозреваемого (обвиняемого) и суд, разрешающий спор³. Тем не менее на нормативном уровне действие принципа состязательности сторон предусмотрено для всех стадий уголовного судопроизводства. К сожалению, не на всех стадиях одинаково полноценно реализуется.

Так, на стадии предварительного расследования нельзя говорить о реализации принципа состязательности сторон, поскольку сторона обвинения и сторона защиты наделены неравными процессуальными полномочиями по процессуальному доказыванию. Сторона обвинения в лице должностных лиц, производящих

¹ См.: Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с изм. от 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2023. №16, ст. 2753.

³ См.: Арутюнян К.В. Проблемы состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе и пути их преодоления. URL: <https://advokat-kamo.ru/advokat-blog/item/8-problemy-sostyazatelnosti-i-ravnopraviya-storon-v-ugolovnom-protseste-i-puti-ikh-preodoleniya> (дата обращения: 04.04.2023).

расследование по уголовному делу, наделена широкими полномочиями по производству следственных действий, результаты которых являются доказательствами по уголовному делу, применению мер уголовно-процессуального принуждения. Сторона защиты таких возможностей лишена. Несмотря на то, что защитнику предоставлено больше процессуальных полномочий и возможностей, чем подозреваемому и обвиняемому, тем не менее они не сопоставимы с возможностями и полномочиями органов и должностных лиц, расследующих преступления. Законодатель наделил защитника правом собирать доказательства, но фактически реализовать самостоятельно защитник их не может, так как для придания доказательственной силы полученной информации необходимо решение следователя (дознавателя), суда. А лица, в производстве которых находится уголовное дело в досудебных стадиях, не всегда удовлетворяют ходатайства защитника о приобщении документов в качестве доказательств по уголовному делу, проведении допроса свидетелей или производстве других следственных действий, несмотря на их обоснованность и позицию Конституционного Суда РФ¹.

Для защитника не менее проблематично получить доказательства (информацию), ведь законодатель не наделил его процессуальными полномочиями по применению принуждения, по беспрепятственному получению доказательств, и даже, невзирая на установление и административной (ст. 5.39 КоАП РФ), и уголовной ответственности (ст. 140 УК РФ)², не во всех случаях защитнику представляется запрашиваемая им информация [9–10]. Подобные ситуации неоднократно были предметом рассмотрения Верховного Суда РФ³.

Следует отметить, что установленное законодателем в п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ право защитника привлекать специалиста не способствует распространению равенства и состязательности сторон в уголовном процессе. Его нельзя признать в качестве полноценного права использовать заключение специалиста в доказывании, так как согласно ст. 58 (ч. 2), 168 и 270 УПК РФ специалист привлекается к участию в деле следователем, дознавателем и судом. Таким образом, адвокат может заявить только соответствующее ходатайство перед лицом (лицами), в производстве которых находится уголовное дело. По мнению С. Колосовского, единственный возможный способ «представления защитой процессуально допустимого письменного заключения специалиста — явка последнего в суд (или к следователю), допрос либо участие в ином процессуальном действии (например, его участие в допросе эксперта) и лишь последующее приобщение письменного заключения специалиста»⁴. В отдельных случаях ранее адвокатам удавалось

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3; Определение Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2006 г. № 100-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 3 статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 4.

² Обобщение правоприменительной практики за период с 2015 г. по первое полугодие 2021 г. свидетельствует о том, что в этот период ст. 140 УК РФ не применялась. См.: Судебная статистика // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 04.04.2023).

³ См.: ВС запретил отказывать адвокатским запросам без причин // Сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrif.ru/press_center/mass_media/28665/ (дата обращения: 04.04.2023); Решение Верховного Суда РФ от 24 мая 2017 г. № АКПИ17-103 «О признании частично недействующими подпунктов 11 и 12 пункта 5 Требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса, утв. Приказом Минюста России от 14 декабря 2016 г. № 288, а также Приложения № 1 к Требованиям» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

⁴ Колосовский С. О проблемах представления защитой процессуально допустимого письменного заключения специалиста. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/v-usloviyakh-neopredelennosti-10-04-2023/> (дата обращения: 04.04.23).

успешно представлять письменные заключения специалиста в судебное заседание, например в связи с невозможностью явки специалиста в судебное заседание¹.

Неоднократные обращения в Конституционный Суд РФ не улучшили положение, решения судов вновь и вновь подтверждали установленную законодателем позицию о том, что для получения заключения специалиста, отвечающего требованиям УПК РФ, предъявляемым к доказательствам, адвокат должен обратиться к следователю, дознавателю или в суд, а сам получить может только информацию, которая доказательством не является². Одно из последних решений Конституционного Суда РФ по этому вопросу — Определение от 31 января 2023 г. № 6-О вызвало интерес у процессуалистов³. По мнению М. Никонова, данное решение не усилило правовые гарантии, не расширило их диапазон, не предоставило стороне защиты дополнительных полномочий по участию в доказывании по уголовному делу, а фактически привело к сужению возможности использования тех минимальных средств и способов защиты, которые применялись ранее адвокатами⁴.

На судебных стадиях реализация принципа состязательности сторон получила большее распространение, чем на досудебных. Это связано в первую очередь с тем, что именно для судебного производства характерно равенство прав сторон, а также с тем, что противоборство двух сторон осуществляется в присутствии независимого суда.

Тем не менее наметившиеся в последнее время тенденции направлены на то, чтобы неравенство, наблюдающееся в досудебных стадиях, существовало и при производстве в судах. Речь идет о решениях Конституционного Суда, направленных на возможность ухудшения положения обвиняемого при производстве по делу в судебных инстанциях по инициативе суда, на устранение ошибок, допущенных в работе органов предварительного расследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Одно из первых решений было принято в 2013 г. В нем признавались неконституционными положения п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, что позволяло суду возвращать уголовные дела прокурору, как по ходатайству сторон, так и по собственной инициативе, в тех случаях, когда суд придет к выводу о необходимости осуществления квалификации как более тяжкого преступления, общественно опасного

¹ См.: Колосовский С. Указ. соч.

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2443-О «По жалобе граждан Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 1; Определение Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 2144-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брянцева Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 31 января 2023 г. № 6-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевцова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.1 части второй статьи 74 и части третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Колосовский С. Указ. соч.; Трубецкой Н. Непропорциональные ограничения. URL: <https://www.advgazeta.ru/diskussii/zaklyuchenie-eksperta-vs-zaklyuchenie-spetsialista/> (дата обращения: 04.04.23); Гаспарян Н. «Закон обратного действия» в действии? О правовых позициях Конституционного Суда, касающихся полномочий специалиста в уголовном судопроизводстве. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/zakon-obratnogo-deystviya-v-deystvii/> (дата обращения: 04.04.23); Павлова З. КС не увидел неопределенности в порядке признания заключения специалиста недопустимым доказательством. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ugolovnyedela-vnov-lidiruyut-v-statistike-rassmotrennykh-vs-del-v-2022-godu/> (дата обращения: 04.04.23).

⁴ См.: Никонов М. Право на защиту «выхолащивается». URL: <https://www.advgazeta.ru/diskussii/zaklyuchenie-eksperta-vs-zaklyuchenie-spetsialista/> (дата обращения: 04.04.23).

деяния либо в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий указанных лиц как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния¹. Позже эти положения нашли свое выражение и в п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

В 2016 г. Конституционный Суд признал за судами апелляционной инстанции право не только при наличии в жалобе заявлений о необходимости переквалификации содеянного как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния, но и по собственной инициативе возвращать уголовные дела прокурору для осуществления такой квалификации². Конституционный Суд в этом случае не усматривает никаких нарушений принципа состязательности сторон, нарушения пределов судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ), наоборот, подчеркивает, что только таким способом можно выполнить в отдельных случаях назначение уголовного судопроизводства и вынести законное, обоснованное и справедливое решение.

Полагаем, что позиция, высказанная судьей Конституционного Суда РФ С.М. Казанцевым в особом мнении к Постановлению Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда», заключается в том, что «оспариваемые заявителями положения призваны в определенной мере восполнить в пользу подсудимого то фактическое неравенство, которое существует между стороной обвинения в лице большого аппарата обвинительной и следственной власти и стороной защиты в лице подсудимого и его адвоката»³, может быть распространена и на содержание Определений Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 15-О и от 10 марта 2016 г. № 457-О. Как представляется, Конституционный Суд РФ, принимая подобные решения, лишает сторону защиты возможности восполнить в судебных стадиях то неравенство, которое существует в досудебных стадиях, а значит усложняет процесс реализации принципа состязательности сторон и в судебных инстанциях. Верно отмечают Л.А. Воскобитова [1, с. 2123] и А.В. Смирнов [2, с. 18], принцип состязательности в уголовном процессе способствует принятию справедливого решения. Соответственно, приведенные решения Конституционного Суда РФ могут восприниматься с позиции реализации принципов уголовного судопроизводства не однозначно. Между тем содержание решений Конституционного Суда РФ, как следует из самих решений, направлено на установление для судов общей юрисдикции возможности выносить законные и справедливые решения по уголовному делу, следовательно, результат такой деятельности должен быть направлен в целом на достижение назначения уголовного судопроизводства.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 6.

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 15-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статьи 252, части первой статьи 389.13, части третьей статьи 389.20 и части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 3; Определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 457-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бержаниной Татьяны Анатольевны, Васильева Алексея Анатольевича и Васильевой Алевтины Леонидовны на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 124, частями седьмой и восьмой статьи 246 и статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 6.

³ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 6.

Таким образом, действующее законодательство нуждается в совершенствовании: необходима более детальная законодательная регламентация рассматриваемого принципа во избежание неоднозначного толкования и применения норм действующего УПК РФ, а также для предоставления больших гарантий стороне защиты по участию в доказывании и реализации принципа состязательности.

Библиографический список

1. *Воскобитова Л.А.* Состязательность и истина: взаимоисключение или взаимодополнение // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2119–2129.
2. *Смирнов А.В.* Модели уголовного процесса. СПб., 2000. 224 с.
3. *Бусыгин А.Ю.* Действие принципа состязательности на досудебном производстве в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. 220 с.
4. *Вишневская О.В.* Состязательная деятельность защитника на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 272 с.
5. *Галоганов Е.А.* Реализация в деятельности адвоката принципа состязательности уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009, 190 с.
6. *Никитина И.В.* Принцип состязательности и проблемы его реализации в стадии судебного разбирательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 269 с.
7. *Пикалов И.А.* Состязательность в системе принципов уголовного процесса и ее реализация стороной защиты на досудебных стадиях: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 175 с.
8. *Комбарова Е.Л.* Роль суда в состязательном уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 4. С. 52–57.
9. *Давыдова Н.Н.* Актуальные вопросы осуществления защиты в уголовном процессе России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3. С. 191–195.
10. *Давыдова Н.Н.* Принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту // Адвокатская практика. 2019. № 5. С. 9–14.

References

1. *Voskobitova L.A.* Competitiveness and truth: mutual exclusion or complementarity // Actual problems of Russian law. 2014. No. 10. P. 2119–2129.
2. *Smirnov A.V.* Models of criminal procedure. St. Petersburg., 2000. 224 p.
3. *Busygin A.Yu.* The effect of the adversarial principle in pre-trial proceedings in the Russian Federation: dis. ... cand. Jurid. sciences'. Irkutsk, 2009. 220 p.
4. *Vishnevskaya O.V.* The adversarial activity of the defender at the preliminary investigation: dis. ... cand. Jurid. sciences'. Kazan, 2004. 272 p.
5. *Galoganov E.A.* Implementation of the principle of consistency of criminal proceedings in the Russian Federation in the activity of a lawyer: dis. ... cand. Jurid. M., 2009, 190 p.
6. *Nikitina I.V.* The principle of competition and the problems of its implementation at the stage of judicial proceedings: dis. ... cand. Jurid. M., 2006. 269 p.
7. *Pikalov I.A.* Competitiveness in the system of principles of criminal procedure and its implementation by the defense at the pre-trial stages: dis. ... cand. Jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2006. 175 p.
8. *Kombarova E.L.* The role of the court in adversarial criminal proceedings // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4. P. 52–57.
9. *Davydova N.N.* Topical issues of protection in the criminal process of Russia // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 3. P. 191–195.
10. *Davydova N.N.* The principle of ensuring the suspect and the accused the right to defense // Lawyer's practice. 2019. No. 5. P. 9–14.

Н.О. Овчинникова

ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА И СРОКОВ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Введение: последние объемные изменения в правовом регулировании задержания произошли в результате принятия в 2001 г. действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). УПК РФ предусмотрел новые положения, направленные на совершенствование процедуры задержания, которые ранее не были известны уголовно-процессуальному законодательству. С того момента правовое регулирование задержания подозреваемого на протяжении длительного времени оставалось статичным, однако в 2023 г. были внесены существенные изменения, касающиеся срока задержания подозреваемого в совершении тяжких и особо тяжких преступлений во время военного положения. Тем не менее правовое регулирование процессуального порядка задержания по сей день является пробельным и противоречивым, что определяет необходимость его совершенствования и реформирования. **Цель** — выявить пробелы в правовом регулировании производства задержания подозреваемого по уголовным делам и предложить пути их устранения и преодоления. **Методологическая основа:** общенаучные методы (анализ и синтез), а также специально-юридические методы (формально-юридический и сравнительно-правовой). **Результаты:** были выявлены наиболее существенные пробелы в нормативном регулировании производства задержания лица по уголовным делам и предложены рациональные пути их устранения и преодоления. **Выводы:** пробелы в правовом регулировании производства задержания лица по уголовным делам обнаруживаются уже на начальном его этапе: при определении момента фактического задержания лица, с которым связывается начало течения срока задержания, являющегося определяющим для реализации прав задержанного подозреваемого на неприкосновенность его личности, защиту от уголовного преследования, разумный срок уголовного судопроизводства. Процедура фиксации временного периода с момента фактического задержания подозреваемого до момента его доставления в орган расследования уголовно-процессуальным законодательством никак не урегулирована. За пределами правового поля также остались вопросы правовой регламентации непроцессуального задержания. Выявленные пробелы возможно окончательно устранить только законодворческим путем либо многократно преодолеть, используя правовые позиции Конституционного Суда РФ (толкование).

Ключевые слова: пробел, устранение, преодоление, уголовно-процессуальное задержание, фактическое задержание, процессуальное задержание, непроцессуальное задержание, разумный срок, право на защиту, неприкосновенность личности.

N.O. Ovchinnikova

GAPS IN THE LEGAL REGULATION OF THE PROCEDURE AND TERMS OF DETENTION OF A PERSON ON SUSPICION OF COMMITTING A CRIME

Background: the latest extensive changes in the legal regulation of detention occurred as a result of the adoption in 2001 of the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter — the CPC of the Russian Federation). The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation has provided for new provisions aimed at improving the detention procedure, which were not previously known to the criminal procedure legislation. Since that moment, the legal regulation of the detention of a suspect has remained static for a long time, but in 2023 significant changes were made regarding the period of detention of a suspect for committing serious and especially serious crimes during martial law. Nevertheless, the legal regulation of the procedural order of detention is still incomplete and contradictory, which determines the need for its improvement and reform. **Objective** — the aim is to identify gaps in the legal regulation of the detention of a suspect in criminal cases and suggest ways to eliminate and overcome them. **Methodology:** general scientific methods of analysis and synthesis were used, as well as special legal methods: formal legal and comparative legal. **Results:** the most significant gaps in the regulatory regulation of the detention of a person in criminal cases were identified and rational ways to eliminate and overcome them were proposed. **Conclusions:** gaps in the legal regulation of the detention of a person in criminal cases are found already at its initial stage: when determining the moment of actual detention of a person, which is associated with the beginning of the period of detention, which is decisive for the realization of the rights of a detained suspect to the inviolability of his personality, protection from criminal prosecution, a reasonable period of criminal proceedings. The procedure for fixing the time period from the moment of the suspect's actual detention to the moment of his delivery to the investigation department is not regulated in any way by the criminal procedure legislation. Also, the issues of legal regulation of non-procedural detention remained outside the legal field. The identified gaps can be definitively eliminated only by legislative means or repeatedly overcome using the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation (interpretation).

Keywords: gap, elimination, overcoming, criminal procedural detention, actual detention, procedural detention, non-procedural detention, reasonable time, right to rotection, inviolability of the person.

Фундаментальными положениями, на основе которых осуществляется построение уголовно-процессуального задержания, является конституционный принцип неприкосновенности личности, право на свободу передвижения и принцип разумности сроков уголовного судопроизводства, которые не допускают задержание при отсутствии на то законных оснований и применение сроков, выходящих за пределы разумности и обоснованности их исчисления. Процессуальный порядок задержания предусматривает целый ряд обязательных процессуальных условий, определяемых в ст. 10, 91, 92, 93, 94, 96, 184 УПК РФ. Вместе с тем законодателем процессуально определен только порядок процессуального задержания, момент осуществления которого начинается с доставления задержанного в орган расследования. Обратную ситуацию составляет фактическое задержание, где законодателем определен лишь момент фактического задержания, то есть момент фактического лишения свободы передвижения лица,

подозреваемого в совершении преступления. Вопросы, связанные с моментом фактического задержания и его процедурой, весьма спорны, но именно с моментом фактического задержания связаны все ключевые элементы его производства, в первую очередь, начало исчисления срока задержания, а также реализация права задержанного на защиту, права на личную неприкосновенность, права на разумный срок, а равно иные права. Исключение представляет лишь срок составления протокола задержания, который начинает исчисляться с момента доставления лица в орган расследования (ст. 92, ч. 3 ст. 128 УПК РФ). На особую важность момента фактического задержания обратил внимание Конституционный Суд РФ, указав, что именно с момента фактического задержания лицо имеет право на помощь защитника, а также на реализацию иных прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ [1, с. 375]. Это означает, что конституционные права подозреваемого не могут быть ограничены федеральным законом, а понятие «задержанный» следует толковать с точки зрения его конституционно-правового смысла, а не уголовно-процессуального¹.

Однако, несмотря на обоснованность приведенной позиции, на практике указанное положение не берется во внимание, поэтому реализация перечисленных прав подозреваемого начинает осуществляться не с момента фактического лишения (ограничения) свободы передвижения подозреваемого, а с момента его доставления к следователю или дознавателю. Время фактического задержания никем и нигде не фиксируется, в протоколе задержания указывается время доставления лица в орган расследования, а жалобы на нарушение начала исчисления срока задержания остаются без удовлетворения. Так, Московский городской суд отказал в удовлетворении апелляционной жалобы адвоката Н.Ю. в защиту У.П. «В апелляционных жалобах адвокат выражает несогласие с решениями суда о продлении срока задержания и избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. Указывает, что в нарушение ст. 108 УПК РФ суду представлены материалы дела в 16 ч. 00 мин., а ходатайство следователя рассмотрено в 19 ч. 30 мин. 21 марта 2015 года. Утверждает, что срок задержания У.П. не совпадает со временем его фактического лишения свободы, поскольку он был задержан в 13.30 19 марта 2015 года, а не как это указано в протоколе задержания в порядке ст. 91 УПК РФ»². Суд апелляционной инстанции в удовлетворении жалобы отказал, мотивировав свой отказ тем, «что доводы о том, что У.П. фактически был задержан раньше, чем указано в протоколе задержания в порядке ст. 91 УПК РФ, являлись предметом рассмотрения суда первой инстанции и получили надлежащую оценку в постановлении, не согласиться с которой суд апелляционной инстанции оснований не находит»³. Подобный пример не единственный⁴.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.

² См.: Дело № 10-5075/2015 // Официальный сайт Московского городского суда. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/8d82e3d2-ef53-4a5e-8159-de228a52e8bb> (дата обращения: 17.04.2023).

³ См.: Там же.

⁴ См., например: Дело № 10-12124/2021 // Официальный сайт Московского городского суда. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/bfe0dc60-de65-11eb-a514-53f1696bfbf6> (дата обращения: 17.04.2023).

В продолжение позиции о том, что фактическое задержание является «точкой отсчета» для исчисления процессуальных сроков и приобретения подозреваемым процессуальных прав справедливым представляется и мнение А.В. Гриненко о том, что, несмотря на недостаточную правовую регламентацию вопроса о моменте фактического задержания, все сомнения, которые существуют относительно указанной проблемы должны толковаться с учетом тезиса «в пользу задержанного лица», то есть исчисляться с момента, когда лицо было лишено возможности свободно передвигаться [2, с. 49]. Однако среди ученых-процессуалистов есть и сторонники сложившегося на практике подхода к моменту фактического задержания, который они определяют доставлением лица в орган расследования, либо составлением протокола задержания и даже принятием решения о взятии подозреваемого под стражу [3, с. 15; 4, с. 60; 5, с. 34]. Такой подход к пониманию момента фактического задержания обосновывается формулировкой п. 15 ст. 5 УПК РФ: «...производимый в порядке установленном УПК РФ». Поскольку порядок фактического задержания законодательно не урегулирован, то при определении момента фактического задержания следует руководствоваться одним из процессуальных действий, входящих в процессуальное задержание. С подобным мнением сложно согласиться, ведь это противоречит требованиям закона и правовой позиции Конституционного Суда РФ. Предложение об определении момента фактического задержания лица принятием решения о взятии его под стражу вызывает отрицательное отношение, так как не во всех случаях после произведенного задержания возникают основания для заключения подозреваемого под стражу, а ходатайство о применении названной меры пресечения может быть заявлено не позднее, чем за восемь часов до истечения срока задержания. Возникают закономерные вопросы, каким образом будут исчисляться сроки до избрания меры пресечения, где будет находиться задержанный, каким процессуальным статусом он будет обладать до избрания меры пресечения.

Представляется, что не следует искажать смысл и букву закона, момент фактического задержания лица законодательно определен, закон содержит прямое указание на начало течения срока задержания именно с этого момента, необходимо лишь детализировать указанные нормоположения. Фактически право на свободу передвижения начинает ограничиваться уже тогда, когда лицо захвачено правоохранительными органами, то есть до момента его доставления в орган расследования, а уж тем более до составления протокола задержания (между моментом захвата и доставления может пройти неопределенное количество времени). Решение описанной проблемы видится в законодательном разделении процедуры задержания подозреваемого на два этапа, а именно во включении требования в ст. 92 УПК РФ о составлении двух протоколов задержания, то есть необходимо оформлять фактическое задержание подозреваемого отдельным протоколом с обязательной фиксацией в нем точного времени и места произведенного задержания (наряду с протоколом процессуального задержания, который составляется в течение трех часов после доставления задержанного в орган дознания либо к следователю). Упрощенной альтернативой предложенному решению видится включение требования о необходимости фиксации времени фактического задержания в протоколе процессуального задержания подозреваемого на основании видеозаписи фактического задержания (ч. 2 ст. 92 УПК РФ). В данном случае неизбежны существенные материальные затраты на «носимые камеры» (нагрудные камеры, которые, по сути, являются

видеорегистраторами) для должностных лиц, осуществляющих фактическое задержание. Данные камеры фиксируют время суток с точностью до секунды. В настоящее время ими пользуются сотрудники ДПС России во всех регионах страны и сотрудники полиции г. Москвы.

В настоящее время существует еще одна проблема, требующая внимания законодателя. Представляется пробельным отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве норм, направленных на регулирование вопроса производства задержания физическими лицами, не обладающими властными процессуальными полномочиями. Хотя ряд действующих нормативно-правовых актов эпизодически регулируют порядок «непроцессуального задержания». Например, в ст. 38 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) фактически устанавливается возможность задержания лица, совершившего преступление, неуполномоченным на то физическим лицом, поскольку предусматривает ответственность в случаях превышения мер, необходимых для задержания лица¹. В Федеральном законе «О полиции» говорится о возможности полиции в целях содействия привлекать граждан для помощи в раскрытии, расследовании преступления, а также для задержания лиц, совершивших преступления². В то же время УПК РФ, являясь специальным кодифицированным нормативным актом, непосредственно закрепляющим порядок производства задержания, оставляет данный вопрос без ответа, поэтому остается неясным, какие процессуальные действия должны быть осуществлены, если задержание произведено гражданами.

Думается, предоставление такого права гражданам и прямое указание на него в УПК РФ будет способствовать своевременности задержания лица, сохранению следов преступления, предупреждению возможности скрыться с места преступления. В ряде зарубежных стран законодательно предусмотрено право граждан на производство задержания. Уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан³ и Республики Беларусь⁴ прямо предусматривает право граждан на осуществление задержания. Согласно ст. 130 УПК Республики Казахстан потерпевший, а также любой иной гражданин имеют право на задержание лица, совершившего уголовное правонарушение, и ограничение его свободы передвижения для передачи либо доставления в орган уголовного преследования или иной орган государственной власти с целью пресечения возможности совершения им иных посягательств. Подобные нормы позволяют временно делегировать часть полномочий органов расследования гражданам для пресечения преступления или задержания преступника до приезда правоохранительных органов [6, с. 40; 7, с. 170]. Закрепление данного права в России позволит унифицировать нормы УПК РФ и других федеральных законов, закрепляющих положения о задержании, осуществляемого физическими лицами и негосударственными органами, что позволит избежать неопределенности в данном вопросе. В случае внесения

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 3 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. № 25, ст. 2954; 2023. № 14, ст. 2388.

² См.: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. 29 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 900; 2023. № 1, ч. 1, ст. 85.

³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июня 2014 г. № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=2628;-54 (дата обращения: 18.04.2023).

⁴ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958#pos=1403;-51 (дата обращения: 18.04.2023); Пурс А.Г. Задержание как мера уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2010. URL: <http://dep.nlb.by/jspui/handle/nlb/24103> (дата обращения: 18.04.2023).

соответствующих изменений следует урегулировать ситуации, когда такое задержание возможно, порядок производства задержания, осуществляемого гражданами, а также пределы использования физической силы или других средств. Вместе с тем возникает вопрос, будет ли такое задержание выступать частью уголовно-процессуального задержания. В данном случае тоже нет единого мнения [4, с. 60]. Представляется, что осуществление задержания неуполномоченными уголовно-процессуальным законом лицами не может являться составной частью уголовно-процессуального задержания.

Резюмируя сказанное, отметим, что:

1) для устранения пробелов в правовом регулировании порядка и сроков задержания подозреваемого и во избежание неправильного определения момента фактического задержания, как следствие, злоупотребления конституционными правами подозреваемого представляется целесообразным законодательно определить процедуру оформления момента фактического задержания лица составлением протокола фактического задержания подозреваемого (наряду с протоколом доставления задержанного подозреваемого в орган предварительного расследования — протоколом процессуального задержания). Альтернативным решением видится включение в ч. 2 ст. 92 УПК РФ требования о необходимости фиксации времени фактического задержания в протоколе процессуального задержания подозреваемого на основании видеозаписи фактического задержания. То есть, необходимо законодательное разделение процессуального и фактического задержания;

2) необходимо включить в гл. 12 УПК РФ положения, допускающие право граждан на производство непроцессуального задержания. Непроцессуальное задержание следует считать самостоятельным видом задержания наравне с фактическим и процессуальным задержанием, предназначенным для обеспечения своевременности, правомерности и правильности применения двух других видов задержания. Предлагаемые дополнения могут быть основаны на положительном опыте Республики Казахстан и Республики Беларусь и иметь следующее содержание: «Любой гражданин имеет право на осуществление задержания лица, совершающего или совершившего преступление, и ограничение свободы его передвижения до передачи либо доставления в орган уголовного преследования с целью пресечения возможности совершения им иных преступных посягательств»;

3) с целью реализации указанных предложений при осуществлении непроцессуального задержания необходимо предусмотреть обязанность граждан, осуществляющих задержание, в кратчайшие сроки уведомлять органы расследования о произведенном задержании; предусмотреть положение о праве граждан, осуществляющих непроцессуальное задержание, в случаях оказания сопротивления применять к задержанному лицу физическую силу и другие средства в пределах, предусмотренных ст. 38 УК РФ; предусмотреть положение о том, что в случаях превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, такое превышение может повлечь уголовную ответственность в порядке, предусмотренном ст. 38 УК РФ;

4) обозначенные проблемы и предложенные пути их решения, позволят устранить законодательные пробелы правового регулирования задержания подозреваемого, что будет способствовать разрешению существующих на практике разночтений закона. Несмотря на требования УПК РФ и на вполне конкретные

и однозначные правовые позиции Конституционного Суда РФ по поводу начала течения срока задержания с момента фактического задержания подозреваемого и возникновение возможности реализации права на защиту с этого же момента, правоприменитель толкует данные положения фривольно, с точки зрения собственного удобства. Предложенные пути устранения обозначенных пробелов не позволяют правоприменителю толковать и применять закон по собственному усмотрению.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 1072 с.
2. *Гриненко А.В.* Обоснованность задержания и заключения под стражу по УПК РФ // Журнал российского права. 2003. № 9. С. 47–53.
3. *Цоколова О.И.* Теория и практика задержания, ареста, содержания под стражей в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 60 с.
4. *Каноклова Л.Ю.* Фактическое и процессуальное задержание в уголовном судопроизводстве: соотношение понятий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-2(46). С. 58–61.
5. *Баранов А., Супрун С.* Момент фактического задержания подозреваемого // Вестник Омской академии МВД России. 2006. № 3. С. 31–34.
6. *Хаметова А.Р.* К вопросу о субъектах задержания лиц, совершивших преступление // Вестник Уфимского юридического университета МВД России. 2018. № 2. С. 40–44.
7. *Хаметова А.Р.* Непроцессуальное задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, гражданами: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4(54). С. 169–172.

References

1. Criminal procedural law of the Russian Federation: textbook / ed. P.A. Lupinskaya. 2nd ed., reprint. and additional M.: Norm, 2009. 1072 p.
2. *Grinenko A.V.* The validity of detention and detention under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2003. No. 9. P. 47–53.
3. *Tsokolova O.I.* Theory and practice of detention, arrest, detention in criminal proceedings: abstract. dis. ... Dr. jurid. sciences. M., 2007. 60 p.
4. *Kanokova L.Yu.* Actual and procedural detention in criminal proceedings: correlation of concepts // Historical, philosophical, political and Legal sciences, culturology and art criticism. Questions of theory and practice. 2014. No. 8-2(46). P. 58–61.
5. *Baranov A., Suprun S.* The moment of the actual detention of the suspect // Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2006. No. 3. P. 31–34.
6. *Khametova A.R.* On the issue of subjects of detention of persons who have committed a crime // Bulletin of the Ufa Law University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2. P. 40–44.
7. *Khametova A.R.* Non-procedural detention of a person suspected of committing a crime by citizens: domestic and foreign experience // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4(54). P. 169–172.

А.Ю. Чурикова

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ РИСКАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Введение: чрезмерная загруженность, высокий уровень рисков и неопределенности при осуществлении действий и принятии решений оказывают существенное влияние на уголовно-процессуальную деятельность судов, прокуроров, органов расследования. Применение современных информационных технологий позволяет рассмотреть новые методы оптимизации уголовного судопроизводства, например, таких как внедрение системы управления рисками. **Цель** — проанализировать понятия «риск», «риск-ориентированный подход» и систему управления рисками в уголовном судопроизводстве, выделить основные направления применения системы управления уголовно-процессуальными рисками с учетом возможностей современных информационных технологий и систем. **Методологическая основа:** анализ и формальная логика, системно-структурный и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** на основе проведенного анализа предложено определение рисков нарушения уголовно-процессуального законодательства, а также риск-ориентированного подхода и системы управления рисками в уголовном судопроизводстве. Выделены основные направления применения системы управления уголовно-процессуальными рисками. Рассмотрены возможности использования программного обеспечения, как работающего на заданных алгоритмах, так и искусственного интеллекта, в целях оптимизации уголовно-процессуальной деятельности. **Выводы:** применение системы управления рисками в уголовном процессе, а также использование современных информационных технологий и систем являются наиболее перспективными направлениями совершенствования отечественного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: информационные технологии, искусственный интеллект, управление рисками, риск-ориентированный подход, риски, уголовный процесс.

A. Yu. Churikova

PERSPECTIVES OF APPLICATION OF CRIMINAL PROCEDURE RISK MANAGEMENT SYSTEM IN THE CONDITIONS OF DIGITALISATION

Background: excessive workload, high level of risks and uncertainty in the implementation of actions and decision-making have a significant impact on the criminal procedure activities of courts, prosecutors, investigation bodies. Application of modern information technologies allows to consider new methods of optimisation of criminal proceedings, for example, such as the introduction of risk management system. **Objective** — to analyse the concept of risk, risk-oriented approach and risk management system in criminal

© Чурикова Анна Юрьевна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: a_tschurikova@bk.ru

© Churikova Anna Yuryevna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies (Saratov State Law Academy)

proceedings, to highlight the main directions of application of the criminal procedure risk management system taking into account the capabilities of modern information technologies and systems. Methodology: the method of analysis, system-structural method, method of formal logic and comparative legal method were used. Results: on the basis of the analysis the definition of risks of violation of criminal procedure legislation, as well as risk-oriented approach and risk management system in criminal proceedings is proposed. The main directions of application of the system of criminal procedure risk management are highlighted. The possibilities of using software, both working on the given algorithms and artificial intelligence for the purpose of optimisation of criminal procedural activity have been analysed. Conclusions: the application of risk management system in criminal proceedings, as well as the use of modern information technologies and systems are the most promising directions of improvement of the Russian criminal proceedings.

Keywords: *information technologies, artificial intelligence, risk management, risk-oriented approach, risks, criminal proceedings.*

Уголовно-процессуальная деятельность часто осуществляется в условиях неопределенности, при этом имеется целый ряд проблем в организации осуществления уголовного судопроизводства: высокий и чрезвычайно высокий уровни нагрузки; отсутствие индикаторов, которые позволяли бы в сплошном потоке выявлять признаки возможных нарушений; высокий уровень рисков и неопределенности при принятии решений; действия в условиях неопределенности; невысокий уровень цифровой грамотности и квалификации правоприменителей. Все это оказывает существенное негативное воздействие на качество процедуры и результатов расследования и рассмотрения уголовных дел.

В самом своем понимании непредсказуемость и сложность деятельности судей, прокуроров, органов расследования, защитников допускают возможность возникновения риска. О рисках можно говорить в ситуациях, когда подразумеваются такие условия, как вариативность поведения и событийная вариативность.

В науке нет однозначного определения понятия «риск», а в сфере уголовного судопроизводства категории «риск» и вовсе посвящены единичные исследования. В итоге риск имеет широкий спектр определений: как некая опасность и как действие на удачу в надежде на счастливый исход. Например, Ю.А. Тихомиров под риском понимает «вероятное наступление события и совершение действий, влекущих негативные последствия для реализации правового решения и могущих причинить ущерб регулируемой им сфере» [1, с. 31], С.А. Агамагомедова определяет риск как «модель неблагоприятного сценария реализации права» [2, с. 462], Н.А. Колоколов считает риском «действие в условиях потенциальной опасности» [3, с. 47], а Н.А. Соловьева и В.М. Шинкарук определяют риск через сочетание «возможности как желательных, так и нежелательных отклонений от запланированных результатов, которая должна учитываться лицом, принимающим решение» [4, с. 42].

Фактически же риск — это вероятность, и его определение будет зависеть от того, риск чего мы будем рассматривать. Например, если мы говорим о необходимости учитывать риск наступления неблагоприятных последствий либо риск нарушения установленного правила, то и определение у него будет соответствующее.

Для организации эффективного расследования и рассмотрения уголовных дел государственные органы и должностные лица в первую очередь должны ориентироваться на недопустимость нарушений действующего уголовно-процессуального законодательства, следовательно, должны учитывать возможность нарушения закона и своевременно выявлять или предотвращать такие нарушения. В связи с этим под рисками нарушения уголовно-процессуального законодательства предлагаем понимать вероятность наступления событий, следствием которых могут стать прямые или косвенные нарушения законодательства в сфере уголовного судопроизводства.

Можно выделить разные виды рисков в уголовном процессе и привести различные классификации по различным основаниям. Для осуществления действий и принятия решений, учитывающих возможные риски, первостепенное значение имеет возможность воздействовать на них с целью минимизации или устранения, поэтому ключевым для нас выступает разделение рисков на управляемые и неуправляемые. Исходя из обозначенного, под управляемыми рисками необходимо понимать риски, на которые при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности компетентные органы и должностные лица могут воздействовать, устраняя или минимизируя их. Неуправляемые риски — это такая вероятность наступления событий, воздействие на которую невозможно.

Прогнозирование и учет рисков в уголовном судопроизводстве является ключевым фактором выстраивания эффективной модели осуществления данного вида деятельности. Под риск-ориентированным подходом в уголовном процессе предлагаем понимать выбор видов осуществляемых действий, объемов затрачиваемых ресурсов (трудовых, материальных, временных и т.д.), содержания осуществляемых процессуальных действий (в том числе объемы проверки, например, проверка уголовного дела в полном объеме или в определенной части), интенсивности осуществляемых действий, а также перечня решений, которые могут быть приняты в зависимости от категории риска.

На основании изложенного управление рисками в уголовном процессе — это такое применение риск-ориентированного подхода, которое позволяет влиять на управляемые риски наступления неблагоприятных последствий, минимизируя их. В качестве основных направлений применения обозначенного подхода можно выделить:

- оценку рисков нарушения действующего уголовно-процессуального законодательства;

- оценку и учет рисков в процессе производства расследования, в том числе при производстве отдельных следственных действий;

- управление рисками при принятии решений, в том числе судом (в частности, при избрании и продлении мер уголовно-процессуального принуждения);

 - «превентивное правосудие» — выявление рисков преступной деятельности;

 - алгоритмизацию уголовного судопроизводства (выделение показателей — «индикаторов», которые позволяли бы обнаруживать угрозы нарушения действующего законодательства либо выстраивать наиболее оптимальную модель действий участников уголовного судопроизводства).

Ввиду сказанного управление рисками могло бы использоваться на различных этапах и при осуществлении различных действий в уголовном процессе, например: при проверке материалов уголовного дела, а также «отказных материалов»; при рассмотрении жалоб и обращений граждан в сфере уголовного судопроиз-

водства; при расследовании уголовных дел в целом, а также для определения алгоритма осуществления конкретных следственных действий; для обучения программ искусственного интеллекта (далее — ИИ), а также создания программ с заданным алгоритмом, которые смогут определять наличие показателей (индикаторов) риска нарушения законодательства в конкретной ситуации; при осуществлении правосудия.

В уголовном процессе мы сталкиваемся с разнообразными рисками, ключевыми из которых выступают риски принятия неправомερных решений. Программы ИИ могут отслеживать соблюдение установленных параметров при расследовании и рассмотрении дела и сообщать о рисках нарушений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, не ограничивая при этом процессуальную свободу и независимость профессиональных участников уголовного судопроизводства в принятии решений.

Применение ИИ для планирования или прогнозирования фактической ситуации представляется обоснованным и целесообразным, так как программы ИИ выявляют широкий спектр причинно-следственных связей. Прогнозирование наступления неблагоприятных последствий и организация уголовно-процессуальной деятельности в соответствии с возможностью наступления того или иного события фактически есть управление рисками или риск-ориентированный подход в уголовном судопроизводстве.

В целях снижения уровня нагрузки на компетентные государственные органы и должностные лица, а также оптимизации процесса возможно использование программ, работающих по заданному алгоритму либо с применением ИИ. Ключевое отличие между ними заключается в том, что первые действуют по заданному разработчиком программы алгоритму, в то время как у вторых происходит постоянное «обучение», следовательно, и изменение алгоритмов работы.

В настоящее время в работе правоохранительных органов уже активно применяются различные государственные информационные, поисковые и экспертные системы [5–6]; например: «ФОРВЕР» — формирует наиболее вероятные версии о личности преступника; информационная система «Посейдон»¹ — способствует противодействию коррупции; государственная информационная система «Зеркало», информационно-аналитические системы «Октопус» и «ПСКОВ», программный комплекс «Биокон». Все эти программы и системы помогают упростить процесс расследования и повысить эффективность работы правоохранительных органов благодаря быстрой и эффективной обработке больших объемов информации и проведению анализа данных [7].

Однако до настоящего времени не разработаны и не применяются программы, позволяющие автоматизировать процесс выявления нарушений или признаков нарушений действующего уголовно-процессуального законодательства. В целом в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ)² отсутствуют положения, регулирующие возможности и формы применения современных информационных технологий при осуществлении уголовно-процессу-

¹ См.: Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции “Посейдон” и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» (вместе с Положением о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_415707/ (дата обращения: 17.07.2023).

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) // Российская газета. 2001. 22 дек.

альной деятельности. Во многом это обусловлено низким уровнем цифровизации отечественного уголовного судопроизводства. В российском уголовно-процессуальном законодательстве регулирование процесса внедрения и использования информационных технологий находится на крайне низком уровне. Для сравнения, в Уголовно-процессуальный кодекс Франции (далее — УПК Франции)¹ в период с 2018 по 2023 г. был внесен целый комплекс изменений, касающийся регулирования цифровой процедуры уголовного судопроизводства, а также применения современных цифровых технологий. Так, законом от 23 октября 2018 г. № 2018-898 в УПК Франции добавлена целая глава, регулирующая возможности и способы использования программного обеспечения при осуществлении расследования в целях облегчения сбора доказательств и установления лиц, совершивших преступное деяние².

Применение программного обеспечения, как работающего по заданным алгоритмам, так и на основе ИИ, позволило бы снизить уровень нагрузки на прокуроров, следователей, дознавателей и судей, автоматизировав часть их рутинной работы. Например, основными направлениями применения ИИ в рамках системы управления уголовно-процессуальными рисками могли бы стать: помощь в выстраивании алгоритмов производства следственных и иных процессуальных действий; распределение нагрузки в зависимости от компетентности и загруженности; применение функций компьютерное зрение и распознавание естественной речи; выявление причинно-следственных связей и анализ большого массива данных; прогнозирование ситуаций; отслеживание соответствия фактических действий и решений действующему законодательству, выявление индикаторов, которые могут указывать на нарушения уголовно-процессуального законодательства.

В Российской Федерации предпринимается много действий для развития информационных систем и внедрения платформенных решений в сферу государственного и муниципального управления, но этого недостаточно. В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве также должны учитываться и регулироваться возможности использования современных информационных технологий и систем.

Работа по старинке в современных условиях приводит лишь к бюрократизации уголовного судопроизводства. Увеличение объемов данных, высокий уровень ожидания информированности со стороны населения, новые методы и способы совершения преступлений с использованием цифровых технологий обуславливают острую необходимость применения новых методов оптимизации уголовно-процессуальной деятельности и необходимость регулирования возможности использовать современные информационные технологии и получать при их использовании значимый процессуальный результат.

Таким образом, существует объективная потребность применения новых методов организации уголовно-процессуальной деятельности, таких как система управления рисками, а также необходимость проработки специального правового регулирования применения современных информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве.

¹ См.: Code de procédure pénale (Dernière mise à jour des données de ce code : 31 août 2023). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/2023-09-25/ (дата обращения: 25.09.2023).

² См.: LOI n° 2018-898 du 23 octobre 2018 relative à la lutte contre la fraude. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000037520266/2018-10-25/> (дата обращения: 22.08.2023).

Библиографический список

1. *Тихомиров Ю.А.* Право: прогнозы и риски. М.: Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М.: ИНФРА-М, 2015. 240 с.
2. *Агамагомедова С.А.* Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения // *Сибирское юридическое обозрение.* 2021. № 18(4). С. 460–470.
3. *Колоколов Н.А.* Риск в принятии процессуального решения в уголовном судопроизводстве // *Юридическая техника.* 2019. № 13. С. 47–58.
4. *Соловьева Н.А., Шинкарук В.М.* Уголовно-процессуальный риск: понятие и содержание // *Legal Concept.* 2014. № 1. С. 40–44.
5. *Брушковский К.Б., Алмаганбетов П.А.* Использование и перспективы автоматизированных информационно-поисковых систем в борьбе с преступностью // *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан.* 2020. № 1(59). С. 203–208.
6. *Толоконников В.К.* Применение автоматизированных поисковых систем (АИПС) в следственной практике // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право.* 2015. № 1-2(17). С. 122–127.
7. *Бахтеев Д.В.* Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // *Уголовный процесс и криминалистика.* 2018. № 2. С. 43–49.

References

1. *Tikhomirov Y.A.* Law: Forecasts and Risks. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M.: INFRA-M, 2015. 240 p.
2. *Agamagomedova S.A.* Risk-oriented approach in the implementation of control and supervisory activities: theoretical justification and problems of application // *Siberian Legal Review.* 2021. No. 18(4). P. 460–470.
3. *Kolokolov N.A.* Risk in making a procedural decision in criminal proceedings // *Yuridicheskaya tekhnika.* 2019. No. 13. P. 47–58.
4. *Solovieva N.A., Shinkaruk V.M.* Criminal procedural risk: concept and content // *Legal Concept.* 2014. No. 1. P. 40–44.
5. *Brushkovsky K.B., Almagambetov P.A.* Use and prospects of automated information retrieval systems in the fight against crime // *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan.* 2020. No. 1(59). P. 203–208.
6. *Tolokonnikov V.K.* Application of automated search systems (AISS) in investigative practice // *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law.* 2015. No. 1–2(17). P. 122–127.
7. *Bakhteev D.V.* Artificial intelligence in criminalistics: status and prospects of use // *Criminal Process and Criminalistics.* 2018. No. 2. P. 43–49.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-5-254-263

УДК 343.72

А.С. Волков, А.Б. Смушкин, М.И. Жеребцов

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШЕННЫХ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Введение: правоохранительные органы отмечают ежегодный прирост преступлений с использованием сети «Интернет». Особое беспокойство вызывают факты совершения половых преступлений в отношении несовершеннолетних. Отсутствие наработанной практики по выявлению и расследованию преступлений данной категории осложняется спецификой расследования, поскольку необходимы специальные знания как в области правовых дисциплин, так и в сфере психологии, информационных технологий, педагогики и других наук. **Цель** — изучить особенности проведения таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск и выемка при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных посредством сети «Интернет». **Методологическая основа:** диалектико-материалистический подход к познанию объективной действительности, взаимосвязи материальных и социальных явлений. **Результаты:** выявлена специфика проведения наиболее распространенных следственных действий, основу которой составляет работа с цифровыми следами. **Выводы:** эффективное расследование преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных посредством сети «Интернет», возможно

© Волков Андрей Сергеевич, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: volkov-krim@yandex.ru

© Смушкин Александр Борисович, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: skif32@yandex.ru

© Жеребцов Михаил Иванович, 2023

Старший следователь Ленинского межрайонного следственного отдела города Тамбова Следственного управления Следственного комитета России по Тамбовской области, старший лейтенант юстиции; e-mail: mikhailg95@icloud.com

© Volkov Andrey Sergeevich, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology (Saratov State Law Academy)

© Smushkin Alexandr Borisovich, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology (Saratov State Law Academy)

© Zherebtsov Mikhail Ivanovich, 2023

Senior Investigator of the Leninsky Interdistrict Investigation Department of the Tambov City Investigative Department of the Investigative Committee of Russia for the Tambov Region, Senior Lieutenant of Justice

только на основе использования специальных знаний различных отраслей наук. Учитывая специфику осмотра места происшествия, обыска и выемки по данной категории дел, необходимо использовать помощь специалиста в области информационных технологий и специалиста-криминалиста.

Ключевые слова: преступления против половой неприкосновенности, половые преступления, преступления с использованием сети «Интернет», расследование половых преступлений.

A.S. Volkov, A.B. Smushkin, M.I. Zherebtsov

SPECIFIC FEATURES OF CERTAIN INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INVESTIGATION OF OFFENCES AGAINST THE SEXUAL INVIOIABILITY OF MINORS COMMITTED VIA THE INTERNET

Background: law enforcement agencies have noted an annual increase in offences involving the use of the Internet. Of particular concern are the facts of sexual offences committed against minors. The lack of established practice in the detection and investigation of offences in this category is complicated by the specifics of the investigation, as special knowledge is required in the area of legal disciplines, psychology, information technology, pedagogy and other sciences. **Objective** — to study the peculiarities of such investigative actions as inspection of the place of occurrence, search and seizure in the investigation of offences against sexual inviolability of minors committed via the Internet. **Methodology:** dialectical-materialistic approach to cognition of objective reality, interrelation of material and social phenomena. **Results:** the specifics of the most common investigative actions are revealed, the basis of which is the work with digital traces. **Conclusions:** effective investigation of offences against the sexual inviolability of minors committed through the Internet is possible only on the basis of the use of special knowledge of various branches of science. Taking into account the specifics of the inspection of the place of occurrence, search and seizure in this category of cases, it is necessary to use the assistance of a specialist in the field of information technology and a criminalist specialist.

Keywords: crimes against sexual integrity, sexual crimes, crimes using the Internet, investigation of sexual crimes.

В настоящее время наблюдается рост преступлений, совершенных посредством глобальной сети «Интернет», в частности социальных сетей и пиринговых сетей голосовых услуг. Согласно статистике МВД, число преступлений, совершенных с использованием сети «Интернет», за 2022 г. увеличилось на 8,4 % по сравнению с 2021 г. Стоит отметить, что треть преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (381,1 тыс. из 522,1 тыс.) совершается с помощью сети «Интернет»¹. Под социальной сетью понимается «такая платформа, веб-сайт или сервис, которая предназначена для формирования, организации и визуализации социальных взаимоотношений посредством социальных графов» [1, с. 634].

Лица, совершающие данные преступления, часто используют недостаточную осведомленность своих жертв в вопросах компьютерной безопасности и грамотности, а также тот факт, что когда несовершеннолетний находится за компьютером в своем доме, пользуясь социальными сетями, в благоприятной

¹ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 г. // Официальный сайт МВД. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/4683439> (дата обращения: 07.03.2023).

и комфортной для него обстановке, то испытывает ложное чувство безопасности, соответственно, инстинкт самосохранения притупляется. Преступники часто налаживают контакт и втираются в доверие к несовершеннолетнему, используя социальные сети (заводя разговор в интересующих несовершеннолетнего группах или написав ему личное сообщение), онлайн-игры, чаты и форумы, посвященные онлайн-играм, и иные интернет-локации, на которых общаются преимущественно несовершеннолетние. В ходе онлайн-общения преступники получают необходимую для них информацию о своей потенциальной жертве, после чего, в зависимости от своего преступного умысла меняют тему беседы, обсуждают вопросы интимного характера с описанием половых отношений, чем удовлетворяют свои сексуальные потребности. Нередко несовершеннолетних под различными предложениями уговаривают или заставляют выслать свои фотографии или видеоматериалы порнографического содержания, что, безусловно, является преступлением против их половой неприкосновенности.

Как отмечает А.Г. Себякин, «сегодня в психологии существует целое направление, имеющее название “психология социальных сетей”, занимающаяся изучением закономерностей взаимодействия людей в сети» [2, с. 162]. Разработки этого специфического направления должны активно использоваться, в том числе в процессе предупреждения и расследования рассматриваемой категории преступлений.

Работа правоохранительных органов по фактам половых преступлений в киберпространстве в отношении несовершеннолетних имеет свою специфику, которая связана с личностью потерпевшего и мотивами действий виновных. Для разрешения задач, стоящих перед следователями и оперативниками при раскрытии и расследовании уголовных дел против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных посредством сети «Интернет», необходимы специальные знания как в области правовых дисциплин, так и в сфере психологии, информационных технологий, педагогики и других наук. Практика показывает, что сотрудники правоохранительных органов необходимыми знаниями, как правило, не обладают, что порождает активное противодействие расследованию со стороны преступника и его защитника.

Между тем анализ публикаций, освещающих вопросы раскрытия и расследования половых преступлений в киберпространстве, указывает на отсутствие в них сведений, свидетельствующих об особенностях раскрытия и расследования указанных преступлений. В связи с этим авторами рассматриваются вопросы, касающиеся особенностей проведения таких распространенных следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск и выемка. Из практики известно, что данные следственные действия проводятся практически всегда и от того, насколько грамотно действуют сотрудники правоохранительных органов, зависит конечный результат в доказывании вины подозреваемого.

Перед началом осмотра места происшествия, обыска (выемки) требуется с помощью специалистов подготовить криминалистическую технику, при помощи которой будет осуществляться обнаружение и изъятие электронных следов. Помимо криминалистической техники, для производства следственных действий требуется специальное программное обеспечение, которое позволит изъять электронные следы преступления. Чаще всего, техника и программное обеспечение используются не изолированно, а в составе аппаратно-программного комплекса (например, UFED).

При подготовке к производству невербальных следственных действий (осмотра, обыска и т.д.) необходимо также совместно со специалистом в области информационных технологий оценить имеющиеся в распоряжении следствия данные, а именно:

- о личности подозреваемого в совершении преступления лица, об уровне его компьютерной грамотности (учитывая средства совершения преступления и способы нарушения его информационной защиты, возможные действия по уничтожению или сокрытию электронных следов преступления);

- о видах электронной информации и вариантах ее нахождения;

- об оборудовании, при помощи которого совершалось преступление;

- о способе совершения преступления (в первую очередь, на тактику следственных действий должны влиять сведения такого содержания: совершалось ли преступление с использованием каналов открытого интернета (Clear net) или даркнета, использовался ли контакт потерпевшего на открытой странице в социальной сети или с ограниченным доступом, открытой группы или группы с ограниченным числом участников по приглашению, с применением анонимайзеров, прокси-серверов, луковичной маршрутизации или без таковой, осуществлялся ли злоумышленником прямой доступ к своей странице или он действовал в режиме удаленного доступа и т.д.).

При осмотре места происшествия в помещении потерпевшего необходимо изъять устройства, при помощи которых он общался с преступником (мобильное устройство или стационарный компьютер). В ходе осмотра данных устройств либо проведения компьютерно-технической экспертизы подтверждается сам факт переписки, видеосвязи, видеосообщений, изучается их содержание, журналы браузеров. Данные действия позволяют установить, на какие сайты заходил несовершеннолетний, его переписку в социальных сетях и мессенджерах, а также его скрытые интересы. Как отмечает Л. Б. Краснова, «результаты осмотра электронного носителя следователем со специалистом в дальнейшем могут существенным образом повлиять на дальнейший ход развития расследования, проблемы использования результатов данного осмотра могут быть решены, на наш взгляд, путем использования соответствующих сертифицированных методик применения программных средств для обнаружения и фиксации компьютерной информации в ходе следственных действий» [3, с. 258].

В зависимости от характера и способа совершенного преступления при проведении осмотра места происшествия, обыска или выемки необходимо сконцентрироваться на местах, где находится компьютер и где можно укрыть мобильные устройства, а также различные накопители информации. Стоит также внимательно наблюдать, как во время следственных действий ведут себя его участники, которые могут, воспользовавшись мобильным устройством, создав препятствия следствию, пытаться удалить какую-либо значимую информацию с устройства. Такие факты допускать нельзя.

Отдельно следует сказать о выемке электронных сообщений. Так, Заводской районный суд г. Саратова своим постановлением разрешил изъятие электронных сообщений из электронного почтового ящика путем производства выемки на основании ч. 3 ст. 183 УПК РФ (выемка документов, содержащих охраняемую законом тайну). Данное решение было поддержано апелляционной инстанцией — Саратовским областным судом, обосновав свое решение тем, что сообщения электронного почтового ящика являются документами, содержащими охраня-

емую федеральным законом тайну, их выемка регулируется положениями ч. 3 ст. 183 УПК РФ¹. Однако при этом, на наш взгляд, не были учтены нормы ч. 7 ст. 185 УПК РФ, рассматривающие порядок выемки и осмотра электронных сообщений или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений.

В настоящее время в правоохранительных органах имеются современные программные комплексы, такие как «Лис-М», Belkasoft Evidence Center, «Мобильный криминалист», при помощи которых устанавливаются общие знакомые пользователей, производится построение социальных графов, а также вычисляется степень их знакомства в рамках какой-либо группы в социальной сети. Данные программные комплексы значительно упрощают работу следователя по поиску и анализу цифровых следов.

Очень важно установить место и время (максимальное количество эпизодов) соединений лица, совершающего преступные действия, через протокол TCP/IP, а именно: IP-адрес, MAC-адрес сетевого адаптера, порта используемого маршрутизатора.

Установив место выхода в сеть «Интернет», следует с осторожностью подходить к задержанию лица и изъятию его цифровых устройств, которыми он пользовался. Это связано с возможностью блокирования данных устройств, а также выдвижения версии о том, что устройства принадлежат не ему либо ими пользуются иные лица. Чтобы исключить подобные ситуации необходимо в последующем подробно допросить самого подозреваемого и его близких родственников. Если устройства осматриваются и изымаются в офисном помещении, то допрашиваются коллеги по работе. Осмотру и изъятию подлежат не только устройства, позволяющие выйти в интернет, но и различного рода цифровые накопители, такие, например, как флэш-карты.

При осмотре компьютерной техники следователь обязан выполнить следующие действия:

зафиксировать состояние компьютерной системы и периферийного оборудования;

зафиксировать информацию, которая содержится на экране устройства; определить конфигурацию системы;

установить имеющиеся сетевые подключения;

определить исполняемые в момент осмотра программы (как отображаемые на экране, так и свернутые в трей, а также работающие в фоновом режиме;

определить открытые на момент осмотра папки и файлы;

определить передающиеся по Сети (скачиваемые или закачиваемые) файлы;

произвести корректное выключение компьютера;

выявить следы и тайники.

Как показывает практика, следователями допускаются следующие ошибки при производстве осмотра места происшествия или обыска (выемки):

не соблюдаются правила обращения с компьютерной техникой и иными носителями электронной информации;

не всем участникам следственного действия даются разъяснения в отношении употребляемых технических терминов, которые используются в информационных технологиях;

¹ См.: Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 25 января 2018 г. по материалу № 22-211/2018 // Архив Саратовского областного суда.

не обоснуется изъятие технических средств, а также электронных следов; нарушаются правила упаковки и транспортировки технических средств и средств носителей электронной информации.

Указанные нарушения приводят к утрате доказательств либо к их недопустимости.

Используя комплекс «Лис-М», можно установить конкретного пользователя, наглядно отобразить социальный граф пользователей и сообществ, а также определить общих знакомых преступника.

Когда следствием уже установлено место совершенного преступления, необходимо выяснить, какие приемопередающие базовые станции обслуживают участок местности, в границах которого находится место происшествия. Делается это при помощи различных специальных средств, например датчика оценки РЭО (радиоэлектронной обстановки), и проводится следственное действие (в рамках возбужденного уголовного дела — следственный эксперимент, а в рамках доследственной проверки — осмотр места происшествия). Получая координаты указанных станций (LAC и CID), информацию о возможной регистрации каких-либо абонентов в конкретное время на данных станциях, следует направить запрос операторам соответствующей сотовой связи, предварительно получив положительное судебное решение. После того как оператор сотовой связи представит запрашиваемую информацию органу предварительного расследования, следователю необходимо осмотреть ее с участием специалиста.

В распоряжении следователей имеется также аппаратно-программный комплекс «Сегмент-С», с помощью которого проводится анализ сетей сотовой связи, определяются всевозможные периодические пересечения абонентов, а также их нахождение рядом, маршруты передвижения и места последней регистрации. В ходе следственных действий, в том числе осмотра места происшествия, следует изымать все мобильные устройства и комплектующие к ним, которые обнаруживаются на осматриваемом объекте. При обнаружении мобильного устройства, принадлежащего лицу, совершившему преступление, следователю необходимо:

зафиксировать в протоколе следственного действия и на прилагаемой фототаблице к нему место расположения данного предмета;

подробно описать в протоколе и детально зафиксировать в фототаблице все панели мобильного устройства, его повреждения, информационное табло, слоты, IMEI и другие сведения устройства, а также все внешние источники (модель и IMEI мобильного устройства (GSM) можно посмотреть под аккумулятором сверху либо путем набора определенной комбинации);

перед выключением мобильного устройства следует просмотреть и зафиксировать последние контакты его владельца;

если на мобильном устройстве имеется пароль, необходимо следственным или оперативным путем в кратчайший срок выяснить его, чтобы не прибегать к помощи специалиста.

Е. Иценко и В. Жуланов полагают, что «особенности функционирования мобильной сотовой связи предоставляют следственным органам дополнительные возможности по раскрытию и расследованию преступлений, при организации и совершении которых она использовалась... Наиболее криминалистически значимой представляется персональная биллинговая и коммуникационная информация» [4, с. 26].

В.А. Мещеряков и А.Н. Яковлев обоснованно рекомендуют «определить пространственную конфигурацию сегмента инфраструктуры оператора мобильной связи, обеспечивавшего функционирование обнаруженного на месте происшествия мобильного телефона. <...> Зафиксировав время преступного события (или временной интервал), возможные траектории движения его участников, определив перечень базовых станций, обслуживающих участки каждой из траекторий, мы сможем достаточно четко сформулировать задачу поиска в информационной базе оператора сотовой связи тех номеров IMEI мобильных телефонов, которые в требуемое время обслуживались на проверяемых участках местности» [5, с. 283].

Следует отметить, что Определение Конституционного Суда № 189-О поставило точку в спорах о необходимости получения судебного разрешения на осмотр информации в памяти мобильного телефона, указав, что «проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения»¹.

Для того чтобы исключить удаленный доступ подозреваемого к памяти изъятых у него информационно-технических устройств, которые имеют выход в сеть «Интернет», необходимо незамедлительно поместить их в предназначенное для блокировки такого доступа хранилище, например поставляемый в комплекте с UFED «Мешок Фарадея», позволяющий полностью исключить удаленный доступ к помещенному в него мобильному устройству.

Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»² электронные носители информации включены в Уголовно-процессуальный закон России как новый вид вещественных доказательств. Электронные носители информации высокотехнологичны, поэтому для работы с ними необходимо участие специалиста, поскольку внешнего осмотра и получение той или иной информации недостаточно, такая информация может быть тщательно завуалирована либо удалена.

Современная криминалистическая техника позволяет выполнять следующие манипуляции:

извлекать полную информацию (в том числе удаленную ранее) из памяти названных устройств и электронных носителей информации;

устанавливать местонахождение владельца электронного устройства в определенное время.

Обнаруженная информация порой является основополагающей для успешного раскрытия и расследования преступления и становится основным доказательством по уголовному делу.

Важная информация может храниться в скрытых файлах и архивах устройства. Такого рода файлы необходимо направлять соответствующим специалистам для дальнейшей расшифровки и взлома пароля. Данные файлы в ходе их ос-

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: СЗ РФ. 2012. № 31, ст. 4332.

мотра следует выводить на печатающие устройства, а их хранение осуществлять на бумажных носителях в форме приложения к соответствующему протоколу следственного действия.

Необходимо отметить, что следственные действия, в том числе и обыск, направленные на обнаружение каких-либо устройств при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных посредством интернета, следует проводить с использованием технических средств, таких, например, как «Лорнет-36», «Люкс», NR-2000, ORION HGO-4000, при помощи которых обнаруживаются все мобильные устройства.

Федеральным законом РФ от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ статья 182 УПК РФ была дополнена ч. 9.1 следующего содержания: «При производстве обыска электронные носители информации изымаются с участием специалиста. По ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации специалистом, участвующим в обыске, в присутствии понятых с изымаемых электронных носителей информации осуществляется копирование информации. Копирование информации осуществляется на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изымаемых электронных носителей информации или обладателем содержащейся на них информации. При производстве обыска не допускается копирование информации, если это может воспрепятствовать расследованию преступления либо, по заявлению специалиста, повлечь за собой утрату или изменение информации. Электронные носители информации, содержащие скопированную информацию, передаются законному владельцу изымаемых электронных носителей информации или обладателю содержащейся на них информации. Об осуществлении копирования информации и о передаче электронных носителей информации, содержащих скопированную информацию, законному владельцу изымаемых электронных носителей информации или обладателю содержащейся на них информации в протоколе делается запись»¹.

Как отмечает А. А. Рудавин, «специалисту необходимо обеспечить запрет записи на носитель, с которого осуществляется получение данных и возможность осуществления контроля аутентичности имеющейся и создаваемой информации. Контроль аутентичности имеющейся и создаваемой информации можно осуществлять путем расчета хэш-функций (контрольных значений). В протоколе должны быть отражены способы создания и контрольные значения [6, с. 88].

В качестве специалиста можно привлекать любое лицо, обладающее познаниями в области информационных технологий. Необходимо учитывать, что конкретный специалист в области компьютерной техники может быть компетентным лишь в определенных компьютерных системах и средствах оргтехники. Выбор соответствующих специалистов определяется определенными обстоятельствами, в том числе способом совершения преступления. Копировать изъятую информацию не рекомендуется, поскольку она может быть утрачена, что может послужить полной утрате доказательной базы по уголовному делу и невозможности привлечь виновное лицо к уголовной ответственности. На изъятых в ходе следственных действий устройствах необходимо также печатывать все входы и выходы, порты и слоты.

¹ См.: СЗ РФ. 2012. № 31, ст. 4332.

В ходе осмотра места происшествия, обыска или выемки, проводимых в жилище подозреваемого, с учетом обстоятельств совершенного преступления следователю необходимо заострить внимание на обстановке, имеющиеся на объекте следственного действия предметы и документы, которые свидетельствуют о сексуальных предпочтениях подозреваемого (литература, фото- или видеоматериалы порнографического содержания, различного рода сексуальные приспособления (игрушки)).

Во избежание сокрытия следов преступления со стороны виновного лица участвующим лицам (сотрудникам органа дознания) по прибытии на место проведения следственного действия (осмотра места происшествия, обыска (выемки)) следует незамедлительно дать указание на охрану выключателей электрического напряжения, поскольку подозреваемый может отключить подачу электричества, что может привести к утрате электронных следов преступления.

Кроме того, при проведении осмотра места происшествия, обыска (выемки) следует обратить внимание на наличие небольших листков бумаги (клочков, обрывков), которые могут быть прикреплены к компьютеру либо находиться в непосредственной близости к нему, поскольку на них могут быть указаны коды, пароли и сделаны иные, имеющие значение для следствия пометки.

Как правило, лицо, совершающее такие преступления, осуществляет акты мастурбации, находясь непосредственно за компьютерным столом. В связи с этим следователю совместно со специалистом-криминалистом стоит с особым вниманием, тщательно обследовать компьютерные стол и предметы, расположенные около него (клавиатуру, мусорное ведро, пол, шторы, ковровое покрытие), с целью обнаружения, фиксации и дальнейшего изъятия следов спермы. Рекомендуется использовать источник ультрафиолетового света и экспресс-тесты, например seratec psa semiquant.

Таким образом, эффективное расследование преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных посредством сети «Интернет», возможно только на основе использования специальных знаний различных отраслей наук. Учитывая специфику осмотра места происшествия, обыска и выемки по данной категории дел, необходимо использовать помощь специалиста в области информационных технологий и специалиста-криминалиста.

Библиографический список

1. Вебер К.С., Пименова А.А. Сравнительный анализ социальных сетей // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Естественные и технические науки. 2014. Т. 19, вып. 2. С. 634–636.
2. Себякин А.Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 271 с.
3. Краснова Л.Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 254–260.
4. Жуланов В., Ищенко Е. Анализ информации из электронных баз данных в следственной группе // Законность. 2007. № 4. С. 26–29.
5. Мещеряков В.А., Яковлев А.Н. «Электронная» составляющая осмотра места происшествия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5(22). С. 280–291.

6. *Рудавин А.А.* К вопросу о технико-криминалистическом обеспечении практики раскрытия и расследования киберпреступлений // Вопросы взаимодействия правоохранительных органов и их подразделений при раскрытии и расследовании преступлений: сб. тр. межведомственного круглого стола. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2022. С. 86–90.

References

1. *Weber K.S., Pimenova A.A.* Comparative Analysis of Social Networks // Bulletin of the Tambov University. Ser.: Natural and technical sciences. 2014. Vol. 19, issue 2. P. 634–636.

2. *Sebyakin A.G.* Tactics of Using Knowledge in the Field of Computer Technology in Order to Obtain Criminalistically Significant information: dis. ... cand. of law. M., 2021. 271 p.

3. *Krasnova L.B.* Electronic Media as Material Evidence // Proceedings of the Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2013. No. 4-2. P. 254–260.

4. *Zhulanov V., Ishchenko E.* Analysis of Information from Electronic Data-Bases in the Investigation Group // Legality. 2007. No. 4. P. 26–29.

5. *Meshcheryakov V.A., Yakovlev A.N.* “Electronic” Component of the Inspection of the Scene of the Crime // Criminalist Library. Scientific Journal. 2015. No. 5(22). P. 280–291.

6. *Rudavin A.A.* On the Issue of Technical and Forensic Support of the Practice of Disclosure and Investigation of Cybercrimes // Issues of Interaction of Law Enforcement Agencies and Their Units in the Disclosure and Investigation of Crimes: collection of the interdepartmental round table. Tver: Publishing House of the Tver State University, 2022. P. 86–90.

Л.Ю. Воронков

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕТОДА Э. КНОБЛОХА ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛОЖЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В МОМЕНТ ВЫСТРЕЛА

Введение: проведение расследования уголовных дел невозможно без качественного осмотра места происшествия. Особенно это касается тяжких преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, когда важно реконструировать событие преступления для дальнейшего выдвижения версий. Для решения реконструкционных задач привлекается эксперт, который, применяя специальные знания, по обнаруженным следам восстанавливает картину произошедшего. **Цель** — проверить возможности метода Э. Кноблоха при проведении экспертных исследований по установлению обстоятельств применения огнестрельного оружия. **Сочетание следов крови с исследованием раневых каналов. Методологическая основа:** в работе использовались следы, полученные при отстреле огнестрельного оружия ограниченного поражения МР-80-13Т, калибра 45 Rubber, сделанного на базе пистолета Макарова; охотничьего карабина «Сайга-308» калибра 7,62 мм; спортивного пистолета Марголина МЦУ калибра 5,6 мм. **Результаты:** экспериментальные исследования показали достаточно высокую точность по определению места попадания пули в тело человека и его общего положения. Исследование возможно даже при наличии нескольких огнестрельных повреждений. **Выводы:** метод Э. Кноблоха позволяет определить статическое положение тела потерпевшего (человек стоял, сидел, стоял на коленях, лежал) в момент попадания в него пули. При тщательной работе со следами крови погрешности измерений метода Э. Кноблоха с уверенностью позволяют судить о высоте образования раневого канала в момент выстрела. При установлении места положения стрелявшего метод Э. Кноблоха по следам капель крови позволяет судить о мощности использовавшегося оружия. **Ключевые слова:** огнестрельное оружие, огнестрельное повреждение, следы выстрела, раневая баллистика, реконструкция места происшествия, дистанция выстрела, поражающие факторы огнестрельного оружия.

L.Yu. Voronkov

EFFECTIVENESS OF E. KNOBLOCH'S METHOD IN RECONSTRUCTING THE VICTIM'S POSITION AT THE TIME OF THE SHOOTING

Background: conducting a criminal investigation is impossible without a high-quality inspection of the crime scene. This is especially true for serious crimes involving the use of firearms, when it is important to reconstruct the crime event in order to further develop versions. To solve reconstruction problems, an expert is brought in who, using

© Воронков Леонид Юрьевич, 2023
Кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: voronkov.leo2012@gmail.com
© Voronkov Leonid Yurievich, 2023
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology (Saratov State Law Academy)

special knowledge, uses the traces found to restore the picture of what happened. Objective — to test the possibilities of E. Knobloch's method in expert studies to establish the circumstances of firearms use. Combination of blood traces with the study of wound channels. Methodology: traces obtained at shooting of firearms of limited destruction MR-80-13T, caliber 45 Rubber, made on the basis of Makarov pistol; hunting carbine "Saiga-308" of caliber 7,62 mm; sport pistol Margolin MCU of caliber 5,6 mm were used in the work. Results: experimental studies have shown quite high accuracy in determining the location of the bullet in the human body and its general position. The study is possible even in the presence of several gunshot wounds. Conclusions: E. Knobloch's method allows to determine the static position of the victim's body (the person was standing, sitting, kneeling, lying down) at the moment of the bullet hitting him. Careful work with blood traces, the measurement errors of the Knobloch method allow us to judge with certainty about the height of the wound channel formation at the moment of the shot. When determining the position of the shooter, the Knobloch method by traces of blood droplets allows us to judge about the power of the weapon used.

Keywords: *firearms, firearm damage, traces of a shot, wound ballistics, reconstruction of the scene, distance of a shot, striking factors of firearms.*

Успешное расследование уголовных дел, связанных с применением огнестрельного оружия, напрямую зависит от качества проведения осмотра места происшествия. Для правильной квалификации дела важно установить действия находившихся на месте происшествия лиц в момент совершения выстрела. В интересах следствия эксперт, используя специальные знания, решает реконструкционные задачи по следам, обнаруженным на месте происшествия.

В экспертной практике для определения позы пострадавшего рассматривают особенности раневых каналов. Однако такой подход не исключает ошибочных суждений, например в момент выстрела потерпевший нагнулся и пуля попала в плечо, что по виду раневого канала дает основание предположить о выстреле сверху. Сотрудники зарубежных экспертных служб применяют метод Э. Кноблоха для определения общего расположения тела потерпевшего в момент выстрела по расположению в пространстве зоны поражения тела и сопоставлению ее с раневым каналом. Данный метод внедряется в практику отечественных экспертных подразделений.

Исследование производится по пятнам крови, которые должны соответствовать следующим трем положениям:

при соударении пули с телом человека из последнего выбивается конус брызг крови. При сквозном повреждении выбивается два конуса брызг крови: прямой конус из выходного раневого отверстия и обратный конус из входного раневого отверстия. Соотношение количества брызг крови, выбитых снарядом с лицевой стороны и тыльной (при вылете из тела), соотносится примерно 1:3, то есть прямой конус брызг крови в три раза интенсивней, чем обратный, что указывает на более эффективную работу по прямому конусу. В случае слепого повреждения выбивается только обратный конус брызг крови;

выбитые капли крови имеют существенную горизонтальную составляющую скорости;

выбитые капли по форме близки к шару.

Последовательность действий эксперта следующая. Первоначально определяют положение оси ОА, на которой располагалась точка вылета брызг крови h . Для этого вдоль больших осей пятен, имеющих форму эллипса, проводят прямые

линии R_1, R_2, \dots, R_n до их пересечения (рис. 1). Все они пересекутся примерно в одной точке [1, с. 239]. Определив другую ось по пятнам второго конуса, можно достаточно точно установить место расположения тела. Положение обеих осей фиксируется достаточно точно. Эксперименты показали, что абсолютная погрешность определения положения оси OA на горизонтальной плоскости составляет порядка ± 4 см. Эта погрешность несильно влияет на полученные данные в дальнейших экспериментах.

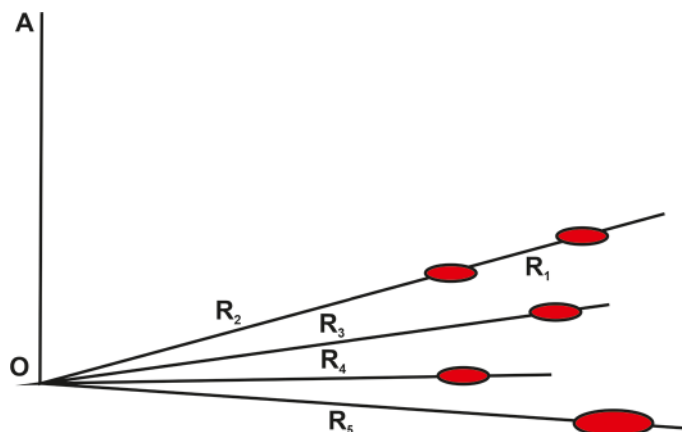

Рис. 1. Определение положения оси OA , на которой располагался раневой канал

Следующим действием и наиболее сложной задачей является определение высоты раневого канала в момент выстрела (человек стоял, сидел или, например, стоял на коленях). Для этого необходимо вычислить углы встречи капли с горизонтальной преградой. При падении сферическая капля вытягивается и принимает форму эллипса. В этом случае диаметр капли AB будет соответствовать малой оси эллипса CD , а большая ось будет соответствовать гипотенузе CE прямоугольного треугольника (рис. 2). Отсюда синус угла CED будет равен отношению CD/CE , а сам угол падения капли будет определяться через арксинус.

После расчета углов из центра каждого исследуемого пятна провести прямые (натянуть нити) S_1, S_2, \dots, S_n к оси OA под углом $\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_n$ (рис. 3).

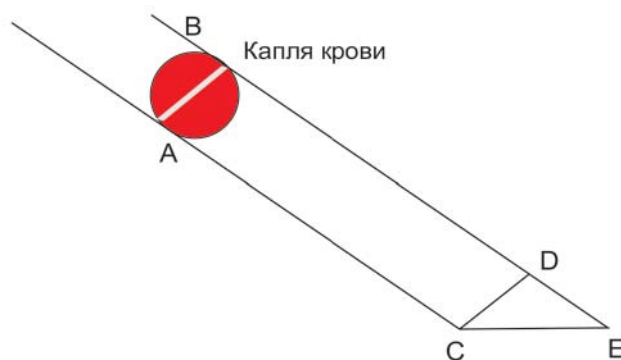

Рис. 2. Геометрическая модель образования пятен крови на горизонтальной поверхности

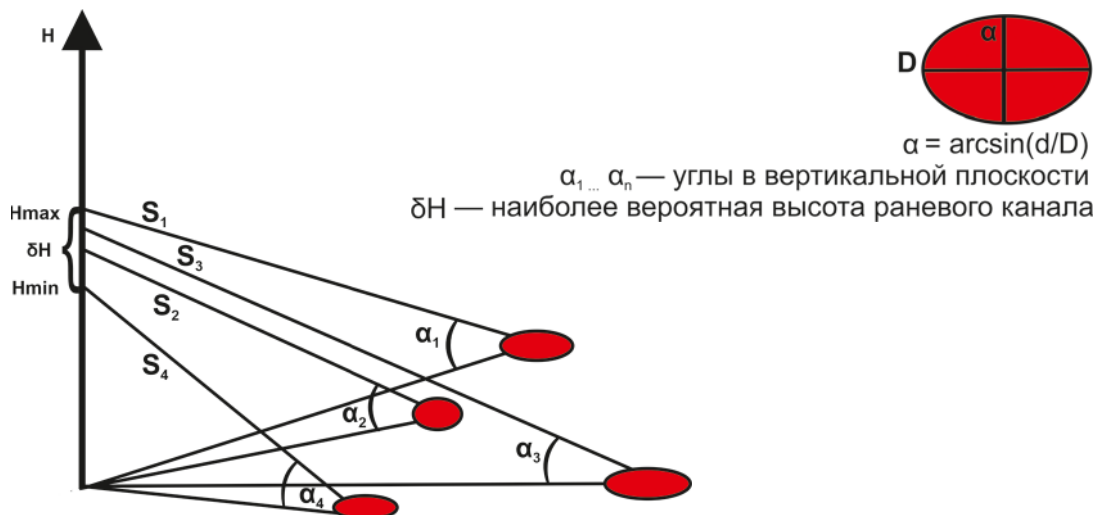

Рис. 3. Определение высоты H раневого канала в момент выстрела

Отрезок на оси H , на котором пересекаются все наклонные прямые, и есть интервал высот, на котором располагался раневой канал в момент выстрела. Поэтому центр этого отрезка можно принять за наиболее вероятную высоту расположения раневого канала в самый первый момент после выстрела. Погрешность определения высоты раневого канала значительно больше погрешности определения положения оси H и составляет ± 12 см.

Для экспериментальной проверки эффективности метода Э. Кноблоха использовались огнестрельное оружие ограниченного поражения МР-80-13Т калибра 45 Rubber, сделанного на базе пистолета Макарова, охотничий карабин «Сайга-308» калибра 7,62 мм, спортивный пистолет Марголина МЦУ калибра 5,6 мм. Стрельба велась с дистанции 8–10 м. В качестве мишени подготавливался макет: бутылка объемом три литра с розовой водоэмульсионной краской плотностью 1,06 г/мл, имитирующей кровь, которая была подвешена на конструкцию крестообразной формы (рис. 4). Сверху на данную конструкцию надевалась рубашка, имитирующая легкую верхнюю одежду, а на землю стелилась ткань, чтобы можно было хорошо отследить разлет брызг краски от выстрела (рис. 5).

При выстреле из огнестрельного оружия ограниченного поражения наблюдалось только входное отверстие и соответственно обратный конус брызг краски. На ткани образовалось множество окрашенных капель, по которым была проведена работа по методу Э. Кноблоха.

Сначала были отобраны капли эллипсоидной формы (рис. 6). По этим каплям было определено положение оси, где располагалась точка вылета брызг краски. Для этого вдоль больших осей пятен, имеющих форму эллипса, по направлению больших осей протягивали закрепленные в центре капли нити до их пересечения. Все они пересеклись примерно в одном месте. Отклонение места пересечения нитей от места расположения макета было менее 1 см.

Далее проводились измерения малых и больших осей эллипсоидных капель для дальнейшего расчета углов падения капель. Нити из центра капель натягивали и поднимали до их пересечения с осью, где располагалась точка вылета брызг краски (рис. 7).

Рис. 4. Макет крестообразной формы с подвешенной бутылкой и краской

Рис. 5. Общий вид готовой мишени

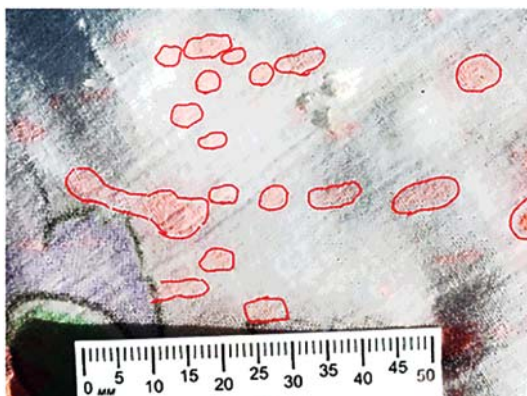

Рис. 6. Следы капель на ткани, образовавшиеся в результате выстрела

Рис. 7. Результат определения точки вероятного попадания пули в преграду

В данных экспериментах по пересечениям нитей погрешность определения высоты расположения точки попадания пули в мишень составила ± 5 см. Определяемая высота расположения повреждения лежала в интервале от 100 до 110 см. Сопоставление полученных данные о высоте точки пересечения нитей с повреждением на рубашке позволяет сделать вывод о том, что в момент выстрела тело потерпевшего находилось в положении стоя.

При выстреле из охотничьего карабина «Сайга» наблюдалось сквозное повреждение мишени и образование прямого и обратного конусов брызг краски соответственно. По образовавшимся следам этих брызг краски проводилось определение высоты раневого канала, как и в описанном ранее примере. При использовании следов от прямого и обратного конусов брызг краски погрешность определения высоты расположения точки попадания пули в мишень составила ± 3 см. Определяемая высота расположения повреждения лежала в интервале 107–113 см. Сопоставление полученных данных о высоте точки пересечения нитей с повреждением на рубашке позволяет сделать вывод о том, что в момент выстрела тело потерпевшего находилось в положении стоя.

Проведение экспериментальной стрельбы из пистолета Марголина отличалось тем, что в одну мишень производилось сразу три выстрела, от каждого пулевого повреждения образовывались окрашенные следы, которые накладывались на следы от других пулевых повреждений. Это затрудняло поиск в следах капель, отвечающих принятым положениям для метода Э. Кноблоха. Ввиду малого калибра оружия капли имели небольшой размер. Используя капли без следов наложения, удалось определить расположение оси с точкой вылета брызг краски и высоту расположения пулевых повреждений.

Высота точки пересечения нитей совпала с высотой расположения одного из огнестрельных повреждений. От высоты расположения других повреждений погрешность составляла ± 6 см. Определяемая высота расположения повреждения лежала в интервале 105–117 см. Сопоставление полученных данных о высоте точки пересечения нитей с повреждением на рубашке позволяет сделать вывод о том, что в момент выстрела тело потерпевшего находилось в положении стоя.

По результатам проведенных исследований можно констатировать:

метод Э. Кноблоха позволяет определить статическое положение тела потерпевшего (человек стоял, сидел, стоял на коленях, лежал) в момент попадания в него пули;

при тщательной работе со следами крови погрешности измерений метода Э. Кноблоха с уверенностью позволяют судить о высоте образования раневого канала в момент выстрела;

при установлении места положения стрелявшего метод Э. Кноблоха по следам капель крови позволяет судить о мощности использовавшегося оружия;

метод Э. Кноблоха необходимо внедрять в экспертную практику для решения экспертных задач по реконструкции обстоятельств применения огнестрельного оружия, связанных с положением потерпевшего в момент выстрела.

Библиографический список

1. Молчанов В.И., Попов В.Л., Калмыков К.Н. Огнестрельные повреждения и их судебно-медицинская экспертиза. Л.: Медицина, 1990. 272 с.

References

1. Molchanov V.I., Popov V.L., Kalmykov K.N. Gunshot Injuries and Their Forensic Medical Examination. L.: Medicine, 1990. 272 p.

И.В. Усанов

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ
И ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВАЯ КРИМИНАЛИСТИКА

Введение: в статье рассматривается проблема соответствия электронно-цифровой криминалистики (ЭЦК) как частной криминалистической теории методу диалектического материализма. **Цель** — проследить степень адекватности ЭЦК теории и практике расследования киберпреступлений на примере творчески доработанной Р.С. Белкиным ленинской теории отражения. **Методологическая основа:** диалектический материализм. **Результаты:** автор полагает, что ЭЦК позволяет получать информацию, на основании которой можно установить истину в ходе расследования киберпреступлений. **Выводы:** электронно-цифровая криминалистика как частная криминалистическая теория не вступает в явное противоречие с диалектическим материализмом как универсальным философским методом познания окружающей действительности.

Ключевые слова: электронно-цифровая криминалистика, диалектический материализм, наука.

I. V. Usanov

DIALECTICAL MATERIALISM AND ELECTRONIC
DIGITAL FORENSICS

Background: the article considers the problem of compliance of electronic digital forensics (EDF) as a private forensic theory with the method of dialectical materialism. **Objective** — to trace the degree of adequacy of the ECC to the theory and practice of cybercrime investigation using the example of the Leninist theory of reflection creatively refined by R.S. Belkin. **Methodology:** dialectical materialism. **Results:** the author believes that ECC provides information that can be used to establish the truth in cybercrime investigations. **Conclusions:** electronic digital forensic science as a private forensic theory does not clearly contradict dialectical materialism as a universal philosophical method of cognition of the surrounding reality.

Keywords: electronics digital criminalistics, dialectical materialism, science.

Еще в середине 70-х гг. прошлого столетия виднейший отечественный ученый-криминалист В.Я. Колдин констатировал тот факт, что роль научных методов раскрытия и расследования преступлений в период научно-технической революции приобретает большое значение [1, с. 3]. Он же одним из первых привел пример с использованием возможностей ЭВМ в процессе идентификации человека по признакам почерка [1, с. 35–36].

© Усанов Игорь Владимирович, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: iguscrime1996@gmail.com

© Usanov Igor Vladimirovich, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics (Saratov State Law Academy)

Современная отечественная криминалистика благодаря очередной научно-технической революции находится в режиме тотальной цифровизации. Это вызвано прежде всего ответной реакцией правоохранительной системы РФ на стабильно высокое количество регистрируемых в стране киберинцидентов и довольно низким уровнем их раскрываемости.

В качестве одного из факторов, позволяющих, на наш взгляд, повлиять на повышение уровня раскрываемости киберинцидентов, является скорейшее формирование адекватной практике частной криминалистической теории с соответствующим названием. В литературе существует несколько вариантов названия этой теории. Согласимся с А.Б. Смушкиным, который обозначает ее термином «электронно-цифровая криминалистика», потому что, по его мнению, именно такое сочетание взаимодополняющих категорий будет подчеркивать как информационный элемент в предмете частной теории, так и аппаратный, и отграничивать тем самым предлагаемую частную теорию от остальных информационно-коммуникативных технологий [2, с. 19].

Появление «электронно-цифровой криминалистики» неизбежно влечет за собой ряд изменений для криминалистики как интегративной науки. А.Б. Смушкин верно подмечает следующую деталь — тенденции цифровой трансформации криминалистики характеризуют не только узкие изолированные изменения. Они пронизывают всю структуру криминалистики, все ее разделы. Цифровая трансформация криминалистики должна выражаться не только в уточнении, модернизации действующих научных положений и концепций, но и в разработке новых. Это касается и такой частной теории, как «электронно-цифровая криминалистика» [3, с. 251–252].

Одним из существенных вопросов для любой науки является вопрос получения достоверных знаний в процессе либо результате изучения ее объекта и предмета. Единственным истинно научным методом, позволяющим получить достоверное знание о каком-либо объекте или предмете, выступает диалектический материализм, поскольку его важнейший принцип — совпадение (или единство) диалектики, логики и теории познания, выражающее единство законов бытия и мышления, а исходными моментами данного метода выступают принцип отражения, распространение материалистической диалектики на область познания, практика как основа познания и критерий истины [4, с. 393].

Существование ненаучной криминалистики или паракриминалистики стало возможным не только в силу фактического отката практики с позиций строго научной методологии к методам средневековой инквизиции, о чем мы говорили в своей более ранней работе [5, с. 225], но и в силу того, что некоторые отечественные ученые-криминалисты выражают сомнение в адекватности диалектического материализма современным научным реалиям. В частности, В.К. Гавло, В.Е. Ключко и Д.В. Ким констатируют: «Действовать в науке профессионально — значит понимать смысл и ценность своих действий не только по отношению к тому участку реальности, который исследует ученый, но и по отношению к внутренней тенденции развития науки, логике ее становления как теоретической системы» [6, с. 5]. Это утверждение авторов вопросов не вызывает. Далее они пишут: «Безусловно, “заклинания” относительно материалистической диалектики как методологической основы криминалистического исследования, конечно, не могут обеспечить его методологическую базу. Но вопрос в том, в какой степени материалистическая диалектика (представленная одним раз-

делом — гносеологией) в принципе может выступать в качестве таковой» [6, с. 5]. Мы считаем, что главный и основной показатель адекватности того или иного метода, претендующего на научность, — степень достоверности или истинности получаемых в ходе использования данного метода результатов.

Предложение об отказе от диалектического метода как метода познания наряду с прочими негативными факторами может привести и уже приводит к печальным результатам, в частности к падению уровня раскрываемости. Не секрет, что ни один из ныне существующих научных методов априори не способен гарантировать стопроцентно истинный результат. И поэтому прав А. Г. Филиппов, возражая всякого рода «сомневающимся», когда утверждает, что «дело не в том, что мир познаваем, а в том, что совершить преступление, не оставив следов, невозможно. Значит, в принципе <...>, любое преступление может быть раскрыто, хотя, разумеется, на практике это возможно далеко не всегда» [7, с. 65]. Исходя из сказанного, целиком и полностью солидарны с мнением Е. С. Лапина: «Научное решение вопросов отечественной криминалистики на основе нового законодательства, коренным образом отличного от советской системы норм-регуляторов, не должно означать отбрасывания, зачеркивания того, что было сделано в науке криминалистике в социалистический период» [8, с. 34].

Попробуем установить соответствие «электронно-цифровой криминалистики» трем основным позициям диалектического материализма, которые упоминались ранее, а именно: принципу отражения, распространению материалистической диалектики на область познания, практике как основе познания и критерию истины.

Рассмотрим соответствие «электронно-цифровой криминалистики» принципу отражения.

Р. С. Белкин в классическом труде «Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики» опирался на следующие постулаты [9, с. 8–12] (каждый постулат сопровождается подтверждением с нашей стороны).

Постулат 1. «Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения» [10, с. 91].

Подтверждение: всякий объект материального мира имеет внешние параметры и внутреннюю структуру, а если это так, он априори обладает свойством отражения. Следы киберпреступления могут иметь определенное материально-фиксированное воплощение, например располагаться в технических средствах хранения обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

Постулат 2. Всякое событие преступления (как и любой процесс) обязательно отражается в окружающей среде.

Подтверждение: киберпреступления отражаются в окружающей среде в виде различных следов (прежде всего, виртуальных).

Постулат 3. При совершении преступления возникают те фактические данные, которые впоследствии в соответствии с законом приобретают по расследуемому делу значение судебных доказательств и процесс этот закономерен.

Подтверждение: например, скриншот, содержащий криминалистически значимую информацию, сделанный с экрана компьютера, может быть признан доказательством по делу.

Постулат 4. Закономерность процесса возникновения доказательств есть одна из объективно существующих предпосылок установления истины в судебном исследовании.

Подтверждение: если информация по делу получена из источников, указанных в законе, в рамках регламентированной законом процедуры, и способствует выявлению истины по делу, такая информация закономерно трансформируется в доказательство.

Постулат 5. Отражаемыми объектами в процессе возникновения доказательств выступают элементы состава преступления (непосредственно отражаемыми объектами являются совокупности признаков, характеризующие субъекта и объективную сторону преступления).

Подтверждение: в УК РФ, а именно в гл. 21 и 28, содержится ряд составов преступлений в сфере компьютерной информации. Задача следователя, следователя-криминалиста, оперативника, прокурора и суда правильно распознать суть киберинцидента и, по возможности, выявить признаки определенного состава киберпреступления.

Постулат 6. В акте отражения складывается следующая система взаимосвязей:

- а) отражаемые объекты (субъект и его действия);
- б) средства отражения (свойства личности, средства и способы действий);
- в) отражающие объекты (окружающая обстановка, предмет посягательства);
- г) результат отражения (изменения в результате действий, «отпечатки свойств личности», доказательства).

Подтверждение: при кибермошенничестве преступник, движимый корыстной мотивацией, звонит или направляет СМС либо иное электронное сообщение потенциальной жертве, моделируя ситуацию таким образом, чтобы у потенциальной жертвы блокировалось критическое восприятие действительности. При этом посягатель пытается взять под контроль действия жертвы. Цель посягателя — хищение реальных или электронных денежных средств. Действия посягателя отражаются в виде материальных, идеальных и виртуальных следов.

Постулат 7. Судить по отражению об отражаемом, по доказательствам о преступлении можно только в том случае, если отражение обладает определенным содержанием и связь изменений с событием можно обнаружить, выявить, понять по содержанию этих изменений.

Подтверждение: следователь, следователь-криминалист, оперативник, прокурор, судья получают информацию по киберинциденту с помощью чувственно-рациональных и математических методов. Задача — правильно распознать смысл информации на базе профессионального опыта и знаний, законов логического мышления, а также здравого смысла.

Постулат 8. Содержание изменений, их характер есть информация, сведения об этих изменениях.

Подтверждение: например, получение по электронной почте письма о наличии кредита и уплате годовых процентов может быть расценено компетентными органами как реальное подтверждение получения кредита, или как кибермошенничество, или как розыгрыш.

Постулат 9. Данная информация не может существовать без материальной основы или вне информационного сигнала.

Подтверждение: следы киберпреступлений (киберинцидентов вообще) всегда содержатся на определенном носителе или носителях, например на жестком диске.

Постулат 10. Информационный сигнал (доказательство) может выступать в предметной (вещественной) и мысленной (образной) форме.

Подтверждение: следы киберпреступления могут существовать не только в указанных автором формах, но и в виртуальной форме.

Постулат 11. Информация, заключенная в доказательстве, дает ответ на вопрос о том, что устанавливается данным доказательством, что оно доказывает.

Подтверждение: следователь, следователь-криминалист, оперативник, прокурор, судья выстраивают свою деятельность по раскрытию и расследованию киберпреступлений с учетом положений, изложенных законодателем в ст. 73 УПК РФ.

Постулат 12. Совокупность всей доказательственной информации в принципе адекватна полному отражению преступления.

Подтверждение: оценка и использование криминалистически значимой информации по делам о киберпреступлениях происходит по всем возможным источникам в совокупности и зиждется прежде всего на данных, полученных в ходе судебной компьютерно-технической экспертизы.

Теперь рассмотрим соответствие «электронно-цифровой криминалистики» принципу распространения материалистической диалектики на область познания. Необходимо понимать, что в данном случае речь идет о познании тех областей человеческой деятельности, которые связаны с совершением киберпреступлений (криминальная деятельность) и раскрытием, расследованием, в том числе и судебным, киберпреступлений (криминалистическая деятельность).

В свое время такие авторы, как Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов и Е.Р. Россинская, рассматривали в качестве предмета изучения криминалистики группы закономерностей, характеризующих функциональную сторону противоправной деятельности, составляющих содержание механизма преступления, с одной стороны, и группы закономерностей, характеризующих функциональную сторону правоохранительной деятельности, с другой стороны [11, с. 32–42]. Представляется, что данная позиция нуждается в определенной корректировке. По нашему мнению, предметом изучения науки должно быть нечто конкретное, а именно области человеческой деятельности, имеющие практическое воплощение. Объектом изучения науки должно быть нечто абстрактное, а именно закономерности, характеризующие области изучаемой человеческой деятельности.

Любая наука, в том числе криминалистика, представляет собой конгломерат общих и частных идей, теорий, концепций. Поскольку «электронно-цифровая криминалистика» претендует на статус частной криминалистической теории, уместно было бы разобраться, что, по идее, должно составлять объект, а что предмет изучения данной теории.

Считаем, что предметом изучения «электронно-цифровой криминалистики» должны являться области человеческой деятельности криминального и криминалистического характера в сфере, связанной с киберпреступностью и противодействием киберпреступности. Объектом изучения «электронно-цифровой криминалистики» должны выступать группы закономерностей,

характеризующих указанные виды человеческой деятельности. Рассмотрим соответствие «электронно-цифровой криминалистики» практике как основе познания и критерию истины.

Уже к концу 80-х гг. прошлого столетия был накоплен солидный эмпирический опыт использования кибернетических средств, направленных на оптимизацию процесса раскрытия и расследования преступлений в СССР. Этот опыт был обобщен в работе Н. С. Полевого «Криминалистическая кибернетика», не потерявшей своей актуальности. В данном труде рассматриваются науковедческие, методологические и правовые основы использования информатики, вычислительной техники и математические методы в сфере криминалистической деятельности [12].

К началу 20-х гг. текущего столетия вышло большое количество работ, тематика которых так или иначе связана с криминалистической кибернетикой.

Автор одной из них Е. П. Ищенко, в частности, указывает на необходимость признать, что информационные процессы и взаимодействия, свойственные киберпространству, уже составляют основу огромного многообразия современных явлений материального мира, интеллектуальной сферы общества, жизни каждого цивилизованного человека [13, с. 287].

Таким образом, можно с полной уверенностью констатировать, что эмпирический опыт противодействия киберпреступности активно обобщается учеными-криминалистами; на базе этого опыта разрабатываются действенные рекомендации практического характера, которые в конечном счете существенно повысят уровень раскрываемости киберпреступлений.

Определенная сложность заключается в плане соответствия рассматриваемой нами частной криминалистической теории критерию истинности, поскольку ныне действующий УПК не содержит указания на конечную цель уголовного судопроизводства в виде установления истины по делу. Безусловно, данное обстоятельство изначально придает процессу досудебного уголовного преследования явный обвинительный уклон. Это понимает и пытается адекватно реагировать руководство Следственного комитета России. Е. С. Лапин отмечает, что еще в марте 2012 г. Председатель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин выступил с предложением о введении в УПК РФ института установления объективной истины по делу, поскольку только на основе истинных знаний об обстоятельствах преступления возможно справедливое осуждение виновного [14, с. 5]. По мнению самого Е. С. Лапина, достижение объективной истины по уголовному делу состоит в установлении соответствия познаваемого (расследуемого) события понятию преступления: соответствия конкретного лица понятию виновный [14, с. 9], с чем следует согласиться.

В связи с этим предлагаем ввести в ст. 5 УПК пункт 63, текст которого изложить в следующей реакции: «Цель уголовного судопроизводства — установление истины по уголовному делу, то есть формирование доказательственной базы в соответствии с положениями ст. 73 настоящего Кодекса».

Венец уголовного судопроизводства — приговор суда — должен содержать следующую позицию: вина доказана или не доказана, подсудимый виновен либо не виновен соответственно.

Подводя окончательный итог, отметим, что находящаяся в стадии становления частная криминалистическая теория «электронно-цифровая криминалистика» не имеет видимых расхождений с базовым всеобщим универсальным

философским методом познания окружающей действительности, обозначаемым как диалектический материализм, следовательно, может быть использована как в теоретическом, так и в практическом аспектах с целью оптимизации борьбы с киберпреступностью.

Библиографический список

1. *Колдин В.Я.* Роль науки в раскрытии преступлений. М.: Знание, 1975. 64 с.
2. *Смушкин А.Б.* К вопросу о наименовании теории «Электронная цифровая криминалистика» // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2019. № 1(13). С. 15–20.
3. *Смушкин А.Б.* Цифровая трансформация криминалистики. Часть 1: Цифровая трансформация общей теории криминалистики криминалистической техники // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6(149). С. 250–256.
4. Советский энциклопедический словарь. М.: Совет. энцикл., 1981. 1600 с.
5. *Быстряков Е.Н., Усанов И.В.* Криминалистическая политика России: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5(118). С. 221–226.
6. *Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В.* Методологические аспекты криминалистики на современном этапе ее развития // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М.: Спарк, 2005. Вып. 2(4). С. 4–12.
7. *Филиппов А.Г.* О статье проф. А.С. Александра «Семь смертных грехов современной криминалистики» // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М.: Спарк, 2010. Вып. 3(35). С. 63–66.
8. *Лапин Е.С.* Философия криминалистики: учеб. пособие. Саратов: Научная книга, 2016. 164 с.
9. *Белкин Р.С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. 130 с.
10. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1958–1965. Т. 18. 525 с.
11. *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика: учебник для вузов. М.: Норма: ИНФРА-М, 1999. 990 с.
12. *Полевой Н.С.* Криминалистическая кибернетика. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1989. 328 с.
13. *Ищенко Е.П.* Новый век криминалистики. Ч. 2. М.: Проспект, 2017. 304 с.
14. *Лапин Е.С.* Особенности достижения объективной истины по уголовному делу на стадии предварительного расследования // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2015. № 2(6). С. 5–9.

References

1. *Koldin V.Ya.* The Role of Science in Solving Crimes. Moscow: Znanie, 1975. 64 p.
2. *Smushkin A.B.* On the Question of the Name of the Theory “Electronic Digital Criminalistics” // Problems of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination. 2019. No. 1(13). P. 15–20.
3. *Smushkin A.B.* Digital Transformation of Criminalistics. Part 1: Digital Transformation of the General Theory of Criminalistics of Forensic Technology // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 6(149). P. 250–256.
4. Soviet Encyclopedic Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1981. 1600 p.
5. *Bystryakov E.N., Usanov I.V.* Criminalistic Policy of Russia: History and Modernity // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 5(118). P. 221–226.

6. *Gavlo V.K., Klochko V.E., Kim D.V.* Methodological Aspects of Criminalistics at the Present Stage of Its Development // Bulletin of Criminalistics / ed. A.G. Filippov. M.: Spark, 2005. Issue 2(4). P. 4–12.
7. *Filippov A.G.* About the Article by Prof. A.S. Alexandrov “Seven Deadly Sins of Modern Criminalistics” // Bulletin of Criminalistics / ed. A.G. Filippov. Moscow: Spark, 2010. Issue 3(35). P. 63–66.
8. *Lapin E.S.* Philosophy of Criminology: textbook manual. Saratov: Scientific Book, 2016. 164 p.
9. *Belkin R.S.* Lenin’s Theory of Reflection and Methodological Problems of Soviet Criminalistics. M., 1970. 130 p.
10. *Lenin V.I.* Complete works. M.: Gospolitizdat, 1958–1965. Vol. 18. 525 p.
11. *Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R.* Criminalistics: textbook for universities. M.: Norm: INFRA-M, 1999. 990 p.
12. *Polevoy N.S.* Criminalistic Cybernetics. 2nd ed. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1989. 328 p.
13. *Ishchenko E.P.* The New Age of Criminology. Part 2. Moscow: Prospect, 2017. 304 p.
14. *Lapin E.S.* Features of Achieving Objective Truth in a Criminal Case at the Stage of the Preliminary Investigation // Problems of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination. 2015. No. 2(6). P. 5–9.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2023-5-278-284
УДК 349.227

Т.В. Ерохина

К ВОПРОСУ О НЕЗАКОННОСТИ РАСТОРЖЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ДО ИСТЕЧЕНИЯ СРОКА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОБ УВОЛЬНЕНИИ

Введение: в статье проводится анализ положений трудового законодательства и судебной практики о порядке расторжения трудового договора по инициативе работника до истечения срока предупреждения об этом работодателя. Обращается внимание на несоблюдение работодателем установленного ст. 80 ТК РФ порядка увольнения, выражающееся в досрочном расторжении трудового договора в отсутствие на это волеизъявления работника. **Цель** — выявить пробелы в правовом регулировании отношений, связанных с обеспечением соблюдения установленного ст. 80 ТК РФ срока расторжения трудового договора по инициативе работника, с реализацией права работника на отзыв заявления об увольнении; обозначить правовые способы их восполнения. **Методологическая основа:** совокупность общих и специальных методов познания (анализ и синтез, сравнительно-правовой, формально-юридический, логический). **Результаты:** выявлено, что в вопросах прекращения трудовых отношений по инициативе работника, в части гаран-тированности и защиты его прав от злоупотреблений со стороны работодателя, а также неверного толкования ст. 80 ТК РФ, имеется правовая неопределенность, порождающая многочисленные трудовые споры. **Выводы:** дополнить ст. 80 ТК РФ положениями о запрещении прекращения трудового договора до истечения срока предупреждения об увольнении при отсутствии в заявлении об увольнении даты, с которой работник желает прекратить трудовые отношения.

Ключевые слова: трудовой договор, увольнение, расторжение трудового договора по инициативе работника, отзыв заявления об увольнении, предупреждение об увольнении.

T.V. Erokhina

ON THE ILLEGALITY OF TERMINATING A LABOUR CONTRACT BEFORE THE EXPIRY OF THE TERMINATION NOTICE PERIOD

Background: the article analyses the provisions of labor legislation and court practice on the procedure for terminating a labour contract on the initiative of an employee before the expiry of the employer's notice period. Attention is drawn to the employer's failure

© Ерохина Татьяна Вячеславовна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, ведущий преподаватель кафедры трудового права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: erohinatv@rambler.ru

© Erokhina Tatyana Vyacheslavovna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Labor Law (Saratov State Law Academy)

to comply with the dismissal procedure established by Article 80 of the Labour Code of the Russian Federation, which is expressed in the early termination of the employment contract in the absence of the employee's will. Objective — to identify gaps in the legal regulation of relations related to ensuring compliance with the term of termination of an employment contract established by Article 80 of the Labor Code of the Russian Federation on the initiative of an employee, with the implementation of the employee's right to withdraw an application for dismissal, search for legal ways to fill them. Methodology: a set of general and special methods of cognition, namely analysis and synthesis, comparative-legal, formal-legal, logical. Results: it has been revealed that there is legal uncertainty in the issues of termination of labor relations on the employee's initiative, in terms of guaranteeing and protecting his rights from abuse by the employer, as well as misinterpretation of Article 80 of the Labour Code of the Russian Federation, which gives rise to numerous labor disputes. Conclusions: it is proposed to supplement Article 80 of the Labor Code of the Russian Federation with provisions prohibiting the termination of an employment contract before the expiration of a notice of dismissal in the absence of a date in the application for dismissal from which the employee wishes to terminate the employment relationship.

Keywords: *employment contract, dismissal, termination of the employment contract on the initiative of the employee, withdrawal of the application for dismissal, warning of dismissal.*

Современное трудовое законодательство сдержит немало гарантий, призванных обеспечить защиту работника от незаконного увольнения. Ввиду отсутствия легального определения незаконного увольнения, исходя из анализа норм Трудового кодекса РФ, под таковым можно понимать действия работодателя по прекращению трудовых отношений при отсутствии к тому оснований (необоснованное увольнение) либо при нарушении законодательного порядка и процедуры увольнения. Вполне очевидно, что гарантии от незаконного увольнения направлены на защиту прав работника в случаях, когда расторжение трудового договора обусловлено инициативой работодателя. Вместе с тем нарушение порядка увольнения на практике имеет место при прекращении трудового соглашения по всем предусмотренным законом основаниям. Особый интерес при этом представляют споры, связанные с нарушением порядка увольнения по инициативе работника, установленного ст. 80 ТК РФ. В частности, одной из проблем применения указанной статьи является несоблюдение работодателем порядка увольнения, выражающееся в одностороннем досрочном прекращении трудового соглашения без согласования даты увольнения с работником. Существование обозначенной проблемы подтверждается материалами судебной практики¹, которая, как известно, обнажает дефекты права и создает основу для совершенствования правового регулирования.

Для выработки оптимального нормативного решения, способного сократить количество трудовых споров по досрочному прекращению трудовых отношений без волеизъявления работника, обратимся к законодательному регулированию вопроса.

¹ См., например: Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 1 августа 2019 г. по делу № 33-13533/2019 // Судебные решения РФ. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afybeub5d.xn--p1ai/44575560> (дата обращения: 23.03.2023); Решение Волжского районного суда г. Саратова от 3 февраля 2022 г. по делу № 2-542/2022 (2-5505/2021;) ~ М-5229/2021 // Волжский районный суд города Саратова. URL: https://volzhsky--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=129544530&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 22.02.2023).

Действующий порядок прекращения трудовых отношений по инициативе работника определен в ст. 80 ТК РФ. Такая процедура предполагает прежде всего наличие волеизъявления работника, которое выражается в письменной форме с обязательным заблаговременным уведомлением об этом работодателя. По общему правилу работодатель оповещается о предстоящем увольнении за две недели (ч. 1 ст. 80 ТК РФ). Право на прекращение работы возникает у работника по окончании указанного периода (ч. 5 ст. 80 ТК РФ).

Кроме того, законодатель предусматривает возможность прекращения трудовых отношений в любой другой день, ранее истечения срока предупреждения. Непременным условием для досрочного оставления места работы является достижение соглашения с работодателем о более ранней дате прекращения работы (ч. 2 ст. 80 ТК РФ) либо существование особых обстоятельств, препятствующих продолжению труда (ч. 3 ст. 80 ТК РФ). Необходимо иметь в виду, что прекращение трудовых отношений до окончания срока предупреждения в одностороннем порядке, то есть без согласия работника, в отсутствие указанного соглашения между работником и работодателем законом не предусмотрено, а значит, не допускается. В противном случае такое поведение работодателя расценивается как нарушение установленного порядка увольнения (незаконное увольнение), влекущее возникновение права работника требовать восстановления на работе, компенсации морального вреда и иные неблагоприятные для работодателя последствия. Недопустимость увольнения работника без его согласия по поданному заявлению до истечения срока предупреждения и невозможность прекращения трудовых отношений по ст. 80 ТК РФ при отсутствии письменного заявления работника отмечает также Пленум Верховного Суда РФ¹.

Своеобразной гарантией, исключающей неправомерное увольнение до окончания срока предупреждения, можно назвать норму, предполагающую возможность отзыва работником своего заявления в течение срока уведомления об увольнении. В данном случае трудовые отношения сохраняются и увольнение не производится. Исключение из данного правила составляет письменное приглашение на место увольняемого другого работника, заключение трудового договора с которым является обязательным (ч. 4 ст. 80 ТК РФ).

Завершая обзор законодательных правил увольнения работника по собственному желанию, следует обратить внимание на позицию Пленума Верховного Суда РФ относительно рассмотрения споров о расторжении трудового договора по инициативе работника. К обстоятельствам, имеющим значение при разрешении трудовых споров, относятся: наличие добровольного волеизъявления работника на увольнение по собственному желанию, определение даты, с которой работник пожелал расторгнуть трудовые отношения, наличие соглашения между работником и работодателем о расторжении трудового договора до истечения срока предупреждения об увольнении, дата прекращения работодателем трудового договора по инициативе работника в целях соблюдения права работника на отзыв своего заявления в любое время в течение срока уведомления об увольнении².

¹ См. подп. «б», «в» п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6).

² См. подп. «а» п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (Российская газета. 2004. 8 апр.).

Для достижения целей настоящего исследования обратимся к практической стороне обозначенной проблемы.

Как было сказано ранее, несмотря на отсутствие законодательной возможности досрочного увольнения работника, работодатели в нарушение требований законодательства все-таки разрывают трудовые отношения до завершения периода предупреждения об увольнении. Примечательно, что в большинстве случаев незаконные увольнения такого типа производятся при неуказании в заявлении об увольнении по собственному желанию даты, в которую работник намерен оставить работу. Работодатель, ошибочно полагая, что работник готов прекратить трудовые отношения в любой момент после написания заявления, увольняет его в период течения предупредительного срока. Такие увольнения признаются незаконными¹.

Анализ отечественной судебной практики показал, что незаконность досрочного прекращения трудового соглашения работником до окончания предупредительного срока основывается на различных доводах. Чаще всего суды ссылаются на отсутствие соглашения между работником и работодателем о расторжении трудового договора до истечения срока предупреждения об увольнении². Разрешая подобные споры, суды отмечают, что подача заявления по собственному желанию без указания даты прекращения трудовых отношений вовсе не свидетельствует о намерении работника уволиться до истечения срока предупреждения. Такие решения опираются на законодательное требование о наличии следственной связи между подачей заявления об увольнении и добровольным на то характером волеизъявления работника. Следовательно, несогласование даты увольнения с работником не соответствует его воле расторгнуть договор до окончания срока отработки. Поэтому увольнение работника ранее истечения установленного уведомительного периода не допустимо³. Отметим, что суды демонстрируют полную солидарность, придерживаясь мнения о невозможности прекращения трудовых отношений ранее истечения срока отработки работодателем в одностороннем порядке при отсутствии соответствующего соглашения.

В рассмотренном примере принципиальное значение имеет отсутствие законодательно установленной обязанности работника проставить в заявлении об увольнении желаемую дату прекращения работы. Это представляется излишним, поскольку «в Трудовом кодексе РФ есть общее правило о необходимости двухнедельного предупреждения и презюмируется, что, подавая заявление, которое не содержит волеизъявления работника на расторжение трудового договора без отработки, работник предупреждает работодателя в установленном законом порядке» [1, с. 76]. В данном случае правило о двухнедельном сроке предупреждения работодателя о намерении работника расторгнуть трудовой договор подлежит применению по умолчанию.

¹ См., например: Апелляционное определение Верховного Суда Республики Карелия от 17 января 2020 г. № 33-191/2020 // Судебные решения РФ. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/47622187> (дата обращения: 09.05.2023).

² См.: Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 23 июня 2022 г. по делу № 2-542/2022 // Саратовский областной суд. URL: https://oblsud--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=10877582&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 22.02.2023); Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18 октября 2022 г. № 88-27331/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=KSOJ001;n=104390#VYk3cWTl7uajsaC8> (дата обращения: 22.02.2023).

³ См.: Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 1 августа 2019 г. по делу № 33-13533/2019 // Судебные решения РФ. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/44575560> (дата обращения: 23.03.2023).

Следующий довод о незаконности досрочного прекращения трудового соглашения с работником связан с нарушением его законного права отозвать свое заявление в любой день в течение предупредительного срока об увольнении¹. Важно учитывать, что работник не может быть лишен права отозвать свое заявление даже при наличии соглашения о расторжении трудового договора до истечения установленного срока предупреждения, то есть «право работника на отзыв заявления об увольнении сохраняется вплоть до истечения календарного дня, определенного сторонами как окончание трудового отношения»².

При разрешении отдельных трудовых споров важно обратить внимание на способ и форму подачи отзыва заявления об увольнении. Следует принять во внимание тот факт, что законодатель не предъявляет требований к способу направления такого отзыва. Материалами судебной практики подтверждается, что направление отзыва в пределах течения периода уведомления об увольнении любым доступным способом [2, с. 15], в том числе посредством почтовой или телеграфной связи, по электронной почте или в электронном мессенджере, будет считаться надлежащим уведомлением работодателя о намерении продолжить трудовые отношения³.

Напомним, что ч. 4 ст. 80 ТК РФ содержит исключение, когда отозвать заявление об увольнении и продолжить трудовые отношения невозможно. Речь идет о законных случаях письменного приглашения на должность увольняемого работника другого лица, которому нельзя отказать в заключении трудового договора. Например, запрещается отказывать в приеме на работу приглашенному в порядке перевода работнику в течение месяца после его увольнения с прежнего места (ч. 4 ст. 64 ТК РФ). Помимо этого «запрет отказывать в заключении трудового договора работникам, приглашенным в письменной форме на работу в порядке перевода от другого работодателя, начинает действовать со дня увольнения с прежнего места работы, т.е. право на отзыв заявления об увольнении не может быть реализовано работником лишь в том случае, если обязанность работодателя принять на работу другого работника возникла на основании закона» [3, с. 18]. Значит, добровольно принятая работодателем обязанность при-

¹ См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 20 июня 2019 г. по делу № 33-21885/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1171751#uFU1mdTdvDRYHaV6> (дата обращения: 23.03.2023); Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 4 февраля 2020 г. № 88-1528/2020 по делу № 2-729/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=1592#tKo1mdT6pT35zFSy1> (дата обращения: 23.03.2023).

² См., например: Апелляционное определение Верховного Суда Республики Карелия от 17 января 2020 г. № 33-191/2020 // Судебные решения РФ. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/47622187> (дата обращения: 23.03.2023); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2021 г. № 14-КГ20-14-К1 // Информационно-справочная система «АЮДАРИНФО». URL: https://www.audar-info.ru/na/editArticle/index/type_id/13/doc_id/32733/release_id/63600/ (дата обращения: 23.03.2023).

³ См., например: Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14 ноября 2019 г. № 88-67/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ009&n=153#5lshwaTeMQ1LuQP9> (дата обращения: 09.04.2023); Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 октября 2022 г. по делу № 88-22879/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=86368#ugw3mdT3xmqGEboD> (дата обращения: 09.04.2023); Определение Верховного Суда РФ от 10 августа 2012 г. № 78-КГ12-10 // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70129518/> (дата обращения: 09.04.2023).

нять другого работника основанием для отказа в реализации права на отзыв заявления не является¹.

Более того, при наличии спора невозможность отзыва заявления об увольнении по собственному желанию должна быть обоснована. В частности, непредставление работодателем доказательств приглашения в письменной форме на место увольняемого работника лица, которому нельзя отказать в заключении трудового договора, выступает основанием для признания увольнения до истечения предупредительного срока незаконным².

Учитывая сказанное, резюмируем, что в вопросах прекращения трудовых отношений по инициативе работника в части гарантированности и защиты его прав от злоупотреблений со стороны работодателя имеется правовая неопределенность, порождающая многочисленные трудовые споры. Обозначенная совокупность проблем правоприменительного характера предопределяет необходимость оптимизации существующего нормативного регулирования посредством более четкой правовой регламентации порядка прекращения трудового договора по инициативе работника.

Более того, анализ судебной практики показал, что абсолютное большинство таких дел разрешается в пользу работников, а обоснования судебных решений повторяются из дела в дело, являются устоявшимися, единообразными и часто идентичными. Полагаем, что такие выводы судебной практики заслуживают внимания законодателя и достойны закрепления в источниках трудового права.

Одним из вариантов нормативного решения проблем прекращения трудовых отношений по воле работника до истечения срока предупреждения об этом работодателя может стать корректировка норм Трудового кодекса РФ. В частности, ч. 1 ст. 80 ТК РФ предлагаем дополнить предложением следующего содержания: «Если в заявлении об увольнении не указана дата, с которой работник желает прекратить трудовые отношения, то расторжение трудового договора до истечения срока предупреждения об увольнении не допускается».

Установление запрета на увольнение работника ранее истечения срока предупреждения без его воли позволит существенно сократить случаи незаконного прекращения трудового договора, обеспечит дополнительные гарантии работникам при увольнении, исключит неверное толкование ст. 80 ТК РФ и злоупотребления со стороны работодателя.

Библиографический список

1. *Ситникова Е.Г., Сенаторова Н.В.* Расторжение трудового договора (анализ актуальной судебной практики, рекомендации). М.: Рос. газ., 2019. Вып. 13. 160 с.
2. *Мариновская В.* Отзыв заявления об увольнении по e-mail — что решит суд? // Трудовое право. 2020. № 3. С. 15–24.
3. *Уваева М.* Отзыв работником заявления об увольнении по собственному желанию // Трудовое право. 2015. № 12. С. 17–25.

¹ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 11 июля 2008 г. № 48-В08-6 // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1687636/> (дата обращения: 23.03.2023); Определение Верховного Суда РФ от 5 февраля 2009 г. № 48-В08-14 // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/54977475/> (дата обращения: 23.03.2023); Апелляционное определение Приморского краевого суда от 30 мая 2017 г. по делу № 33-5276/2017 // Информационно-справочная система «АЮДАРИНФО». URL: https://www.audar-info.ru/na/article/view/type_id/14/doc_id/54404/ (дата обращения: 23.03.2023).

² См.: Решение Новгородского районного суда от 6 июля 2020 г. № 2-3034/2020-2-3034/2020-М-2399/2020 М-2399/2020 по делу № 2-3034/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Y4BsFcynb9Lc/> (дата обращения: 24.02.2023).

References

1. *Sitnikova E.G., Senatorova N.V.* Termination of an Employment Contract (Analysis of Current Judicial Practice, Recommendations). M.: Rossiyskaya Gazeta. 2019. Iss. 13. 160 p.
2. *Marinovskaya V.* Withdrawal of the Application for Dismissal by E-mail — What Will the Court Decide? // Labor Law. 2020. No. 3. P. 15–24.
3. *Uvaeva M.* Employee's Withdrawal of the Application for Dismissal at His Own Request // Labor law. 2015. No. 12. P. 17–25.

Ю.Ю. Изварина

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ
ПОНИМАНИЯ ПРИНЦИПА
СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ
КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОСНОВЫ
БОРЬБЫ С БЕДНОСТЬЮ

Введение: актуальность статьи обусловлена необходимостью совершенствования научного понимания принципа социальной солидарности в аспекте оптимизации социального законодательства. **Цель** — выявить наиболее перспективные направления совершенствования нормативно-правового регулирования и государственной политики в сфере борьбы с нуждаемостью и малообеспеченностью населения. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности, включающие анализ, синтез, формально-юридический и иные методы научного познания. **Результаты:** определены тенденции общемирового и национального развития систем социального обеспечения в аспекте борьбы с нуждаемостью. **Вывод:** выявлены желательные направления развития социального законодательства на основе развития принципа социальной солидарности и рекомендаций Организации Объединенных Наций.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальная солидарность, принцип права, законодательство, меры социальной защиты.

Yu.Yu. Izvarina

INTERNATIONAL LEGAL ASPECT OF THE
OF SOCIAL SOLIDARITY PRINCIPLE
AS FUNDAMENTAL BASIS OF FIGHT AGAINST POVERTY

Background: the relevance of article is caused by need of improvement of scientific understanding of the principle of social solidarity for aspect of improvement of social laws. **Objective** — to identify the most promising directions for improving normative-legal regulation and state policy in the sphere of combating neediness and poverty of the population. **Methodology:** general and specific scientific methods of cognition of objective reality, including analysis, synthesis, formal-legal and other methods of scientific cognition. **Results:** trends in the global and national development of social security systems in the aspect of combating destitution were identified. **Conclusion:** the desirable directions of development of social laws on the basis of development of the principle of social solidarity and recommendations of the United Nations have been revealed.

Keywords: social security, social solidarity, principle of the right, legislation, measures of social protection.

Право на социальное обеспечение признано во многих договорах по правам человека, в том числе во Всеобщей декларации прав человека (ст. 22)¹ и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (ст. 9–10)². Согласно замечанию общего порядка № 19 к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, принятого Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам Организации Объединенных Наций, ст. 9 «О праве на социальное обеспечение», социальное обеспечение как гарант человеческого достоинства каждого индивида имеет центральное значение. Его цель заключается в предоставлении постоянного дохода и поддержке людей на протяжении всей их жизни, уделяя особое внимание наиболее обездоленным и маргинализированным группам. Такая поддержка, будь то в денежной или натуральной форме, оказывается без дискриминации в целях обеспечения защиты в случае: отсутствия трудового дохода из-за болезни, инвалидности, беременности и родов, производственной травмы, безработицы, наступления старости или смерти кого-либо из членов семьи; недоступности медицинских услуг из-за их высокой стоимости; недостаточного размера семейных пособий, в частности на детей или взрослых иждивенцев³.

Многие мыслители задавались вопросом о том, каким образом организовать социальное взаимодействие, чтобы гарантировать высокое качество жизни для каждого человека. Достижение достойного уровня жизни и его поддержание, справедливое распределение ресурсов и социальное равенство стали приоритетными задачами государства и общества. Данные положения особенно актуальны сейчас, в период социально-экономических катаклизмов, которые обременены прошедшей пандемией и ее последствиями.

Системы социального обеспечения исторически основывались на философии социальной интеграции. Социальные инвестиции являются не просто функцией экономического развития, а необходимым условием его долгосрочного успеха. Исходя из сказанного, социальное обеспечение должно выходить за рамки компенсации отсутствия человека на рынке труда (для людей с ограниченными возможностями здоровья оно должно быть основано на их автономии и направлено на создание таких условий согласно ст. 19 Конвенции о правах инвалидов⁴).

Несмотря на прогресс в деле расширения охвата систем социальной защиты во многих регионах мира, право человека на социальную защиту еще не стало реальностью для большинства населения планеты. Кризис COVID-19 сделал реализацию этого права еще более насущной и неотложной задачей. Пандемия обнажила уязвимость социальной и экономической систем, при которых не осуществляются достаточные инвестиции в реализацию таких прав, как социальная защита и здравоохранение, выявив пробелы в охвате соцобеспечением,

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 дек.

² См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/ (дата обращения: 27.05.2023).

³ См.: Замечание общего порядка № 19 к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах // Комитет по экономическим, социальным и культурным правам ООН. URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=4slQ6QSm1BEDzFEo vLCuW1a0Szab0oXTdImnsJZZVQdrCvvLm0yy7YCiVA9Y61ZutzyESnwJztIx%2BouTDe%2BBvmcKYstiGELWmyHXp1ao0TYQbzx92z08%2FWI%2B79G8tWS> (дата обращения: 01.06.2023).

⁴ См.: Конвенция о правах инвалидов: закл. в г. Нью-Йорке 13 декабря 2006 г. // Бюллетень международных договоров. 2013. № 7. С. 45–67.

указав на неадекватность пособий по социальной защите и усугубив глубоко укоренившееся неравенство. После пандемии для построения будущего на более совершенной основе важно, чтобы страны осуществляли надежную, основанную на правах человека стратегию социальной защиты для обеспечения восстановления, ориентированного на человека.

Возобновление солидарности внутри каждого общества и между странами стало основным тезисом доклада Генерального секретаря ООН «Наша общая повестка дня», в котором он призвал к обновлению общественного договора и заключению нового глобального соглашения для борьбы с неравенством и эффективного восстановления после пандемии. В докладе также подчеркивалось, что при разработке комплексных систем социальной защиты право на социальное обеспечение должно служить ориентиром для государств в переходе от временных и разовых мер к долгосрочной политике¹.

Согласно Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) наша страна является демократическим, правовым, социальным государством, одной из главных задач которого является обеспечение равенства и справедливости между людьми. Несмотря на конституционное закрепление данные положения все еще имеют декларативный характер. В.Т. Кабышев утверждал, что большая часть общества не получила того, что провозглашено в Конституции РФ, а проводимые реформы все еще далеки от завершения [1, с. 15]. К сожалению, сложившаяся ситуация в нашей стране подтверждает суждения автора. В связи с этим возникают вопросы: почему так происходит? что нам необходимо делать, чтобы максимально приблизиться к идеалам справедливого, равного общества, в котором каждый гражданин будет иметь достойный уровень жизни и высокий достаток? Нестабильная социальная идентичность индивидов в современном российском обществе приводит, в том числе, к социальной атомизации общества в целом².

Думается, что для решения данных проблем необходим комплексный подход и последовательная работа по искоренению бедности и неравенства. В выступлении на пленарном заседании XXVI Петербургского международного экономического форума Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что «...финансовые возможности государства позволяют держать уверенный курс на обеспечение социальной справедливости, на сокращение бедности и неравенства. Такой акцент стал важным фактором успешного преодоления проблем 2022 года»³.

Профессор Г.Н. Комкова назвала главной причиной нарушения принципов равенства и справедливости в обществе «колоссальный разрыв в доходах между 10 % самых богатых и 10 % самых бедных граждан нашей страны» [2, с. 26]. Бедность сложная и многоаспектная категория, которая по-разному понимается не только учеными и практиками, но и обычными гражданами. Важно обратить внимание на такую характеристику бедности, как самовоспроизводимость.

¹ См.: Наша общая повестка дня — Доклад Генерального секретаря // Организация Объединенных Наций. 2021. С. 5–8. URL: https://www.un.org/ru/content/common-agenda-report/assets/pdf/our_common_agenda_ru.pdf (дата обращения: 25.05.2023).

² См.: Ильин А.Н. Социальная атомизация и ослабление политической активности в условиях консюмеризма // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 5 (сентябрь — октябрь). С. 58–82. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/5/Ilyin_Social-Atomization-Consumerism/ (дата обращения: 20.05.2023).

³ См.: Пленарное заседание XXVI Петербургского международного экономического форума. 16 июня 2023 года // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/71445>

Данное свойство может трансформироваться в «застойную» бедность, которая «воспроизводится в течение длительного периода времени (несколько лет, десятилетий), локализована в определенных группах общества» [3, с. 80]. Между тем важным представляется то обстоятельство, что для большинства населения планеты существуют общие представления о должном и справедливом. Эти ценности транслируются через систему взаимодействия членов общества, через членов общества и государства. Они описываются как принцип социальной солидарности. Как отмечает И.А. Алебастрова: «Социальная солидарность — это образ мыслей, чувств и обусловленного ими поведения, выражающих любую форму поддержки одних людей другими: толерантность, согласие, сочувствие, сотрудничество, помощь» [4, с. 14]. Автор предлагает оригинальный подход к пониманию социального государства через призму обозначенного ранее принципа. Она пишет, что принцип социального государства (ст. 7 Конституции РФ) необходимо рассматривать в двух измерениях:

как социальную ориентацию самого государства, которое из соображений солидарности с собственными гражданами предоставляет комплекс услуг, направленных на обеспечение достойного уровня жизни и свободного развития каждого индивидуума;

как систему механизмов, накладывающих обязанность и/или поощряющих проявления социальной солидарности институтами гражданского общества в целом и отдельными гражданами в частности [4, с. 21].

Такой подход представляется нам крайне перспективным. Он демонстрирует невозможность искоренения неравенства и бедности без консолидации усилий государства и общества. Таким образом, представляется, что принцип социальной солидарности должен получить признание, закрепление и дальнейшее развитие в социальном законодательстве нашего государства именно как система взаимоотношений сограждан друг с другом и с государством.

Важно подчеркнуть, что подлинная борьба с бедностью невозможна без слаженной и комплексной работы, направленной на трансформацию политико-правовой материи государства и изменение институционального дизайна государственных и общественных институтов. На наш взгляд, работа в данном направлении должна вестись, как минимум, по следующим направлениям.

Первое — совершенствование социального законодательства:

путем разработки и внесения научно обоснованных рекомендаций об изменении законодательства о социальных правах граждан;

посредством признания и включения в законодательные акты принципа социальной солидарности, дальнейшей разработки его содержания, применительно к социальным правам и обеспечению граждан;

через разработку и внедрение системы мониторинга эффективности социального законодательства (оценки его регулирующего воздействия). Следует отметить, что в большинстве социально ориентированных стран мира используются специальные методики изучения регулирующего воздействия законодательства о социальных правах граждан [5, с. 5];

путем повышения требований к социальному законодательству, в том числе в части обоснования внесения изменений в действующие нормы, или принятия новых норм (особенно ограничивающих права граждан или увеличивающих фискальную нагрузку). Многие авторы отмечают, что в социальной сфере крайне

редко можно «буквально наткнуться на достойное обоснование и пояснение, явно свидетельствующее о необходимости принятия того или иного закона» [6, с. 164];

посредством повышенного внимания принципам правовой определенности и стабильности правового статуса граждан, поскольку законодательство о социальных правах, в том числе о борьбе с бедностью, имеет сложную и разветвленную структуру.

Следующее направление — дальнейшая разработка доктрины права социального обеспечения и иных наук в части обеспечения социальных прав, борьбы с бедностью и неравенством, которая должна заключаться:

в комплексном подходе к разработке научно-обоснованного содержания категорий «бедность», «(не)равенство», «социальное государство» и т.д. Полагаем, что доктрина в этой части нуждается в дальнейшем совершенствовании с учетом опыта зарубежных стран;

создании научно-обоснованной системы показателей состояния и оценки полноты реализации социальных прав граждан и уровня жизни населения;

научно-методическом обеспечении законодательного и правоприменительного процесса;

стимулировании просветительской и образовательной деятельности, в том числе частными лицами и организациями, поскольку корреляция между уровнем жизни населения и уровнем образования установлена научно.

Еще одно направление — совершенствование практической деятельности публичных органов власти и институтов гражданского общества, которое можно достичь:

путем облегчения получения социальных выплат, льгот, пособий и т.д., автоматизации этих процессов;

снижения налоговой нагрузки на субъекты малого и среднего предпринимательства;

поощрения благотворительной деятельности;

осуществления просветительской и образовательной деятельности (например, обучение финансовой грамотности, инвестициям);

посредством борьбы с мошенниками, в том числе телефонными и интернет-мошенниками, целью которых чаще всего являются наименее защищенные слои населения.

В общемировом масштабе существующие системы социальной защиты не обеспечивают в должной мере защиту уязвимых групп населения, включая женщин и девочек, людей с инвалидностью, молодежи, пожилых людей, мигрантов и работников неформального сектора. В свете этих упущений Специальный докладчик по вопросу о крайней нищете и правах человека ООН подчеркивает необходимость пересмотра существующих систем социальной защиты, чтобы отойти от моделей, основанных на чрезвычайных ситуациях или занятости, которые исключают основные группы населения, и перейти к недискриминационным, инклюзивным, комплексным, учитывающим гендерные аспекты долгосрочным системам социальной защиты.

Проведенный анализ показал, что модернизация национальной системы социального обеспечения проводится в целях:

1) обеспечения системы социальной защиты, основанной на подходе, который учитывает жизненный цикл, включая непредвиденные ситуации и риски;

2) перехода от целевых программ к универсальным и инклюзивным схемам, которые с большей вероятностью предотвратят ошибки социального исключения и стигматизацию наиболее маргинализированных слоев населения;

3) сбора дезагрегированных данных о реализации экономических и социальных прав по гендерному или расовому признаку, инвалидности, миграционному статусу и возрасту с целью их использования при разработке политики и практики социальной защиты;

4) проведения контекстно обусловленной оценки гендерных рисков и анализа факторов, лежащих в основе исключения неблагоприятных условий, с которыми сталкиваются женщины и девочки в рамках существующих схем социальной защиты;

5) создания систем социальной защиты и включения в них элементов, учитывающих гендерные аспекты, качественное и доступное образование, основанные на правах человека услуги по поддержке пожилых людей и людей с инвалидностью, профессиональное обучение и поддержка жертв домашнего насилия;

6) поощрения экономической политики, направленной на создание достойных рабочих мест для женщин, сокращения и перераспределения неоплачиваемого ухода за нетрудоспособными членами семьи;

7) обеспечения детей социальной защитой, учитывая, что они особенно уязвимы на ранних стадиях физического, интеллектуального и эмоционального развития. Системы социальной защиты должны уделять приоритетное внимание комплексному подходу в раскрытии потенциала детей, в том числе через пособия, услуги по уходу за детьми, оплачиваемые отпуска по беременности и родам, отцовству и уходу за ребенком, а также предоставлять доступ к здравоохранению и образованию;

8) инвестирования в комплексную и инклюзивную социальную защиту людей с инвалидностью, обеспечивающую гарантированный доход, необходимый для адекватного уровня жизни, и покрывающую дополнительные расходы, связанные с инвалидностью, включая человеческую поддержку, ассистивные технологии, транспорт;

9) инвестирования в программы социальной защиты молодежи и содействия образованию, технической и профессиональной подготовке, чтобы поддержать молодых людей в поиске достойной работы;

10) содействия переходу работников из неформальной экономики в формальную путем обеспечения доступа к достойной работе и социальному обеспечению;

11) создания и укрепления механизмов, стимулирующих значимое участие бенефициаров в формировании политики, в том числе через представителей работников или организаций, в штате которых есть наиболее маргинализированные группы;

12) обеспечения регулярного контроля сохранности пособий, их размера и продолжительности выплат¹.

Подводя итог, можно констатировать, что государству следует продолжать мобилизовывать ресурсы как внутри страны, так и в рамках международного сотрудничества, используя все имеющиеся в их распоряжении макроэкономические инструменты, для адекватного финансирования социальной защиты.

¹ См.: Доклад независимого эксперта ООН по вопросу о правах человека и крайней нищете от 13 августа 2008 г. // Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестидесят третья сессия. Дополнение № A/63/50. URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/48e367dd2.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

Библиографический список

1. *Кабышев В.Т.* Конституционный диалог // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5(118). С. 12–21.
2. *Комкова Г.Н.* Проблемы обеспечения равенства и справедливости на современном этапе конституционного развития России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2(121). С. 26–30.
3. *Печеная Л.Т., Толкачева С.В., Домарев И.Е.* Проблема бедности в России и в мире: способы оценки, пути снижения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7, № 6А. С. 78–100.
4. *Алебастрова И.А.* Принцип социальной солидарности в конституционном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 556 с.
5. *Vanclay F.* International Principles for Social Impact Assessment // Impact Assessment and Project Appraisal. 2003. Vol. 21, no 1. P. 5–12.
6. *Pawson R.* Assessing the Quality of Evidence in Evidence-Based Policy: Why, How and When? // ESRC Research Methods Programme. Working Paper. 2003. No. 1. P. 163–165.

References

1. *Kabyshv V.T.* Constitutional Dialogue // Bulletin of Saratov State Law Academy. 2017. No. 5(118). P. 12–21.
2. *Komkova G.N.* Problems of Ensuring Equality and Justice at the Present Stage of the Constitutional Development of Russia // Bulletin of Saratov State Law Academy. 2018. No. 2(121). P. 26–30.
3. *Pechenaya L.T., Tolkacheva S.V., Domarev I.E.* Poverty Problem in Russia and in the World: Methods of Assessment, Ways of Decrease // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. 2017. Vol. 7, No. 6A. P. 78–100.
4. *Alebastrova I.A.* The Principle of Social Solidarity in Constitutional Law: dis. ... Dr. of law. M.: 2017. 556 p.
5. *Vanclay F.* International Principles for Social Impact Assessment // Impact Assessment and Project Appraisal. 2003. Vol. 21, no. 1. P. 5–12.
6. *Pawson R.* Assessing the Quality of Evidence in EvidenceBased Policy: Why, How and When? // ESRC Research Methods Program. Working Paper. 2003. No. 1. P. 163–165.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-5-292-299
УДК 341.645.5

Д.В. Красиков

ЗНАЧЕНИЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОБЯЗЫВАЮЩЕГО И ДИСКРЕЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРАКТИКЕ ЮРИСДИКЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РАМКАХ ВТО

***Введение:** одной из особенностей практики осуществляемого в рамках ВТО юрисдикционного контроля совместимости внутреннего законодательства ее членов с их обязательствами по праву ВТО является возможность оценки законодательных мер вне связи с их применением на практике. Методология оценки сопряжена с проблемой значения разграничения дискреционных и обязывающих положений законодательства. **Цель** — выявить и рассмотреть актуальный правовой стандарт оценки совместимости положений внутреннего законодательства членов ВТО с их обязательствами в контексте разграничения обязывающих и дискреционных положений. **Методологическая основа:** в ходе исследования проанализированы решения по двум делам из современной практики разрешения споров в рамках ВТО; рассмотрено содержание и значение соответствующего стандарта в контексте сложившейся практики. **Результаты:** соответствующий правовой стандарт состоит в оценке того, обязывает ли мера ответственные органы действовать в нарушение права ВТО, ограничивает ли существенным образом их дискрецию действовать в соответствии с его требованиями. **Выводы:** действующий стандарт предполагает учет характера оспариваемой меры и соответствующего обязательства. Разграничение дискреционных и обязывающих положений сохраняет значение, однако имеет место смещение акцента оценки. Отдельные проблемы определенности методологии оценки сохраняются.*

***Ключевые слова:** право ВТО, система разрешения споров в рамках ВТО, доктрина разграничения обязывающего и дискреционного законодательства, международный судебный контроль.*

D.V. Krasikov

**THE IMPORTANCE OF DISTINGUISHING BETWEEN
MANDATORY AND DISCRETIONARY LEGISLATION
IN THE PRACTICE OF JURISDICTIONAL CONTROL WITHIN
THE WTO FRAMEWORK**

Background: one of the peculiarities of the practice of WTO jurisdictional control of the compatibility of the domestic legislation of its Members with their obligations under WTO law is the possibility of assessing legislative measures outside of their application in practice. The methodology of assessment involves the problem of the meaning of the distinction between discretionary and binding provisions of legislation. **Objective** — to identify and review the current legal standard for assessing the compatibility of the provisions of the domestic legislation of WTO members with their obligations in the context of distinguishing between mandatory and discretionary provisions. **Methodology:** the study analyzed decisions in two cases from modern dispute resolution practice within the WTO; the content and relevance of the corresponding standard in the context of current practice is considered. **Results:** the current standard requires consideration of the nature of the challenged measure and the corresponding obligation. The distinction between discretionary and binding provisions remains relevant, but there is a shift in the focus of the assessment. Certain problems of certainty in the valuation methodology remain. **Conclusions:** the current standard involves taking into account the nature of the challenged measure and the corresponding obligation. The distinction between discretionary and mandatory provisions remains important, but there is a shift in the emphasis of the assessment. Certain problems with the certainty of the assessment methodology remain.

Keywords: WTO law, dispute resolution system within the WTO, doctrine of distinction between mandatory and discretionary legislation, international judicial review.

Одной из примечательных особенностей [1, р. 25] контроля соблюдения обязательств по праву Всемирной торговой организации (ВТО) в рамках ее системы разрешения споров является сформированная и сравнительно развитая практика контроля совместимости положений актов внутреннего законодательства¹ членов данной организации с требованиями, закрепленными в многосторонних торговых соглашениях. Наряду со спорами относительно правомерности практического применения тех или иных мер, охваченных обязательствами по праву ВТО, третейские группы и Апелляционный орган, действующие на основании Договора о правилах и процедурах разрешения споров², рассматривают споры, в которых предметом оспаривания выступают законодательные меры «как таковые» (*as such*), то есть вне связи с их применением на практике. Это объясняется тем, что система разрешения споров в рамках ВТО направлена на охрану не только существующей торговли, но и безопасности и предсказуемо-

¹ В настоящей статье термин «законодательство» используется как охватывающий законодательные и иные акты, содержащие правила, рассчитанные на общее применение.

² См.: Understanding on rules and procedures governing the settlement of disputes: Annex 2 of the WTO Agreement // Official website of the World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dsu_e.htm (дата обращения: 01.10.2023).

сти, необходимой для осуществления будущей торговли, а также тем, что такая возможность способствует предотвращению будущих споров¹.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов, связанных с развитием практики в рассматриваемой сфере, является значение разграничения обязывающего и дискреционного законодательства для оценки совместимости норм внутреннего права с требованиями норм права ВТО [2, р. 369–373]. Как следует из более ранней практики разрешения споров в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 г.² (далее — ГАТТ-47), в данном контексте «обязывающей» выступает законодательная мера, которая в определенных фактических обстоятельствах обязывает должностных лиц действовать в нарушение обязательств по ГАТТ-47, в то время как «дискреционная» мера, допуская возможность действовать таким образом, оставляет за применяющими ее должностными лицами право действовать и в соответствии с обязательствами [3, р. 3]. Считается, что общим правилом при разрешении споров в рамках ГАТТ-47 было признание возможности оспаривания «как таковых» лишь обязывающих положений законодательства, в то время как дискреционные положения могли стать предметом оспаривания только как примененные в конкретных случаях [2, р. 370; 3, р. 3].

Вместе с развитием практики разрешения споров в рамках ВТО отношение к данной доктрине менялось [4, р. 586–595]. Некоторые третейские группы и Апелляционный орган определенно высказались против использования ее в качестве инструмента, автоматически исключающего дискреционные положения законодательства (вне связи с практикой их применения) из сферы юрисдикционного контроля³.

Цель настоящей статьи — выявление и рассмотрение актуального правового стандарта оценки совместимости внутреннего законодательства членов ВТО с их обязательствами по многосторонним торговым соглашениям. В работе излагаются результаты анализа решений по двум примечательным делам из современной практики разрешения споров в рамках ВТО — докладов Третейской группы⁴ и Апелляционного органа⁵ по делу «ЕС — Биодизель (Аргентина)»

¹ См.: Report of the Appellate Body, United States – Sunset Review of Anti-Dumping Duties on Corrosion-Resistant Carbon Steel Flat Products from Japan, WT/DS244/AB/R, adopted 15 December 2003 // Official website of the World Trade Organization. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/244ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 01.10.2023).

² См.: The General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947) // Official website of the World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_01_e.htm (дата обращения: 01.10.2023).

³ См.: Report of the Panel, United States – Sections 301–310 of the Trade Act 1974, WT/DS152/R, adopted 22 December 1999 // Official website of the World Trade Organization. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/152R.pdf&Open=True> (дата обращения: 01.10.2023); Report of the Appellate Body, United States – Sunset Review of Anti-Dumping Duties on Corrosion-Resistant Carbon Steel Flat Products from Japan, WT/DS244/AB/R, adopted 15 December 2003 // Official website of the World Trade Organization. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/244ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 01.10.2023).

⁴ См.: Report of the Panel, European Union – Anti-Dumping Measures on Biodiesel from Argentina, WT/DS473/R, adopted 29 March 2016 // Official website of the World Trade Organization. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/473R.pdf&Open=True> (дата обращения: 01.10.2023).

⁵ См.: Report of the Appellate Body, European Union – Anti-Dumping Measures on Biodiesel from Argentina, WT/DS473/AB/R, adopted 6 October 2016 // Official website of the World Trade Organization. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/473ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 01.10.2023).

и доклада Третейской группы по делу «США — Спелые оливки из Испании»¹, а также рассматривается содержание и значение соответствующего правового стандарта, примененного в данных делах.

В обстоятельствах дела «ЕС — Биодизель (Аргентина)» спор возник из введения в 2013 г. Европейским союзом антидемпинговых мер в отношении биодизельного топлива, происходящего, в частности, из Аргентины (ставшей к тому времени одним из лидеров мировых поставок данной продукции благодаря внутренним налоговым преференциям для этого сектора [5, р. 44]). В рамках разбирательства данного дела Третейской группой Аргентина в качестве истца утверждала среди прочего о несовместимости положения соответствующего Регламента ЕС² с отдельными положениями права ВТО. Третейская группа удовлетворила ряд требований, заявленных Аргентиной, однако в отношении рассматриваемой части спора пришла к выводу о том, что истец не продемонстрировал, что оспариваемое положение «как таковое» несовместимо с нормами права ВТО.

Согласно оспариваемому положению, если издержки, связанные с производством и реализацией исследуемой продукции, в отношении которой проводится расследование, не отражены разумным образом в учетных записях соответствующей стороны, они должны быть определены на основе издержек других производителей или экспортеров в той же стране или, если такая информация недоступна либо не может быть использована, на любом ином разумном основании, включая информацию с других репрезентативных рынков. По мнению Аргентины, данное положение, обязывая ответственные органы в ЕС при определенных условиях использовать «информацию с других репрезентативных рынков», является несовместимым с требованиями ст. VI:1(b)(ii) ГАТТ 1994 г.³ и п. 2 ст. 2 Соглашения по применению статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г.⁴, предусматривающих определение «нормальной стоимости» на основе «издержек производства в стране происхождения». Третейская группа не согласилась с этой позицией, придя к выводу о том, что указанные требования не предполагают ограничение на использование для соответствующей цели каких-либо источников информации и что, соответственно, истец не продемонстрировал невозможность применения оспариваемого положения в соответствии с требованиями ВТО. Таким образом, был применен достаточно строгий правовой стандарт оценки, предполагающий наличие у истца бремени доказывания невозможности соблюдения обязательств по праву ВТО при применении оспариваемой нормы. Подобное видение надлежащего подхода встречается и в науке [6, р. 421], однако, как выяснилось впоследствии, оно оказалось не вполне корректным.

¹ См.: Report of the Panel, United States – Anti-Dumping and Countervailing Duties on Ripe Olives from Spain, WT/DS577/R, adopted 19 November 2021 // Official website of the World Trade Organization. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/577R.pdf&Open=True> (дата обращения: 01.10.2023).

² См.: Council Regulation (EC) no. 1225/2009 of 30 November 2009 on protection against dumped imports from countries not members of the European Community (Codified version) // Official Journal of the European Union. 2009. Series L. No. 343. P. 51–73 (прекратил действие 19 июля 2016 г.).

³ См.: General Agreement on Tariffs and Trade 1994 // Official website of the World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/06-gatt_e.htm (дата обращения: 01.10.2023).

⁴ См.: Agreement on Implementation of Article VI of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994 // Official website of the World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/19-adp_01_e.htm (дата обращения: 01.10.2023).

Доклад Третейской группы по данному делу был обжалован в Апелляционный орган обеими сторонами. В своей апелляции Аргентина утверждала, в частности, о том, что Третейская группа применила ошибочный правовой стандарт при оценке совместимости соответствующей нормы Регламента ЕС с его обязательствами по праву ВТО. Хотя в отношении оценки совместимости оспариваемого положения с соответствующими нормами права ВТО Апелляционный орган согласился с выводами Третейской группы по существу, он отверг применимость критерия «возможности/невозможности применения положения законодательства в соответствии с требованиями ВТО» в качестве правового стандарта. Сам же Апелляционный орган пришел к заключению, аналогичному выводу Третейской группы, установив, что оспариваемое положение Регламента ЕС не принуждает действовать в нарушение обязательств по праву ВТО, и оценив, насколько Аргентина сумела доказать, что данное положение существенно ограничивает дискрецию властей ЕС рассчитывать издержки производства в соответствии с применимыми нормами права ВТО.

Во втором деле — «США — Спелые оливки из Испании» — ЕС оспаривал ряд компенсационных и антидемпинговых пошлин, введенных США в связи с расследованиями, касающимися импорта спелых оливок из Испании. Кроме мер, состоящих в принятии конкретных решений относительно соответствующих пошлин, предметом оспаривания выступала ст. 771В Закона США 1930 г. о тарифах¹, касающаяся расчета компенсационных субсидий в отношении определенных переработанных сельскохозяйственных товаров.

Согласно данной статье, в отношении сельскохозяйственной продукции, полученной в результате обработки сырья, в случае, если спрос на продукцию первичной стадии существенно зависит от спроса на продукцию последующей стадии и при этом процесс обработки добавляет лишь ограниченную стоимость сырьевому продукту, компенсационные субсидии, которые, как было установлено, были предоставлены производителям или обработчикам продукции, должны рассматриваться как предоставленные в отношении изготовления, производства или экспортирования обработанной продукции.

По утверждению ЕС, положение данной статьи «как таковое» несовместимо с п. 3 ст. VI ГАТТ 1994 г. (запрещающим наложение компенсационных пошлин в размере, превышающем оцениваемую дотацию или субсидию) и со ст. 10 Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам 1994 г.² (предусматривающей обязанность проведения расследования), поскольку требует от Министерства торговли США обложить компенсационной пошлиной обработанную сельскохозяйственную продукцию без проведения анализа того, имел ли место (и в какой степени) переход соответствующего преимущества от сырьевой к конечной продукции. Таким образом, законом предписан подход, который выходит за рамки нейтрализации субсидии и который не позволяет произвести необходимый расчет размера пошлины. В свою защиту США утверждали о необоснованности заявле-

¹ См.: Tariff Act of 1930 (Chapter 497 of 71st Congress; Approved June 17, 1930) (As Amended Through P.L. 116–113, Enacted January 29, 2020) // U.S. Government Information Portal. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-8183/pdf/COMPS-8183.pdf> (дата обращения: 01.10.2023).

² См.: Agreement on Subsidies and Countervailing Measures // Official website of the World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/24-scm_01_e.htm (дата обращения: 01.10.2023).

ний ЕС как исходящих из неверного понимания соответствующих обязательств по праву ВТО и содержания оспариваемой статьи.

Рассматривая данное дело в части, касающейся оспаривания ст. 771В Закона США 1930 г. о тарифах, Третьей группа сослалась на предшествующую практику третейских групп и Апелляционного органа и применила стандарт оценки, состоящий в определении того, насколько член ВТО, являющийся истцом, доказал, что соответствующее положение внутреннего законодательства требует от ответчика нарушения его обязательств по соответствующему охваченному соглашению или иным образом существенно ограничивает дискрецию ответчика действовать в соответствии с данными обязательствами. Таким образом, был использован подход, примененный Апелляционным органом в деле «ЕС — Биодизель (Аргентина)».

Для этой цели Третьей группа, во-первых, выявила и рассмотрела содержание требований относительно проведения «оценки перехода субсидии», совместимой с соответствующими положениями права ВТО, а во-вторых, определила, действительно ли положения ст. 771В Закона США 1930 г. о тарифах требуют от Министерства торговли США действовать в противоречии с указанными требованиями или существенно ограничивают любое его усмотрение действовать в соответствии с ними.

По результатам применения данного стандарта Третьей группа пришла к выводу о том, что указанные ранее требования предполагают необходимость предоставления проводящим расследование органом аналитической основы для своих выводов о существовании «перехода субсидии» и степени такого перехода, учитывающей факты и обстоятельства, имеющие отношение к данной оценке. Поскольку орган, проводящий расследование, не вправе исключать из методики своей оценки факторы, потенциально имеющие значение для ее осуществления, и не должен действовать на основе презумпции косвенного субсидирования, по результатам анализа оспариваемой статьи Закона США 1930 г. о тарифах, Третьей группа заключила, что эта статья несовместима с указанными положениями права ВТО, поскольку не оставляет открытой возможности принимать во внимание иные факторы, не закрепленные в данной статье.

Первое из рассматриваемых дел примечательно тем, что в ходе разбирательства свои позиции относительно рассматриваемого правового стандарта высказали и Третьей группа, и не согласившийся с ее подходом Апелляционный орган. Второе дело демонстрирует последующее восприятие Третьей группой соответствующего стандарта, выработанного Апелляционным органом в первом деле. Обращение к данным делам представляет интерес в связи с крайней ограниченностью практики разрешения в течение последних нескольких лет споров, в которых затрагиваются вопросы совместимости с обязательствами по праву ВТО положений нормативно-правовых актов ее членов «как таковых», то есть вне связи с практическим применением. Кроме того, в то время как в деле «ЕС — Биодизель (Аргентина)» предметом оценки в контексте применения рассматриваемого правового стандарта выступала, по сути, предусмотренная законодательством ответчика дискреция (хотя истец утверждал и об обязывающем эффекте оспариваемой меры), в деле «США — Спелые оливки из Испании» оценивалась норма, являющаяся с большой долей очевидности обязывающей (хотя ответчик пытался оспорить такое ее понимание).

Как следует из анализируемых решений, в обобщенном виде рассматриваемый стандарт состоит в оценке того, обязывает ли оспариваемая мера ответственные органы исполнительной власти действовать в нарушение применимых норм права ВТО, а также ограничивает ли она существенным образом дискрецию соответствующих органов действовать в соответствии с требованиями этих норм. Таким образом, действующий в настоящее время стандарт предполагает учет характера как оспариваемой меры, так и соответствующего обязательства по праву ВТО.

С одной стороны, логика, лежащая в основе идеи разграничения обязывающих и дискреционных положений законодательства, сохраняет свое значение. С другой стороны, данный стандарт в более явном виде демонстрирует смещение акцента с характеристики этих положений как «обязывающих» или «дискреционных» на характеристики их соответствующего потенциального эффекта с точки зрения совместимости толкования и применения с правом ВТО.

Позиция Апелляционного органа, высказанная им по делу «ЕС — Биодизель (Аргентина)», способствует повышению определенности надлежащего правового стандарта в рассматриваемой сфере, однако нельзя считать, что данный стандарт сложился в качестве полноценного и самостоятельного руководящего подхода. В отношении обязывающих положений законодательства примененный в рассматриваемых делах тест лишь подтверждает сложившееся бесспорное правило. Использование же в отношении предусмотренной законом дискреции оценочного критерия «существенного ее ограничения» по-прежнему оставляет некоторую неопределенность действующего правового стандарта, что, однако, само по себе не свидетельствует о его несовершенстве, учитывая разнообразие обязательств по праву ВТО.

Библиографический список

1. *Naiki Y.* The Mandatory / Discretionary Doctrine in WTO Law: the US – Section 301 Case and its Aftermath // *Journal of International Economic Law*. 2004. Vol. 7(1). P. 23–72.
2. *Lester S.* A Framework for Thinking about the ‘Discretion’ in the Mandatory / Discretionary Distinction // *Journal of International Economic Law*. 2011. Vol. 14(2). P. 369–402.
3. *Sykes A.O.* An Economic Perspective on As Such / Facial versus As Applied Challenges in the WTO and U.S. Constitutional Systems // *Journal of Legal Analysis* 2014. Vol. 6, iss. 1. P. 1–33.
4. *Bhuiyan Sh.* Mandatory and Discretionary Legislation: the Continued Relevance of the Distinction under the WTO // *Journal of International Economic Law*. 2002. Vol. 5(3). P. 571–604.
5. *Gohin A., Lever F., Forslund A.* The EU-Argentinean trade dispute on biodiesel: an economic assessment // *German Journal of Agricultural Economics*. 2017. Vol. 66(1). P. 44–59.
6. *Lockhart N., Sheargold E.* In Search of Relevant Discretion: the Role of the Mandatory / Discretionary Distinction in WTO Law // *Journal of International Economic Law*. 2010. Vol. 13(2). P. 379–421.

References

1. *Naiki Y.* The Mandatory / Discretionary Doctrine in WTO Law: the US – Section 301 Case and its Aftermath // *Journal of International Economic Law*. 2004. Vol. 7(1). P. 23–72.
2. *Lester S.* A Framework for Thinking about the ‘Discretion’ in the Mandatory / Discretionary Distinction // *Journal of International Economic Law*. 2011. Vol. 14(2). P. 369–402.

3. *Sykes A.O.* An Economic Perspective on As Such / Facial versus As Applied Challenges in the WTO and U.S. Constitutional Systems // *Journal of Legal Analysis* 2014. Vol. 6, iss. 1. P. 1–33.

4. *Bhuiyan Sh.* Mandatory and Discretionary Legislation: the Continued Relevance of the Distinction under the WTO // *Journal of International Economic Law*. 2002. Vol. 5(3). P. 571–604.

5. *Gohin A., Lever F., Forslund A.* The EUArgentinean trade dispute on biodiesel: an economic assessment // *German Journal of Agricultural Economics*. 2017. Vol. 66(1). P. 44–59.

6. *Lockhart N., Sheargold E.* In Search of Relevant Discretion: the Role of the Mandatory / Discretionary Distinction in WTO Law // *Journal of International Economic Law*. 2010. Vol. 13(2). P. 379–421.

Т.Б. Липатова

ПРИНЦИП ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: принципы гражданского судопроизводства выступают основными правилами осуществления правосудия по гражданским делам. Принцип обязательности судебных постановлений является одним из основополагающих. **Цель** — определить особенности проявления принципа обязательности судебных постановлений в зависимости от судебной инстанции (первой, апелляционной, кассационной и надзорной). **Методологическая основа:** диалектический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** в условиях существования нескольких судебных инстанций необходимо дифференцированно рассматривать принцип обязательности судебных постановлений в зависимости от субъектов, которым такие постановления адресованы. **Выводы:** существующая редакция ст. 13 ГПК РФ вступает в некое противоречие со ст. 390 ГПК РФ, так как не содержит указания на обязательность судебных постановлений, принятых в порядке пересмотра судебных актов, для нижестоящих судов, вновь рассматривающих дело. Для устранения указанного противоречия необходимо дополнить ст. 13 ГПК РФ предписанием о том, что указания кассационного суда общей юрисдикции, судебной коллегии Верховного Суда РФ, Президиума Верховного Суда РФ о толковании закона обязательны для судов, вновь рассматривающих дела.

Ключевые слова: судебная защита, гражданское судопроизводство, принцип обязательности судебных постановлений, независимость судей, пересмотр судебных постановлений.

T.B. Lipatova

PRINCIPLE OF BINDING JUDICIAL DECISIONS IN CIVIL PROCEEDINGS

Background: the principles of civil proceedings are the basic rules for the implementation of justice in civil cases. The principle of the binding nature of court judgements is one of the fundamental ones. **Objective** — to determine the features of the manifestation of the principle of binding judicial decisions depending on the judicial instance (first, appellate, cassation and supervisory). **Methodology:** dialectical method, formal legal and comparative legal methods. **Results:** in the context of the existence of several judicial instances, the principle of the binding nature of court rulings should be considered in a differentiated manner depending on the subjects to whom such rulings are addressed. **Conclusions:** the current wording of Article 13 of the Russian Federation Code of Civil Procedure is in conflict with Article 390 of the Russian Federation Code of Civil Procedure, as it does not contain an indication of the binding nature of court

© Липатова Татьяна Борисовна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ltb0707@mail.ru

© Lipatova Tatiana Borisovna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)

rulings adopted by way of revision of judicial acts for lower courts that are re-examining the case. In order to eliminate this contradiction it is necessary to supplement Article 13 of the Russian Federation Code of Civil Procedure with the prescription that the instructions of the cassation court of general jurisdiction, the judicial board of the Supreme Court of the Russian Federation, the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on the interpretation of the law shall be binding for the courts re-examining cases.

Keywords: *judicial protection, civil proceedings, the principle of binding judicial decisions, independence of judges, revision of judicial decisions.*

Принципы гражданского процессуального права являются основными руководящими началами отправления правосудия по гражданским делам судами общей юрисдикции. Принципы достаточно стабильны, несмотря на постоянное совершенствование гражданского процессуального законодательства, при этом развитие и усложнение общественных отношений обуславливает необходимость корректировки содержания отдельных из них.

Принцип обязательности судебных постановлений — основополагающий принцип гражданского судопроизводства, который обеспечивает нормальное функционирование судов общей юрисдикции и направлен на достижение общей цели гражданского судопроизводства, закрепленной в ст. 2 ГПК РФ. Несмотря на то, что ГПК РФ не закрепляет дефиницию данного принципа, его содержание можно определить из текста ч. 2 ст. 13 ГПК РФ, где установлено, что «вступившие в законную силу судебные постановления... являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации».

Принцип обязательности судебных постановлений определяется в науке гражданского процессуального права дифференцировано. Так, А.Ф. Клейнман связывал обязательность судебного постановления с законной силой, которая проявляется в юридическом действии судебного решения. А обязательность судебного решения автор рассматривал применительно ко всем органам государственной власти, должностным лицам, организациям и гражданам [1, с. 579, 581–582]. Несколько иной позиции придерживался Н.Б. Зейдер, выделяя обязательность как особое качество законной силы судебного решения, которое «определяется значением и силой примененного закона, истинностью установленных судом фактов и правоотношений, авторитетом суда, являющегося органом государственной власти, необходимостью обеспечения определенности, стабильности правопорядка в целом» [2, с. 113–114]. Из приведенных позиций можно сделать вывод, что общей характеристикой обязательности судебных постановлений выступает ее неразрывная связь с законной силой. Иными словами, говорить об обязательности судебных постановлений возможно только после того, как они вступили в законную силу. Отметим, что обязательность судебных постановлений ученые рассматривали применительно к конкретным субъектам спорного правоотношения, по результатам разрешения которого был принят судебный акт.

Полагаем, что в содержании принципа обязательности судебных постановлений необходимо разграничивать как виды судебных постановлений в зависимости от судебной инстанции, так и субъектов, которым такие постановления адресованы.

Все судебные постановления в рамках данного исследования необходимо делить на постановления суда, принятые в порядке первой инстанции, и постановления, принятые вышестоящими судебными инстанциями в рамках пересмотра гражданских дел (апелляционное, кассационное и надзорное производство). В зависимости от судебной инстанции, принявшей постановление, будет определяться и адресат, для которого такое постановление является обязательным и подлежит неукоснительному исполнению.

По результатам рассмотрения и разрешения дела по существу в первой инстанции суд принимает судебное решение. Судебный приказ и итоговые судебные определения (о прекращении производства по делу и оставлении заявления без рассмотрения) принимаются без разбирательства дела по существу. Все три вида указанных постановлений (решение, приказ и итоговое определение) имеют индивидуальный характер, так как адресованы конкретным участникам правоотношений и являются для них обязательными. В данном случае в качестве субъектов, обязанных исполнить судебные постановления, могут выступать органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации и граждане. Определенный перечень субъектов ограничивают субъективные пределы законной силы судебного акта, то есть она распространяется только на заинтересованных лиц.

В рамках апелляционного производства суд проверяет судебные постановления на соответствие требованиям законности и обоснованности. Суд апелляционной инстанции наделен рядом полномочий (ст. 328 ГПК РФ), среди которых необходимо выделить полномочия, в результате реализации которых постановления суда первой инстанции остаются в силе, и постановления, которыми отменяются акты нижестоящих судов и принимаются новые. Суд апелляционной инстанции лишен права отправлять дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поэтому определение, которое принимается по результатам пересмотра дела в апелляционном порядке, вступает в законную силу немедленно, является актом индивидуального применения и адресовано конкретным субъектам.

В кассационном производстве необходимо выделять две ступени пересмотра: в кассационном суде общей юрисдикции и в судебной коллегии Верховного Суда РФ. Кассационный суд общей юрисдикции, так же как и апелляционный суд, проверяет судебные постановления на соответствие требованиям законности и обоснованности (ч. 1 ст. 379.7 ГПК РФ). Судебная коллегия Верховного Суда РФ, осуществляя кассационный пересмотр, отменяет или изменяет судебные постановления при наличии существенных нарушений норм материального и (или) процессуального права (ст. 390.14 ГПК РФ). Несмотря на различные основания для отмены или изменения судебного постановления кассационным судом общей юрисдикции и судебной коллегией Верховного Суда РФ, их полномочия при осуществлении кассационного пересмотра совпадают. Для данного исследования интерес представляют два полномочия, а именно изменение или отмена постановления суда и принятие нового судебного постановления, а также отмена постановления нижестоящей инстанции и направление дела на новое рассмотрение (ст. 390, 390.15 ГПК РФ). В результате реализации первого полномочия суд кассационной инстанции принимает индивидуально направленное постановление, которое адресовано конкретным субъектам. В том случае, когда суд кассационной инстанции направляет дело на новое рассмотрение в нижестоящий суд, принимается судебный акт иного характера. Такой судебный акт содержит

два требования, адресованные нижестоящему суду: во-первых, рассмотреть дело заново, во-вторых, применить указания суда кассационной инстанции о толковании закона (ч. 4 ст. 390, ч. 3 ст. 390.15 ГПК РФ). Указания суда кассационной инстанции являются обязательными для суда, вновь рассматривающего дело.

Полномочия, аналогичные кассационной инстанции, осуществляет Президиум Верховного Суда РФ в рамках надзорного пересмотра, и в результате их реализации принимаются соответствующие постановления (ст. 391.12 ГПК РФ). В указанных случаях при отмене судебного акта и направлении дела на новое рассмотрение судом кассационной или надзорной инстанции судебное постановление адресовано только суду, который будет вновь рассматривать дело.

Относительно данных положений закона можно привести позицию И.М. Зайцева, который отмечал, что «указания даются судебными коллегиями тогда, когда они сами не могут исправить допущенные ошибки, но обязаны принять меры, обеспечивающие правильное отправление правосудия и наиболее полную защиту прав и охраняемых законом интересов» [3, с. 19]. Иными словами, направление дела на новое рассмотрение в суд нижестоящей инстанции выступает определенной гарантией получения судебной защиты нарушенного права или оспоренного интереса.

В данном случае обоснованно возникает вопрос о соотношении принципа обязательности судебных постановлений и принципа независимости судей. Независимость судей выступает конституционным принципом (ст. 120 Конституции РФ), который продублирован в ст. 8 ГПК РФ, где установлено, что при «осуществлении правосудия судьи подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону». Из буквального содержания указанного нормативного предписания следует, что единственным источником при осуществлении гражданского судопроизводства выступают нормативные акты, что и является гарантией независимости судей.

В науке гражданского процессуального права существуют неоднозначные мнения ученых относительно возможности/необходимости использования разъяснений порядка применения норм, которые даются вышестоящими судебными органами.

Интересной представляется позиция Н.А. Громошиной, которая указывает, что «трудно отрицать очевидное — внедренная в XXI в. в процессуальное законодательство конструкция единообразия в толковании и применении норм права идет вразрез с принципом независимости судей и подчинения их только закону» [4, с. 10–14], то есть в данном случае отвергается возможность использования актов толкования.

Схожей позиции придерживаются И.Н. Балашова и Н.А. Батурина, определяя, что «ГПК РФ придает указаниям суда кассационной инстанции обязательный характер, но их обязательность распространена только на конкретное дело, по которому они были сформулированы. Представляется, что такие указания суда кассационной инстанции предотвращают повторение возникновения судебных ошибок при новом рассмотрении гражданских дел и обеспечивают их правильное разрешение. Несмотря на вполне объяснимую цель, т.е. правильное единообразное толкование права, обязательность указаний суда кассационной инстанции противоречит принципу независимости судей, суть которого выражена в подчинении их только закону» [5, с. 144–150].

Несколько иного мнения придерживается Т.В. Соловьева, отмечая, что «в ГПК РФ содержится норма, устанавливающая возможность отмены судебного постановления, принятого в результате неправильного истолкования закона (п. 3 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ). Такая формулировка ст. 330 ГПК РФ указывает на необходимость реализации постановлений высших судебных органов, содержащих разъяснения норм законодательства» [6, с. 25–28]. То есть при отправлении правосудия судьи должны применять разъяснения, которые даются вышестоящими судебными инстанциями, в целях обеспечения единообразия судебной практики.

Полагаем, что рассматривая вопрос о соотношении принципов независимости судей и обязательности судебных постановлений, необходимо учитывать, что задачей существования института пересмотра судебных постановлений вышестоящими судами выступает проверка законности и обоснованности судебных постановлений в целях обеспечения конституционного права на судебную защиту, в связи с чем вряд ли можно говорить о противоречии принципа обязательности судебных постановлений (в части обязательности указаний вышестоящих судов, содержащих разъяснения законодательства) принципу независимости судей, так как в данном случае приоритетное значение отдается полноценной защите нарушенных прав заинтересованных субъектов.

Далее, независимость судей предполагает исключение какого-либо вмешательства судей вышестоящих инстанций в деятельность нижестоящих. Справедливо мнение И.Б. Михайловской, которая указывает: «Границы независимости судьи определяются не только степенью самостоятельности судебной власти, но и управленческими воздействиями, исходящими от самой судебной системы. Защитой от легальных управленческих воздействий на отправление правосудия служит запрет вышестоящему суду обязывать нижестоящего принимать то или иное решение по существу дела» [7, с. 56]. Данная позиция в полном объеме отражает существующие нормативно установленные пределы кассационного и надзорного пересмотра.

Так, законодатель четко определил границы воздействия деятельности вышестоящих инстанций на деятельность нижестоящих судов, установив пределы рассмотрения дел (ст. 379.6 ГПК РФ), ограничив их только доводами, которые содержатся в кассационных жалобе или представлении, а также закрепил правило, согласно которому суд кассационной инстанции не вправе вмешиваться в деятельность суда, вновь рассматривающего дело, относительно существа разрешаемых требований (ч. 3 ст. 390 ГПК РФ). Иными словами, такие разъяснения не должны затрагивать вопросы, подлежащие рассмотрению и разрешению в решении суда, в том числе о фактических обстоятельствах дела, не установленных или отвергнутых нижестоящими судебными инстанциями, а также вопросы, связанные с оценкой достоверности и достаточности доказательств и преимуществе одних доказательств перед другими.

Указанное свидетельствует о том, что принцип обязательности судебных постановлений не противоречит принципу независимости судей, а лишь несколько ограничивает его действие, в целях достижения цели гражданского судопроизводства, а также обеспечения единообразия судебной практики.

Анализ принципа обязательности судебных постановлений применительно к актам суда первой инстанции и вышестоящих судов, пересматривающих судебные постановления, свидетельствует о необходимости говорить о нем

с двух позиций, а именно: обязательности актов индивидуального характера и обязательности актов, содержащих разъяснения (толкование) о порядке применения норм материального и процессуального законодательства. К актам индивидуального характера необходимо относить постановления судов первой и апелляционной инстанции, а также постановления судов кассационной и надзорной инстанции, которыми акты нижестоящих судов оставлены в силе. К актам, содержащим разъяснения относительно порядка применения норм материального и процессуального права, стоит относить постановления судов кассационной и надзорной инстанции, которыми отменяются акты нижестоящих и дело направляется на новое рассмотрение. В данном случае постановление кассационной или надзорной инстанции прежде всего будет адресовано судам, вновь рассматривающим дело.

Таким образом, формулировка принципа обязательности судебных постановлений в том виде, в котором он закреплен сейчас в ст. 13 ГПК РФ, не отражает действительного его содержания, поскольку не определяет, что акты вышестоящих судебных инстанций, включающих разъяснения порядка применения норм законодательства, обязательны для нижестоящих судов, которые заново рассматривают дело. Кроме того, ст. 13 ГПК РФ вступает в некое противоречие со ст. 390 ГПК РФ, в которой определено, что указания о необходимости совершить процессуальные действия (вновь рассмотреть и разрешить заявленные требования в случае отмены решения суда нижестоящей инстанции) обязательны для суда, который будет вновь рассматривать данное дело.

В рамках существующей системы пересмотра судебных актов не корректной представляется формулировка ч. 4 ст. 390 ГПК РФ о том, что «указания вышестоящего суда о толковании закона являются обязательными для суда, вновь рассматривающего дело». Некорректность данного нормативного предписания заключается в том, что гражданское процессуальное законодательство предусматривает несколько видов вышестоящих судов, начиная от районных по отношению к мировым судьям и заканчивая Президиумом Верховного Суда РФ. Кроме того, суды апелляционной инстанции хоть и являются вышестоящими, но не имеют полномочия давать обязательные толкования закона. Учитывая, что ст. 390 ГПК РФ регулирует полномочия кассационного суда общей юрисдикции, то и в ч. 4 должно содержаться указание на кассационный суд общей юрисдикции по аналогии с ч. 3 ст. 390.15 и ч. 4 ст. 391.12 ГПК РФ, где закреплено, что обязательны именно указания судебной коллегии Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ соответственно.

Таким образом, принцип обязательности судебных постановлений необходимо толковать шире, чем это указано в ст. 13 ГПК РФ, включая в состав субъектов не только органы государственной власти, местного самоуправления, организации и граждан, но и суды нижестоящих инстанций, вновь рассматривающие дело, которое было предметом пересмотра вышестоящей судебной инстанцией. В связи с этим ст. 13 ГПК РФ нуждается в дополнении и должна включать в свое содержание предписание о том, что указания кассационного суда общей юрисдикции, судебной коллегии Верховного Суда РФ, Президиума Верховного Суда РФ о толковании закона являются обязательными для судов, вновь рассматривающих дела.

Библиографический список

1. *Клейнман А.Ф.* Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права // Гражданский процесс: хрестоматия / под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2005. 896 с.
2. *Зейдер Н.Б.* Судебное решение по гражданскому делу. М.: Юрид. лит., 1966. 190 с.
3. *Зайцев И.М.* Кассационные определения в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1965. 22 с.
4. *Громошина Н.А.* О независимости судей и новых основаниях пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 10. С. 10–14.
5. *Балашова И.Н., Батурина Н.А.* «Острые углы» кассационного производства в гражданском судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2017. № 4(31). С. 144–150.
6. *Соловьева Т.В.* Императивность реализации постановлений высших судебных органов в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 7. С. 25–28.
7. *Михайловская И.Б.* Суды и судьи: независимость и управляемость. М.: Проспект, 2010. 124 с.

References

1. *Kleinman A.F.* The Latest Trends in the Soviet Science of Civil Procedural Law // Civil procedure: textbook / ed. by M.K. Treushnikov. M.: Gorodets, 2005. 896 p.
2. *Zeider N.B.* Judgment in a Civil Case. M.: Yurid. lit., 1966. 190 p.
3. *Zaitsev I.M.* Cassation Definitions in the Soviet Civil Procedural Law: extended abstract of dis. ... cand. of law. Saratov, 1965. 22 p.
4. *Gromoshina N.A.* On the Independence of Judges and New Grounds for Reviewing Judicial Acts in newly discovered Circumstances // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2011. No. 10. P. 10–14.
5. *Balashova I.N., Baturina N.A.* “Sharp Corners” of Cassation Proceedings in Civil Proceedings // Bulletin of the Voronezh State University. Ser: Law. 2017. No. 4(31). P. 144–150.
6. *Solovyova T.V.* The Imperative of Implementing the Decisions of the Highest Judicial Authorities in Civil Proceedings // Arbitration and Civil Procedure. 2013. No. 7. P. 25–28.
7. *Mikhailovskaya I.B.* Courts and Judges: Independence and Governance. M.: Prospekt, 2010. 124 p.

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1. Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц — внизу по центру; поля — все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее количество страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.). Ссылки на нормативные правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору сохраняются. Файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»).

1.2. Каждая статья или другие материалы должна начинаться: а) индексом УДК; б) сведениями об авторе(ах): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны); в) названием; г) аннотацией (введение, цель, методологическая основа, результаты, выводы) объемом 100–150 слов (не должна повторять название и основное содержание текста); д) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

2. Оформление рисунков и таблиц: таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над таблицей с выравнением по центру (для рисунков — под рисунком с выравнением по центру). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

3. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

4. Рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с опубликованием рукописей, принимаются по тел. (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. В частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, им. Н.Г. Чернышевского ул., зд. 104, стр. 3

Тел.: (8452) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/show1.phtml?vestnik-arhiv>